
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

МЕЛОЧИ

ИЗЪ

ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ.

М. А. ДМИТРІЕВА.

Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора.

Изданіе Русскаго Архива.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1869.

См. на внутренней сторонѣ задней обер[illegible]ки

МЕЛОЧИ
ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ.

Dmitriev, Mikhail Aleksandrovich

МЕЛОЧИ

из

ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ.

М. А. ДМИТРІЕВА.

Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора.

Изданіе Русскаго Архива.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1869.

J'ai pris la plume pour écrire.
Sur qui est à propos de quoi?
Je l'ignore.

Chateaubriand.

Я знаю многое кое-что объ нашей литературѣ, или объ нашихъ литераторахъ, что̀ теперь или не извѣстно, или забыто. Когда мнѣ случалось упоминать въ разговорѣ что-нибудь изъ прежняго времени, многимъ казалось это новымъ. Я не признаю въ этомъ никакого достоинства, потому что обязанъ этимъ только моимъ лѣтамъ, только тому, что я живу дольше другихъ, что я старѣе молодыхъ словесниковъ: преимущество не важное! — Но, желая подѣлиться съ другими моею памятью, я рѣшился записать всѣ мелочи изъ ея запаса. Прошу и смотрѣть на это, какъ на мелочи, и не требовать отъ меня ни порядка, ни важныхъ свѣдѣній. Я и самъ еще не знаю, что̀ напишется, и съ чего начать. Однакожъ, начнемъ ab ovo: *Тредьяковскій.*

О Тредьяковскомъ я слыхалъ мало, и никого не встрѣчалъ, кто бы зналъ его лично. Онъ умеръ въ 1769 году, когда дядѣ моему (*) было только 9 лѣтъ: онъ не могъ знать его. Но я слышалъ отъ многихъ, знавшихъ современниковъ Тредьяковскаго, между прочимъ отъ Платона Петровича Бекетова, что все, что̀ объ немъ разсказываютъ, справедливо. Между прочимъ и то, что когда при торжественномъ случаѣ Тредьяковской подносилъ Императрицѣ Аннѣ свою оду, онъ долженъ былъ отъ самыхъ дверей залы до

(*) Ивану Ивановичу Дмитріеву.

трона ползти на колѣнахъ. Я думаю, хороша была картина! Судя по всѣмъ объ немъ разсказамъ, кажется, что Лажечниковъ, въ своемъ романѣ: *Ледяной домъ* изобразилъ его и его характеръ очень вѣрно.

Ледяной домъ былъ описанъ академикомъ Крафтомъ и напечатанъ съ приложеніемъ гравированнаго плана и фасада. Все производство постройки, вся внутренность дома и украшенія наружныя описаны подробно. У меня есть печатный экземпляръ этого описанія, нынѣ очень рѣдкаго.

Забавы Двора всегда замѣчательны: онѣ даютъ мѣру времени и мѣру просвѣщенія; а притомъ очень замѣчательно, что это производство описывалъ академикъ, профессоръ физики. Онъ же при Аннѣ Іоанновнѣ занимался астрологіею и составлялъ гороскопъ для Ивана Антоновича. Объ этомъ есть извѣстіе въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

Ломоносова видалъ мой дѣдъ въ Петербургѣ; но знакомъ съ нимъ не былъ. Ломоносовъ, какъ ученый, занятый дѣломъ, какъ человѣкъ серьезный, а притомъ не богатый и не дворянскаго рода, не принадлежалъ къ большому кругу, какъ Сумароковъ. Объ его характерѣ дѣдъ мой отзывался всегда съ уваженіемъ, и разсказывалъ о его безпрерывныхъ ссорахъ съ Сумароковымъ, оправдывая однако Ломоносова. Судя по его словамъ, Ломоносовъ былъ неподатливъ на знакомства, и не имѣлъ нисколько той живости, которою отличался Сумароковъ, и которою тѣмъ болѣе надоѣдалъ онъ Ломоносову, что тотъ былъ не скоръ на отвѣты. Ломоносовъ былъ на нихъ иногда довольно рѣзокъ, но эта рѣзкость сопровождалась грубостію; а Сумароковъ былъ дерзокъ, но остеръ: выигрышъ былъ на сторонѣ послѣдняго! Иногда, говорилъ мой дѣдъ, ихъ нарочно сводили и приглашали на обѣды, особенно тогдашніе вельможи, съ тѣмъ, чтобы стравить ихъ. Таковъ былъ вѣкъ!

Съ *Сумароковымъ* были знакомы, въ своей молодости, мой дѣдъ и моя бабка. Родной братъ ея — Никита Аѳанасьевичъ *Бекетовъ*, будучи еще кадетомъ, представлялъ на сценѣ Кадетскаго Корпуса Семиру Сумарокова и понравился Елизаветѣ. Нѣсколько времени онъ былъ ея любимцемъ. Потомъ дѣдъ мой, живучи въ Петербургѣ и служа въ гвардіи, былъ коротко знакомъ съ Орловыми: все это было еще при Елизаветѣ, прежде ихъ извѣстности. По этимъ связямъ и знакомствамъ ему часто случалось бывать вмѣстѣ съ Сумароковымъ. Судя по его словамъ, Сумароковъ очень любилъ блистать умомъ и говорить остроты, которыя нынче, вѣроятно, не казались бы остротами и любилъ умничать, что̀ тогда принималось за умъ, а нынѣ было бы очень скучно; напримѣръ, однажды за столомъ у моего дѣда подали кулебяку. Онъ, какъ будто не зная, спросилъ: «какъ называютъ этотъ пирогъ»?—»Кулебяка»!— «Кулебяка! повторилъ Сумароковъ: какое грубое названіе! а вѣдь вкусна! Вотъ такъ-то иной человѣкъ по наружности очень грубъ, а распознай его: найдешь, что пріятенъ!» Замѣчаніе очень обыкновенное, котораго дѣдъ мой однако не примѣнялъ къ Сумарокову!

Я сказалъ, что Н. А. Бекетовъ былъ любимцемъ Елизаветы. Это продолжалось очень не долго, и вотъ по какому случаю. Молодой человѣкъ, попавшій въ фавориты, съ небольшимъ двадцати лѣтъ отъ роду, немножко возгордился, началъ представлять изъ себя вельможу и принимать другихъ вельможъ и старыхъ придворныхъ въ шлафрокѣ. Между тѣмъ, надѣясь на красоту и молодость и будучи неопытенъ, онъ мало занимался своимъ туалетомъ. Опытные придворные стали оказывать ему усердіе, давать дружескіе совѣты о сохраненіи цвѣта лица и говорить, что на это есть разныя средства. Бекетовъ отвѣчалъ, что очень радъ бы употребить эти средства, но ихъ не знаетъ. Они вызвались доставить и достали ему

притиранье для сохраненія кожи, которымъ онъ только-что притерся, все лицо попрыщивѣло, такъ что ему нельзя уже было являться ко двору, и онъ по нездоровью долженъ былъ сидѣть дома. Елизавета очень заботилась, спрашивала; все говорятъ—не здоровъ. Она стала добиваться, что за болѣзнь? молчатъ и дѣлаютъ разныя ужимки, которыя показались ей подозрительны. Это самое заставило ее потребовать, чтобъ ей сказали всю правду. Ей объявили съ осторожностію такую болѣзнь, какой у него совсѣмъ не было.... Она никогда не забывала его, обогатила и дала ему земли и деревни близъ Царицына, въ Астраханской губерніи. Тамъ была у него великолѣпная деревня *Отрада*, съ виноградными садами, мраморными водоемами, роскошной мельницей, въ которой не было на малѣйшаго стука, ни малѣйшей пыли, и стояли краснаго дерева ломберные столы для игры въ карты; наконецъ ему же принадлежали богатыя рыбныя ловли на Волгѣ, отъ которыхъ произошла Бекетовская икра, нѣкогда знаменитая. При Екатеринѣ онъ былъ Астраханскимъ губернаторомъ и много содѣйствовалъ къ устройству тамошняго края. Между прочимъ при немъ заведена и устроена знаменитая колонія Гернгутеровъ, или Моравскихъ братьевъ, подъ названіемъ *Сарепта*. Онъ былъ пріятный стихотворецъ и написалъ много нѣжныхъ пѣсенъ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ ввѣреннаго ему края, любимъ и уважаемъ и родными и чужими. Умеръ 1794 года. Племянникъ его И. И Дмитріевъ написалъ къ его портрету извѣстную надпись, которая заключаетъ въ себѣ самую правду:

Воспитанникъ любви и счастія богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащалъ, а самъ, какъ стоикъ, жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни!

Никита Аѳанасьевичъ, командовавшій полкомъ, на Цорндорфскомъ сраженіи, былъ взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ гр.

Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, и содержался въ Кистринѣ; объ этомъ была сложена пѣсня, которая долго пѣлась въ народѣ и была помѣщена въ Пѣсенникѣ Чулкова. Я помню изъ нея нѣсколько стиховъ:

Какъ возговоритъ Прусской Король:
Ой ты гой еси Россійской Графъ,
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ,
Со своимъ ли сотоварищемъ,
Со Никитой Аѳонасьичемъ
По фамиліи Бекетовымъ!
Послужите мнѣ службу вѣрную,
Какъ служили вы Монархинѣ!
Какъ возговоритъ Россійской Графъ,
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:
Послужу я тебѣ службу вѣрную,
Что своей ли саблей острою,
На твою ли шею толстую!

Сестра его Катерина Аѳанасьевна *Бекетова* вышла замужъ за моего дѣда вотъ по какому случаю. Во время придворной жизни ея брата, ее хотѣли взять ко Двору: она была еще очень молода, лѣтъ шестнадцати, и красавица!— Отцу очень этого не хотѣлось: онъ боялся придворныхъ нравовъ. Вскорѣ присватался къ ней мой дѣдъ: ей было уже 17 лѣтъ, а ему 18. Отецъ и радъ былъ этому случаю отдать дочь за хорошаго человѣка и богатаго дворянина хорошей фамиліи, чтобы только отклонить ея принятіе ко Двору.

Отецъ ея, Аѳанасій Алексѣевичъ *Бекетовъ*, служилъ гдѣ-то воеводой. При Екатеринѣ вышелъ онъ въ отставку и пріѣзжалъ въ Петербургъ поблагодарить государыню. Она его спросила: «А много ли ты, Аѳанасій Алексѣевичъ, нажилъ на воеводствѣ»? — «Да что, матушка Ваше Величество! нажилъ дочери приданое хорошее: и парчевыя платья,

и шубы; все какъ слѣдуетъ!» — «Только и нажилъ?» — «Только, матушка! И то слава Богу!» — «Ну, добрый ты человѣкъ, Аѳанасій Алексѣевичъ! Спасибо тебѣ!» Тѣмъ и кончилась аудіенція. — Какая простота тогдашняго времени! Надобно замѣтить, что тогда отправляли на воеводство — покормиться. Это былъ употребительный терминъ, такъ что даже просились у государей на воеводство покормиться. Нынче не просятся.

У меня есть приданая роспись моей бабки. Какъ любопытно въ ней видѣть, какія платья и другіе предметы входили тогда въ приданое. А между тѣмъ, при этомъ роскошномъ приданомъ, дано всего двѣ тысячи рублей на *покупку имѣнія*. Слѣдовательно каковы были цѣны! Должно думать, что это приданое, истинно великолѣпное, не стоило и двухъ тысячъ. Я обязанъ этимъ документомъ г. профессору Капитону Ивановичу Невоструеву, который отыскалъ ее въ старинной крѣпостной книгѣ одного архива.

Кстати о старинѣ, и о той, которая современна уже мнѣ, и о прежней.—Такъ какъ я записываю все, что̀ мнѣ приходитъ на память, безъ всякаго плана, то позволяю себѣ всякія отступленія.

Нельзя и вообразить разницы между тѣмъ, что̀ теперь въ Россіи и что̀ было лѣтъ за 60, за 70 и далѣе. Лучшее въ старину было то, что образъ жизни былъ простѣе, (но эта простота была бы намъ совершеннымъ неудобствомъ и лишеніемъ) что люди были радушнѣе, и жизнь была дешевле. Мотовство было частное, но не было общаго, т. е. роскоши. Воспитаніе дѣтей почти ничего не стоило; впрочемъ не многому и учились, — объ этомъ скажу послѣ. Лучше было еще то, что, до разрыва съ Англіей и приступленія нашего къ континентальной системѣ, сбытъ хлѣба былъ вѣрнѣе и надежнѣе. Быстрыхъ перемѣнъ во внутренней администраціи, въ самую старину, тоже не бы-

ло: все шло привычнымъ образомъ, и все это служило тоже къ спокойствію жизни. Земская полиція была слаба и не имѣла тѣхъ средствъ, какія она имѣетъ нынче. Отъ этого происходило и добро и худо. Сама она, правда, меньше нынѣшняго безпокоила жителей; но за то въ обыкновенный порядокъ вещей входило и то, къ чему, кажется, нельзя и привыкнуть. Напримѣръ, это было дѣло очень обыкновенное, что съ наступленіемъ каждаго лѣта, когда лѣса были уже одѣты густою зеленью, появлялись разбойники: я это помню, гдѣ по разсказамъ, а гдѣ и самъ. Вотъ нѣкоторые примѣры.

Въ самый тотъ день, когда мнѣ минулъ годъ, 23 Мая 1797, дошло извѣстіе до моего дѣда, что будутъ къ нему разбойники. — Спросятъ: какъ же дошло такое извѣстіе?— Всегда доходило; иногда отъ одного къ другому, теряясь въ первоначальномъ источникѣ; а иногда давали знать и сами разбойники, чтобы хозяинъ ждалъ ихъ. Дѣдъ мой всегда былъ наготовѣ: каждый годъ, съ наступленіемъ весны, въ деревенскомъ его домѣ, на стѣнахъ залы и передней, развѣшивались ружья, сумы съ зарядами, сабли и дротики, съ кольцами и на крѣпкихъ бичевкахъ; а по обѣимъ сторонамъ широкаго передняго крыльца вколачивались сошки съ перекладинами, и на нихъ раскладывались копья и рогатины. И такъ, врасплохъ застать его было невозможно! Такъ и въ этомъ случаѣ. При первомъ извѣстіи о приближеніи разбойниковъ, ударили въ набатъ; крестьяне, бывшіе въ полѣ, прискакали на господскій дворъ; дворовые всѣ вооружились. Дѣдъ мой надѣлъ на себя кортикъ, который я помню, съ зеленой костяной ручкой, на бархатной портупеѣ; велѣлъ отворить ворота и ждалъ разбойниковъ на крыльцѣ.

Между тѣмъ моя бабушка, мать и тетки переодѣлись въ платья дворовыхъ женщинъ, чтобы не быть узнанными, и вмѣстѣ съ нами малолѣтными, попрятались въ саду и въ другихъ мѣстахъ.

На этотъ разъ обошлось однако благополучно. Разбойники, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, вооруженные съ ногъ до головы, подъѣхали верхами къ околицѣ, подозвали караульщика и сказали ему: «Поди, скажи Ивану Гавриловичу, что мы не испугались бы его набату, да у насъ лошади пріустали».—Послѣ этого они, въ виду всѣхъ, объѣхали около деревни, подъ горою, и отправились далѣе.— Но въ тотъ же день получено извѣстіе, что они ограбили подъ Сызраномъ мельницу и сожгли ее.

Однажды — я помню — день былъ прекрасный; бабушка моя сидѣла въ гостиной подъ открытымъ окномъ, а дѣдъ мой былъ на гумнѣ. Оба они увидѣли изъ-за лѣсу дымъ, и каждый послалъ человѣка верхомъ, узнать, что̀ горитъ. Одинъ изъ посланныхъ не нашелъ ничего и возвратился; а другой не возвращался. Вечеромъ уже бабушка видитъ изъ окошка, что къ ней идетъ по двору посторонній мужикъ, въ одной рубашкѣ, безъ шапки и босикомъ. Вотъ какое принесъ онъ извѣстіе. Онъ красильщикъ и ѣхалъ съ холстами, крашениной и деньгами, собранными по деревнямъ, за работу. Онъ съ своей телѣгой, а нашъ посланный верхомъ—оба наткнулись на разбойниковъ. Они ихъ ограбили, раздѣли до рубашки, отняли лошадей и привязали ихъ къ двумъ деревьямъ. По счастію у красильщика былъ за пазухой складной ножъ. Онъ досталъ его какъ-то зубами изъ-подъ во̀рота рубашки и ухитрился разрѣзать свои путы; а потомъ освободилъ и товарища, который тоже воротился домой.—Немедленно отправлено было въ тотъ лѣсъ человѣкъ двадцать вооруженныхъ дворовыхъ людей, верхами, отыскивать разбойниковъ, по указанію ихъ плѣнниковъ; но ихъ не нашли. Это доказываетъ однако, что при всемъ страхѣ ихъ нападеній, не боялись боя съ ними.

Но одно происшествіе и напугало насъ, и насмѣшило. Пріѣхалъ къ намъ изъ города засѣдатель Алакаевъ, посланный съ тѣмъ, чтобы набрать мужиковъ и ловить разбойниковъ. Отобѣдавши у насъ, онъ отправился набирать войско. Вдругъ видимъ мы вечеромъ, что съ горы, прямо на наше село, скачетъ множество людей, съ крикомъ—всѣ верхами. Мы думали, что это разбойники. Но оказалось, что это засѣдатель, который, за нашей горою, въ Чувашской деревнѣ Малячкинѣ, набирая войско, напился пьянъ, напоилъ Чувашъ для куражу, и скачетъ съ своимъ отрядомъ куда глаза глядятъ, ловить разбойниковъ! — Почему онъ, вмѣсто лѣсу, поворотилъ въ нашу деревню? Я думаю, онъ и самъ не зналъ этого! — Послѣ страха, много было хохоту!

Однако иногда было не до смѣху. За нѣсколько лѣтъ до того, въ другой деревнѣ моего дѣда, за Волгой, на Буянѣ, разбойники напали на домъ старосты, выпытывали отъ него денегъ, сѣкли и жгли на маломъ огнѣ, а потомъ зажгли его домъ.

Въ самую же старину бывало и то, что шайка остановится близь города, а атаманъ, вооруженный, идетъ одинъ въ городъ и грабитъ лавки. Гарнизонные солдаты были старые, увѣчные, дряхлые, безъ ружей; воеводы были тоже старики, отпущенные на воеводство только покормиться: защиты не было; а народъ былъ увѣренъ, что разбойники заговариваютъ ружья, чтобъ они не давали выстрѣла!—Таково было время беззащитности, простоты и предразсудковъ.

Впрочемъ, въ домашней жизни, встарину, жили мирно и безъ всякаго безпокойства; это продолжалось до самаго межеванья. Но съ этой поры (хотя всѣ благоразумные лю-

ди признавали пользу межеванія) деревенское спокойствіе возмутилось. Споры о землѣ произвели ссоры между сосѣдями; наплывъ землемѣровъ и другихъ чиновниковъ, людей голыхъ и голодныхъ, усилилъ вообще взятки, всегдашнюю болѣзнь Россіи; новыя тяжбы подали и судамъ новый случай къ лихоимству. Суды и чиновники сдѣлались нужны и страшны; корыстное чувство, не имѣвшее прежде случаю къ придиркѣ, пробудилось; всѣ были въ безпрестанномъ безпокойствѣ, начались раздоры, и вражда переходила къ дѣтямъ и внучатамъ.

Ссоры бывали и прежде, но не надолго, безъ послѣдствій, и кончались полюбовно между собою. Какой нибудь помѣщикъ запашетъ у другаго землю, а тотъ въ отмщеніе наѣдетъ съ собаками, и потопчетъ, или потравитъ лошадьми его хлѣбъ. — Иногда выѣзжали одинъ на другаго и съ цѣлой толпой дворовыхъ людей верхами; доходило и до общей драки, но рѣдко до суда. Мирились на первой попойкѣ. Съ новымъ устройствомъ земской полиціи, по открытіи губерній, нельзя уже было управляться силою. Начались и по этимъ личнымъ обидамъ помѣщиковъ тяжбы нескончаемыя и постоянный кормъ судьямъ. — Такъ худое приноситъ съ собою и доброе; а въ добромъ бываетъ и худое. Вообще же добромъ можно называть то, что̀ согласно съ требованіемъ времени и съ тою степенью, на которой стоитъ человѣческое общество.

Я говорилъ, что встарину не было роскоши; но жили барственнѣе нынѣшняго.

Дѣдъ мой, когда еще служилъ въ гвардіи, при императрицѣ Елисаветѣ, вотъ какъ *выѣзжалъ* на караулъ, будучи, кажется, еще подпоручикомъ. Да! не ходилъ, а ѣзжалъ въ каретѣ. Подъ мундиромъ былъ у него парчевой камзолъ; а на ефесѣ шпаги, вмѣсто темляка, цвѣтныя ленты, съ бантомъ. Лакей же, стоявшій за каретою, имѣлъ на го-

ловѣ гренадерскую шапку своего господина, и держалъ въ рукѣ его ружье; ибо гвардейскіе офицеры, и при Екатеринѣ, имѣли легонькое ружье.

Живучи потомъ въ отставкѣ, въ деревнѣ, когда онъ отправлялся въ уѣздный городъ, за 27 верстъ отъ своего села, около кареты ѣхали гусары. Я еще помню въ кладовой гусарскій мундиръ съ желтыми шнурами и венгерскія шапки съ длинною лопастью, которая навивалась на тулью и распускалась по вѣтру во время похода. Началось же это содержаніе конвоя, вѣроятно, въ самую старину, какъ остатокъ того времени, когда помѣщики обязывались отправлять службу вмѣстѣ съ своими людьми. Прапрадѣдъ мой нерѣдко долженъ былъ, вооружа положенное число людей, ходить въ походъ въ Оренбургскую сторону противъ Башкирцовъ. Плѣнные поступали въ крѣпостные холопы помѣщиковъ. Я зналъ еще одного Башкирца Филиппа Ильича, который былъ у моего дѣда приказчикомъ: онъ былъ взятъ въ плѣнъ, будучи еще мальчикомъ.

О деревенской жизни, встарину, въ захолустьѣ нельзя судить по нынѣшнему. Для насъ она была бы тошнѣе нынѣшней; но они привыкли: это была ихъ натура. Мы любимъ общество образованное, котораго и нынче тамъ не находишь; мы любимъ картины природы: тогда о нихъ не имѣли понятія. — Мудрено ли, что Сумароковъ и его послѣдователи описывали въ своихъ эклогахъ выдуманные нравы и выдуманную природу, и то и другое не наши? — Нравы были совсѣмъ не поэтическіе и не изящные; а природы вовсе не было! — Какъ не было? — Не было, потому что природа существуетъ только для того, кто умѣетъ ее видѣть, а умѣетъ душа просвѣщенная! — Природа была для тогдашняго помѣщика тоже, что̀ она теперь для мужика и купца. — А какъ они смотрятъ на природу? — Му-

жикъ видитъ въ великолѣпномъ лѣсѣ — бревна и дрова; въ бархатныхъ лугахъ, *эмальированныхъ* цвѣтами — сѣнокосъ; въ прохладной тѣни развѣсистыхъ деревъ — что хорошо бы тутъ положить подъ голову полушубокъ и соснуть, да комары мѣшаютъ. — А купецъ видитъ въ лѣсу, шумящемъ столѣтними вершинами — барошныя доски, или самоваръ и круглый пирогъ съ жирной начинкой, необходимыя принадлежности его загороднаго наслажденія; въ *сребристомъ источникѣ, гармонически журчащемъ по златовидному песку* — что хорошо бы его запрудить плотиной, набросавши побольше хворосту да навозу, да поставить тутъ мельницу и получать бы пользу. — Послѣ этого есть ли для нихъ природа? Потому-то и Сумароковъ населялъ свои эклоги сомнительными существами пастушковъ и пастушекъ, что нечего было взять изъ сельской существенности; потому-то и для нашихъ старинныхъ помѣщиковъ — природы совсѣмъ не было.

Посмотрите на наши старинныя пѣсни. Въ нихъ найдете вы иногда — кого нибудь *во чистомъ полѣ;* иногда *рябинушку кудрявую*; иногда *цвѣтики лазоревые*; но все одни части природы, несовокупленныя вмѣстѣ, и тѣ только по отношенію къ лицу. А найдете ли вы гдѣ нибудь полную картину, взятую изъ природы? — нигдѣ.

Чѣмъ же наслаждались наши предки? — Успѣхами хозяйства и пирушками! Наслаждались замолотомъ, умолотомъ, сѣнокосомъ, собаками въ отъѣзжемъ полѣ, попойками, пѣснями дворовыхъ пѣсенниковъ; а втайнѣ и дщерями природы, закопчеными солнцемъ и прокопчеными дымомъ. Наслаждались не картинными видами садовъ, а ихъ яблоками и грушами, смородиной и крыжовникомъ; необозримыми бахчами дынь и арбузовъ, и соленьемъ впрокъ. Нужды нѣтъ! По своему, они все-таки наслаждались. — Наслажде-

ніе не въ вещахъ, а въ насъ самихъ, въ томъ понятіи, какое объ нихъ имѣемъ, въ томъ чувствѣ, которое они въ насъ производятъ.

Пиры стоили не дорого: все было домашнее и приготовлялось почти au naturel. Было бы впору сварено и изжарено; а приправъ и искусства не спрашивали! — Домашняя ветчина, говядина, куры, утки, индѣйки, жирные гуси, капуста, морковь, масло — все это не покупалось. Рыба была, въ приволжскихъ губерніяхъ, почти ни почемъ. А о приправахъ, о пряностяхъ, даже о салатѣ, не только о трюфеляхъ — и не слыхивали; но были сыты и безъ нихъ. — Ставили на столъ и вины; но какіе вины! — А болѣе подавали наливки. — Жили, по тогдашнему, хорошо; по нынѣшнему, даже въ отдаленныхъ деревняхъ, нельзя и подумать такъ угостить сосѣдей, какъ тогда угощали.

Не лишнее сказать нѣчто и о воспитаніи дворянъ стараго времени. Учились читать и писать; въ ученьѣ ограничивались этимъ. Но и то еще одни люди богатые и избранные. Бѣдные дворяне ничему не учились; привыкали только къ хозяйству. Барыни и дѣвицы были почти всѣ безграмотныя. Мать первой супруги нашего поэта, князя Ив. Мих. Долгорукаго (онъ самъ говоритъ это въ своихъ Запискахъ) не умѣла ни читать, ни писать. Въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ въ деревнѣ Ивашевкѣ было много дворянъ и дворянокъ, и во всей деревнѣ былъ только одинъ грамотникъ, дворовой человѣкъ одной изъ барынь, *Ѳадька*, который писалъ за всѣхъ письма къ мужьямъ и родственникамъ, когда они были въ отлучкѣ — Собственно о воспитаніи едвали было какое понятіе, потому что и слово это принимали въ другомъ смыслѣ. Одна изъ этихъ барынь говаривала: «могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: одного меду не впроѣдъ было!» т. е. сколько ни ѣшь, всего не съѣшь. Это было исключительнымъ явленіемъ, что мой дѣдъ говорилъ по нѣмецки

и понималъ по французски, и что моя бабка умѣла писать, и читала книги. — И въ этомъ-то народѣ, при этомъ просвѣщеніи, явились Ломоносовъ и Сумароковъ, явилась литература! — И послѣ этого говорятъ, что не бываетъ чудесъ! У насъ — все вдругъ, и все чудо: не надобно только мѣшать нашимъ закоренѣлымъ упрямствомъ, которое есть-таки въ характерѣ нашего покорнаго народа. Онъ покоренъ власти, а не нравственному или умственному убѣжденію! Тутъ онъ упрется, и его не своротишь.

Въ царствованіе Екатерины, съ учрежденіемъ Народныхъ Училищъ (1786) грамотность начала распространяться нѣсколько болѣе; а съ умноженіемъ типографій, когда стараніемъ Новикова число книгъ значительно прибавилось, явились между дворянами порядочнаго состоянія и охотники до чтенія. Дамы начали читать романы. — Но все это мало прибавляло свѣдѣній. — Учиться основательно и узнавать положительные предметы, нужные для просвѣщенія, начали мы собственно только съ указа 1809 года, 6 Августа, и обязаны этимъ Императору Александру.

Но въ началѣ его царствованія, до этого указа, какъ и чему учили? — Во первыхъ по французски; потомъ (предметъ необходимый) миѳологіи; наконецъ un peu d'histoire et de géographie — все на французскомъ же языкѣ. Подъ исторіей разумѣлась только древняя; а о средней и новѣйшей и помину не было. — Русской грамматикѣ и Закону Божію совсѣмъ не учили, потому что для этихъ двухъ предметовъ не было учителей. Домашніе учители грамматики не знали; а сельскіе священники, происходя постепенно изъ дьячковъ, знали только практику церковной службы, по навыку, а катихизиса и сами не знали. — Такъ учили и меня, пока я не вступилъ въ Университетскій благородный пансіонъ. Можно себѣ представить, какъ трудно было привыкать къ основательному ученію,

и къ множеству предметовъ, о которыхъ и не слыхивалъ!— Благодѣтельный указъ Александра все передѣлалъ; но и ему покорились немногіе. Одни изъ дворянъ были не въ состояніи отправлять дѣтей въ Москву; другіе пугались премудрости и такому множеству наукъ, не почитая ихъ для одной головы возможными; а большею частію и не хотѣли воспользоваться, утѣшаясь однимъ всеобщимъ ропотомъ на невозможность достичь ассесорства! — Труднѣе было намъ, чѣмъ нашимъ дѣтямъ, пріобрѣтать основательныя познанія. — Напримѣръ, о латинскомъ языкѣ было такое понятіе (впрочемъ тоже и нынче въ провинціяхъ) что онъ нуженъ только для лекарей и семинаристовъ. Какъ всѣ удивились, что по этому указу требуется для дворянскихъ дѣтей знаніе языка латинскаго! Самое слово: студентъ, звучало чѣмъ-то не дворянскимъ!—Будемъ благодарны правительству и его принудительнымъ мѣрамъ: безъ нихъ мы никогда бы не образовались.

Въ самую старину только и было одно мѣсто, выпускавшее молодыхъ дворянъ образованными: это кадетскій корпусъ, гдѣ учился и Сумароковъ.

Возвращаюсь къ Сумарокову. Нигдѣ такъ хорошо не изображенъ его характеръ, какъ въ біографіи его, напечатанной чрезъ три мѣсяца послѣ его кончины, въ Санктъ-Петербургскомъ Вѣстникѣ, подъ заглавіемъ: «Сокращенная повѣсть о жизни и писаніяхъ господина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Св. Анны Кавалера Александра Петровича Сумарокова»!—Вотъ что тамъ сказано: «Что касается до свойствъ его души, то кажется, онъ былъ весь-«ма добраго сердца; но безмѣрная чувствительность, каче-«ство нужное стихотворцу, которое однакожъ должно обуз-«дывать благоразуміе, была виною сего крутаго и горяча-«го нрава, который всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ союзы, а «больше его самаго, терзалъ. Склоненъ, сколько благодѣ-

«тельствовать, столько и мстить, не могъ никогда позабыть «ни одолженій, ни обидъ, ему учиненныхъ. Притворства и «коварствъ ненавидя, былъ друзьямъ вѣрный другъ и не «умѣлъ сокрывать злобы противу враждующихъ ему. Не«терпѣливъ въ желаніяхъ и нѣсколько въ оныхъ безмѣ«ренъ; малѣйшее препятствіе, смертельно огорчая его, пред«ставляло ему часто самое ничто великимъ злоключеніемъ. «Славенъ, осыпанъ благодѣяніями монаршими, могъ бы онъ «быть блаженъ, если бы умѣлъ. Гнушаясь всякой низости «души, былъ онъ снисходителенъ къ учтивымъ, но гордъ «противу гордыхъ. Имѣлъ онъ высокое мнѣніе о званіи и «достоинствѣ прямаго стихотворца; и для того не могъ съ «терпѣніемъ видѣть, что сія благородная наука, въ кото«рой упражнялись Гомеры, Софоклы, Мароны, Вольтеры, (*), «и прочіе великіе люди, почитаемые отъ вѣка всѣми на«родами, была оскверняема руками людей, не имущихъ ни «ума ни сердца!»

Вотъ какъ говорится тамъ о послѣднемъ времени его жизни и о его невоздержности: «Послѣднее время жизни сво«ей проводилъ онъ почти въ не дѣйствіи. Неумѣренность «его (прости мнѣ о тѣнь, любезная Музамъ, мое чистосер«дечіе, ты, который столько истины вмѣщалъ въ своихъ «стихахъ для наставленія человѣковъ! Позволь вѣщающе«му о тебѣ быть тебя достойнымъ, и неумолчаніемъ при«скорбной истины засвидѣтельствовать свѣту нелицемѣріе «похвалъ принесенныхъ мною твоимъ достоинствамъ и ве«ликимъ дарованіямъ!) невоздержность его была вящею «причиною его болѣзни, снѣдавшей его медлительно, и на«конецъ преждевременной его смерти, приключившейся 1 «Октября 1777 года». (А это все напечатано въ генварѣ 1778. Стр. 39).

Дядя мой помнилъ Сумарокова. Подъ конецъ своей жизни Сумароковъ жилъ въ Москвѣ, въ Кудринѣ, на нынѣш-

(*) Волтеръ непремѣнно тутъ! О вѣкъ!

ней площади. Дядя мой былъ 17 лѣтъ, когда онъ умеръ. Сумароковъ уже былъ преданъ пьянству безъ всякой осторожности. Не рѣдко видалъ мой дядя, какъ онъ отправлялся пѣшкомъ въ кабакъ чрезъ Кудринскую площадь, въ бѣломъ шлафрокѣ, а по камзолу, черезъ плечо, Анненская лента. Онъ женатъ былъ на какой-то своей кухаркѣ, и почти ни съ кѣмъ не былъ уже знакомъ.

Есть люди, которые могутъ дѣлать все безнаказанно; это вопервыхъ тѣ, для которыхъ нѣтъ общественнаго мнѣнія; во-вторыхъ тѣ, для которыхъ нѣтъ потомства. Но стихотворецъ, самый плохой, не уйдетъ отъ его суда. Если онъ только печаталъ, то вспомнится его имя, а имя напомнитъ, чтѐ онъ былъ. Даже о Тредьяковскомъ, а въ наше время о графѣ Хвостовѣ, писали и печатали; а кто напишетъ и чтó написать о худомъ губернаторѣ? Да и не позволятъ! Отъ того-то стихотворцы, вообще взятые, лучше другихъ людей; они у всѣхъ на виду, на нихъ есть судъ современниковъ, для нихъ есть потомство! — Они и потому лучше, что истинная поэзія требуетъ благороднаго сердца; а требуетъ ли его математика?—Математикъ можетъ быть порочнымъ, невѣрующимъ, и все оставаться хорошимъ математикомъ; а въ поэтѣ — вмѣстѣ съ низкимъ порокомъ упадаетъ его дарованіе.

Богдановича видалъ мой дядя у Державина и въ другихъ Петербургскихъ обществахъ. Онъ былъ чрезвычайно скроменъ и молчаливъ. Являлся на вечера, всегда очень опрятно и хорошо одѣтый, въ французскомъ кафтанѣ, щеголевато напудренный, съ кошелькомъ, съ плоской тафтяной шляпой подъ мышкой. Говорилъ осторожно и разыгрывалъ дипломата: онъ тогда служилъ въ Иностранной Коллегіи. Предметомъ его разговора было всегда нѣсколько словъ о политическихъ новостяхъ, всѣмъ извѣстныхъ. Вообще, какъ человѣкъ, желавшій казаться свѣтскимъ, онъ

не останавливался долго на одномъ предметѣ разговора, не вдавался въ разсужденія, не объявлялъ своего мнѣнія, ни на чемъ не настаивалъ, а скользилъ по предметамъ. О его скромной наружности и молчаливости, то же самое разсказывалъ кн. Дм. Владиміровичъ Голицынъ, на одномъ изъ своихъ литературныхъ четверговъ. Богдановичъ, кажется, не думалъ быть авторомъ: написалъ Душеньку для собственной своей забавы и напечаталъ по убѣжденію пріятеля; на поприще писателя вызвалъ его успѣхъ Душеньки. Но послѣ ея ничто уже не далось ему, кромѣ перевода маленькой поэмы Вольтера на разрушеніе Лиссабона; этотъ переводъ теперь тяжелъ, но тогда былъ хорошъ, потому что всѣ писали такими стихами. Авторство Богдановича много поддерживала княгиня Дашкова. Но Душенька доставила ему сама собою повсемѣстную славу: ее читала вся Россія.

По смерти Богдановича, Карамзинъ, написавшій столь прекрасный разборъ Душеньки, предложилъ, въ Вѣстникѣ Европы (1803, Ч. 7, Февр. № 2, стр. 226) Русскимъ авторамъ, въ родѣ конкурса, написать эпитафію Богдановича. Эпитафіи посылались въ Вѣстникъ Европы. Были хорошія, были и посредственныя, были и очень фигурныя. Почти во всѣхъ упоминались Амуръ и Душенька. Что-бы положить конецъ этому конкурсу, Ив. Ив. Дмитріевъ напечаталъ въ Вѣстникѣ эпиграму, подъ названіемъ Эпитафія эпитафіямъ, послѣ которой онѣ и прекратились. Вотъ она:

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами:
Поутру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами!

Плат. Петр. Бекетовъ забывалъ часто фамилію Карновича и мѣшалъ ее съ фамиліей Богдановича. По этому-то

случаю написалъ къ нему Ив. Ив. Дмитріевъ шутливые стихи, которые напечатаны въ его сочиненіяхъ, подъ названіемъ «Къ пріятелю»:

Два разныя, мой другъ, прозванья, ты мѣшаешь
Людей, которые не сходствуютъ ни въ чемъ;
И такъ, когда ты ихъ не знаешь,
То я тебѣ скажу о томъ и о другомъ.
Одинъ пріятный былъ писатель.
Другой едва ли и читатель;
Одинъ стихи, другой лишь векселя писалъ;
Тотъ въ Пáнову свирѣль, а этотъ въ банкъ игралъ.

Лучшее изданіе сочиненій Богдановича—это изданіе Бекетова, напечатанное въ его же типографіи. Никто не издавалъ у насъ книгъ съ такимъ тщаніемъ; онъ присовокупилъ къ нему всѣ варіанты автора, сличивъ разныя изданія, чего у насъ никогда не дѣлается. Въ 1811 году онъ напечаталъ маленькое прекрасное изданіе Душеньки на веленевой бумагѣ, которое до выпуска въ продажу почти все погибло во время нашествія Французовъ: осталось только одинадцать экземпляровъ, изъ которыхъ у меня три. Худшее изданіе сочиненій Богдановича—это, безсомнѣнно, Смирдинское 1848 года, который перепортилъ текстъ во всѣхъ нашихъ авторахъ. У Ломоносова, Карамзина, Капниста, Лермонтова, словомъ у всѣхъ, гдѣ не достаетъ стиховъ, гдѣ они переломаны, гдѣ переставлены съ мѣста на мѣсто; даже у Карамзина одинъ стихъ изъ 37-го куплета попалъ впередъ въ 12-й. Тамъ вышло 7 стиховъ, а тутъ 9. Такія изданія—стыдъ нашихъ типографій.

Петрова дядя мой не зналъ лично и, живучи въ одно время съ нимъ въ Петербургѣ, ни разу съ нимъ не встрѣчался. Но онъ очень уважалъ его живописныя оды, его посланія, богатыя мыслями, его силу ума и воображенія, не смотря на жесткость его слога. Многое въ языкѣ Пет-

рова было упрямствомъ, напр. *морь* —вмѣсто *морей* и проч. Онъ зналъ хорошо и русскій языкъ и славянскій; зналъ основательно латинскій; въ Англіи научился англійскому, нѣмецкому и французскому. Въ одахъ онъ достоинъ стоять между Ломоносова и Державина. Его переводъ Энеиды забытъ отчасти по старинному языку, а болѣе потому, что у насъ все забывается. Но онъ вѣренъ и доселѣ у насъ нѣтъ другаго. И Иліада Кострова, и Энеида Петрова, писаны шестистопными ямбами: это принадлежитъ уже ихъ вѣку. Впрочемъ Тредьяковскій такъ уронилъ гексаметры, что писать ими было бы въ то время безполезною смѣлостью. Надобно разсматривать писателей въ отношеніи къ ихъ времени: иначе приговоръ нашъ будетъ всегда не вѣренъ. Лице Петрова, судя по портрету, было благородно и величественно. Петровъ заикался. На его переводъ Энеиды Майковъ написалъ слѣдующую эпиграму:

Сколь сила велика Россійскаго языка!
Петровъ лишь захотѣлъ, Виргилій сталъ заика.

Но эпиграма ничего не доказываетъ. Петровъ все таки былъ не Майковъ.

Алексѣй Өедоровичъ Малиновскій зналъ Петрова лично. Онъ разсказывалъ, будто Петровъ писалъ нѣкоторыя оды, ходя по Кремлю; а за нимъ носилъ кто-то бумагу и чернилицу. При видѣ Кремля онъ наполнялся восторгомъ, останавливался и писалъ. Странно; но въ то же время и прекрасно: видѣть поэта, на котораго такъ сильно дѣйствовалъ нашъ Кремль, полный великихъ воспоминаній!

Петровъ былъ, говорятъ, важной наружности. Онъ познакомился съ Потемкинымъ, когда оба они были еще студентами и былъ до конца его жизни другомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія его посланія и стансы, исполненные чувствъ искреннихъ, гдѣ онъ радуется его успѣхамъ,

его побѣдамъ, его славѣ, отъ всего сердца, по участію дружества, а не тѣмъ торжественнымъ тономъ, который ставитъ поэта передъ вельможей и полководцемъ, на разстояніи восторга и славы. Онъ писалъ къ Потемкину, провожая его въ армію:

Превыше чаяній взнесися, мой орелъ!
Ты въ поле—изъ моихъ объятій полетѣлъ!

Онъ хвалитъ въ Потемкинѣ не одного полководца, но болѣе вельможу доступнаго, человѣка просвѣщеннаго, любителя литературы и поэзіи:

Себѣ единому подобенъ,
Въ добротѣ благородство чтитъ;
Всѣмъ равенъ, и отъ всѣхъ особенъ;
Луча снисшествіемъ не тмитъ!

Не тяжекъ праздныхъ словъ примѣсомъ,
Красотъ во слогѣ онъ примѣръ;
Когда бъ онъ не былъ Ахиллесомъ
Всемѣрно былъ бы онъ Гомеръ!

Жаль очень, что Петровъ нынѣ забытъ; этому виною его тяжелый слогъ. Пусть не читаетъ его публика; но литераторамъ непростительно не знать его?

Кострова зналъ мой дядя лично. Но анекдотъ, написанный Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ его Словарѣ, будто бы Дмитріевъ привезъ пьянаго Кострова въ Петербургъ, совершенная небылица; а ее повторяли въ журналахъ!

Костровъ—кому это не извѣстно!—былъ дѣйствительно человѣкъ пьяный. Вотъ портретъ его: небольшаго роста, головка маленькая, нѣсколько курносъ, волосы приглажены, тогда какъ всѣ носили букли и пудрились; колѣнки согнуты, на ногахъ стоялъ не твердо, и былъ вообще, что̀ называется, рохля. Добродушенъ и простъ чрезвычайно, безобидчивъ, не злопамятенъ, податливъ на все и безотвѣ-

тенъ; въ немъ, говаривалъ мой дядя, было что-то ребяческое. У меня есть его гравированный портретъ.

Онъ жилъ нѣсколько времени у Ивана Иван. Шувалова. Тутъ онъ переводилъ Иліаду. Домашніе Шувалова обращались съ нимъ, почти не замѣчая его въ домѣ, какъ домашнюю кошку, къ которой привыкли. Однажды дядя мой пришелъ къ Шувалову и, не заставъ его дома, спросилъ: «дома ли Ермилъ Ивановичъ?» Лакей отвѣчалъ: «дома; пожалуйте сюда!» и привелъ его въ заднія комнаты, въ дѣвичью, гдѣ дѣвки занимались работой, а Ермилъ Ивановичъ сидѣлъ въ кругу ихъ и сшивалъ разные лоскутки. На столѣ, возлѣ лоскутковъ, лежалъ греческій Гомеръ, разогнутый и обороченный вверхъ переплетомъ.—На вопросъ: «Чѣмъ онъ это занимается?» Костровъ отвѣчалъ очень просто: «Да вотъ дѣвчата велѣли что-то сшить!»—и продолжалъ свою работу.

Повторяю, что анекдотъ Бантышъ-Каменскаго—небылица; а вотъ что дѣйствительно бывало. Костровъ хаживалъ къ Ив. Петр. Бекетову, двоюродному брату моего дяди. Тутъ была для него всегда готова суповая чаша съ пуншомъ. Съ Бекетовымъ вмѣстѣ жилъ братъ его Платонъ Петровичъ; у нихъ бывали: мой дядя Ив. Ив. Дмитріевъ, двоюродный ихъ братъ Аполлонъ Николаевичъ Бекетовъ, и младшій братъ Н. М. Карамзина Александръ Михайловичъ, бывшій тогда кадетомъ и приходившій къ нимъ по воскресеньямъ. Подпоивши Кострова, Аполлонъ Николаевичъ ссорилъ его съ молодымъ Карамзинымъ, которому самому было это забавно; а Костровъ принималъ эту ссору не за шутку. Потомъ доводили ихъ до дуэли; Карамзину давали въ руки обнаженную шпагу, а Кострову ножны. Онъ не замѣчалъ этого и съ трепетомъ сражался, боясь пролить кровь неповинную. Никогда не нападалъ, а только защищался.

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ пожелалъ видѣть Кострова. Бекетовы и мой дядя принуждены были, по этому случаю, держать совѣтъ, какъ его одѣть, во что, и какъ предохранить, чтобъ не напился. Всякій удѣлилъ ему изъ своего платья, кто французскій кафтанъ, кто шелковые чулки, и проч. Наконецъ при себѣ его причесали, напудрили, обули, одѣли, привѣсили ему шпагу, дали шляпу, и пустили идти по улицѣ. А сами пошли его провожать, боясь, чтобъ онъ, по своей слабости, куда-нибудь не зашелъ; но шли за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, поодаль, для того, что идти съ нимъ рядомъ было нѣсколько совѣстно: Костровъ и трезвый былъ не твердъ на ногахъ и шатался. Онъ во всемъ этомъ процессѣ одѣванья повиновался, какъ ребенокъ. Дядя мой разсказывалъ, что этотъ переходъ Кострова былъ очень смѣшонъ. Какая-нибудь старуха, увидѣвъ его, скажетъ съ сожалѣніемъ: «видно бѣдный больнехонекъ!» — А другой, встрѣтясь съ нимъ, пробормочетъ: «Экъ нахлюстался!» — Ни того, ни другаго: и здоровъ и трезвъ, а такая была походка! Такъ проводили его до самыхъ палатъ Потемкина, впустили въ двери, и оставили, въ полной увѣренности, что онъ уже безопасенъ отъ искушеній!

Костровъ подъ дѣйствіемъ своего упоенія не былъ веселъ, а болѣе жалокъ. Иногда въ этомъ положеніи, лежа на спинѣ, обращался онъ мыслію и словами къ какой-то любезной, которой вѣроятно никогда не было; называлъ ее по имени и восклицалъ: «гдѣ ты? — на Олимпѣ? — Выше! — Въ Эмпиреѣ! Выше! — Не постигаю!» — и умолкалъ.

Въ 1829 году была напечатана книжка подъ названіемъ: «Нѣкоторые любопытные приключенія и сны, изъ древнихъ и новыхъ временъ». Я думаю, она пошла у нашихъ журналистовъ на ряду съ сонниками; но она замѣчательна во многомъ для тѣхъ, которые вѣрятъ, что есть связь этого

міра съ другимъ, котораго мы не видимъ. Тамъ, на страницѣ 173 напечатана статья подъ заглавіемъ: «Необыкновенное приключеніе, бывшее въ Москвѣ въ концѣ предшедшаго столѣтія, съ г-мъ К...., Русскимъ ученымъ — и имъ самимъ описанное». Сообщаю тѣмъ, которые не знаютъ, что этотъ Русскій ученый Г. К. — нашъ переводчикъ Иліады, Ерм. Ив. Костровъ. Не полюбопытствуетъ ли кто прочитать это необыкновенное приключеніе? — Кто хочетъ, можетъ принять это за бредъ, а кто хочетъ, можетъ принять за истину; но и бредъ такого рода остается очень замѣчательнымъ. Я знаю только, что оно описано, дѣйствительно самимъ Костровымъ. Хотя онъ былъ и поэтъ, но не отличался слишкомъ живымъ воображеніемъ; а обмана нельзя ожидать отъ такого простодушнаго человѣка!

Майковъ никогда не считался на ряду съ лучшими поэтами; онъ имѣлъ особый, не высшій кругъ читателей. Впрочемъ его шутливая поэма: *Элисей, или Раздраженный Вакхъ*, показываетъ много воображенія и непритворной шутливости, хотя не отличается благородствомъ вкуса. Другая шутливая поэма: *Плачевное паденіе стихотворцевъ*, которая приписывается Майкову и печатается въ собраніи его сочиненій, принадлежитъ не ему, а Чулкову. Она въ свое время надѣлала много шума и произвела большое негодованіе на автора, между другими стихотворцами.

Херасковъ былъ въ большомъ уваженіи, и по благородному своему характеру, и по сочиненіямъ. Дѣйствительно въ то время, склонное къ удивленію и къ воздано похвалъ всякой заслугѣ, и не бравшее на себя обязанности строгаго судьи, двѣ эпическія поэмы должны были произвести сильное впечатлѣніе. У Хераскова было воображеніе, но не было творчества. Онъ, кажется, многое придумывалъ хладнокровно и помогалъ своему воображенію процессомъ

мысли. У него нѣтъ внезапнаго пыла; онъ замѣнялъ его терпѣніемъ и искусствомъ.

Однажды дядя мой, пришедъ къ Хераскову, засталъ его за чтеніемъ Лагарпова Лицея. Онъ читалъ его разборъ французскихъ трагиковъ. «Не такъ бы я писалъ свои трагедіи, сказалъ Херасковъ, положивъ книгу, ежели бы прочиталъ это прежде!»

Супруга Хераскова, Елизавета Васильевна, была и сама стихотворица: она печатала въ журналахъ; есть ея стихи въ Аонидахъ. Она была очень добра, умна и любезна. Ея любезность много придавала пріятности ихъ дому, уравновѣшивая важность и нѣкоторую угрюмость ея мужа. Ихъ очень любили и уважали.

Съ Херасковымъ было странное происшествіе въ его дѣтствѣ. Мамушка посадила его на окно и ушла изъ комнаты; это было лѣтомъ. Мимо дома проходила толпа Цыганъ, которые схватили его и унесли съ собою. Къ счастію, вспомнили объ этой толпѣ, догадались, догнали ихъ и отняли ребенка. Мы не имѣли бы *Россіады* и *Владиміра*; а Херасковъ пѣлъ бы во всю жизнь не героевъ нашей исторіи, а цыганскія пѣсни.

Послѣднее произведеніе Хераскова было *Бахаріана*, повѣсть въ стихахъ. Каждая глава ея написана особымъ размѣромъ; но стихи не хороши, не гладки, иногда вялы, иногда даже въ нихъ не соблюдены ударенія мѣры. Она мнѣ всегда казалось скучною. Я не понимаю, почему любилъ ее Ник. Михайловичъ Языковъ, этотъ первоклассный мастеръ русскаго стиха. Не за долго до его кончины я подарилъ ему бывшій у меня экземпляръ Бахаріаны, ко-

торой онъ не могъ найдти въ книжныхъ лавкахъ. Онъ былъ очень радъ; въ немъ много было добродушія.

Бахаріану никто изъ книгопрадавцевъ не брался печачатать. Херасковъ напечаталъ ее на свой счетъ въ типографіи П. Й. Бекетова. Но она худо продавалась, и потому авторъ долго не платилъ въ типографію. Бекетовъ, соблюдая всю деликатность, долго не напоминалъ ему; но наконецъ просилъ моего дядю поговорить объ этомъ долгѣ Елизаветѣ Васильевнѣ. — «Какъ! сказала Елиз. Вас., вообразите, вѣдь онъ мнѣ сказалъ, что Бекетовъ у него купилъ рукопись!» — Старику хотѣлось похвастаться передъ женою! — Она заплатила за него деньги, но послѣ спросила его: «Какъ же ты мнѣ сказалъ, Михайла Матвѣевичъ, что Бекетовъ у тебя купилъ Бахаріану?» — «Да? отвѣчалъ сквозь зубы Херасковъ: дѣло было совсѣмъ сложено, да послѣ разошлось!» — Ничего этого не бывало.

У Хераскова собирались по вечерамъ тогдашніе Московскіе поэты, и рѣдко что выпускали въ печать, не прочитавши предварительно ему. Но дядя мой говорилъ, что по большой части похвала Хераскова ограничивалась словами: «гладко, очень гладко!»—Гладкость стиха почиталась тогда однимъ изъ первыхъ достоинствъ: она была тогда дѣйствительно большимъ достоинствомъ, такъ какъ оно становится и теперь; но во времена Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, это было достоинствомъ второстепеннымъ.

Однажды Василій Львовичъ Пушкинъ, бывшій тогда еще молодымъ авторомъ, привезъ вечеромъ къ Хераскову новые свои стихи — «Какія?» спросилъ Херасковъ. — *Разсужденіе о жизни, смерти и любви*», отвѣчалъ авторъ. Херасковъ приготовился слушать со всѣмъ вниманіемъ и съ большою важностію. Вдругъ начинаетъ Пушкинъ:

Чѣмъ я начну теперь! — Я вижу, что баранъ
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ риѳма барабанъ?
Вы лучше дайте мнѣ зальцвасеру стаканъ
Для подкрѣпленья силъ! Вранье не алкоранъ — и проч.

Херасковъ чрезвычайно насупился и не могъ понять, что̀ это такое!—Это были bouts rimés, стихи на заданныя риѳмы, которые можно найти въ собраніи Русскихъ стихотвореній, изданнныхъ въ 1811 году, Жуковскимъ. Важный хозяинъ дома и важный поэтъ былъ не совсѣмъ доволенъ этимъ сюрпризомъ; а Пушкинъ очень оробѣлъ. Дядя мой сказывалъ, что это было очень смѣшно.

Хераскова уважали, какъ поэта, и Державинъ и Дмитріевъ. Первый упоминаетъ объ немъ въ стихахъ своихъ, ***Ключь***:

Пѣвца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій ключь,
Поилъ водой ты стихотворства.

А второй написалъ извѣстную надпись къ его портрету:

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ:
Хераскову они вреда не принесутъ!
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья приведутъ!

Россіады и Владиміра нынче уже и не читаютъ; но кто не знаетъ имени Хераскова? А что́ такое наше земное безсмертіе? Имя. Деревня Хераскова, гдѣ онъ жилъ каждое лѣто, и гдѣ написалъ большую часть своихъ сочиненій, называется *Очаково*, по Можайской дорогѣ, въ сторонѣ, на лѣво отъ дороги.

Когда Херасковъ написалъ *Россіаду*, нѣсколько Петербургскихъ литераторовъ и любителей литературы собирались нѣсколько вечеровъ сряду у Н. И. Новикова, чтобы

обдумать и написать разборъ поэмы; но не могли: тогда еще было не по силамъ обнять столь большое произведеніе поэзіи! — Оставались одно безотчетное удивленіе и похвала восторга! Пусть судятъ по этому, на сколько выше былъ Херасковъ тогдашнихъ литераторовъ! А мы, не принимая въ соображеніе ни времени ни степени просвѣщенія современниковъ, не даемъ ни какой цѣны такому произведенію, которое однако показываетъ мѣру духа поэта, не смотря на свои недостатки! Имя Хераскова все-таки живетъ 70 лѣтъ, а нынѣшніе геніи живутъ года по два, да и то съ помощію друзей! А на чемъ еще основана эта дружба? Кончу стихомъ Капниста:

О Боже! положи устамъ моимъ храненье!

Наконецъ этотъ разборъ написалъ Нѣмецъ Юлій Ивановичъ фонъ Каницъ, директоръ Казанской гимназіи, и помѣстилъ его въ Рижскомъ журналѣ. Тогда перевели его съ нѣмецкаго языка на русскій, и напечатали въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ (Авг. 1779 г.), который издавалъ г. Брайко, чиновникъ иностранной коллегіи. Впрочемъ и этотъ разборъ состоялъ почти только въ похвалѣ поэту и изложеніи содержанія поэмы.

Странное дѣло: первый разборъ Россіады написалъ Нѣмецъ; первую оду Ломоносова отдали на разсмотрѣніе Нѣмцу-Штелину, правда вмѣстѣ съ Ададуровымъ; первый объяснилъ наши лѣтописи—Нѣмецъ Шлецеръ, котораго перевелъ на русскій языкъ, Д. Н. Языковъ, однако не вполнѣ. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ прибавленій, для полноты всего труда необходимыхъ. И такъ, чтобы знать критически самое темное время Русской Исторіи, надобно знать по-нѣмецки! Въ нашей учености и въ нашей литературѣ есть что-то чудное, не такое, какъ у всѣхъ; а все нѣтъ оригинальности! Блаженъ потомокъ, который уразумѣетъ объяснить это!

А я объясняю это тѣмъ, что у насъ нѣтъ терпѣнія, мало любви къ литературѣ; что просвѣщеніе не разлилось равно, а скопилось въ одномъ углу, въ который большая часть людей граматныхъ и не заглядываютъ!

Херасковъ упалъ въ нашемъ мнѣніи вотъ съ какого времени.

Первый открылъ пальбу на Хераскова—Строевъ въ своемъ журналѣ: Современный Наблюдатель (1815). Большая часть пищущей молодежи давно уже не читала Хераскова; старый слогъ и длинная поэма у насъ рѣдко находятъ читателей. Имъ понравилась рѣзкость молодаго критика. Кромѣ того у насъ всякій радъ повѣрить смѣлой выходкѣ въ литературѣ. Извѣстно общее изрѣченіе: «Каково онъ его отдѣлалъ!» Собственный судъ требуетъ повѣрки; повѣрка требуетъ труда; а до трудовъ у насъ мало охотниковъ, кромѣ спеціалистовъ, кромѣ людей, посвятившихъ уже себя, или наукѣ, или литературѣ. Тогда и тѣхъ было мало!

Правда, въ тоже время (1815) Мерзляковъ въ своемъ Амѳіонѣ напечаталъ дѣльный разборъ Россіады. Его разборъ былъ вѣренъ и справедливъ. Онъ показывалъ недостатки поэмы, но сохранилъ уваженіе къ поэту и нисколько не унижалъ его произведенія. Мѣрою сужденій Мерзлякова былъ сколько природный вкусъ критика, столько и система тогдашней піитики и строгихъ правилъ классицизма, которыхъ онъ держался. Умѣренный тонъ Мерзлякова и дѣльность его замѣчаній были приняты литераторами съ уваженіемъ, и какъ противодѣйствіе выходкамъ Строева но другіе и въ этихъ замѣчаніяхъ ученаго видѣли только *критику на Хераскова*, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно критика принимается толпою, т. е. порицаніемъ Хераскова. И эта смѣлость, разбирать достоинства признанной знаменитости, подстрекнула даже и тѣхъ, которые безъ примѣра Мерзлякова не смѣли бы поднять руки на уважаемаго дотолѣ поэта и посягнуть на его память. Не имѣя ни

вкуса, ни таланта, ни знанія Мерзлякова, они замѣнили, и то и другое дерзостію приговоровъ!

Такъ мало по малу упалъ Херасковъ въ мнѣніи слѣдующихъ поколѣній. Жалка участь нашей литературы!

Первая супруга *Державина* была Екатерина Яковлевна Бастидонова. Отецъ ея былъ Португалецъ Бастидонъ, камердинеръ Петра III, а мать—кормилица Императора Павла. Вторая его супруга была Дарья Алексѣевна Дьякова, родная сестра супруги Вас. Вас. Капниста, который слѣдовательно былъ Державину своякъ. Первую онъ воспѣвалъ подъ именемъ *Плѣниры*, почему она и въ стихахъ Ив. Ив. Дмитріева, на ея кончину, названа Плѣнирою. Вторую онъ называлъ въ стихахъ своихъ *Миленою*:

Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слезъ ни лей;
Миленой половину
Займи души твоей.

Державинъ, любя нѣжно вторую жену свою, не могъ забыть первой! Вскорѣ, послѣ второй его женитьбы, обѣдалъ у него Ив. Ив. Дмитріевъ. Онъ замѣтилъ, что Державинъ нѣсколько уже минутъ сидитъ нагнувшись надъ своей тарелкой и, водя по ней вилкой, чертитъ что-то остаткомъ соуса. Онъ взглянулъ на него: глаза полны слезъ. Взглянулъ на тарелку, и видитъ, что онъ чертитъ вензель первой жены своей. Дмитріевъ шепнулъ ему, что если замѣтитъ Дарья Алексѣевна, ей будетъ это непріятно. Державинъ стеръ написанное и зарыдалъ; такъ что Ив. Ив. принужденъ былъ вывести его въ другую комнату, подъ предлогомъ дурноты, чтобы не обнаружить причины слезъ молодой женѣ его.

Державинъ любилъ природу, какъ живописецъ, и никакая красота ея не только не ускользала отъ его взгляда,

но оставалась навсегда въ его памяти и при первомъ же случаѣ вызывалась наружу его воображеніемъ. Ив. Ив. Дмитріевъ говорилъ, что память его была запасомъ картинъ и красокъ! — Однажды видѣлъ онъ, что Державинъ стоитъ у окна и что-то шепчетъ. На вопросъ объ этомъ Державинъ отвѣчалъ: «любуюсь на вечернія облака! какіе у нихъ золотыя края! Какъ бы хорошо было сказать въ стихахъ: *Крае*златые!» — И дѣйствительно вскорѣ этотъ эпитетъ явился въ стихахъ его! — Въ другой разъ за столомъ долго смотрѣлъ онъ на щуку и сказалъ обратясь къ Дмитріеву: «я думаю, что очень хорошо будетъ въ стихахъ *и щука съ голубымъ перомъ*!»—и этотъ стихъ не пропалъ изъ его запаса!

Дядя мой пришелъ однажды къ Державину въ то время, когда онъ сидѣлъ надъ окончаніемъ *Видѣнія Мурзы.*—Онъ остановился на двухъ стихахъ:

Какъ солнце, какъ луну поставлю
На память будущимъ вѣкамъ!

Выше луны и солнца летѣть было некуда, и онъ сталъ въ тупикъ. Дмитріевъ сказалъ ему, шутя: «вотъ бы какъ кончить:

Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ!"

«Прекрасно!» сказалъ Державинъ: написалъ эти два стиха, и кончилъ.—Дѣйствительно, нельзя было лучше придумать окончанія, тѣмъ больше, что оно совершенно въ родѣ Державина: гордо и благородно!

Когда Екатерина отправилась изъ Петергофа въ Петербургъ для принятія короны, Державинъ былъ гвардіи солдатомъ и стоялъ на часахъ.—Думала ли Екатерина, проходя мимо этого солдата, что это будетъ пѣвецъ Фелицы, поэтъ, который прославитъ ея царствованіе!

Державинъ былъ правдивъ и нетерпѣливъ. Императрица поручила ему разсмотрѣть счеты одного банкира, который имѣлъ дѣло съ Кабинетомъ и былъ близокъ къ упадку.— Прочитывая Государынѣ его счеты, онъ дошелъ до одного мѣста, гдѣ сказано было, что одно высокое лице, не очень любимое Государыней, должно ему такую-то сумму. «Вотъ какъ мотаетъ!» замѣтила Императрица: «и на что ему такая сумма!»—Державинъ возразилъ, что Кн. Потемкинъ занималъ еще больше, и указалъ въ счетахъ, какія именно суммы.—«Продолжайте!» сказала Государыня.—Дошло до другой статьи: опять заемъ того же лица.—«Вотъ опять!» сказала Императрица съ досадой: «мудрено ли послѣ этого сдѣлаться банкрутомъ!»—«Кн. Зубовъ занялъ больше», сказалъ Державинъ, и указалъ на сумму. Екатерина вышла изъ терпѣнія и позвонила. Входитъ камердинеръ.—«Нѣтъ ли кого тамъ, въ секретарской комнатѣ?»—«Василій Степановичъ Поповъ, Ваше Величество.»—Позови его сюда.—Поповъ вошелъ.—«Сядьте тутъ, Василій Степановичъ, да посидите во время доклада; этотъ господинъ, мнѣ кажется, меня прибить хочетъ»....

При Императорѣ Павлѣ, Державинъ, бывши уже сенаторомъ, сдѣланъ былъ *докладчикомъ*. Званіе было новое; но оно приближало къ Государю, слѣдовательно возвышало давало ходъ. Это было нѣсколько досадно прежнимъ его товарищамъ. Лучшее средство уронить Державина было настроить его же. Они начали говорить, что это, конечно, возвышеніе; однако, что жъ это за званіе? «Выше ли, ниже ли сенатора; стоять ли ему, сидѣть ли ему?»—Этимъ такъ разгорячили его, что настроили просить у Государя инструкціи на новую должность. Державинъ попросилъ. Императоръ отвѣчалъ очень кротко:—«На что тебѣ инструкція, Гаврила Романовичъ? Твоя инструкція—моя воля. Я велю тебѣ разсмотрѣть какое дѣло, или какую просьбу; ты разсмотришь и мнѣ доложишь: вотъ и все!»—Державинъ не

унялся, и въ другой разъ объ инструкціи.—Императоръ, удивленный этимъ, сказалъ ему уже съ досадою: «Да на что тебѣ инструкція?»—Державинъ не утерпѣлъ, и повторилъ тѣ самыя слова, которыми его подзадорили: «Да что же, Государь! я не знаю: стоять ли мнѣ, сидѣть ли мнѣ!» Павелъ вспыхнулъ и закричалъ: «Вонъ!»—Испуганный докладчикъ побѣжалъ изъ кабинета; Павелъ за нимъ: и встрѣтивъ Ростопчина, громко сказалъ: «написать его опять въ Сенатъ!» и закричалъ въ слѣдъ бѣгущему Державину: «А ты у меня тамъ сиди смирненько!»—Такимъ образомъ Державинъ возвратился опять къ своимъ товарищамъ.—Это разсказывалъ графъ Ростопчинъ.

Обыкновенное общество Державина составляли: И. Ѳ. Богдановичъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, Николай Александровичъ и Ѳедоръ Петровичъ Львовы, П. Л. Вельяминовъ и Вас. Вас. Капнистъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ Малороссіи.

А. Н. Оленинъ извѣстенъ своею изобрѣтательностію и талантомъ въ рисованіи, извѣстенъ какъ знатокъ и любитель художествъ.

Н. А. Львовъ—кромѣ ученыхъ сочиненій, долженъ быть извѣстенъ въ нашей литературѣ, во-первыхъ, началомъ богатырской повѣсти: *Добрыня*, написанномъ въ духѣ старинной русской поэзіи, и весьма оригинальномъ; во-вторыхъ, переводомъ въ стихахъ Анакреона, съ подстрочнаго русскаго перевода, который сдѣланъ былъ для него Евгеніемъ Булгаромъ, архіепископомъ Таврическимъ. Этотъ переводъ былъ изданъ съ греческимъ подлинникомъ въ С.-П.-Б. 1794 года, и почитается знатоками весьма близкимъ. Переводъ Мартынова извѣстенъ болѣе; но переводъ Львова глаже, мягче и читается свободнѣе, что̀ составляетъ большое достоинство, особенно въ переводѣ такого поэта, какъ Анакреонъ.

П. Л. Вельяминовъ извѣстенъ былъ многими переводами; между протчимъ народною пѣснію: «Охъ вы, славные руски кислы щи!» Вотъ конецъ ея:

Проскакалъ конекъ поле чистое,
Доскакалъ конекъ до крутой горы,
По горѣ коньку знать шажкомъ идти!

Все это небольшое дружеское общество Державина отличалось просвѣщеніемъ, талантами, вкусомъ, любовію къ художествамъ, къ музыкѣ, и вообще къ изящному. До 1782 года, то есть до отъѣзда своего въ Смирну, къ нему же принадлежалъ и Хемницеръ, который много обязанъ ему чистотою слога своихъ басенъ, особливо Оленину и Н. А. Львову. Они строго разбирали его погрѣшности, совѣтовали, и даже съ его позволенія поправляли слогъ его. Хемницеръ прошелъ чрезъ сильное чистилище.

Изъ письма Державина къ первой своей супругѣ (*) извѣстно, что Государыня приказала было напечатать сочиненія Державина, и что по этому случаю онъ поручилъ Капнисту и Ив. Ив. Дмитріеву пересмотрѣть ихъ и выбрать лучшія для изданія.—Они для этого пересмотра собирались у него въ домѣ. Но выборъ ихъ показался автору слишкомъ строгимъ. Войдя въ комнату, гдѣ они занимались этимъ разборомъ, и увидя малое число піэсъ, отобранныхъ и отложенныхъ въ сторону, онъ взялъ и все перемѣшалъ, сказавъ имъ: «что жъ! вы хотите, чтобы я снова началъ жить!» Тѣмъ разборъ и кончился.

Державинъ рѣшительно не могъ поправлять своихъ сочиненій: онъ могъ ихъ передѣлывать совсѣмъ, но не исправлять. Вѣроятно, немногіе знаютъ, въ какомъ видѣ былъ напечатанъ его *Вельможа*, въ одахъ, писанныхъ при горѣ Чаталагаѣ, гдѣ эта ода названа «*На знатность*». Вѣроятно, не многимъ извѣстно и первое изданіе его псалма: Къ Властителямъ и Судіямъ, напечатанное въ С.-Петер-

(*) Оно было напечатано мною въ Москвитянинѣ.

бургскомъ Вѣстникѣ 1780 года, подъ названіемъ: *Ода, преложеніе 81 псалма*. Вотъ оно:

Се Богъ боговъ *возсталъ* судити
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ,
„Доколѣ, рекъ: неправду чтите,
„Доколѣ вамъ щадити *злыхъ?*

„Вашъ долгъ законы сохраняти
„И не взирать на знатность лицъ;
„Отъ рукъ гонителей спасати
„Убогихъ, сирыхъ и вдовицъ.

Не внемлютъ! грабежи, коварства,
Мучительства и бѣдныхъ стонъ
Смущаютъ, *потрясаютъ* царства
И въ гибель повергаютъ тронъ!

Кто узнаетъ въ этихъ плохихъ стихахъ ту прекрасную оду, которую мы нынче читаемъ въ сочиненіяхъ Державина подъ другимъ, всѣмъ извѣстнымъ, названіемъ *Властителямъ* и *Судіямъ*.

Возсталъ Всевышній *Богъ*, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ:
„Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
„Щадить неправедныхъ и *злыхъ?*

„Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
„На лица сильныхъ не взирать,
„Безъ помощи безъ обороны
„Сиротъ и вдовъ не оставлять.

„Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
„Несчастливымъ подать покровъ;
„Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
„Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ!“

Не внемлютъ!—видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю *потрясаютъ*,
Неправда зыблетъ небеса!

Изъ прежняго остались: *одинъ стихъ и девять словъ*, означенные косыми литерами, прочее все написано вновь, а третій куплетъ прибавленъ весь новый. Остальные три, которыхъ не выписываю, оставлены прежніе. Такъ передѣлывалъ свои піесы Державинъ.

Извѣстно, что эти стихи возбудили негодованіе Императрицы; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что для нихъ перепечатано было нѣсколько страницъ Вѣстника съ тѣмъ, чтобы ихъ выкинуть. Мнѣ попался экземпляръ, въ который новый листъ вставленъ, а старый переплетенъ тутъ же, только надодранный въ типографіи. Это замѣчаніе для библіомановъ какъ я. (См. томъ 6. стр. 315, 1780 года, мѣсяцъ Ноябрь).

Въ одѣ Державина на восшествіе на престолъ Императора Александра перваго находится два стиха, въ которыхъ упрекали Державина, находя въ нихъ изображеніе Палва:

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ.

Изображеніе дѣйствительно вѣрное, и въ намѣреніи поэта нѣтъ сомнѣнія. Онъ любилъ такого рода намеки. Напримѣръ въ стихахъ:

Гудокъ гудитъ на тонъ скрыпицы,
И вьется локономъ хохолъ!

Кто изъ современниковъ не зналъ, что это Гудовичъ (Ив. Вас.) и Безбородко?

Въ этомъ же изданіи напечатана *Эпистола къ Ив. Ив. Шувалову*, которую Державинъ не помѣстилъ уже въ послѣдующемъ полномъ изданіи (1808 года) въ 4 томахъ. Ея нѣтъ и въ послѣднихъ. Лучшимъ изданіемъ и самымъ исправ-

нымъ я признаю это, напечатанное въ типографіи Шнора, и другое 1831 года, въ типографіи Александра Смирдина. Худшее 1847, въ 2-хъ томахъ, Смирдина, какъ и всѣ его дешевыя изданія русскихъ авторовъ, наполненныя пропусками и опечатками. Къ нимъ слѣдовало бы издателю поставить эпиграфомъ русскую пословицу: «дешево, да гнило!»

Первое изданіе сочиненій Державина, состоящее въ одномъ первомъ томѣ, было напечатано въ Москвѣ 1798 года.—Замѣчу для библіомановъ, что въ этомъ изданіи, въ Изображеніи Фелицы, въ строкѣ 33 (на стр. 107) пропущены два стиха, очень извѣстные:

Самодержавья скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу!

Во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, съ 1808 года они уже помѣщались.

Во всѣхъ нынѣшнихъ изданіяхъ пропускаются два эпиграфа Державина, чего очень жаль. Вотъ они:

Къ 1-му тому, который былъ посвященъ Екатеринѣ, эпиграфъ изъ Тацита:

«О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и го«ворить не воспрещалося; когда соединены были вещи не «совмѣстныя, владычество и свобода; когда при самомъ лег«комъ правленіи общественная безопасность состояла не «изъ одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго по«лученія, прочнымъ образомъ, желаемаго».

Во 2 томѣ, который посвященъ Императору Александру Первому, былъ слѣдующій эпиграфъ изъ Плиніева похвальнаго слова Императору Траяну.

«Мы не намѣрены ласкать ему нигдѣ, яко существу вы«сочайшему, или яко нѣкоему божеству, ибо говоримъ не «о тиранѣ, но о гражданинѣ, не о Государѣ, но объ отцѣ «Отечества, который почитаетъ себя намъ равнымъ, но тѣмъ «паче насъ превышаетъ, чѣмъ болѣе равняетъ себя съ нами.»

Это замѣчаніе не лишнее для исторіи нашей цензуры, или по крайней мѣрѣ для наблюденія различныхъ ея фазовъ.

Мнѣ кажется, сочиненія Державина надобно издавать въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были издаваемы при его жизни. Новые издатели хотѣли привести ихъ въ нѣкоторый систематическій порядокъ; но при разнообразіи его сочиненій и смѣшеній родовъ, напримѣръ оды съ сатирой, и проч. систематическое расположеніе его твореній почти невозможно.

Первое произведеніе *Капниста* было написано на французскомъ языкѣ: *Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 Juillet, Anno 1774.* Вотъ первая строфа этой оды:

Je t'implore, o dieu du Parnasse,
Viens unir ta lyre à mes chants!
Viens m'inspirer la noble audace
D'enfanter de nouveaux accents!
Dans le transport qui me domine
Je vais chanter de Catherine
Les vertus, les faits glorieux!
Prends garde que je ne m'égare
Et n'aille comme un autre Icare
M'élever et tomber des lieux!

Объ этой-то одѣ упоминаетъ Капнистъ въ своей сатирѣ:

„Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
Екатеринины пѣлъ славныя дѣла!“

Она была напечатана тамъ же, гдѣ и сатира (въ С.-П.-Б. Вѣстникѣ 1780), но послѣ сатиры, хотя написана и прежде.

Комедія Капниста, *Ябеда*, была написана имъ прежде лирическихъ его стихотвореній, что̀ замѣтно и по языку:

слогъ Ябеды грубъ и шероховатъ, хотя и силенъ; въ лирическихъ стихотворенiяхъ онъ плавнѣе и чище, хотя и слабѣе. При Екатеринѣ Ябеда не могла быть напечатана, по причинамъ, какъ говорятъ нынѣ, не зависящимъ отъ автора. Она была напечатана уже при Императорѣ Павлѣ, 1798 года, и посвящена ему. Любителямъ безошибочныхъ изданій совѣтуемъ отыскивать это изданіе: въ сочиненiяхъ Капста, изданныхъ Смирдинымъ, многiе стихи такъ испорчены, что нельзя добраться до смысла и до мѣры стиховъ.

Первое изданіе сочиненій Капниста напечатано 1796 года въ С.-П.Б. въ типографiи Медиц. Коллегiи. Тамъ-то напечатана *Сатира первая и послѣдняя.* Второе изданіе подъ заглавiемъ: *Лирическія сочиненія Вас. Капниста,* напечатано 1806 года; оба съ виньетами; второе великолѣпно, по бумагѣ, рисунку и гравировкѣ виньетовъ. Въ немъ нѣтъ уже Сатиры.

Сатира Капниста была напечатана въ первый разъ подъ заглавiемъ *Сатира первая;* она возбудила негодованіе на сочинителя за личности. Въ ней, между прочимъ, были два стиха, составленные изъ именъ, по которымъ легко можно было узнать узнать извѣстныя лица. Вотъ они:

Котельскій, Никошевъ, Вларикинъ, Фрезиновскій,
Обвѣсимовъ, Храстовъ, Весевкинъ, Компаровскій.

Это очевидно были: *Николевъ, Владыкинъ* (переводчикъ Потеряннаго Рая), *Фрезиновскій* (переводчикъ Исіода), *Аблесимовъ* (авторъ Мельника), *Хвостовъ и Козельскій* (авторъ трагедіи Пантея, см. Слов. Новикова), *Веревкинъ* (авторъ комедіи: «Такъ и должно» и другихъ). Не знаю только кто былъ Компаровской.

Капнистъ напечаталъ вторично свою Сатиру въ Собесѣдникѣ, но выключилъ изъ нея четыре стиха, въ томъ числѣ и эти, назвавъ ее: *Сатира первая и послѣдняя,* и закаялся писать сатиры.

Комедія Капниста: *Ябеда*, была нѣсколько времени забыта, какъ *піеса старая*. Очень жаль! Нынче опять иногда ее играютъ на театрѣ. Это одна изъ тѣхъ комедій, которыя дѣлаютъ честь не только автору, но всей литературѣ. Сила ея изумительная! Есть такія мѣста, въ которыхъ порокъ, не теряя стороны комической, доходитъ до трагической силы: такова напримѣръ, ужасающая нравственное чувство, оргія членовъ палаты.—Вотъ право Капниста на безсмертіе, а не оды.

Николева я видалъ. Можно ли вообразить, судя по его сочиненіямъ, слабымъ и вялымъ, что это былъ человѣкъ ума тонкаго и остроумный! Извѣстно, что онъ былъ слѣпъ. Нѣкоторые поклонники называли его Мильтономъ; но Императоръ Павелъ называлъ его гораздо лучше: l'aveugle clairvoyant!

Литературная Москва изстари соперничала съ Петербургомъ. Въ то время, когда въ Петербургѣ были въ большой славѣ трагедіи Княжнина, Москва превозносила *Сорену* Николева; на петербургскомъ театрѣ играли трагедіи Княжнина, а на московскомъ Николева. И тѣ и другія забыты; но между ними была большая разница! — Николевъ былъ въ большомъ кругу, въ лучшемъ обществѣ: со стороны Москвы это было упрямство пристрастія!

Изъ всѣхъ томовъ, написанныхъ Николевымъ, осталась въ памяти, или по крайней мѣрѣ долго держалась въ памяти, одна пѣсня:

Вечеркомъ. въ румяну зорю,
Шла я съ грусти посмотрѣть;
А пришла все къ прежню горю,
Что велитъ мнѣ умереть.

Въ ней есть искренние чувство. Вотъ два куплета, которые въ свое время находили большое сочувствіе:

О души моей веселье,
Для кого мнѣ жизнь мила!
Я послѣдне ожерелье
За тебя бы отдала!

Люди съ солнцемъ, людямъ ясно;
А со мною все туманъ!
Безъ тебя оно напрасно;
Безъ тебя мнѣ жизнь обманъ!

Будемъ справедливы; если кто написалъ хоть одинъ стихъ, достойный памяти—и того не забудемъ. Этимъ безпристрастіемъ окриляется дарованіе.

Есть пять стиховъ и у Тредьяковскаго, очень порядочныхъ, а по его времени даже и хорошихъ:

Вонми, о небо, и реку!
Земля да слышитъ устъ глаголы!
Какъ дождь, я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы!

Есть и у графа Хвостова стихи, которые назвали бы Французы des vers à retenir. Напримѣръ:

Потомства не страшись: его ты не увидишь!

или:

Выкрадывать стихи—не важное искусство!
Украдь Корнелевъ духъ, а у Расина чувство!

Это напоминаетъ мнѣ, что когда, бывало, у графа Хвостова случится порядочный стихъ, то Ал. Ѳед. Воейковъ увѣряетъ, что это онъ *промолвился.*

Встарину всѣ писали оды и пѣсни. Одни предполагаютъ восторгъ, другія чувство. Нынѣ не пишутъ ни одъ, ни пѣсенъ. Неужели изъ этого должно заключить, что въ наше время нѣтъ ни восторга, ни чувства? И всѣ эти пѣсни

пѣлись, и въ обществѣ свѣтскомъ, и въ народѣ. *Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ*— Богдановича; *Выду я на рѣченьку*— Нелединскаго; *Стонетъ сизый голубочикъ*—Дмитріева; *Кто могъ любить такъ страстно* —Карамзина. Кто не зналъ этихъ пѣсенъ?... и чувства ихъ, и слова, и голоса—были просты и всѣмъ доступны. Такимъ образомъ чувства поэта переходили въ народъ. Нынче нѣтъ этого!—Пѣсенъ было множество; нынче едва двѣ-три пѣсни нашихъ поэтовъ дошли до народа, между прочимъ: *Вотъ мчится тройка удалая*— Ѳ. Н. Глинки, и *Зоринька ясная*—А. Ѳ. Вельтмана.

Наша литература послѣдней половины прошедшаго вѣка была не такъ слаба и безплодна, какъ нѣкоторые объ ней думаютъ. Она ограничивалась не одними цвѣточками, но приносила и плоды, которыми въ свое время пользовались и наслаждались. Взглянемъ, напримѣръ, на переводы. Въ семисотыхъ годахъ у насъ переведены были съ древнихъ языковъ Гомера: Иліада, Одиссея и Ватрахоміомахія; Гезіодъ, Анакреонъ (въ стихахъ), Геліодоръ, Исократъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Аристотель, Эпиктетъ, Плутархъ, Эвклидъ, Архимедъ (съ лат.) Павзаній, Аполлодоръ, Діодоръ Сицилійскій, Эліанъ, Геродіанъ, Теренцій; Виргилія: Энеида (въ стихахъ) и Георгики; Горація: посланіе къ Пизонамъ (въ стихахъ), Сатиры (въ стихахъ же); Овидій, Діонисій Катонъ, Клавдіанъ, Авлъ Геллій; Цицерона: О должностяхъ, О старости, О существѣ боговъ; Сенека—О промыслѣ; Петроній, Юлій Цесарь, Саллюстій, Корнелій Непотъ, Светоній, К. В. Патеркулъ, Валерій Максимъ; Тацита: О нравахъ Германцевъ и Жизнь Агриколы; Курцій, Л. Анній Флоръ; шесть писателей исторіи о Августахъ, и Іосифъ Флавій (съ латинскаго).

Много ли имѣли эти книги читателей, я не знаю; но такъ какъ онѣ печатались, и такъ какъ изданія повторялись: то стало быть отъ нихъ не было убытку издателямъ.—Мнѣ хотѣлось бы когда-нибудь составить полный каталогъ всѣмъ

этимъ переводамъ, съ обозначеніемъ годовъ изданій и именъ переводчиковъ, если найду нужныя для этого библіографическія пособія.

Эти переводы упали болѣе съ эпохи усовершенствованія слога. Со времени Карамзина, людямъ, узнавшимъ языкъ новый, благозвучный, тяжело стало читать старые.

Но тогда еще мало знали иностранные языки. Въ столицахъ не было еще библіотекъ для чтенія книгъ за нѣкоторую плату; не было еще огромныхъ журналовъ, въ которыхъ нынѣ печатаются цѣлые романы: и потому переводы большихъ и многотомныхъ книгъ имѣли много читателей. По деревнямъ, кто любилъ чтеніе, и кто только могъ, заводился не большой, но полной библіотекой. Были нѣкоторыя книги, которыя какъ будто почитались необходимыми для этихъ библіотекъ и находились въ каждой. Они перечитывались по нѣскольку разъ, всею семьею. Выборъ былъ не дуренъ и довольно основателенъ. Напримѣръ, въ каждой деревенской библіотекѣ непремѣнно уже находились: *Телемакъ, Жилблазъ, Донъ-Кишотъ, Робинзонъ-Крузъ; Древняя Вивліоѳика Новикова; Дѣянія Петра Великаго* и *съ дополненіями, Исторія о странствіяхъ вообще Лагарпа, Всемірный Путешественникъ, Аббата де ла-Порта,* и *Маркизъ Г., переводъ Ив. Перф. Елагина,* романъ умный и нравственный, но нынѣ осмѣянный. Ломоносовъ, Сумароковъ Херасковъ, непремѣнно были у тѣхъ, которые любили стихотворство.

Послѣ уже начали прибавляться къ этимъ книгамъ и сочиненія г-на Вольтера (3 тома, 1802); и романы и повѣсти его же, и Новая Элоиза. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вошли у насъ въ большую моду: романы Августа Лафонтена, г-жи Жанлисъ и Коцебу. Но никто не пользовался такою славою, какъ г-жа Радклифъ! *Ужасное и чувствительное*—вотъ были наконецъ два рода чтенія наиболѣе по вку-

су публики. Чтеніе этого рода замѣнило наконецъ прежнія книги.

Впрочемъ Вальтеръ-Скоттъ, въ своемъ жизнеописаніи г-жи Радклифъ, воздаетъ ея романамъ большую похвалу, особенно же ея искусству возбуждать въ сильной степени воображеніе читателей.

Всѣ эти книги, т.-е. романы и нѣмецкіе и англійскіе, переводились уже большею частію съ французскаго: почти одинъ этотъ иностранный языкъ былъ у насъ извѣстенъ: даже знаніе нѣмецкаго—было большая рѣдкость, почти до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Когда я былъ въ университетѣ (1813—1817), почти никто не зналъ по нѣмецки.

Встарину читали съ величайшимъ вниманіемъ. Я помню споръ одного почтеннаго старика съ его пріятелемъ.—Пріятель сказалъ о чемъ-то, что онъ читалъ это въ Дѣяніяхъ Петра Великаго.—Старикъ возразилъ: «тамъ этого нѣтъ!»—«Есть!»—«Нѣтъ!»—«Я принесу книгу!»—«Принеси!»—и побились объ закладъ.—Пріятель отыскалъ и несетъ въ торжествѣ книгу: «вотъ она! выигралъ!»—«Нѣтъ, проигралъ! я не хочу и смотрѣть книгу: это не Дѣянія!» «Да что же это такое?»—«Это дополненія!» возгласилъ старикъ, не смотря на книгу; и закладъ выигралъ!

Я помню и деревенскія чтенія романовъ. Вся семья по вечерамъ садилась въ кружокъ, кто-нибудь читалъ, другіе слушали; особенно дамы и дѣвицы.—Какой ужасъ распространяла славная г-жа Радклифъ.—(*Славная*—печаталось иногда при ея имени на заглавіи книги). Какое участіе принимали въ чувствительныхъ героиняхъ г-жи Жанлисъ!—*Страданія Ортенберговой фамиліи* и *Мальчикъ у ручья*, Коцебу—рѣшительно извлекали слезы! Дѣло въ томъ, что при этомъ чтеніи, въ эти минуты, вся семья жила сердцемъ, или воображеніемъ, и переносилась въ другой міръ, кото-

рый на эти минуты казался дѣйствительнымъ; а главное—чувствовалось живѣе, чѣмъ въ своей однообразной жизни.

Когда я былъ еще ребенкомъ, дѣдъ мой, отецъ Ив. Ив. Дмитріева, разговаривая съ своими гостями о времени Екатерины, о ея славѣ, о ея учрежденіяхъ, о хорошемъ и о худомъ, приходилъ или въ восторгъ, или негодованіе, и смотря по этому, посылалъ меня достать изъ своей библіотеки, или Державина, или Хемницера; и я, съ чувствомъ своего достоинства, читалъ вслухъ передъ гостями, или оду Державина, или какую-нибудь замѣчательную басню Хемницера. Особенно любилъ онъ три его басни: *Орлы*, *Левъ учредившій совѣтъ* и *Лѣстница*. Всѣ слушали съ уваженіемъ и съ живымъ участіемъ.

Я упоминалъ о Вольтерѣ. Непостижимо, какъ повсемѣстно было его имя!—Я помню (это было тоже въ моемъ малолѣтствѣ, въ деревнѣ, въ захолустьѣ), пріѣхавшая къ намъ изъ Сызрана женщина, безграмотная и простаго званія, говорила о комъ-то, что онъ держится *Волтеровской вѣры*: она хотѣла назвать этимъ *безвѣріе*. Съ какимъ наслажденіемъ читали у насъ, еще въ концѣ прошедшаго вѣка, все, что̀ переводилось изъ Вольтера, даже *Бѣлаго быка*, который былъ напечатанъ въ С.-П.-Б. при Морскомъ Шляхтскомъ Кадетскомъ, Корпусѣ, 1779 года. На русскомъ языкѣ былъ напечатанъ даже Кандидъ въ томъ же году и въ той же типографіи. Его переводилъ П. М. Бакунинъ, бывшій впослѣдствіи важнымъ лицемъ по иностранной коллегіи. Надобно замѣтить, что эти переводы были по большой части плохи и грубы. Цвѣтъ Вольтерова остроумія исчезалъ совершенно. Оставалась только ткань произшествія, или смѣлая мысль, иногда къ счастію непонятная и лишенная его тонкаго стиля, всегда топорная и грубая!

Я не сужу Вольтера: его великій талантъ останется всегда великимъ талантомъ, впрочемъ болѣе по остротѣ и ис-

кусству, нежели по высотѣ. Его вредныя мнѣнія теперь исчезли и въ самой Франціи, хотя, впрочемъ, не безъ слѣдовъ! Но представлю заключеніе о немъ графа де Местра, бывшаго въ Петербургѣ Сардинскимъ посланникомъ. Его заключеніе строго, рѣзко, но замѣчательно. Вотъ оно.

«Много сдѣлалъ намъ вреда этотъ человѣкъ!—Подобно насѣкомому, которое въ нашихъ садахъ нападаетъ на корни самыхъ драгоцѣннѣйшихъ растеній, Вольтеръ безпрестанно уязвляетъ своимъ жаломъ два корня человѣческаго общества: молодыхъ людей и женщинъ; онъ впускаетъ въ нихъ свой ядъ, который передаетъ такимъ образомъ отъ одного поколѣнія другому.»

«Другіе циники приводили въ изумленіе добродѣтель; Вольтеръ изумлялъ самый порокъ!»

«Парижъ увѣнчалъ его: Содомъ его изгналъ бы! Безстыдный осквернитель и языка, который сдѣлался всеобщимъ, и величайшихъ именъ, которые его прославили, онъ послѣдній изъ людей послѣ тѣхъ, которые его любятъ! — Когда я вижу, что̀ онъ могъ бы сдѣлать и что̀ онъ сдѣлалъ, тогда его неподражаемыя дарованія возбуждаютъ во мнѣ нѣкотораго рода священную ярость, которая не имѣетъ имени!—Колеблясь между удивленіемъ и ужасомъ, я иногда хотѣлъ бы воздвигнуть ему статую — рукою палача!»

Духъ Вольтера много надѣлалъ вреда и у насъ! Я помню время, всегда насмѣшки надъ религіей не только извинялись, какъ шутка, но были даже признакомъ остроумія! — Посланіе Фонъ-Визина: *Къ слугамъ*, знали наизусть! — Его *Бригадиръ* наполненъ текстами изъ такихъ источниковъ, которые нынѣ почитаются неприкосновенными!! Фонъ-Визинъ загладилъ это искреннимъ раскаяніемъ, которое видно въ его Запискахъ и въ прекрасной его статьѣ, написанной по случаю смерти князя Потемкина.

Августъ Коцебу былъ у насъ переведенъ почти весь.

Было время, что только его піесы и игрались на нашихъ театрахъ: это было въ восьмисотыхъ годахъ. Ихъ ставилъ и въ театръ и книгопродавцамъ, по большой части, Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, который былъ тогда еще секретаремъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи. Онъ самъ не зналъ ни слова по-нѣмецки. Ихъ переводили большею частію чиновники Архива; онъ исправлялъ слогъ и печаталъ, или отдавалъ за деньги Медоксу, содержателю тогдашняго театра. — Любимыя піесы публики были: «*Сынъ любви* и «*Ненависть къ людямъ и раскаяніе.*»

Московскій театръ былъ не роскошенъ декораціями и костюмами; въ этомъ отношеніи онъ началъ улучшаться съ того времени, какъ поступилъ въ казенное управленіе· Репертуаръ былъ, числомъ піесъ, не бѣднѣе нынѣшняго, только въ другомъ родѣ. Играли комедіи и драмы. Оперы повторялися однѣ и тѣ же: *Рѣдкая вещь, Діанино дерево*, *Деревенскія пѣвицы*, *Мельникъ*, *Добрые солдаты.* Водевилей не было. Любопытно видѣть тогдашнія афиши. Одна драма, или одна комедія, маленькій балетъ: вотъ и весь спектакль!

Тотъ же Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій написалъ оперу: *Старинныя святки*, которая такъ нравилась публикѣ, что ее играли лѣтъ тридцать сряду. Такова сила народности въ литературѣ.

Но Русалка — приводила въ восторгъ. Великолѣпныя декораціи, превращенія и легкая музыка арій, которыя легко удерживались въ памяти, были причиною ея долговременнаго успѣха. Русалка была въ большой модѣ, даже у высшей публики; потомъ, когда вкусъ къ музыкѣ сдѣлался и ученѣе и утонченнѣе, она упала до простаго святочнаго или масляничнаго спектакля! Но долго, долго

еще деревенскія барышни пѣли: «*Приди въ чертогъ ко мнѣ златой*, «или:

„Мущины на свѣтѣ
Какъ мухи къ намъ льнутъ,
Имѣя въ предметѣ,
Чтобъ насъ обмануть!“

Такъ мало по малу измѣнялися ходъ нашей литературы и вкусъ нашей публики. Отъ важнаго читатели переходили къ легкому, ко всему, что̀ въ Европейской литературѣ всплываетъ на верхъ по недостатку вѣса.

Обращаюсь опять къ старинѣ. До Новикова мало было книгъ для общаго чтенія: онѣ были рѣдки; и потому между граматниками простаго народа, между купцами, между помѣщиками и ихъ людьми, болѣе нынѣшняго были извѣстны церковныя книги и духовныя церковной печати. Поучительныя слова свят. отцевъ Греческой церкви, Минея-Четія и Прологъ, были всеобщимъ чтеніемъ. Мало по малу это вывелось съ умноженіемъ книгъ свѣтскихъ. А теперь что читаетъ нашъ народъ!—Мнѣ случалось въ Москвѣ, проходя мимо читающаго лавочника, посмотрѣть у него книгу. — По большой части *Поль-де-Кокъ*, или другіе Французскіе романы, изъ которыхъ они учатся семейному разврату и обману. Изъ поэзіи — одна любимая книга, которой нынче не могутъ начитаться: *Конекъ Горбунокъ*.

Напрасно обвиняютъ старину въ гордости: прежде было болѣе связи, болѣе общаго между различными состояніями; было среднее пропорціональное число, котораго не можетъ быть нынче, когда всѣ цыфры хотятъ быть равными, а въ самомъ дѣлѣ онѣ все-таки не равны, а только перемѣшались. Вотъ что разсказывалъ мой дядя про времена своей молодости. Пріѣзжалъ, напримѣръ, къ его отцу, а моему

дѣду, Сызранскій купецъ въ гости. Отобѣдаютъ вмѣстѣ; послѣ обѣда помѣщикъ пойдетъ спать, а купецъ отправляется посидѣть къ его управителю. Тамъ они посидятъ, да почитаютъ духовную книгу. Чая у управителей не было; а угощенія виномъ и потому уже не могло быть, что барскій гость, приходя къ управителю, дѣлалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ! Такимъ образомъ разные члены одного народнаго семейства сближались между собою, но не мѣшались. А просвѣщеніе (которое все-таки состоитъ не въ многомъ знаніи, а въ отчетливой и ясной мысли) переходило постепенно отъ высшаго къ низшему.

Какъ странно перенестись въ старину, особенно въ провинціальную старинную жизнь! Люди какъ-то были дѣйствительно одни къ другимъ ближе. Что̀ теперь возбуждаетъ зависть и ненависть, именно раздѣленіе на богатыхъ, на знатныхъ и незнатныхъ, то служило въ старое время къ соединенію. Было какое-то римское патронство, не установленное закономъ, не обязательное, какъ у Римлянъ, но тѣмъ не менѣе сильное, потому что оно было въ нравахъ того времени. Я помню, у моего дѣда собирались въ дни имянинъ и приходскихъ праздниковъ, и судьи, и купцы, и богатые, и бѣдные; всѣмъ было мѣсто; всѣ были приняты равнодушно. Чинамъ оказывался почетъ, не чиновнымъ ласка, и всѣмъ равное угощеніе. А костюмы! Судьи, городничій, почтмейстеры въ день праздника въ деревню являлись въ мундирахъ (это было въ гостяхъ у надворнаго совѣтника!), а купцы кто въ сертукѣ, кто въ плисовомъ тулупѣ. Всѣ сидѣли за однимъ столомъ; всѣ бесѣдовали вмѣстѣ. Покровительство сильнаго помѣщика въ уѣздѣ противопоставляло бѣдному защиту противъ другаго сильнаго, и этотъ долженъ былъ уступить. Разорившійся купецъ, правда, уступалъ стулъ богатому, но не по его требованію, а добровольно: несчастіе было для него смиреніемъ; а другому напоминало право на его помощь и на доброе слово.

Есть пословица: «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ!» Не знаю, провожаютъ ли у насъ по уму, но встрѣчаютъ дѣйствительно по платью. — Сперва было у насъ русское, національное платье: встрѣчали поклонами и угощеніемъ. — Потомъ ходили въ нѣмецкихъ кафтанахъ, или въ томъ, что̀ у кого есть: начали встрѣчать съ важностію, съ почтеніемъ и съ оглядками. — Потомъ появились французскіе кафтаны и фраки: стали встрѣчать первыхъ съ тонкимъ приличіемъ, вторыхъ съ свободною, непринужденною вѣжливостію. Теперь всѣ любятъ свой покой, ѣздятъ съ визитами въ сертукахъ и пальто, и ни на кого не смотрятъ; оказывается, что и на нихъ не смотрятъ, встрѣчаютъ, не глядя, и никому не оказываютъ уваженія. — Въ послѣднее время начали носить уже косматыя пальто, по образцу медвѣдей, которые, кажется, и называютъ ours: этихъ ужъ совсѣмъ никакъ не встрѣчаютъ! До чего наконецъ дойдутъ встрѣчи и провожанья, этого не отгадаетъ и самъ Нострадамусъ!

Исторія нашей поэзіи дѣлится на три періода. Отъ Ломоносова до Дмитріева; періодъ стараго стиля, и въ словѣ и въ формахъ поэзіи; отъ Дмитріева включительно до Пушкина: періодъ новаго стиля и художественности; послѣ Пушкина періодъ произведеній безъ всякаго стиля и формы. Само собою разумѣется, что лучшія поэмы нашего времени принадлежатъ тоже къ школѣ и стилю Пушкина; но ихъ не много: они не составляютъ общаго характера эпохи. И во второмъ періодѣ оставались люди, принадлежавшіе къ старой школѣ. Я говорю о характерѣ періода вообще.

Дядя мой говаривалъ, что нынѣшніе поэты отъ того не пишутъ длинныхъ торжественныхъ одъ, что у нихъ духъ коротокъ; а я думаю отъ того, что нынѣ духъ не тотъ. Нынче нѣтъ удивленія!

Исторія нашей прозы, или литературы нашей вообще, имѣетъ тоже свои рѣзкія раздѣленія. Періодъ первый — отъ Ломоносова и Сумарокова до Новикова: тяжелый слогъ и слабыя попытки составляютъ его характеръ, почти безплодный и неуклюжій. Отъ Новикова до Карамзина: предпріимчивость, движеніе въ литературѣ; появляются дѣльныя книги, памятники исторіи, умножаются переводы; но слогъ остается тяжелымъ, неловкимъ, отчасти неправильнымъ. — Третій періодъ отъ Карамзина — и до кого же?— до журнала: *Телеграфъ*, родоначальника нынѣшнихъ толстыхъ журналовъ, — эпоха, отъ которой начался упадокъ слога, началось искаженіе Карамзинскаго языка, окрѣпшаго въ его Исторіи; а вмѣсто Новиковской благородной предпріимчивости наступила предпріимчивость торговая и поддѣльная универсальность. Полевой воображалъ, что онъ пошелъ впередъ; а онъ пошелъ отъ Карамзина, только въ сторону.

Въ первый разъ я узналъ Карамзина 5 іюня 1812 года, когда я еще былъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Онъ пріѣзжалъ къ начальнику пансіона, Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому, и пожелалъ меня видѣть, сколько по дружбѣ своей съ моимъ дядей, столько и по воспоминанію о моемъ отцѣ. Мнѣ было тогда 15 лѣтъ. Я смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ: такимъ уваженіемъ я былъ преисполненъ къ его сочиненіямъ, которыя были мнѣ извѣстны съ малолѣтства; такъ привыкъ я слышать въ нашей семьѣ его имя, повторяемое съ уваженіемъ къ его дарованіямъ. Пришедши назадъ въ пансіонъ, я записалъ все, что̀ Карамзинъ говорилъ, и сохранилъ донынѣ эту тогдашнюю записку.

Въ ней отмѣчено мною, между прочимъ слѣдующее. «Говоря о исторіи Россіи, они дошли до времени Екате-«рины, и соглашались, что это было самое счастливое вре-

«мя для Россіи. Карамзинъ сказалъ, что еслибы теперь «представить человѣка, жившаго въ которомъ бы то ни было вѣкѣ, начиная съ того времени, какъ Россія стала называться Россіею, до нашихъ временъ, и спросить его, «въ которомъ изъ нихъ онъ хотѣлъ бы жить? то онъ вѣрно отвѣчалъ бы: «во время царствованія Екатерины!» — «Еще сказалъ Карамзинъ, что Екатерина любила, чтобы «съ ней «говорили вольно»; но она разумѣла подъ этимъ: «говорить истину. А другіе принимаютъ это слово — въ «смыслѣ: говорить «фамильярно».

Карамзинъ, съ первой молодости, былъ другомъ моего дяди; но еще прежде, нежели сблизился съ нимъ, онъ былъ друженъ съ моимъ отцемъ. Военная служба въ отдаленномъ краю Россіи, а потомъ смерть моего отца, разлучили ихъ.

Объ немъ говоритъ Карамзинъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника, въ письмѣ отъ 26 Маія 1789: — «Въ «Петербургѣ я не веселился. Пріѣхавъ къ своему Дми«тріеву, нашелъ его къ крайнемъ уныніи. Сей достойный, «любезный человѣкъ открылъ мнѣ свое сердце: оно чув«ствительно — онъ несчастливъ! — «Состояніе мое совсѣмъ «твоему противоположно», сказалъ онъ со вздохомъ: «глав«ное твое желаніе исполняется; ты ѣдешь наслаждаться, ве«селиться, а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ «окончить мое страданіе». Я не смѣлъ утѣшать его и до«вольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горе«сти. Не не думай, мой другъ — сказалъ я ему — чтобы «ты видѣлъ передъ собою человѣка довольнаго своею судь«бою; пріобрѣтая одно, лишаюсь другаго, и жалѣю. — Оба «мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на несчастный «жребій человѣчества, или молчали. По вечерамъ прохажи«вались въ лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели «говорили; каждый о своемъ думалъ.

Объ немъ же упоминаетъ онъ въ статьѣ: Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона. Вотъ это мѣсто: «Я говорилъ съ

нимъ за два дни до кончины его» (пишетъ ко мнѣ любезный Дмитріевъ) и никогда не перестану удивляться силамъ души его». А я за сіе удивленіе, никогда не перестану любить тебя, милый Дмитріевъ». — Это писано 28 Марта 1793.

Подъ именемъ Агатона Карамзинъ разумѣлъ товарища своей юности, Александра Андреевича Петрова. Въ первомъ году журнала «Москвитянинъ», помѣщенъ былъ мною отрывокъ изъ Записокъ моего дяди, гдѣ было сказано о Петровѣ. И потому повторяю въ короткихъ словахъ, но съ нѣкоторымъ поясненіемъ, то, что̀ было уже напечатано.

Петровъ былъ молодой человѣкъ глубокаго ума и съ вѣрнымъ критическимъ взглядомъ. Онъ зналъ языки древніе: греческой и латинской; изъ новѣйшихъ: нѣмецкой, англійской и французской; въ русскомъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія. Самъ онъ не писалъ ничего, а занимался переводами. Изъ переведенныхъ имъ книгъ извѣстны: *Учитель, или система воспитанія*, въ 2-хъ томахъ; *Хризомандеръ*, повѣсть, которую мой дядя называлъ мистическою. И то и другое съ нѣмецкаго. Эта повѣсть болѣе аллегорическая; подъ видомъ приключеній и перемѣнъ въ судьбѣ лицъ, въ ней повѣствуется (для тѣхъ, кто можетъ понять) тайна алхиміи и такъ называемый процессъ *великаго дѣла* (le grand-oeuvre) т.-е. составленіе философскаго камня. — Съ англійскаго языка перевелъ онъ *Бауатгету*, эпизодъ изъ Магабараты, замѣчательный глубокимъ философско-религіознымъ содержаніемъ. Онъ же издалъ, подъ руководствомъ Н. И. Новикова, первые четыре части *Дѣтскаго чтенія*.

Дѣтское чтеніе было едва ли не лучшею книгою изъ всѣхъ, выданныхъ для дѣтей, въ Россіи. Я помню, съ какимъ наслажденіемъ его читали, даже и взрослыя дѣти. Оно выходило пять лѣтъ, съ 1785 по 1790, особыми тет-

радками, при Московскихъ Вѣдомостяхъ. Все, что̀ ни выдавалъ Новиковъ, носило на себѣ печать благонамѣренности и религіозности. Такъ и въ этомъ изданіи, въ первый годъ его выхода, именно въ тѣхъ четырехъ частяхъ, которыя издавалъ Петровъ, каждая тетрадка начиналась текстомъ Св. Писанія, который служилъ ей эпиграфомъ.

Карамзину приписываютъ нынѣ книгопродавцы, а за ними и журналисты, изданіе Дѣтскаго чтенія. Никогда онъ *не издавалъ ни одного тома*; есть только въ немъ немногіе его переводы, и то болѣе въ первыхъ двухъ томахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось родословное дерево нашей литературы, у насъ прекратились въ ней преданія.

Еще повторяютъ наши журналы, будто Карамзинъ былъ отправленъ путешествовать на счетъ Общества Новикова: это совершенно ложно! — Онъ путешествовалъ на собственный счетъ. Я знаю, что нѣкоторые люди, изъ стариковъ, и люди впрочемъ почтенные, находятъ нѣкоторую выгоду повторять, что Карамзинъ принадлежалъ къ ихъ Обществу; что будто оно дало ему первый ходъ; что Карамзинъ былъ многимъ ему обязанъ, и потомъ его оставилъ, что̀ ставили ему въ вину. Карамзинъ не скрывалъ, что принадлежалъ къ ихъ Обществу въ первыхъ лѣтахъ своей молодости, т. е. къ Масонской ложѣ Новикова, Шварца и другихъ; онъ при мнѣ одинъ разъ разсказывалъ объ этомъ, также и о томъ, что оставилъ его, не найдя той цѣли, которой ожидалъ. Вотъ самое ясное оправданіе противъ неясныхъ обвиненій! Карамзинъ былъ ума глубокаго и яснаго; при этихъ двухъ качествахъ ума, онъ могъ довольствоваться только ясною истиною.

Н. И. Новиковъ всегда сохранялъ къ нему прежнее благорасположеніе, чтò свидѣтельствуетъ его переписка; два письма его были напечатаны въ Москвѣ, въ книжкѣ: *Письма С. И. Г. (Гамалеи)*. Но нѣкоторые не взлюбили Карамзина за отступленіе отъ ихъ круга.

Карамзинъ хотя уступалъ моему дядѣ въ дарованіи поэтическомъ; но много былъ ему полезенъ своими совѣтами, своими основательными замѣчаніями, своей здравой критикой. Когда мой дядя написалъ и прислалъ къ нему изъ Сызрана, вмѣстѣ съ другими стихами, свою стихотворную шутку: *Каррикатура*, онъ писалъ къ нему, что посылаетъ ее только для него, а не для журнала. Но Карамзинъ тотчасъ понялъ достоинство этой бездѣлки, заключающееся въ вѣрности картины, въ свѣжести легкихъ красокъ и въ естественной простотѣ разсказа. Онъ отвѣчалъ автору, что эта піеска изъ всѣхъ лучшая, и что ее-то онъ и напечатаетъ.

Первая супруга Карамзина скончалась въ 1802 году. Карамзинъ любилъ ее страстно. Видя безнадежность больной, онъ то рвался къ ея постелѣ, то отрываемъ былъ срочною работою журнала, который составлялъ его доходъ и былъ необходимъ для семейства. Это было мучительное время его жизни! Утомленный, измученный, бросился онъ на диванъ и заснулъ. Вдругъ видитъ во снѣ, что онъ стоитъ у вырытой могилы, а по другую сторону стоитъ Екатерина Андреевна (на которой онъ послѣ женился), и черезъ могилу подаетъ ему руку. Этотъ сонъ тѣмъ страннѣе, что въ эти минуты, занятый умирающею женою, онъ не могъ и думать о другой женитьбѣ, и не воображалъ жениться на Екатеринѣ Андреевнѣ. Онъ самъ разсказы-

валъ этотъ сонъ моему дядѣ. На Екатеринѣ Андревнѣ онъ женился въ 1804-мъ г.

Не было равнодушнѣе Карамзина и къ похвалѣ и къ критикѣ: первой не давалъ онъ большой цѣны, потому что его славолюбіе было не мелочное авторское самолюбіе; второю онъ не возмущался, потому что мелочи не тревожили никогда его философскаго спокойствія. Въ его характерѣ было какое-то высокое спокойствіе духа, которое мы находимъ у древнихъ философовъ. Сердце его могло страдать, но духъ не возмущался.

Кстати о похвалѣ и критикѣ. Когда А. С. Шишковъ написалъ противъ новаго Карамзинскаго языка цѣлую книгу: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ* (1803), мой дядя принесъ эту книгу къ Карамзину и совѣтовалъ отвѣчать. Но Карамзинъ, пробѣжавъ книгу, бросилъ куда-то, гдѣ она и осталась. Въ другой разъ, это было при мнѣ, казанской профессоръ Городчаниновъ, прислалъ ему печатную книжку: *Разборъ рѣчей изъ Мароы Посадницы* и еще чего-то изъ его сочиненій, разборъ, наполненный похвалою. Та же участь постигла и эту книжку!

Онъ оставлялъ иногда безъ отвѣта письма, наполненныя похвалами уваженія, которыя для всякаго другаго были бы очень пріятны; также и присылку къ нему книгъ. Дядя мой, строгій наблюдатель приличій, часто упрекалъ его въ этомъ. Но это было не по гордости, а потому что Карамзинъ не любилъ пустаго труда и берегъ дорогое время. Нынче нѣкоторые тоже не отвѣчаютъ на письма, но во-первыхъ они не имѣютъ тѣхъ правъ: это не Карамзины; во-вторыхъ, эта неучтивость такъ сходится у иныхъ съ образомъ жизни, съ ихъ обращеніемъ, что очевидно она

происходитъ у нихъ отъ одного недостатка воспитанія. Карамзинъ былъ выше мелочей, хотя и его дядя мой въ этомъ не извинялъ; а иные воображаютъ себя выше другихъ, потому что не разберутъ чужаго достоинства.

Карамзинъ, говоря о Русскомъ языкѣ, употреблялъ иногда вмѣсто правила подобіе, которое дѣлало правило очевиднымъ. У одного журналиста въ Москвѣ, нашелъ онъ слово: *кормчіевъ*, вмѣсто *кормчихъ*. Онъ сказалъ ему: «развѣ вы напишете: *пѣвчіевъ* вмѣсто *пѣвчихъ?*» Что́ сказалъ бы онъ о нынѣшнихъ *помимо* и *совпадать?*

Возвратясь въ Москву, послѣ нашествія Французовъ, Карамзинъ жилъ сперва въ домѣ Селивановскаго, на Большой Дмитровкѣ; потомъ на Вздвиженкѣ, въ угольномъ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, противъ церкви Бориса и Глѣба. Я нерѣдко бывалъ у него сперва вмѣстѣ съ моимъ дядею, а потомъ и одинъ, послѣ вторичнаго отъѣзда его въ Петербургъ на министерство.

Не было человѣка обходительнѣе и добрѣе Карамзина въ обращеніи. Голосъ краснорѣчивѣйшаго нашего писателя былъ громокъ и благозвученъ. Онъ говорилъ съ необыкновенною ясностію; спорилъ горячо, но логически, и никогда не сердился на противорѣчія. Вотъ какъ изобразилъ его Жуковскій въ письмѣ къ моему дядѣ. Хотя эти стихи и были напечатаны вполнѣ, въ Москвитянинѣ; но помѣщаю здѣсь этотъ отрывокъ по вѣрности изображенія. Это писано въ 1813 году; но относится къ времени, предшествовавшему 1812 году. Жуковскій говоритъ о домѣ И. И. Дмитріева, сгорѣвшемъ во время нашествія иноплеменниковъ, и вспоминаетъ о тогдашнемъ его обществѣ, собиравшемся въ его саду, за чаемъ, подъ тѣнію широкой липы.

Сколь часто прохлажденный
Сей тѣнью Карамзинъ,

Нашъ Ливій-Славянинъ,
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ минувшихъ
И смертнымъ сномъ заснувшихъ
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ юберрокомъ,
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!

Я видалъ Карамзина въ этомъ видѣ: съ поднятыми перстами и съ пламенемъ въ очахъ. Изображеніе очень вѣрно!—Эти стихи напечатаны нынѣ вполнѣ въ послѣднихъ трехъ томахъ сочиненій Жуковскаго.

Образъ жизни его въ Москвѣ былъ чрезвычайно правиленъ. Всякое утро посвящалъ онъ труду, Исторіи Россійскаго Государства; всякой день ѣздилъ верхомъ, или ходилъ пѣшкомъ передъ обѣдомъ; въ 10 часовъ вечера выходилъ въ гостинную пить чай, и принималъ тѣхъ, котоные пріѣзжали къ нему на вечеръ.

Императоръ Александръ не зналъ Карамзина до 1811 года. Въ этомъ году, намѣреваясь посѣтить въ Твери Великую Княгиню Екатерину Павловну, которая была тогда въ супружествѣ за Герцогомъ Голштейнъ-Ольденбургскимъ, Государь пожелалъ видѣть тамъ Карамзина, который, по приглашенію Великой Княгини, и пріѣхалъ въ Тверь. Здѣсь-то читалъ онъ въ первый разъ Государю свою Исторію: что̀ представлено на одномъ барельефѣ памятника, воздвигнутаго исторіографу на его родинѣ, въ Симбирскѣ.

Жаль очень, что и Государь и Исторіографъ изображены на немъ не въ современномъ костюмѣ.

Въ это же время представилъ онъ Екатеринѣ Павловнѣ Записку о древней и новой Россіи, написанную по ея желанію. Великая Княгиня просила написать ее только для своего собственнаго прочтенія, и обѣщала хранить въ тайнѣ. Но выслушавъ чтеніе этой Записки отъ самаго Карамзина, она такъ прельстилась сказанными въ ней истинами, что взяла ее изъ рукъ у автора и заперла въ столикъ; а потомъ показала ее Государю. Государю сначала не понравились откровенныя замѣчанія Исторіографа. Послѣ благоволенія за чтеніе Исторіи, Александръ, на другой же день послѣ прочтенія Записки, оказалъ къ нему холодность, и разговаривая милостиво съ супругою Карамзина, Екатериной Андреевной, не обращалъ къ нему ни слова. Но на третій день все стало попрежнему, какъ будто ничего не бывало.

Государь, между многотрудныхъ дѣлъ войны и политики, бралъ съ собою, въ путешествія, рукопись Исторіи Государства Россійскаго; читалъ со вниманіемъ, и даже дѣлалъ на поляхъ отмѣтки, особенно въ 9-мъ томѣ. На вопросъ Карамзина: прикажетъ ли исправить мѣста, имъ отмѣченныя? Государь отвѣчалъ, что онъ дѣлалъ эти отмѣтки только для себя; но чтобы печаталъ какъ есть въ рукописи.

Исторія Государства Россійскаго была напечатана въ 1818 году безъ цензуры, по высочайшему повелѣнію.

Извѣстна еще въ рукописи Записка Карамзина *о Польшѣ*. Она написана вотъ по какому случаю. Императоръ Александръ Павловичъ (это было на балѣ) отозвавъ Карам-

зина къ окну, началъ говорить ему о своихъ намѣреніяхъ вразсужденіи Польши. Карамзинъ съ жаромъ началъ возражать Государю; но замѣтивъ, что на него обращаютъ вниманіе, просилъ позволенія изложить свои мысли объ этомъ предметѣ въ краткой запискѣ. Получивъ соизволеніе Государя, онъ, пріѣхавъ домой, всю ночь писалъ эту записку, и поутру послалъ ее къ Государю. Эта записка, вся основанная на историческихъ свидѣтельствахъ и написанная очень смѣло и краснорѣчиво, перемѣнила нѣкоторыя намѣренія Государя....

По лѣтамъ Государь любилъ жить въ Царскомъ Селѣ. Карамзинъ, переѣхавшій въ Петербургъ для печатанія Исторіи, проводилъ каждое лѣто тоже въ Царскомъ Селѣ, гдѣ для него, по приказанію Государя, всегда приготовлялось помѣщеніе. Здѣсь всякой день встрѣчался онъ въ саду съ Государемъ. Здѣсь геній одного и величіе другаго — сближались кротостію Монарха и прямодушіемъ подданнаго. Здѣсь Карамзинъ имѣлъ случай всякій разъ разговаривать съ благосклоннымъ Александромъ.

Разскажу здѣсь, какъ я получилъ каммеръ-юнкерство. Дядя мой уже былъ семь лѣтъ въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ. Я тогда помолвилъ жениться. Дядѣ хотѣлось, къ моей свадьбѣ, доставить мнѣ званіе каммеръ-юнкера. Не смѣя писать объ этомъ прямо къ Государю, не смотря на увѣренность въ его милости, онъ написалъ къ Карамзину, что желалъ бы узнать, сохранилъ ли къ нему Государь прежнее благоволеніе и можетъ ли онъ написать къ нему о своей просьбѣ. Императоръ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ. Встрѣтившись съ Карамзинымъ въ саду, онъ сѣлъ на скамейку и посадилъ его подлѣ себя. Первый вопросъ былъ, какъ почти и всегда: «пишетъ ли къ тебѣ Иванъ Ивановичъ и здоровъ ли онъ?» — «Пишетъ, Государь; я еще имѣю отъ него и порученіе». — «Какое?» — «Онъ желаетъ

узнать отъ меня: сохранили ли Вы къ нему прежнее милостивое благоволенiе?» — «Что̀ это значитъ? развѣ онъ сомнѣвается?»—Нѣтъ, Государь; но у него есть просьба».—«Какая?» Карамзинъ сказалъ о камеръ-юнкерствѣ.—Надобно сказать, что Государь, при началѣ разговора съ Карамзинымъ, взялъ у него трость.—Не отвѣчая ничего на послѣднiя слова его, онъ началъ писать на пескѣ тростью, и написалъ: *быть по сему*. Карамзинъ, видя это, ободрился и рѣшился спросить: какой же отвѣтъ прикажете мнѣ написать, Государь?—Александръ отвѣчалъ: «Ты отвѣтъ видишь!»—«Но это, Государь, написано на пескѣ!» замѣтилъ Карамзинъ съ улыбкою.—«Что̀ я написалъ на пескѣ, то напишу и на бумагѣ!»—По увѣдомленiи объ этомъ, дядя мой написалъ уже письмо къ самому Императору. Такимъ образомъ 19 Августа 1821 года получилъ я званiе каммеръ-юнкера.

При Александрѣ этимъ званiемъ жаловали не за службу, а по извѣстности фамилiи, или во уваженiе службы родственника: оно давалось, какъ милость, а не въ награду. Въ 1818 году мы трое: Д. П. Голохвастовъ, М. Ап. Волковъ и я, были представлены къ этому званiю отъ графа Нессельрода, при канцелярiи котораго мы тогда находились нѣкоторое время; но Государь изволилъ отвѣчать, что онъ за службу не награждаетъ придворнымъ мундиромъ.

Отецъ Карамзина, Михаилъ Егоровичъ, былъ симбирской дворянинъ. Онъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака были у него сыновья: Василiй Михаиловичъ, Ѳедоръ Михаиловичъ (род. 1767) и Николай Михайловичъ (род. 1765). Я зналъ и тѣхъ обоихъ братьевъ. Во второмъ бракѣ былъ онъ женатъ на родной сестрѣ моего дѣда и родной теткѣ моего дяди и отца, Авдотьѣ Гавриловнѣ Дмитрiевой. Отъ этого брака имѣлъ онъ сына Александра Ми-

хайловича и дочь Марѳу Михайловну, по мужѣ Философову. Такимъ образомъ младшій братъ и сестра Николая Михайловича были моему дядѣ двоюродные; а Николай Михайловичъ не родня. Но они были съ нимъ ближе родныхъ по своей дружбѣ.

Много писали въ журналахъ о мѣстѣ рожденія Карамзина. Я имѣлъ случай получить объ этомъ вѣрнѣйшее извѣстіе отъ его роднаго племянника, а моего внучатнаго брата, живущаго и нынѣ въ Симбирской губерніи, извѣстіе, подтвержденное и двугими лицами. Это свѣдѣніе прошу почитать самымъ достовѣрнымъ.

Карамзинъ родился, по нынѣшнему раздѣленію Россіи, Симбирской губерніи и уѣзда, въ деревнѣ *Карамзинкѣ*, она же и *Знаменское;* а по тогдашнему раздѣленію: Казанской губерніи, Симбирской провинціи, и того же уѣзда.

Нѣкоторые полагали, что онъ родился въ Оренбургской губерніи. Но это рѣшительно невѣрно. Оренбургская деревня, которую считали мѣстомъ рожденія Карамзина (нынѣ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда,) именуемая *Преображенское*, она же и *Михайловка*, тогда еще небыла поселена: тутъ была въ 1765 году степь.—Я желалъ бы, чтобъ будущіе біографы Карамзина приняли это къ свѣдѣнію, какъ окончательное рѣшеніе вопроса о мѣстѣ рожденія нашего Исторіографа.

Еще доказательство. Въ 1767-мъ году (два года послѣ рожденія Карамзина) во время бытности Императрицы Екатерины въ Симбирскѣ, мать его сожалѣла, что не могла ѣхать въ Симбирскъ и видѣть Государыню, по причинѣ своей беременности (третьимъ сыномъ, Ѳедоромъ Михайловичемъ) хотя она жила и *близко* отъ Симбирска, въ той же деревнѣ *Карамзинкѣ*. (А Оренбургская деревня очень далеко).—Слѣдовательно, если она третьимъ сыномъ была беременна, все еще живучи въ Карамзинкѣ, то и подавно второй сынъ Николай Михайловичъ родился тамъ же.

Начало службы Карамзина было, какъ и всѣхъ дворянъ хорошей фамиліи того времени, въ гвардіи. Гвардейская его служба продолжалась не долго; но сколько и съ котораго года по который, не знаю; знаю однако, что онъ въ своей молодости (это было до 1787 года) пріѣзжалъ на свою родину, въ Симбирскъ, и едва тамъ не остался.

Тамъ молодой человѣкъ, умный, хорошенькій собою и пріѣхавшій изъ Петербурга, разъигрывалъ роль свѣтскаго юноши. Танцовать онъ вѣроятно не танцовалъ, потому что былъ и не мастеръ: онъ сказывалъ при мнѣ, что за его танцованье было заплачено танцмейстеру всего 15 рублей мѣдью; онъ взялъ 30 уроковъ, по полтинѣ за урокъ, но въ замѣну этого онъ пристрастился было къ картамъ. Къ счастію въ это время былъ въ Симбирскѣ Иванъ Петровичъ Тургеневъ (отецъ Александра Ивановича). Онъ зналъ способности молодаго человѣка; зналъ его переводы, первые его опыты въ литературѣ. Ему стало жаль умнаго и таланливаго юношу, который губитъ свои способности въ кругу людей, которые не могли и оцѣнить ихъ, не только придать имъ силы. Онъ устыдилъ молодаго Карамзина образомъ его жизни, уговорилъ его ѣхать въ Москву и приняться за что-нибудь полезное. Этому-то достойному человѣку обязаны мы сохраненіемъ Карамзина отъ разсѣянной, пустой жизни и неразлучныхъ съ нею искушеній. Тогда-то возвратился Карамзинъ въ Москву, и тогда-то, по рекомендаціи Тургенева, вступилъ въ общество Новикова, къ которому принадлежалъ уже его Агатонъ, Александръ Андреевичъ Петровъ.

Первые опыты Карамзина, до его путешествія, были слѣдующіе:

Деревянная нога, швейцарская идилія, переводъ изъ Геснера—1783.

Нѣкоторые переводы, напечатанные болѣе въ двухъ первыхъ томахъ Дѣтскаго Чтенія—1785. Въ послѣдующихъ онъ помѣщалъ ихъ изрѣдка, безъ постояннаго участія.

О происхожденіи зла, поэма, переводъ изъ Галлера. —1786.

Юлій Цезарь, трагедія, переводъ изъ Шекспира—1787. (Замѣчу для библіомановъ, что есть другой старинный переводъ Р. А. то-есть: Арсеньева. Переводъ Карамзина напечатанъ былъ въ типографіи компаніи типографической).

Эмилія Галотти, трагедія Лессинга—1788.

Всѣ эти опыты предшествовали путешествію Карамзина въ чужіе краи. Онъ сдѣлался извѣстенъ съ изданія Московскаго журнала, въ 1791 году, особенно по Письмамъ Русскаго путешественника, которыхъ были помѣщены въ немъ первыя четыре части.

Въ книжкѣ Карамзина: *Мои Бездѣлки*, напечатанъ былъ разсказъ, подъ названіемъ: *Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ*, съ такимъ примѣчаніемъ автора: «онъ еще живъ, «одинъ изъ моихъ пріятелей читалъ ему сію піесу. Доб«рый старикъ плакалъ и говорилъ: я этого не стою, я это«го не стою!»

Я обязанъ сказать, что все, написанное о *Фролѣ Силинѣ*, совершенная правда. Онъ былъ крестьяниномъ моего дѣда Ивана Гавриловича Дмитріева, изъ деревни *Ивановское*, болѣе извѣстной подъ другимь названіемъ: *Чекалино*, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго моего села. Я зналъ Фрола Силина и помню, какъ теперь гляжу, его умное лицо, высокой ростъ, рѣдкую сѣдую бороду и красный носъ, потому что онъ любилъ-таки выпить.—Сколько разъ, въ моемъ дѣтствѣ, онъ приносилъ мнѣ меду, только-что вынутыхъ сотовъ, потому что онъ былъ человѣкъ зажиточный. — Пріятель Карамзина, читавшій Фролу Силину описаніе его добрыхъ поступковъ, это мой дядя Ив. Ив. Дмитріевъ. — Фролу Силину казалось чрезвычайно дико, что о немъ на-

писано въ книгѣ: какъ-то онъ не вѣрилъ и думалъ, кажется, не шутятъ ли надъ нимъ, и не читаютъ ли наизусть, чего совсѣмъ не написано.

Есть пословица: «каковъ корень, таковы и отростки».— Но видно она не совсѣмъ справедлива. — Разскажу происхожденіе Фрола Силина, годное хоть бы въ романъ.

Мать его, молодая баба, работала въ полѣ; наѣхали разбойники и увезли ее съ собою. У нихъ прожила она цѣлый годъ. Наконецъ, когда они въ ней уже увѣрились и могли, по ихъ соображеніямъ, безопасно оставлять ее одну, они отправились на разбой, оставивши ее безъ надзора. Она скрылась, ушла къ своему мужу и, говорятъ, не безъ денегъ. Одинъ изъ разбойниковъ, который былъ къ ней ближе, отыскалъ ее, пріѣхалъ къ ней въ домъ и велѣлъ дать знать—въ извѣстное мѣсто—когда она родитъ; и ежели родитъ сына, дать ему имя *Фролъ Силинъ*. Такъ и сдѣлалось.

Скажутъ: «гдѣже разбойники могли жить зимою?» — Вопервыхъ, ихъ такъ боялись встарину, что имъ вездѣ было пристанище. Могъ же разбойникъ безопасно пріѣхать въ домъ къ этой бабѣ.—А еслибы его схватили и представили въ городъ, товарищи его не оставили бы безъ отмщенія: подпустили бы *краснаго пѣтуха*, т. е. зажгли бы все селеніе.—А вовторыхъ сколько другихъ убѣжищъ! Недалеко отъ моей деревни, въ бывшемъ имѣніи моего дѣда, находится и донынѣ пещера, изъ одного камня, въ которой можетъ помѣститься человѣкъ двадцать, и болѣе. Входъ въ нее низкой, ползкомъ, но въ ней высоко и просторно; изъ нея такой же спускъ въ другую, нижнюю пещеру, на противоположную сторону горы. А съ лѣсистой горы открытый видъ кругомъ, верстъ на пятнадцать. Въ пещерѣ замѣтны слѣды дыма; какъ не жить тутъ разбойникамъ, даже и зимою!

По странности происхожденія *Фрола Силина* ходили о немъ разные, конечно вздорные, слухи. Говорили, что онъ зналъ какое-то слово, по которому его не трогали разбойники, и даже нѣкоторыя слова, которымъ приписывали таинственную силу. — Я разсказываю это, натурально, не за истину, а за слухи, которые о немъ ходили между крестьянами, и которымъ они вѣрили.

Говорили, напримѣръ, что однажды, когда онъ ѣхалъ куда-то одинъ въ телѣгѣ, на него самаго напали разбойники, разумѣется, уже другіе, не той шайки, которая похитила его мать, потому что прошло много времени. Одни схватили подъ уздцы его лошадь, другіе ухватились за телѣгу. — Онъ будтобы промолвилъ какое-то слово и закричалъ на лошадь. Руки ихъ пристали къ уздѣ и къ телегѣ, и такимъ образомъ онъ ихъ привелъ къ себѣ домой.—Пріѣхавши, велѣлъ ихъ накормить; но они просили только, чтобы онъ отпустилъ ихъ. Фролъ Силинъ взмиловался и отпустилъ, сказавъ только: «теперь знайте Фрола Силина!»—Само собою разумѣется, что это сказка, доказывающая только, какъ все необыкновенное вызываетъ въ народной фантазіи разсказы, превращающіеся по большой части въ чудесное.

Сочиненія Карамзина были приняты съ необыкновеннымъ восторгомъ. Красота языка и чувствительность — вотъ что очаровало современниковъ. Молодые люди и женщины всегда воспріимчивѣе и къ чувствительному и къ прекрасному: покрайней мѣрѣ такъ было въ то время. Ихъ-то любимцемъ сдѣлался Карамзинъ, какъ авторъ. Его слогъ чрезвычайно быстро проникъ въ молодое поколѣніе писателей, но тѣмъ болѣе возбудилъ онъ противъ себя закоснѣлость стариковъ и старыхъ писателей, которымъ переучиваться было уже поздно. Между ними возсталъ на него Шишковъ въ своей книгѣ: *Разсужденіе о Старомъ и Новомъ слогѣ* (1802).

Нынче эта книга забыта, но въ свое время она надѣлала много шума въ пишущей публикѣ, и Шишковъ сдѣлался знаменемъ, подъ которое стекались литературные староверы. Впрочемъ этихъ людей было не много; всѣ они были люди, не отличавшіеся ни знаніями, ни талантами. Таковы были, напримѣръ, Захаровъ (который написалъ: *Похвалу женамъ*, и въ переводѣ Телемака прославился своею фразою: *возсѣдали старцы обоего пола*); потомъ: *Станевичъ, Анастасевичъ, Политковской*. Кто объ нихъ нынѣ знаетъ и помнитъ, что̀ они написали? А языкъ Карамзина распространялся болѣе и болѣе.

Нынѣ пишутъ о Шишковѣ, какъ объ учредителѣ школы, противодѣйствовавшей Карамзину, какъ будто Шишковъ имѣлъ въ нашей литературѣ какую-нибудь силу и произвелъ на нее какое нибудь вліяніе! Ничего этого не было!— Одинъ Шишковъ писалъ противъ Карамзина, а другіе, не многіе, молча лѣпились около него, по зависти къ недостижимому таланту, по недовѣрчивости къ нововведеніямъ въ слогѣ и по незнанію языка, а не потому, чтобы отстаивали коренныя его свойства. Самъ Шишковъ, имѣвшій пристрастіе къ Славянскому языку, плохо зналъ его, и вообще не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній въ филологіи. Если бы нынѣшніе защитники Шишкова прочитали его книгу: *Разсужденіе о Старомъ и Новомъ слогѣ; Прибавленіе къ разсужденію*, и *О краснорѣчіи Св. Писанія*, они сами могли бы это увидѣть.

Это пишутъ они отъ того, что книгъ Шишкова не читали; вотъ этому и доказательство.

Г. *Плаксинъ*, въ своей книгѣ: *Краткой курсъ Словесности* (С. П. Б. 1832. стр. 161.) говоритъ: «Критики Шишкова имѣли весьма значительное вліяніе въ нашей литературѣ, особливо: *О легчайшемъ способомъ возражать на Критику*

можетъ почесться лучшимъ образцомъ и теоріею критики». Я въ этомъ согласенъ, что эта небольшая книжка дѣйствительно превосходный образецъ критики; но дѣло въ томъ, что она написана не *Шишковымъ,* а *противъ Шишкова*, и что въ ней-то и доказано, что Шишковъ плохо знаетъ Славянской языкъ, и что онъ плохой критикъ. Эта книжка написана *Дм. Вас. Дашковымъ*, который послѣ былъ министромъ юстиціи. Объ ней я упомяну послѣ.

Тамъ же говоритъ г. Плаксинъ: «*Полемическій споръ* Карамзина съ Шишковымъ—можетъ быть читанъ съ пользою». Не говорю о томъ, что полемической споръ—это все равно, что *спорный споръ*; но гдѣ бы достать прочитать такую рѣдкость, которой никогда не существовало, т.-е. споръ Карамзина съ Шишковымъ. Карамзинъ, это всѣмъ извѣстно, никогда не отвѣчалъ Шишкову на его нападки, ибо критики прямо противъ Карамзина и на его имя Шишковъ тоже никогда не писалъ! Стало быть г. Плаксинъ тоже не могъ читать того, что̀ совѣтуетъ прочитать ученикамъ своимъ.

Шишковъ находилъ у Карамзина *галлицизмы*, которыхъ нѣтъ; а самъ, употребляя славянскія или старинныя русскія слова, и думая писать подобно предкамъ, очень часто дѣлалъ галлицизмы и не замѣчалъ этого. Причиною этого то, что онъ всѣ иностранныя слова (кромѣ нѣмецкихъ, ибо онъ по-нѣмецки, какъ и по-итальянски, зналъ хорошо), принималъ за французскія, а всѣ французскія слова за галлицизмы. Онъ не зналъ, что галлицизмъ, германизмъ и проч. заключается не въ словѣ, а въ *оборотѣ рѣчи*; что онъ относится не къ этимологіи языка, а къ синтаксису.

Въ доказательство, что Шишковъ самъ дѣлалъ галлицизмы, вотъ одна его фраза: «*не могла она* (т.-е. пчела) *какъ*

токмо самомалѣйшую *часть онаго* (меда) высосать.» Это оборотъ совершенно французской: elle *ne pouvait* en tirer *que la plus petite partie*. По-русски надобно было сказать: «*она могла только*:« или «*она не могла болѣе, какъ только*.» А вотъ примѣръ его худаго знанія русскаго языка: «такъ писали предки наши, *которыхъ* нынѣшніе писатели не читаютъ, или смѣются *имъ*.» По-русски слѣдовало сказать: «или *которымъ* смѣются.»

Примѣръ того же, что всѣ иностранныя слова онъ почиталъ французскими, напечатанъ былъ въ Москвитянинѣ, А. С. Стурдзою. Слово Trésor (вмѣсто латинскаго thesaurus) Шишковъ производилъ отъ très и or, и переводилъ по-русски словомъ *презлато*. Его книги наполнены подобными примѣрами.

Онъ до такой степени былъ не твердъ въ понятіи о свойствахъ языка, что для него *слово*, *оборотъ рѣчи* и самая *метафора*, все это, и *фигуры*, и *тропы*, принадлежали самому языку. Находитъ ли онъ метафору — это у него свойство и красота славянскаго языка; находитъ ли онъ эллинизмъ и такую перестановку, такое сочетаніе частей рѣчи, отъ которыхъ рѣчь запутана и вовсе не понятна для русскаго человѣка: это у него опять свойство и красота славянскаго языка.

Истинный знатокъ языка, какъ напримѣръ *Евгеній Іоанновичъ*, епископъ Карловацкій (написавшій недавно грамматику Церковно-Славянскаго языка) различаетъ легко ошибки неискусныхъ переводчиковъ отъ истинныхъ свойствъ языка. На это же указывалъ и Дашковъ въ своей маленькой, но драгоцѣнной книжкѣ, написанной противъ Шишкова. Но Шишковъ принималъ это за расколъ въ словесности, и вмѣсто дѣльнаго возраженія укорялъ своихъ противниковъ, что сроду не бывали ни у заутрени, ни у обѣд-

ни. (См. Цвѣтникъ, изд. Измайлова и Никольскаго, 1810 г., томъ 8, стр. 430).

Вотъ подлинныя слова Шишкова: «Новораспространившееся о словесности толкованіе умы многихъ молодыхъ людей, впрочемъ весьма острыхъ и благомыслящихъ, удивительнымъ образомъ заразило. Иной, не читавъ ничего, кромѣ переводимыхъ по два тома въ недѣлю романовъ, и не бывавъ сроду ни у заутрени, ни у обѣдни, не хочетъ вѣрить, что *благодатная, неискусобрачная, тлетворный, злокозненный, багрянородный*, Русскія слова и утверждаетъ это тѣмъ, что онъ ни въ Лизѣ (т.-е. въ Бѣдной Лизѣ Карамзина), ни въ Анютѣ ихъ не читалъ.» (см. *Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа* съ примѣчаніями переводчика).

Въ Разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія, говоритъ онъ о раздѣленіи славянскаго и русскаго языка между прочимъ слѣдующее: «На что жъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ «и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? Для «того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нра«воучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, «отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ «свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ «помраченію ума и уловленію невинности, что, совлеченная «единожды, она непремѣнно должна попасть въ оныя. Какое «намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній «языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобы языкъ «вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуз«дывать языка страстей.»—Таковыя-то мнѣнія включалъ Шишковъ въ простое разсужденіе о языкѣ!

И таковы-то были тогдашніе споры филологовъ!—Когда сравнишь ихъ съ нынѣшними филологическими изслѣдованіями; когда вспомнишь тогдашнее изданіе Россійской Ака-

деміи, подъ названіемъ *Сочиненій* и *переводовъ* и сравнишь ихъ съ нынѣшними трудами Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію: то ясно увидишь, что съ того времени мы сдѣлали великіе успѣхи, и что только нынѣ филологія сдѣлалась у насъ наукою; а тогда была только поприщемъ, на которомъ изощрялась охота къ словопренію.

Надобно однако отдать справедливость Шишкову въ томъ, что онъ былъ какъ бы предшественникъ нашей филологіи, хотя не имѣлъ о ней понятія ученаго. Большую честь дѣлаетъ ему и то, что въ своихъ *Разговорахъ о словесности* (1811) онъ силился обратить вниманіе словесниковъ къ *простонароднымъ русскимъ пѣснямъ*, которыя тогда были въ пренебреженіи. —Время много значитъ! Пиши онъ нынѣ— онъ писалъ бы не такъ, и не такъ бы понимали его направленіе! У него не доставало критики и разумнаго, хладнокровнаго изслѣдованія: въ направленіи того времени было много увлеченія и не было разумнаго отчетливаго созерцанія науки.

Шишковъ, подъ непривѣтливою наружностью, былъ добродушенъ; подъ холодною наружностію, пылокъ. Таковъ онъ былъ и въ молодости. Дядя мой, С. Ѳ. Филатовъ, капитанъ перваго ранга и георгіевскій кавалеръ, служилъ съ нимъ вмѣстѣ въ морской службѣ и зналъ его коротко, какъ товарища. Онъ разсказывалъ, что Шишковъ въ молодыхъ лѣтахъ влюблялся безпрестанно и страдалъ отъ любви. Онъ не измѣнилъ себѣ и подъ конецъ жизни: въ глубокой старости онъ вторично женился на женщинѣ молодой, въ сравненіи съ нимъ, лѣтами.

Добродушный, честный, благонамѣренный, онъ увлекался слѣпою страстію къ старинѣ и къ красотамъ славянскаго языка; говорю: слѣпою, потому что онъ худо зналъ и

понималъ предметъ своей страсти. Эта слѣпая страсть дѣлала его несправедливымъ; при цѣли, съ его стороны конечно благонамѣренной, онъ почиталъ дозволенными всѣ средства. Въ своей книгѣ: *О слогѣ,* онъ безпрестанно употребляетъ вотъ какую уловку. Онъ выписываетъ фразу Карамзина, всѣмъ извѣстную; а вслѣдъ за нею фразы *плохія,* или *смѣшныя,* другихъ молодыхъ прозаиковъ: такъ, чтобы не знающій, или недогадливый читатель подумалъ, что и послѣднія принадлежатъ Карамзину же. Этими уловками и тономъ нетерпимости, господствующимъ въ его книгѣ, онъ болѣе всего возбудилъ противъ себя почитателей Карамзина; а примѣрами собственнаго незнанія, соединеннаго съ увѣренностію знатока и съ упреками, не всегда умѣренными, возбудилъ негодованіе просвѣщенныхъ литераторовъ.

Но со стороны нравственныхъ требованій отъ слова человѣческаго, которое, особенно въ рукахъ писателя, можетъ сдѣлаться и благотворнымъ и вреднымъ орудіемъ, Шишковъ, не смотря на свои крайности, былъ правъ: въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что люди его времени оставляли въ пренебреженіи его указанія. Онъ возставалъ, напримѣръ, не собственно противъ французскаго языка, но противъ его безразсуднаго употребленія, которое было таково, что нынче мы устыдились бы видѣть это между нами. Однимъ словомъ: до 1812 года чистый французскій языкъ былъ у насъ—и грамота на благородное происхожденіе, и аттестатъ на отличное воспитаніе. Одинъ Шишковъ видѣлъ, за долго до нашествія враговъ, что подъ этимъ скрывается пристрастіе не къ одному языку, а ко всему чужому; что, и посредствомъ языка, Францiя, такъ сказать, налагала на насъ безотчетное покорство самому образу мыслей чужаго народа. Кромѣ того онъ видѣлъ, хотя и не умѣлъ выразить этого, что *одна* чужая литература, особенно же французская, красивая, легкая, не

глубокая, ведетъ къ разслабленію понятій и къ односторонности; что русскіе писатели, не зная другихъ литературъ, не могутъ извлекать пользы изъ сравненія, и потому, вмѣсто расширенія своихъ понятій, съуживаютъ свои понятія; что они осуждены черпать изъ *одного* источника, и то не изъ чистой глубины, а побольшой части тинистую мутную воду пологаго берега, къ которому доступъ легче. Шишковъ предсказывалъ многіе плоды этого пристрастія къ чужому, этого отчужденія отъ самихъ себя: что̀ и сбылось, и что̀ мы только теперь поняли. Шишковъ былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, пророкъ; за то его и не слушали, какъ въ древности пророковъ! Не смотря на все, что̀ сказано много выше, не смотря на его исключительность, на тѣ средства обличенія, которыя онъ иногда позволялъ себѣ въ своемъ негодованіи, не смотря, говорю на все это, честная его память, какъ человѣка, заслуживаетъ вѣчное уваженіе.

Эта-то его односторонность и раздражительность и возстановляли противъ него: хладнокровныя указанія и строгость мысли были бы дѣйствительнѣе. Это надобно принять въ соображеніе и нынѣшнимъ славенофиламъ.

Карамзинъ не возражалъ Шишкову. Первый возсталъ на книгу Шишкова: *О старомъ и новомъ слогѣ*, Петръ Ивановичъ Макаровъ въ своемъ журналѣ: *Московскій Меркурій* (1803 года). Макаровъ, этой дѣльной рецензіей, сдѣлалъ себѣ почетное имя между тогдашними литераторами. Ранняя смерть не допустила его до дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ словесности; но онъ былъ одинъ изъ самыхъ благоразумныхъ и безпристрастныхъ послѣдователей Карамзина. Его слогъ былъ слѣдствіемъ изученія языка, а не подражательности. Онъ не заботился поддерживать его легкими и пустыми фразами, какъ другіе, не замѣчая, что не въ пустотѣ фразы состояла легкость Карамзинскаго слога.

Сказавши съ похвалою о слогѣ и дѣльныхъ замѣчаніхъ Макарова, я не могу однако умолчать о направленіи его журнала. *Легкость* была тогда достоинство; но у нѣкоторыхъ она переходила границы, обнаруживаясь не въ одномъ слогѣ и содержаніи, но и въ самомъ образѣ мыслей, относительно до тѣхъ понятій, которыя нынѣ остановятъ руку пишущаго, не дожидаясь напоминанія цензуры. Довольно взглянуть въ его журналѣ на поклоненіе женщинамъ, совсѣмъ не однозначащее съ уваженіемъ; довольно видѣть его апоѳеозу Нинoны Ланкло! — Мы, кажется, въ этомъ отношеніи, лучше и застѣнчивѣе нашихъ предшественниковъ. — Еще одна замѣтная сторона этого журнала, относящаяся тоже болѣе къ тому времени. Чуть появлялась книга важнаго содержанія, критикъ (т. е. самъ издатель) оказывался, при всѣмъ своемъ умѣ, incompétent, неспособнымъ произнести сужденіе, и отдѣлывался короткою фразой, или отказывался отъ произнесенія своего мнѣнія. — Однимъ словомъ, до благодѣтельнаго указа 1809 года, заставившаго насъ учиться, и самые просвѣщенные литераторы были такъ небогаты основательными знаніями, что каждый изъ насъ, нынѣшнихъ стариковъ, не говорю уже о учившихся послѣ насъ молодыхъ людяхъ, показался бы въ то время ученѣйшимъ человѣкомъ! — И въ этомъ, видно, какъ Карамзинъ былъ выше своихъ современниковъ между писателями! — А какъ подвигалось просвѣщеніе, еще до упомянутаго указа, и какъ важно было въ этомъ отношеніи содѣйствіе Университетскаго благороднаго пансіона, близкаго къ Университету, доказываетъ собою Жуковской.

Кстати о тогдашней легкой литературѣ. Я не знаю читалъ ли кто изъ читателей моихъ Мелочей «*Журналъ для милыхъ*, издававшійся (1804 года.) другимъ Макаровымъ, Михайлою Николаевичемъ, недавно умершимъ. — Довольно названія, чтобы разинуть ротъ отъ удивленія!

А еслибы знали содержаніе: пустота, и подъ фирмою сентиментальности какое-то жалкое и безсильное поползновеніе къ непристойности!—Нынѣ это—морально-невозможно! Правда, Мих. Никол. Макаровъ былъ тогда очень молодъ; но нынѣшняя молодежь имѣетъ притязаніе на *лучшую* извѣстность по уму, и постыдилась бы нескромности! — Мих. Никол. Макаровъ разсказывалъ мнѣ, что въ первый разъ онъ встрѣтилъ Карамзина въ типографіи и тотчасъ поднесъ ему билетъ на *Журналъ для милыхъ*. Карамзинъ поблагодарилъ его и сказалъ: «Въ первый разъ еще вижу дѣтей журналистами.» Онъ зналъ уже журналъ Макарова. А Сѣверный Вѣстникъ Мартынова поспѣшилъ дать совѣтъ, чтобъ «милыя» и въ руки не брали этого журнала. «Это», говорилъ мнѣ, въ старости, самъ издатель, «было и справедливо».

Любопытно однако знать и цѣль, и участниковъ этого журнала. Семнадцатилѣтній Макаровъ началъ его съ помощію одного студента Славено-греко-латинской Академіи И. В. Смирнова. А цѣль ихъ была не одно угожденіе милымъ; но (какъ признавался мнѣ, въ старости, самъ издатель,) « низпровергнуть *варварскія укрѣпленія* Шишкова противъ Карамзина» — хотя во всемъ журналѣ и подозрѣвать нельзя такого героическаго предпріятія! Полемика была поручена *сотрудницамъ*, извѣстнымъ только одним издателямъ. — Но кто же были эти сотрудницы?

Завлеченныя какими-то обстоятельствами, пріѣхали въ Москву двѣ молодыя *Кроатки*, княжна Елиз. *Трубѣска* и сестра ея А. *Безнина*. Онѣ учились порусски у тогоже студента Смирнова. Имъ то ввѣрена была критика. — Журналъ не могъ однако продолжаться. Тогда издатели уговорили одну изъ сотрудницъ издавать другой отъ своего имени. — Она не задумалась, и немедленно объявила въ газетахъ о новомъ журналѣ: *Амуръ*, и перевела свою фамилію порусски, т. е. вмѣсто кн. *Е. Трубѣска*, подписа-

лась подъ программой: княжна Елизавета *Трубецкая*. — Княжна такого имени и фамиліи была извѣстна въ Москвѣ, въ большомъ свѣтѣ: можно себѣ вообразить, сколько хлопотъ стоило это бѣдному Макарову! — Журналъ не состоялся; а Безнина и Трубеска уѣхали въ свою сторону, не въ Кроацію, а въ Богемію.—Все это читаешь нынѣ, какъ сказку.

Но никто но писалъ противъ Шишкова такъ сильно и основательно, какъ Дмитрій Вас. *Дашковъ*, первоклассный знатокъ русскаго языка, въ своемъ разборѣ *двухъ статей изъ Лагарпа* (Цвѣтн. 1810) и въ упомянутой выше книжкѣ *О легчайшемъ способѣ возражать на критику* (1811), онъ выводитъ на свѣжую воду всенезнаніе Шишкова, и поражаетъ его строгою логикою и строгимъ знаніемъ языковъ славянскаго и русскаго.

Дашковъ доказалъ, что нѣкоторые примѣры, приводимые Шишковымъ изъ старинныхъ книгъ, какъ красоты славянскаго языка, суть не что иное, какъ буквальный переводъ съ греческаго, противный словосочиненію славянскаго языка. Онъ указалъ ему на предисловіе Св. Синода къ изданію Библіи 1758 года, гдѣ упоминаются слова одного изъ трудившихся въ изданіи Острожской Библіи: «Азъ, рече, «составихъ, елико могохъ, умаленіемъ си смысла; ибо учи- «лища николи же видихъ, но повелѣнія Благочестиваго «Князя отрещися отнюдь не возмогохъ.»—Это былъ бой зрѣлаго просвѣщенія съ упрямою стариною, достойный и нынче быть въ памяти. Небольшая книжка Дашкова доставила ему между безпристрастными литераторами большую славу.

Въ этой книжкѣ, очень дѣльной и по содержанію своему важной, есть однако и смѣшное. Шишковъ, напримѣръ,

говоритъ, что мудрые составители слявянскаго языка (какъ будто языкъ кѣмъ-нибудь составляется) для изображенія предметовъ круглыхъ выбирали и буквы круглыя, такъ въ словѣ *око* находятся два *О*. — Дашковъ спрашиваетъ его, отъ чего же эти мудрецы забыли при этомъ два прототипа круглости *шаръ* и *кругъ*, въ которыхъ нѣтъ ни одного *О*? Шишковъ, разгорячившись на своего противника, говоритъ, что онъ никогда не утверждалъ, что всѣ славянскія выраженія принадлежатъ къ высокому слогу; что есть и низкія, напримѣръ: «и сотворю ти подзатыльницу.» Дашковъ отвѣчаетъ, что онъ въ этомъ согласенъ; но что на это можно возразить высокимъ слогомъ: «и абіе воздамъ ти сторицею!»—и что это будетъ гораздо сильнѣе! — Вотъ что находится въ этой книжкѣ, которую г. Плаксинъ приписываетъ самому Шишкову.

Противъ него-то и другихъ тогдашнихъ славенофиловъ, и отчасти противъ Державинской Бесѣды, гдѣ они нашли себѣ прибѣжище въ литературѣ, учреждено было въ Петербургѣ то шутливое *Арзамасское общество*, о которомъ напечаталъ въ Москвитянинѣ А. С. Стурдза.

Оно названо было Арзамасскимъ вотъ по какому случаю. Воспитанникъ петербургской Академіи Художествъ, живописецъ Ступинъ, переѣхалъ на житье въ Арзамасъ и завелъ тамъ школу живописи. Я, въ одинъ проѣздъ мой черезъ Арзамасъ съ моимъ дядею, посѣщалъ его и съ нимъ познакомился. Молодые литераторы, которымъ, при всемъ уваженіи къ предпріятію Ступина, казалось смѣшнымъ, что въ Арзамасѣ есть школа живописи, назвали ее *Арзамасскою Академіею*, и въ подраженіе этому учредили въ Петербургѣ *Арзамасское ученое общество.*

Въ этомъ обществѣ, посвященномъ шуткамъ и пародіямъ, каждый членъ имѣлъ свое имя. Нѣкоторыя имена я помню: Жуковскій назывался *Свѣтлана*; А. И. Тургеневъ—*Эолова*

Арфа; С. П. Ж.—*Громобой*, Д. Н. Б.—*Кассандра*; Ф. Ф. Вигель *Ивиковъ Журавль*; Д. П. С. — *Рѣзвый Котъ*; С. С. Уваровъ *Старушка*; В. Л. Пушкинъ—*Вотъ*. Другихъ не помню. Они читали пародіи, и каждое засѣданіе начиналось похвальнымъ словомъ какому-нибудь изъ литературныхъ старовѣровъ, противниковъ Карамзина, или кому-нибудь изъ стихотворцевъ.

Въ этихъ пародіяхъ и рѣчахъ, произносимыхъ членами, много упоминался извѣстный гр. Дм. И. Хвостовъ. Кстати, вспомнить при этомъ случаѣ объ немъ.

Гр. Хвостовъ теперь забытъ; но въ наше время онъ составлялъ наслажденіе веселыхъ литераторовъ и молодыхъ людей, не чуждыхъ литературѣ, которые хотѣли позабавиться. Слушатели бѣгали отъ его чтенія; но словесники находили въ его сочиненіяхъ неисчерпаемый источникъ забавы и шутокъ.

Онъ былъ по происхожденію не графъ, и началъ свое литературное поприще еще въ старинномъ журналѣ: *Собесѣдникъ*, потомъ печаталъ въ *Аонидахъ* Карамзина, еще безъ графскаго титула. Но онъ былъ женатъ на племянницѣ Суворова, который и выпросилъ ему графство у короля Сардинскаго.

Его сочиненія замѣчательны не тѣмъ, что они плохи; плохими сочиненіями нельзя прославиться, такъ какъ не прославился своими Николевъ. А онъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, составилъ себѣ *имя* тѣмъ, что въ его сочиненіяхъ сама природа является иногда на выворотъ. Напримѣръ, извѣстный законъ оптики, что отдаленный предметъ кажется меньше; а у него въ притчѣ *Два прохожіе*, сперва кажется имъ издали *туча*; потомъ она показалась *горою*; потомъ подошли ближе, увидѣли, что это *куча*. У него, въ тѣхъ же притчахъ, *оселъ* лѣзетъ на рябину и крѣпко *лапами* за дерево хватаетъ; *голубь*—разгрызъ *зубами* узелки;

сума надувается отъ *вздоховъ*; *ужъ*—становится *на колѣни*; *рыбакъ*, плывя по рѣкѣ, *застрѣлилъ лисицу*, которая не видала его потому, что шла къ рѣкѣ *кривымъ глазомъ*; *воръ*—ружье намѣтилъ *изъ-за горъ*. И множество драгоцѣнностей въ этомъ родѣ, особенно въ первомъ изданіи его притчей 1801 года.

Журналы наконецъ не охотно печатали его сочиненія. Были и другіе стихотворцы, которымъ еще меньше было счастья у журналистовъ; трое изъ нихъ Гр. Хв., П. И. Г. К. и С. согласились издавать журналъ, для помѣщенія своихъ сочиненій, и уговорили П. П. Бекетова печатать этотъ журналъ на его счетъ въ его типографіи, разсчитывая на большія выгоды. Такимъ образомъ составился, въ 1803 году, *Другъ просвѣщенія*, памятный только тому, что въ немъ помѣстилъ Евгеній начало своего *Словаря свѣтскихъ писателей*. Три стихотворца (имена ихъ обозначены при имени этого журнала въ росписи книгъ бывшей библіотеки Плавильщикова) собирались вмѣстѣ читать свои произведенія и рѣшать, достойны ли они помѣщенія въ журналѣ. При этомъ разборѣ, какъ скоро піеса третьяго оказалась плоха, двое на перерывъ превозносили ее, для того только, чтобы ихъ собственныя произведенія при ней показались читателямъ лучше. Послѣ этого можно судить, каковы были всѣ стихотворенія помѣщаемыя въ этомъ журналѣ!

Графъ Хвостовъ былъ извѣстенъ охотою читать всякому свои сочиненія. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ былъ его племянникъ. Однажды въ Петербургѣ гр. Хвостовъ долго мучилъ его чтеніемъ. Наконецъ Кокошкинъ не вытерпѣлъ и сказалъ ему: «Извините, дядюшка! Я далъ слово обѣдать; мнѣ пора! Боюсь, что опоздаю; а я пѣшкомъ!»—«Что же ты мнѣ давно не сказалъ, любезный!»—отвѣчалъ гр. Хвостовъ: у меня готова карета; я тебя подвезу!»—Но только что они сѣли

въ карету, гр. Хвостовъ выглянулъ въ окно и закричалъ кучеру: «ступай шагомъ!»—а самъ поднялъ стекло кареты, вынулъ изъ кармана тетрадь, и принялся запертаго Кокошкина опять душить чтеніемъ.

Лѣтомъ 1822 года, нѣсколько петербургскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ, нанимали, на общій счетъ, дачу, близъ Руки. Иногда бывали у нихъ и чтенія. Въ этомъ маленькомъ обществѣ прозвали Крылова *Соловьемъ*. Вдругъ является къ нимъ гр. Хвостовъ, съ стихами *Пѣвцу-соловью*. Ему объявили, что если кто хочетъ быть членомъ ихъ общества, тотъ долженъ покоряться ихъ правиламъ; что они готовы его слушать, но за каждое рукоплесканіе—у нихъ положена съ автора бутылка шампанскаго! Графъ Хвостовъ начинаетъ читать: за каждымъ куплетомъ раздается рукоплесканіе; за каждымъ необыкновеннымъ стихомъ, въ его родѣ, опять рукоплесканіе! — Ихъ начлось такъ много, что авторъ долженъ былъ отплатиться такимъ количествомъ шампанскаго, которое стоило ему довольно дорого.

Но онъ же былъ добродушенъ. Алекс. Еѳ. Измайлова, издателя *Благонамѣреннаго* и баснописца, просилъ о пособіи въ бѣдности бѣдный и больной симбирскій баснописецъ *Маздорфъ* (я зналъ его лично); но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ просилъ не объявлять объ этомъ въ Благонамѣренномъ. Гр. Хвостовъ, какъ скоро сказали ему объ этомъ, по неимѣнію на этотъ разъ наличныхъ денегъ, немедленно взялъ впередъ 100 руб. изъ своего жалованья и отдалъ ихъ Измайлову для отсылки къ Маздорфу (1819).

Съ нимъ дѣлали много мистификацій, которыя были тогда въ употребленіи. 1 Апр. 1822 прислали къ нему печатное траурное приглашеніе на похороны Измайлова, кото-

рый совсѣмъ былъ здоровъ. Гр. Хвостовъ, не смотря на то, что Измайловъ написалъ на него нѣсколько сатирическихъ басенъ, огорчился; но наконецъ догадался и выразилъ въ письмѣ своемъ къ Измайлову все неприличіе огорчать подобными шутками. Говорили, будто онъ явился на похороны; но это несправедливо! Какъ однако тогда всѣ были веселы и наклонны къ шуткамъ: это надобно замѣтить!

Извѣстно четверостишіе *Буало* на поэму *Шапеленя*, написанное его жесткимъ слогомъ. Нѣкоторые тогдашніе литераторы (Жуковскій, Дашковъ, Воейковъ и А. И. Тургеневъ) въ подраженіе этому сочинили надпись къ портрету русскаго стихотворца, которая была напечатана въ Вѣстникѣ Европы. Вотъ она:

„Се росска Флакка зракъ! Се, тотъ, кто, какъ и онъ,
„Выспрь быстро, какъ птицъ царь, несъ звукъ на Геликонъ!
„Се ликъ одъ, притчъ творца. Музъ чтителя, Свистова,
„Кой поле испестрилъ россійска красна слова!“

Рѣшительно не знаю, гдѣ вставить, изъ запаса моей памяти, одного чудака изъ стихотворцевъ, о которомъ я думалъ, что никто и не знаетъ; но о немъ нашелъ я нѣсколько словъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ: слѣдовательно никто не удивится, встрѣтивъ здѣсь его имя. Помѣщаю его подлѣ Гр. Хвостова, какъ товарища по бездарности, хотя уступающаго и ему не одною степенью, въ своемъ искусствѣ.

Струйской былъ помѣщикъ Пензенской губерніи, жившій въ концѣ прошедшаго столѣтія, великій почитатель и подражатель Сумарокова. Между современниками или, лучше сказать, между знакомыми, онъ былъ извѣстенъ необычайными странностями. У него въ деревнѣ, на самомъ верху дома, былъ воздвигнутъ Парнасъ, на которомъ стоялъ

столикъ; онъ всходилъ туда и писалъ стихи, и не иначе писалъ ихъ, какъ на Парнасѣ. Туда не пускалъ онъ никого; но въ случаѣ надобности по деревенскому хозяйству, туда являлся къ нему староста; онъ, съ высоты Парнаса, выслушивалъ его донесенія, отдавалъ приказанія по хозяйству, иногда производилъ судъ надъ виноватыми, и тутъ же, у подошвы Парнаса, происходило наказаніе. Иногда profanum vulgus оказывался виновнымъ и въ томъ, что помѣшалъ вдохновенію! — Въ той же деревнѣ была у него своя домашняя типографія, «на которую, говоритъ кн. Ив. Мих. Долгорукой, въ своихъ Запискахъ, онъ употребилъ большое иждивеніе.» — Въ ней, печаталъ онъ, безъ всякой цензуры, свои безвредныя сочиненія. — Типографія была превосходная; изъ тогдашнихъ она могла равняться развѣ съ одною типографіею Шнора. Я сужу объ этомъ по одному тому его сочиненій, который находится въ моей библіотекѣ, въ числѣ другихъ библіографическихъ рѣдкостей. Шрифтъ прекрасный, чистый и красивый: александрійская клееная бумага и прекрасно вырѣзанныя на мѣди виньеты. Едвали какая книга того времени была выдана такъ чисто, красиво и даже великолѣпно. Но онъ не пускалъ въ продажу своихъ сочиненій, а дарилъ ихъ только своимъ сыновьямъ и знакомымъ; и потому его сочиненій не встрѣчается даже и въ старинныхъ каталогахъ.

Вотъ что разсказываетъ кн. Ив. Мих. Долгорукой въ своихъ Запискахъ, подъ 1794-мъ годомъ, о Струйскомъ и его Парнасѣ: «Въ сіе святилище никто не хаживалъ; ибо, «говорилъ онъ: не должно метать бисера передъ свиньями! — «Меня онъ удостоилъ ласковаго тамъ пріема, за который «дорого заплатилъ однако одинъ изъ моихъ товарищей; ибо «онъ, читая мнѣ одно свое произведеніе, и натурально изъ «хвастовства, по мнѣнію его лучшее, сильно будучи восхи- «щаемъ, щипалъ его до синихъ пятенъ. Все обращеніе его «было впрочемъ дико; одѣваніе странно: онъ носилъ съ фра-

«комъ парчевой камзолъ; подпоясывался роговымъ шолко-
«вымъ кушакомъ; обувался въ бѣлые чулки; на башма-
«кахъ носилъ бантики, и подвязывалъ длинную прусскую ко-
«су. Вотъ его видъ, въ которомъ онъ мнѣ показался. Но ду-
«маю, что это былъ *нарядъ*, и только для меня, въ изъявленіе
«большей преданности.» — Кн. Долгорукой былъ тогда Пен-
зенскимъ вице-губернаторомъ.

Мой двоюродный дядя, Ив. Петр. Бекетовъ служилъ въ гвардіи вмѣстѣ съ сыномъ Струйскаго. Увидѣвъ такую рѣдкость, которой нельзя купить, т. е. сочиненія его отца, онъ всячески старался выпросить себѣ книгу, и насилу добился этого подарка; но и то подъ условіемъ немедленно прислать ее назадъ по первому требованію. — Причина вотъ какая. Отъ времени до времени Струйской требовалъ отъ сына увѣдомленія: «какой стихъ находится въ его сочиненіяхъ, на такой-то строкѣ, такой-то страницѣ?» — Эти внезапные вопросы служили ему удовлетвореніемъ, что сынъ не разлучается съ его сочиненіями. — Такъ и было, что вдругъ сынъ Струйскаго присылаетъ къ Бекетову за книгой, и тотъ немедленно ее посылаетъ.

Кн. Долгорукой говоритъ тамъ же: «Письма его ко мнѣ, которыя я всѣ собралъ, и сочиненія его разсмѣшили бы мертваго; потѣшнѣе, послѣ Телемахиды, ничего нѣтъ на свѣтѣ!» -- По моему мнѣнію однако сочиненія не смѣшны, потому что до крайности плохи мыслями и путаницею рѣчи. Я упомянулъ о немъ только, какъ о чудакѣ между стихотворцами. Правописаніе и пунктуація были у него тоже свои особенные, такъ что разстановка знаковъ препинанія, кажется, не представляетъ ничего, кромѣ каприза и произвола. — Какая разница съ Гр. Хвостовымъ, хотя я и поставилъ ихъ рядомъ. У этого встрѣчается иногда геніальность безсмыслицы; у Струйскаго — одна плоскость, не возбуждающая живаго смѣха! Онъ не представилъ бы

никакого предмета шутки для веселаго Арзамасскаго общества! Отъ Струйскаго совѣстно даже переходить къ другимъ, особливо къ остроумнымъ забавамъ Арзамаса. Но я возвращаюсь къ нему.

Въ числѣ авторовъ, страдавшихъ отъ Арзамасскаго общества, былъ и кн. А. А. Шаховской, извѣстный драматическій писатель. Но это по особой причинѣ. Онъ не любилъ Карамзина. Въ одной изъ первыхъ своихъ комедій, *Новый Стернъ*, онъ представилъ въ каррикатурѣ чувствительнаго автора; онъ мѣтилъ въ ней на князя Шаликова, но стороною хотѣлъ выставить направленіе, будто бы данное Карамзинымъ. Потомъ въ комедіи: *Липецкія воды*, мѣтилъ на Жуковскаго, хотя и не впопадъ. Этимъ его комедія надѣлала въ Петербургѣ много шума; этимъ раздражилъ онъ всѣхъ почитателей Карамзина и Жуковскаго, всѣхъ лучшихъ и даровитыхъ литераторовъ. — Въ Москвѣ печатали на него эпиграмы. Три замѣчательнѣйшія изъ нихъ были напечатаны въ 12-й книжкѣ Россійскаго Музеума, — (1815) подъ заглавіемъ: *Цѣлительныя воды*, просто *Эпиграмма* и *Къ переводчику китайскаго сироты*, (потому что кн. Шаховской переводилъ трагедію Вольтера этого имени). – Тамъ же помѣщено еще *Письмо съ Липецкихъ водъ*, аллегорія, въ которой подъ видомъ посѣтителей этихъ водъ представлены лица изъ комедіи кн. Шаховскаго.

Вотъ какъ принимали въ члены Арзамасскаго общества Василья Львовича Пушкина. Это происходило въ домѣ С. С. У.

Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ, положили его на диванъ и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ. Это прообразовало шутливую поэму князя Шаховскаго: *Расхищенныя шубы* (которая была напечатана въ *Чтеніяхъ Бесѣды* любителей Россійскаго слова) и значило, что новопринимаемый долженъ вытерпѣть, какъ

первое испытаніе, *шубное прѣніе*, т. е. *прѣть* подъ этими *шубами*. Второе испытаніе состояло въ томъ, что, лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи какого-то Француза, петербургскаго автора, которую и читалъ самъ авторъ. Потомъ, съ завязанными глазами, водили его съ лѣстницы на лѣстницу, и привели въ комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ. Кабинетъ, въ которомъ было засѣданіе, и гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, а эта комната оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою, съ ранжевою, огненною занавѣскою. Здѣсь развязали ему глаза — и ему представилась, по срединѣ, чучела, огромная, безобразная, устроенная на вѣшалкѣ для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означаетъ *дурной вкусъ*; подали ему лукъ и стрѣлы и велѣли поразить чудовище. — Пушкинъ (надобно вспомнить его фигуру: толстый, съ подзобкомъ, задыхающійся и подагрикъ) натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу и упалъ, потому что за простыней былъ скрытъ мальчикъ, который въ ту же минуту выстрѣлилъ въ него изъ пистолета холостымъ зарядомъ и повалилъ чучелу! Потомъ ввели Пушкина за занавѣску, и дали ему въ руку эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную привѣтственную рѣчь. Рѣчь эту говорилъ, кажется, Жуковской. Наконецъ поднесли ему серебряную лахань и рукомойникъ, умыть руки и лице, объясняя, что это прообразуетъ *Липецкія воды*, комедію кн. Шаховскаго. Все это происходило въ 1816 или 1817 году. Разумѣется, такъ принимали только одного добродушнаго Василья Львовича, который повѣрилъ, что всѣ подвергаются такимъ же испытаніямъ. Общій титулъ членовъ былъ: *ихъ превосходительства геніи Арзамаса*.

Случилось, что Василій Львовичъ, ѣдучи изъ Москвы, написалъ эпиграмму на станціоннаго смотрителя и мадри-

галъ его женѣ. И то и другое онъ прислалъ въ Арзамасское общество; и то и другое найдено плохимъ, и Пушкинъ былъ разжалованъ изъ имени *Вотъ*; ему дано было другое: *Вотрушка*! Вас. Льв. чрезвычайно огорчился, и упрекнулъ общество дружескимъ посланіемъ, которое напечатано въ его сочиненіяхъ:

„Что дѣлать! видно мнѣ кибитка не Парнасъ!
„Но строгъ, несправедливъ ученый Арзамасъ!
„Я оскорбилъ вашъ слухъ; вы оскорбили друга! и проч.

По разсмотрѣніи посланія, оно было найдено хорошимъ, а нѣкоторые стихи сильными и прекрасными — и Пушкину возвращено было прежне *Вотъ*, и съ прибавленіемъ *я васъ*: т. е. *Вотъ я васъ*, Виргиліево *quos ego*! — Пушкинъ былъ отъ этого въ такомъ восхищеніи, что ѣздилъ по Москвѣ и всѣмъ это разсказывалъ.

Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти, но всѣ люди извѣстные, нѣкоторые въ большихъ чинахъ и въ важныхъ должностяхъ. Никто не почиталъ предосудительнымъ въ то время шутить и быть веселымъ, слѣдуя правилу царя Алексѣя Михайловича: *дѣлу время, и потѣхѣ часъ*. Тогда не считали нужною педантическую важность, убивающую природную веселость, и не любили педантическихъ споровъ, убивающихъ общественное удовольствіе.

Василій Львовичъ Пушкинъ былъ родной дядя Александру Сергѣевичу. Къ нему-то писалъ молодой Пушкинъ:

Нѣтъ, нѣтъ! Вы мнѣ совсѣмъ не братъ!
Вы дядя мой и на Парнасѣ!

Онъ писалъ басни, посланія и мелкія стихотворенія. Стихъ его былъ правиленъ, гладокъ, чистъ; но все дарованіе его ограничивалось *вкусомъ* и не имѣло силы. Между напечатанными его сочиненіями всего болѣе заслуживаетъ вниманіе

сатира: *Вечеръ*. которая была помѣщена еще въ Аонидахъ Карамзина.—Но болѣе всего онъ прославился въ свое время рукописною сатирою, въ родѣ Ренье, подъ названіемъ: *Опасный Сосѣдъ*. Она ходила по рукамъ, какъ произведеніе дѣйствительно замѣчательное вѣрностію и живостію картинъ и лицъ, не совсѣмъ нравственныхъ.

Въ ней главное лицо: *Буяновъ*. Потому-то Ал. Пушкинъ и написалъ въ своемъ Евгеніѣ Онѣгинѣ: «*мой братъ двоюродный Буяновъ*, то-есть потому, что родитель Буянова—его родной дядя, Василій Львовичъ!

Но ни въ чемъ такъ не отличался Вас. Льв., какъ въ стихахъ на заданныя рифмы. Въ мастерствѣ и проворствѣ писать bouts-rimés никто не могъ съ нимъ сравниться! Я упомянулъ уже объ однихъ его bouts-rimés, читанныхъ у Хераскова.

Онъ былъ чрезвычайно добродушенъ. Не сердился за шутки, былъ постояненъ въ дружбѣ и дорожилъ сохраненіемъ пріятельской связи; былъ человѣкъ свѣтской, хорошаго тона, и вообще пріятенъ въ обществѣ. Онъ зналъ языки: французской, нѣмецкой, латинской, итальянской, и кажется англійской. Любилъ читать вслухъ стихи лучшихъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ; я слыхалъ его, читающаго наизусть оды Горація. Онъ путешествовалъ по Европѣ; жилъ въ Парижѣ и Лондонѣ; видѣлъ Бонапарта еще консуломъ, и познакомился въ Парижѣ съ многими тогдашними авторами. Говорилъ и писалъ на французскомъ языкѣ, какъ на своемъ природномъ; русскій языкъ зналъ отлично. Всѣ его любили особенно за его добродушіе.

За нѣсколько дней до его отъѣзда въ чужіе края, дядя мой, бывшій съ нимъ коротко знакомымъ еще въ гвардейской службѣ, описалъ шутливыми стихами его путеше-

ствіе, которое, съ согласія Василья Львовича и съ дозволенія цензуры, было напечатно въ типографіи Бекетова, подъ заглавіемъ: *Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія*. Къ этому изданію была приложена виньетка, на которой изображенъ самъ Вас. Льв. чрезвычайно сходно. Онъ представленъ слушающимъ *Тальму*, который даетъ ему урокъ въ декламаціи. Эта книжка у меня есть: она не была въ продажѣ и составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость.

В. Л. Пушкинъ, какъ почитатель Карамзина, былъ тоже въ числѣ противниковъ Шишкова. Извѣстно, не однажды напечатанное, его посланіе къ В. А. Жуковскому, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ:

Я вижу весь соборъ раскольниковъ-Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно:
„О братіе мои! зову на помощь васъ!
Ударимъ на него, и первый буду азъ!
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится!
И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе! злодѣя истребить!“

Тогда все это возбуждало вниманіе, печаталось, читалось и повторялось Тогда стихотворство было въ ходу; оно проникало во всѣ круги свѣтскаго общества и было правомъ на отличіе; слѣдовательно ни одна черта не пропадала!

Добрый и любящій общественную жизнь, Василій Львовичъ переходилъ, такъ сказать, отъ поколѣнія къ поколѣнію; онъ былъ пріятель дѣдовъ, отцовъ и внуковъ. Онъ былъ пріятель съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ; потомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Дашковымъ, и ихъ совре-

менниками, которые всѣ были его моложе; потомъ сдѣлался пріятелемъ и съ нами, которые были и ихъ моложе.

Макс. Ив. Невзоровъ издавалъ журналъ: *Другъ юношества*, который въ послѣднее время назвалъ: Другомъ *юношества* и *всякихъ лѣтъ*. Кто-то примѣнилъ очень удачно это названіе къ В. Л. Пушкину, и очень вѣрно называлъ его другомъ юношества и всякихъ лѣтъ.

Подъ конецъ своего литературнаго поприща, когда молодой Пушкинъ прославился поэмами. Вас. Льв., въ подражаніе своему племяннику, началъ писать тоже поэму: *Капитанъ Храбровъ*. Онъ не успѣлъ ее кончить; но всѣмъ читалъ ее; онъ былъ страстный охотникъ читать свои сочиненія. Я помню, что старушка, мать капитана Храброва, представлена очень робкою и вѣрящею снамъ и предчувствіямъ. Я спросилъ автора послѣ чтенія: «а этой старушкѣ фамилія тоже *Храброва*?» Вас. Льв. почувствовалъ намекъ на несообразность ея характера съ именемъ, и отвѣчалъ нехотя: «тоже *Храброва*!»—Я, въ свою очередь, почувствовалъ неумѣстность моего вопроса.

Талантъ князя Шаликова извѣстенъ: вялость мыслей и слога, поддѣльная чувствительность; въ стихахъ—никакого одушевленія, прозаической, жидкой періодъ съ риѳмами; переносы смысла въ недоконченный стихъ, и никакого искусства; но въ прозѣ слогъ его былъ чистъ, правиленъ и гладокъ.

Когда дядя мой станетъ, бывало, нападать на его пустоту, холодность и вялость: то Карамзинъ прекрасно защищалъ его, говоря, что въ немъ есть *что-то тепленькое*.

Кн. Шаликовъ былъ одинъ изъ тѣхъ несчастливыхъ подражателей, за которыхъ упрекали Карамзина его противники, какъ будто хорошій писатель виноватъ, что бездарная толпа идетъ по слѣдамъ его. Скорѣе можно было поставить ему въ заслугу, что и эти люди научились писать чисто, гладко и правильно.

Таково было дѣйствіе, произведенное примѣромъ Карамзинской прозы, что и безталантные писатели научились отъ него не только правильности и чистотѣ языка, но и благородству слога. Послѣднее надобно замѣтить особенно въ нынѣшнее время. Ни одинъ изъ тогдашнихъ писателей не писалъ *языкомъ лакейскимъ*; ни одинъ журналистъ не вставилъ бы въ свою фразу: «*изволите видѣть.*» Чувство вкуса предупредило бы его, что такими *любезностями* и такими *поговорками* не говорятъ въ хорошемъ обществѣ.— Ни одинъ изъ нихъ не писалъ, какъ пишутъ нынче: *взойдти въ дверь и войдти на лѣстницу*. Ни одинъ не сказалъ бы: *не хватало на это*; а сказалъ бы: *не достало на это*! А нынче такъ пишутъ даже и дамы.

Князь Шаликовъ былъ чрезвычайно извѣстенъ и смѣшонъ своею нѣжностію, которой совсѣмъ не было въ его характерѣ: онъ былъ только сластолюбивъ и раздражителенъ, какъ Азіатецъ; его сентиментальность была только прикрытіемъ эпикурейства. Онъ былъ страненъ и въ одеждѣ: лѣтомъ всегда носилъ розовой, голубой или планшевой платокъ на шеѣ. Его очень забавно описалъ молодой тогдашній поэтъ К. В.

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И чуть звѣнящимъ кошелькомъ,

Пустился бѣдный нашъ Вздыхаловъ
По свѣту странствовать пѣшкомъ!

Продолженія не помню.

Кн. Шаликовъ былъ по происхожденію Грузинецъ, что̀ обнаруживала и его физіономія: большой носъ, широкія черныя брови, худощавость. Отецъ его былъ въ военной службѣ, въ офицерскомъ чинѣ. Сынъ былъ вмѣстѣ съ нимъ въ походахъ, то-же записанный въ какое-то военное званіе, и находился въ арміи Потемкина при взятіи Очакова. Потомъ былъ въ арміи же во время польской войны при Екатеринѣ, и служилъ нѣкоторое время за адъютанта.

Потомъ онъ жилъ въ Москвѣ, имѣя собственный домикъ на Прѣснѣ, и во время нашествія на Москву непріятелей остался въ ней по недостатку средствъ для выѣзда. *Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ Французовъ*, напечатано имъ особой книжкой, и такъ какъ она содержитъ въ себѣ свидѣтельство очевидца (а у насъ такихъ книгъ мало), то и она не должна быть забыта. Это можетъ быть, изъ всего, написаннаго княземъ Шаликовымъ, одно, что̀ должно сохраниться въ библіотекахъ. Потомъ, когда былъ издателемъ Московскихъ Вѣдомостей, кн. Шаликовъ жилъ въ домѣ университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ. Потомъ онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ маленькую свою деревеньку въ Серпуховскомъ уѣздѣ, гдѣ и умеръ 16 февраля 1852 года, 84 лѣтъ отъ роду.

Его нѣжныя бульварныя похожденія невообразимы! Иногда за это ему случалось попадать или въ непріятныя, или въ смѣшныя приключенія, которыя не подлежатъ скромному описанію, но которыя забавляли его современниковъ! А любопытно бы было описать въ подробности ce vétéran-voltigeur et ses campagnes à la rose. Онъ былъ очень ориги-

наленъ. Нынче оригиналы такъ рѣдки, бульвары и гулянья сдѣлались такъ пошлы, что для современниковъ князя Шаликова — его именно недостаетъ на Тверскомъ бульварѣ, какъ необходимой принадлежности.

Онъ написалъ въ молодости: два *Путешествія въ Малороссію*, которыя оба были блѣднымъ оттѣнкомъ путешествія В. В. Измайлова *въ полуденную Россію*, какъ то̀ было слабымъ оттѣнкомъ Писемъ Русскаго путешественника, Карамзина. Онъ издавалъ три журнала: *Московкій Зритель*, 1806; *Аглая*, 1808—1812 г. и *Дамской журналъ* 1823—1828 года. — Всѣ они наполнялись легкими повѣстями, стихами и мелкими статьями въ прозѣ. *Аглая* была изъ нихъ всѣхъ лучше.

Въ Дамскомъ журналѣ кто-то сыгралъ съ нимъ непозволительную штуку, приславъ къ нему для помѣщенія въ журналѣ длинную шараду, которая составляла и акростихъ. Князь Шаликовъ не замѣтилъ акростиха и напечаталъ, а начальныя его буквы составляли смыслъ: *глупъ какъ колода*! — Но онъ совсѣмъ не былъ глупъ, а только страненъ, кривлялся и сентименталничалъ.

Онъ много трудился въ переводахъ. Имъ переведены: *Исторія Генриха Великаго*. г-жи Жанлисъ; *Воспоминанія объ Италіи, Англіи и Америкѣ*, Шатобріана; *Путевыя записки въ Іерусалимъ*, и многія другія книги.

Онъ былъ довольно раздражителенъ. Если кѣмъ онъ былъ недоволенъ, тотъ не избѣгалъ его маленькаго мщенія, и попадалъ въ его книжку: *Мысли, характеры* и *портреты*, изд. 1815. — Мнѣ случалось слышать, какъ спрашивали его: «это вы не меня ли описали въ такомъ-то портретѣ?» — «Нѣтъ! отвѣчалъ кн. Шаликовъ: «это я опи-

салъ такого-то; а вотъ это васъ!» И на него за это ни мало не сердились, потому что эти сатирическіе портреты были очень вялы.

А. Ѳ. Воейковъ, въ извѣстныхъ тогда стихахъ: *Домъ сумашедшихъ*, помѣстилъ туда и князя Шаликова. Выписываю этотъ куплетъ:

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ въ слезахъ!
Разрумяненный, въ цвѣточкѣ,
Въ ярко-планшевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ Грацій здѣшнихъ мѣстъ
И, мяуча сладострастно,
Розмазню безъ масла ѣстъ!

Но дядя мой, всегда благосклонный къ трудамъ литературнымъ, снисходительный къ недостаткамъ и уважавшій самое намѣреніе въ благородной любви къ поэзіи, написалъ къ его портрету слѣдующую надпись:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ,
Надъ печкой соловей, три Граціи въ картинѣ,
Вотъ все его добро, и счастливъ: онъ Поэтъ!

Никогда не забуду я однако, какъ узналъ въ первый разъ князя Шаликова. Это было въ 1813 году, когда мой дядя, будучи еще министромъ, пріѣзжалъ на время въ Москву, и мы жили на Моросейкѣ, въ домѣ канцлера графа Румянцева. Къ дядѣ моему съѣзжалось по вечерамъ довольно много: тутъ я видалъ брата канцлера, графа Сергѣя Петровича, графа Растопчина, и другихъ. Я былъ тогда еще очень молодъ, и воображалъ князя Шаликова, судя по его нѣжнымъ сочиненіямъ, бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ, blanc et rose! Вижу однажды вечеромъ человѣка съ большимъ носомъ и черными бакенбартами, который гово-

ритъ фигурно, и кривляется. Вдругъ, къ моему удивленію, дядя мой говоритъ ему: «что это, князь, васъ такъ коробитъ?»—Я тѣмъ болѣе удивился этому, что мой дядя былъ большой наблюдатель приличій и учтивости. По отъѣздѣ гостей я спросилъ: «кто это?» и получилъ въ отвѣтъ: «Князь Шаликовъ!» Я чрезвычайно удивился.

Послѣднее его дѣло было—изданіе *Московскихъ Вѣдомостей*, которыя всегда начинались его стихами *На Новый Годъ*. Впослѣдствіи нашли ненужнымъ это невинное привѣтствіе. И для чего? Можетъ быть, въ отдаленныхъ губерніяхъ были люди, которые восхищались этими стихами, или ждали ихъ на Новый Годъ, какъ новинки!— Однако въ Московскихъ газетахъ необходилось иногда безъ ошибокъ, которыя только и могли удасться князю Шаликову! Однажды онъ напечаталъ: «союзные монахи,» вмѣсто: «союзные монархи.» Въ другой разъ, печатая переводную статью о Наполеонѣ, гдѣ было сказано: «что онъ былъ кровожаденъ подобно Александру» (т. е. Македонскому), онъ напечаталъ, по привычкѣ, имя Александра — крупными буквами! — Тогда это сходило съ рукъ, безъ огласки!

Онъ любилъ жизнь и боялся смерти; но называлъ жизнь всегда гадкою. Однажды, послѣ философскаго разсужденія въ своемъ родѣ, онъ простоналъ нѣжно: «жизнь и сама по себѣ гадка; а тамъ умрешь, да еще Макаровъ напишетъ эпитафію!» Но это не сбылось: онъ пережилъ М. Н. Макарова и умеръ послѣ него.

Однако съ одного конца Россіи до другаго, кому не было извѣстно имя князя Шаликова? — Добейтесь до такой извѣстности! — Гоголь, котораго талантъ былъ такъ силенъ и живописенъ; Гоголь, котораго такъ прославляютъ друзья его, желая прицѣпиться къ нему, какъ паукъ къ

хвосту орла, въ баснѣ Крылова, Гоголь никогда не пользовался такою извѣстностію. — Чему приписать это? —времени! — Тогда читали *много*, читали *все*, не мудрствуя лукаво, и потому находили больше удовольствія въ чтеніи; но были благодарны писателю не только за удовольствіе, а и за самый трудъ его, за желаніе доставить удовольствіе читателямъ. Тогда смотрѣли на словесность, какъ на самое благородное занятіе; нынче смотрятъ, какъ на царство пустыхъ людей, которые взялись потѣшать за деньги! — Тогда всякому автору приписывали дарованіе, въ той или другой степени, но отличающее его отъ людей обыкновенныхъ. — Тогда было еще уваженіе; нынче все въ пренебреженіи, кромѣ денегъ *и силы*.

Еще забылъ одинъ анекдотъ о князѣ Шаликовѣ, доказывающій, что онъ въ нужныхъ случаяхъ не терялъ присутствія духа. За обѣдомъ разсердился на него гордый и заносчивый В. Н. Ч—нъ, и вызвалъ его на дуэль. Кн. Шаликовъ сказалъ: «Очень хорошо! когда же?» — «Завтра!» отвѣчалъ Ч—нъ.—«Нѣтъ! я на это не согласенъ! За что же мнѣ до завтра умирать со страху, ожидая, что вы меня убьете? Не угодно-ли лучше сейчасъ?» Это сдѣлало, что дуэль не состоялась!

Послѣ Французовъ (т.-е. когда они вышли изъ Москвы), графъ Растопчинъ призвалъ кн. Шаликова для объясненія: «за чѣмъ онъ остался въ Москвѣ?»—«Какъ же мнѣ можно было уѣхать!» отвѣчалъ кн. Шаликовъ: «Ваше Сіятельство объявили, что будете защищать Москву на Трехъ Горахъ, со всѣми московскими дворянами; я туда и явился вооруженный; но не только не нашелъ тамъ дворянъ, а не нашелъ и Вашего Сіятельства!»—Еще забавнѣе, что онъ къ этому прибавилъ по-французски: «Et puis j'y suis resté par curiosité!»

Одинъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Карамзина былъ Владиміръ Васильевичъ *Измайловъ*. Онъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный; зналъ языки французской, нѣмецкой, англійской и латинской; занимался ботаникой и перевелъ (1810) *Письма о Ботаникѣ Ж. Ж. Руссо*, умноживъ ихъ свѣдѣніями изъ Турнефора и другихъ. Онъ имѣлъ слогъ чистый и гладкой; хотѣлъ сдѣлать его живымъ и цвѣтущимъ, какъ у Карамзина, но не имѣлъ воображенія и теплоты, которыя даютъ жизнь слогу.

Онъ былъ страстный почитатель Руссо, и взялъ его въ руководители жизни. Получивши въ молодыхъ лѣтахъ небольшое наслѣдство, но занятый мечтами чувствительности, филантропіи и философской безпечности, не умѣлъ управлять имъ, продалъ его, составилъ себѣ на эти деньги библіотеку, и, въ подражаніе Карамзину—поѣхалъ путешествовать по южной Россіи. Это путешествіе, въ подражаніе ему же, онъ описалъ въ письмахъ. Его книга имѣла два изданія (1800 и 1805) и продавалась съ успѣхомъ, потому что Письма Русскаго путешественника Карамзина возбудили большой энтузіазмъ къ путешествіямъ. Но она слаба въ своихъ историческихъ воспоминаніяхъ, жидка содержаніемъ, наполнена романическими чувствами и модной тогда меланхоліей, и обнаруживаетъ много той поддѣльной чувствительности, которая была тогда въ модѣ.

Измайловъ издавалъ и журналы: *Патріотъ*, или журналъ воспитанія (1804) *Вѣстникъ Европы* (1814) и *Россійской Музеумъ* (1815).— Въ 1827 г. издалъ онъ альманахъ подъ названіемъ: *Литературный Музеумъ*.

Въ первомъ изданіи Мелочей я сказалъ ошибкой, что въ этомъ альманахѣ было напечатано путешествіе *въ Сарепту Салтыкова.* Оно было помѣщено въ альманахѣ Ѳедорова:

Памятникъ отечественныхъ Музъ. 1827. Благодарю за указаніе критика, и упоминаю объ этомъ потому, что означенное путешествіе написано легко и живо, хотя и напечатано съ пропусками.

Въ журналѣ *Патріотъ*, какъ и во всей своей жизни, Измаиловъ хотѣлъ осуществить Эмиля Руссо. При его собственномъ хорошемъ воспитаніи и образованности, это не дѣлало его страннымъ въ обществѣ; но имѣло вредное вліяніе на его благосостояніе и счастіе. Его домашній образъ жизни былъ страненъ и не прилагался къ отношеніямъ общественнымъ, которыя впрочемъ во внѣшней жизни, какъ человѣкъ благовоспитанный, онъ соблюдалъ въ точности. Онъ умеръ въ бѣдности; но сопутствуемый уваженіемъ и памятью людей, знавшихъ его благородный характеръ и доброе сердце. Его любили и уважали и Карамзинъ и Ив. Ив. Дмитріевъ.

Въ Вѣстникѣ Европы (1814) онъ помѣщалъ свои повѣсти, благоразумно написанныя, хорошимъ слогомъ, но незанимательныя и нѣсколько старообразныя по тому времени. Его Вѣстникъ Европы былъ нѣсколько скученъ; впрочемъ не такъ сухъ и скученъ, какъ послѣдніе свои годы у Каченовскаго. 1813 годъ былъ послѣдній хорошій годъ Вѣстника Европы, за исключеніемъ 1804 (изд. книгопр. Ив. Вас. Попова) года, который никуда не годился.

Россійской Музеумъ (1815) былъ живѣе и разнообразнѣе. *Вѣстникъ Европы* 1814 года и онъ, замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ въ первый разъ начали печатать свои стихи молодой Пушкинъ и молодой баронъ Дельвигъ.

В. В. Измаиловъ писалъ и стихи—гладкіе, чистые и *благоразумные*; впрочемъ онъ не имѣлъ особеннаго при-

званія къ поэзіи: это было, кажется, только жертва тому времени, когда почти всѣ авторы были стихотворцы. Двѣ его басни были помѣщены еще въ Аонидахъ Карамзина. Кромѣ писемъ Руссо, онъ перевелъ и другія книги; имъ изданы: *Атала* Шатобріана (1802); *Историческая* и *Политическая картина Европы* Сегюра (1802—1803); *Переводы въ прозѣ* 6 частей (1819—1820).

Лучшее его дѣло было заведеніе у себя пансіона. Государь Императоръ Александръ, въ уваженіе того, что Измайловъ—первый изъ природныхъ дворянъ посвятилъ себя воспитанію юношества, пожаловалъ ему за это орденъ св. Владиміра 4 степени; но пансіонъ существовалъ не долго. Въ послѣднее время своей жизни Измайловъ былъ цензоромъ въ Московскомъ цензурномъ Комитетѣ. Онъ и въ этой, довольно трудной, должности оказалъ себя благоразумнымъ и благороднымъ, хотя и осторожнымъ: никто не могъ на него пожаловаться, чтобъ онъ, для сбереженія самаго себя, притѣснялъ другаго.

Въ разрядѣ почитателей Карамзина, но въ противоположность князю Шаликову, слѣдуетъ сказать о Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ. Нѣжный кн. Шаликовъ обожалъ въ Карамзинѣ чувствительнаго автора. С. Н. Глинка видѣлъ въ немъ, сквозь европейскую его образованность, человѣка полезнаго и съ русскою душою. Это дѣлало ему тѣмъ больше чести, что не многіе видѣли это качество въ Каразинѣ, въ началѣ его литературнаго поприща.

Глинка воспитывался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, подъ руководствомъ графа Ангальта. Онъ служилъ въ военной службѣ, былъ въ арміи въ первыя войны съ Французами (1805 и 1807) и вышелъ въ отставку маіоромъ. Онъ сдѣлался извѣстенъ изданіемъ *Русскаго Вѣстника,*

съ 1808 года, въ ту пору, когда, послѣ войны съ Французами и Тильзитскаго мира, Глинка возненавидѣлъ Наполеона и Французовъ. Сначала цѣль его, при изданіи этого журнала, была напомнить Русскимъ родную Русь, ея старину и подвиги; потомъ, мало по малу, онъ перешелъ къ совершенной ненависти враждебнаго намъ тогда народа, очаровавшаго насъ языкомъ, модами и вредными обычаями. Журналъ Глинки, не смотря на оппозицію приверженцевъ моды и галломаніи, пришелся совершенно по времени и имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Приверженцы европейства не возлюбили Глинку, идущаго поперекъ; но многіе обрадовались его патріотизму.

Надобно вспомнить, надобно знать то время, чтобы понять всю важность появленія Русскаго Вѣстника. Теперь о нашей старинѣ намъ твердятъ безпрестанно; а тогда—многіе въ первый разъ услышали, изъ Русскаго Вѣстника, о царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, о бояринѣ Матвѣевѣ, о Зотовѣ, воспитателѣ Петра Великаго, и въ первый разъ увидѣли ихъ портреты. Кто первый объ нихъ напомнилъ, кто первый, такъ сказатъ, натвердилъ намъ объ этихъ людяхъ, тотъ, конечно, заслуживаетъ и самъ остаться въ памяти.

Въ Русск. Вѣстникѣ (1810) было между прочимъ напечатано въ первый разъ (но не вполнѣ, а въ извлеченіи): *Сказаніе о Задонскомъ побоищѣ, како было то побоище за рѣкою Дономъ, Великаго Князя Димитрія Іонновича Московскаго съ Мамаемъ царемъ Татарскимъ.*—Это та самая рукопись, которую въ наше время напечаталъ *вполнѣ* И. М. Снѣгиревъ.

Русской Вѣстникъ, простое и рѣзкое обращеніе издателя, громкой его голосъ и привычка видѣть его по площадямъ

и рынкамъ, между простымъ народомъ, сдѣлали его очень извѣстнымъ Московскому народу. Когда въ 1812 году Императоръ Александръ пріѣзжалъ въ Москву, онъ велъ ему на встрѣчу не одну тысячу народа. Но Государь провелъ ночь на станціи и въѣхалъ въ Москву рано утромъ: это остановило патріотическую встрѣчу! Это я знаю достовѣрно, и это напечатано подробно въ Запискахъ Глинки о 1812 годѣ.

По пріѣздѣ Государя въ Москву, графъ Ростопчинъ позвалъ къ себѣ Глинку, что̀ испугало чрезвычайно жену его. Но Ростопчинъ вручилъ ему отъ имени Государя Высочайшій рескриптъ и орденъ св. Владиміра 4 степ. и сказалъ ему: «Именемъ Государя развязываю вамъ языкъ и руки; говорите и пишите, что̀ найдете нужнымъ. Вотъ вамъ триста тысячь: употребляйте ихъ по вашему усмотрѣнію, безотчетно, и дѣйствуйте на народъ къ доброй цѣли, потому что онъ имѣетъ къ вамъ довѣренность!» Глинка дѣйствовалъ сильно и много способствовалъ къ возстановленію народной толпы противъ Наполеона и Французовъ. Но по изгнаніи Французовъ изъ Москвы и по возвращеніи въ нее графа Ростопчина, онъ принесъ и возвратилъ ему эти триста тысячь въ цѣлости. Самъ онъ провелъ всю жизнь въ бѣдности. Что̀ пріобрѣталъ трудами, то у него велось не долго!—Его Записки о 1812 годѣ писаны хотя въ томъ безпорядкѣ, который всегда, особенно въ послѣднее время, господствовалъ въ писаніяхъ Глинки; но, несмотря на то, онѣ живы и чрезвычайно любопытны своимъ безъискуственнымъ разсказомъ.

Эта книга издана подъ названіемъ: «*Записки о* 1812 *годѣ, С. Г., перваго ратника Московскаго ополченія*», потому что онъ первый подписался о готовности своей идти въ ополченіе.

Кстати о тогдашнемъ рвеніи на защиту отечества: мой двоюродный дядя Степанъ Ѳедуловичъ Филатовъ, флотской капитанъ перваго ранга и георгіевскій кавалеръ, будучи лѣтъ шестидесяти и живучи давно на покоѣ, въ Симбирскѣ, первый записался въ Симбирское ополченіе, и такими словами:

Хоть въ артилерію,
Хоть въ кавалерію,
Хоть въ пѣхотѣ,
Хоть во флотѣ!

Стихи не хороши; но дѣло въ томъ, что онъ водилъ свое войско и былъ съ нимъ, подъ Глогау.

Еще отступленіе. Дядя мой Ив. Ив. Дмитріевъ, увидѣвшись съ Филатовымъ и уважая его старческую рѣшимость, спросилъ его: получилъ ли онъ за это какую нибудь награду?—«Нѣтъ, В. Высокопревосходительство! отвѣчалъ старикъ: да впрочемъ, это, я думаю, потому, что «Государю нечѣмъ было меня наградить! Въ мои лѣта одна «награда: лѣтомъ въ халатѣ, а зимой въ тулупѣ; такъ это «у меня уже есть.»

Глинка писалъ много, и въ стихахъ, и въ прозѣ: трагедіи, повѣсти, книги для воспитанія; перевелъ много книгъ. Но большая часть его сочиненій относится къ славѣ и подвигамъ Русскихъ. Полное собраніе его сочиненій напечатано въ 12 частяхъ (1817—1820). Мы не читаемъ нынѣ его сочиненій, по тремъ разнымъ причинамъ: 1) Онѣ не щеголяютъ изяществомъ. Впрочемъ слогъ Глинки чистъ, правиленъ и благороденъ, какъ у всѣхъ писателей того времени, послѣдовавшихъ Карамзину. Но въ его слогѣ замѣтенъ недостатокъ расположенія рѣчи, того искусства, которое даетъ ей силу и красоту, нисколько не мѣшая естественности. Его рѣчь необдумана, а попадаетъ на бумагу какъ слу-

чилось выразить мысли. Онъ писалъ очень скоро, такъ сказать, на́-скоро. Разговорная рѣчь его была звончѣе и краснорѣчивѣе письменной. 2) Мы не читаемъ его потому, что мы вообще равнодушны ко всему, что̀ дѣлалось прежде насъ, исключая развѣ самую старину, которая теперь у пишущихъ въ модѣ. Мы, или прославляемъ, или презираемъ: у насъ нѣтъ середины; мы не любимъ находить *немногое* въ цѣлыхъ *томахъ* и вызывать это немногое изъ забве̇нія. Мы и уважемъ *все гуртомъ* у такого-то писателя, и презираемъ *все гуртомъ* у другаго. 3) У насъ новое всегда выгоняетъ старое. Но въ свое время патріотическія сочиненія Глинки имѣли обширной кругъ читателей, особенно между сельскими дворянами, между граматными купцами и мѣщанами столицы, и между всѣми читающими людьми простаго народа. Однимъ словомъ: имя Глинки, его журналъ (особенно въ началѣ) и его сочиненія имѣли, говоря нынѣшнимъ арлекинскимъ языкомъ, *большую популярность*, даже, чтобы выразиться совсѣмъ по нынѣшнему, скажу: *огромную популярность*, и прибавлю въ доказательство: «*это фактъ.*» Послѣ этого слова, кажется, какъ не повѣрить!

Русская Исторія Глинки, написанная безъ всякаго критическаго взгляда и языкомъ простымъ, имѣла 4 изданія. Стало быть, она раскупалась и нашла себѣ читателей. Для ученаго изслѣдователя и знатока и Исторія Карамзина имѣетъ недостатки; для читающаго простолюдина и Исторія Глинки приноситъ пользу.

Есть одно сочиненіе С. Н. Глинки, совершенно забытое, но, при нашей бѣдности въ трудахъ мысли и науки, оно должно быть помянуто. Это: *Исторія ума человѣческаго отъ первыхъ успѣховъ просвѣщенія до Эпикура* (1804). Она содержитъ въ себѣ изложеніе системъ древней философіи.

Авторъ дѣлалъ извлеченія изъ Кондильяка и другихъ но книга принадлежитъ собственно ему, и доказываетъ, какъ его начитанность, такъ и то, что онъ занимался разными предметами мышленія, и что они не были ему чужды.

Начитанность С. Н. Глинки была удивительна! Онъ не только помнилъ все что̀ прочиталъ; но помнилъ наизустъ цѣлыя мѣста изъ Монтескьё, Бекаріи, Наказа Екатерины, Руссо, Вольтера, Дидерота, Франклина, однимъ словомъ изъ всего, что̀ ни читалъ. Все это онъ приводилъ неожиданно и въ сочиненіяхъ и въ разговорахъ, такъ что эта неожиданность иногда похожа была на какой-то безпорядокъ. Онъ очень хорошо зналъ языки французской и нѣмецкой.

Французовъ, ихъ воспитанія, ихъ образа мыслей тер; пѣть онъ не могъ; но по-французски говорилъ охотно и нерѣдко. Это совсѣмъ на оборотъ, противъ нынѣшнихъ писателей, которые, или не хотятъ, или не умѣютъ говорить по-французски; а сами безпрестанно перенимаютъ ихъ образъ мыслей и ихъ литературу, даже, между нами сказать, и ихъ свѣдѣнія, хоть и называютъ ихъ невѣждами въ сравненіи съ нѣмецкими учеными. Но эти, одной своей номенклатурой, одними своими учеными терминами, недоступны для многихъ; Французы служатъ для нихъ проводниками и къ нѣмецкой учености, а пренебреженіе къ нимъ служитъ только къ тому, чтобы этого не замѣтили! Но оставимъ эти тайны эрудиціи: онѣ повели бы далеко! Глинка былъ откровененъ, не любилъ Французовъ и пользовался тѣмъ, что̀ есть у нихъ хорошаго.

Онъ перевелъ на французской языкъ и напечаталъ: первые томы *Писемъ Русскаго офицера*, младшаго своего брата, почтеннаго Ѳ. Н. Глинки. Во время преній въ Парижѣ

о ценсурѣ, онъ напечаталъ на французскомъ языкѣ книжку, содержащую его откровенный и прямой образъ мыслей о ценсурѣ. Она была напечатана въ С. Петербургѣ.

С. Н. Глинка былъ ценсоромъ, въ одно время съ Измайловымъ. Это былъ самый снисходительный и безпристрастный ценсоръ изъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ; онъ не смотрѣлъ ни на что и ни на кого, былъ вѣренъ Уставу и не думалъ прежде всего о собственномъ самосохраненіи, а потомъ уже о чужой рукописи. Онъ былъ ценсоромъ и моихъ сочиненій. Въ продолженіи разсматриванія моей книги, мнѣ показался одинъ стихъ въ піесѣ: *Наполеонъ*, нѣсколько смѣлымъ и потому опаснымъ. Я написалъ объ этомъ къ нему записку и просилъ перемѣнить его другимъ, поневиннѣе; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Стыдитесь! Поэтъ, а еще боитесь! Не хочу перемѣнить стиха потому, что новый хуже. Оставлю прежній, и пропущу его!» Такъ и сдѣлалъ.

Вотъ какъ онъ былъ безпристрастенъ и безпеченъ. На исторію Русскаго народа Полевова — М. П. написалъ справедливую, но сильную рецензію, для своего журнала. Зная короткое знакомство Глинки съ Полевымъ, и опасаясь какъ ценсора и простодушнаго человѣка, не любившаго строгой критики П. вздумалъ позвать его обѣдать, угостить по русски, и по томъ, послѣ шампанскаго, предложить ему чтеніе рецензіи. Но каково было удивленіе хозяина, когда тотъ часъ послѣ обѣда Глинка схватилъ шляпу и началъ прощаться! П. его удерживаетъ. «Нельзя, отвѣчаетъ Глинка (ничего не знавшій о приготовленной ему засадѣ) у Николая Алексѣевича Полеваго родился сынъ; онъ назвалъ его въ честь мнѣ Сергѣемъ, и звалъ меня въ крестные отцы»!— «Какъ же это, Сергѣй Николаевичъ! а я хотѣлъ прочитать вамъ рецензію; думалъ, что вы выслушаете на досугѣ!» — «Нельзя! да что это за рецензія?» — «На исторію Полевова!» Глинка призадумался. — «Ну!» произнесъ онъ наконецъ: «хоть я и ѣду

крестить у него сына, но надобно быть безпристрастнымъ. Рецензіи слушать некогда; но я васъ знаю; думаю, что тутъ ничего нѣтъ непозволительнаго! Давайте перо!» Схватилъ перо и подписалъ не читавши: «Печатать позволяется. Цензоръ Глинка:» — а самъ бѣгомъ изъ дому! Поразилъ Полевова и поѣхалъ крестить у него сына.

Однако цензура не прошла ему даромъ, хотя безъ всякой вины съ его стороны, какъ цензора. Въ одномъ *альманахѣ* была напечатана элегія дѣвицы Тепловой на смерть, утонувшаго юноши. Въ ней сказано было, что волны бьютъ въ его гробницу. Не знаю почему, приняли подозрѣніе-что въ этой элегіи оплакивается кто-нибудь изъ тѣхъ, которые содержались въ казематахъ по происшествію 14 Декабря 1825 года; а подъ гробницею, въ которую бьютъ волны, разумѣется Петропавловская крѣпость. — Вдругъ прислано было повелѣніе посадить Глинку на Ивановскую гаубвахту (въ Кремлѣ, у колокольни Иванъ-Великой). Это случилось зимою, 1830 года. Но это было торжествомъ Глинки! Какъ узнали въ Москвѣ, что Глинка на гауптвахтѣ, бросились навѣщать его: въ три-четыре дня перебывало у него человѣкъ триста, съ визитомъ. Дядя мой, бывшій нѣкогда министромъ юстиціи, одинъ изъ первыхъ навѣстилъ его. Не всякой бывшій министръ на это бы рѣшился.

Я тоже поѣхалъ на гауптвахту. Время было дурное; шелъ снѣгъ; я былъ послѣ болѣзни, и потому ѣхалъ въ каретѣ съ поднятыми стеклами. Въѣхавъ въ Кремль, я замѣтилъ сквозь стекла, заносимыя снѣгомъ, сани съ сидящимъ въ нихъ человѣкомъ; а противъ него стоялъ на снѣгу другой и размахивалъ руками. По этимъ жестамъ мнѣ показалось, что это былъ самъ Сергѣй Николаевичъ. Я опустилъ стекло и, увидѣвъ, что не ошибся, вскричалъ ему: «Сергѣй Николаевичъ! я ѣду къ вамъ.» — «Милости просимъ!» отвѣчалъ Глинка: «я вышелъ только прогуляться;

вотъ мой и дядька!» примолвилъ онъ, указывая рукою на стоящаго въ сторонѣ солдата. «Тамъ васъ примутъ жена и дочь; а я сей часъ ворочусь!» — Я пріѣхалъ на гауптвахту; сперва надобно было пройти черезъ комнату, которая была вся биткомъ набита солдатами; потомъ вошелъ я въ другую, сосѣднюю комнату, гдѣ содержался Глинка; нашелъ тамъ супругу и дочь арестанта; нашелъ тамъ книги и фортепіано. — Комната однакожъ была черна, сыра и неопрятна; а съ оконъ текла ручьями сырость.

Минутъ черезъ десять вошелъ хозяинъ. «Милости просимъ! А я вотъ перевезъ сюда жену и дочь: день они проводятъ со мною, а ночевать уѣзжаютъ домой! — перевезъ сюда и альманахъ, въ доказательство, что я правъ и пропустилъ эти стишки по Уставу; перевезъ и цензурный Уставъ, потому что не я виноватъ, а онъ: такъ я его и посадилъ на гауптвахту!» — Потомъ онъ сѣлъ за фортепіано и запѣлъ, акомпанируя себѣ, свою пѣсню:

Ахъ ты, горе, жизни горе!
Какъ кипящее ты море,
Залило меня собой!
Видно, въ гробъ сойду съ тобой! и проч.

Въ продолженіе моего посѣщенія двери не затворялись: безпрестанно приходили новыя лица. Я помню, что вошелъ вдругъ молодой артиллерійской офицеръ и обратился къ Глинкѣ съ слѣдующею рѣчью, которую я упомнилъ слово въ слово: «Сергѣй Николаевичь! я такой-то.» (сказалъ свою фамилію). «Мой батюшка былъ знакомъ съ вами. Я не могу себѣ простить, что до сего времени не имѣлъ чести представиться вамъ и засвидѣтельствовать вамъ моего уваженія; но я не нахожу къ тому приличнѣе времени, какъ теперь.»

Выходя отъ Глинки, я встрѣтился на порогѣ съ профессоромъ Надеждинымъ. — «А вы», спросилъ онъ, «знакомы съ Глинкой?» — Знакомъ. — «Такъ воротитесь и представьте ему меня.» — Я воротился и познакомилъ съ нимъ Надеждина.—Такъ показала свое негодованіе Москва.

До Петербурга дошли слухи объ этихъ визитахъ, и они подѣйствовали. Не прошло еще опредѣленнаго срока его *осадному сидѣнью,* какъ пришло повелѣніе его выпустить. Потомъ, когда онъ не захотѣлъ болѣе служить, ему дали двѣ тысячи рублей ассигнаціями пенсіи. — Говорятъ, что этому способствовали: князь Дмитрій Владиміровичь Голицынъ (генералъ-губернаторъ Москвы) и князь Сергѣй Михайловичь Голицынъ. — Да! еслибы мы всегда были тверды и не отступались другъ отъ друга, можетъ быть насъ во что нибудь бы и ставили, и намъ было бы лучше! Этотъ примѣръ служитъ доказательствомъ.

Кстати уже за одно скажу о запрещеніи Телеграфа Полевова. Въ Петербургѣ представляли трагедію Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла,» которая чрезвычайно понравилась Государю (Николаю Павловичу). А Половой, вѣроятно совсѣмъ не зная этого, напечаталъ разборъ этой трагедіи и доказывалъ ея недостатки. За это запретили журналъ Полевова; выходитъ за то, что онъ осмѣлился быть въ литературѣ различнаго мнѣнія съ Государемъ. — А. Д. Курбатовъ очень забавно сказалъ послѣ этого:

Рука Всевышняго отечество спасла
И погубила Полевова!

Еще анекдотъ о тогдашней строгости. Въ Московскомъ театрѣ не понравилась зрителямъ какая-то актриса. Многіе зашумѣли, зашикали, затопали, — это дошло до Петербурга. — Приказано было всѣхъ посадить подъ арестъ кого на гауптвахту, кого просто въ полицію. Посадили человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ графа Потемкина. Между ними же попался одинъ *Сибилевъ.* Я зналъ его: человѣкъ за 50 лѣтъ, самый смиренный, толстый, краснаго лица, который являлся безмолвно на бульварахъ и имѣлъ привычку, бывая въ театрахъ, ходить по ложамъ всѣхъ зна-

комыхъ, что̀, какъ извѣстно, не принято въ свѣтѣ. Кн. Николай Борис. Юсуповъ, старикъ просвѣщенный, любезный, придворный Екатерины, любилъ его, потому что надъ нимъ можно было посмѣяться. Онъ называлъ его, по круглой его фигурѣ и по краснотѣ лица, *арбузъ*; а по охотѣ его лазить по ложамъ, *ложелазъ*, что̀ было тѣмъ смѣшнѣе, что напоминало Ловеласа, на котораго совсѣмъ былъ непохожъ Сибилевъ.

Повелѣніе было исполнено. Но вся Москва раскричалась: лица были извѣстныя. Въ Петербургѣ немножко струсили, и тотчасъ велѣно было всѣхъ выпустить. Мало этого: Государь самъ пріѣхалъ въ Москву посгладить впечатлѣніе На вечерѣ у кн. Сергѣя Михайловича Голицина онъ изъявилъ желаніе играть въ карты въ одной партіи съ графиней Потемкиной, которой мужъ былъ посаженъ подъ арестъ, былъ съ ней очень любезенъ; выигралъ у ней пять рублей ассигнаціями и, получая отъ нея деньги, сказалъ ей очень благосклонно, что сохранитъ эту бумажку на память. Графиня отвѣчала ему, что она, съ своей стороны, не имѣетъ нужды въ напоминаніи, чтобы помнить о его величествѣ. Государь отвѣчалъ: «А! Вы все еще на меня сердитесь за мужа! Забудемте это съ обѣихъ сторонъ!»

Между тѣмъ въ Москвѣ вышла каррикатура, представляющая лица всѣхъ, посаженныхъ подъ арестъ, и впереди ихъ — смиренный *Сибилевъ*, съ надписью: Le chef de la conjuration.

Продолжаю о С. Н. Глинкѣ. — Онъ былъ чрезвычайно безкорыстенъ и любилъ слѣдовать первому движенію своего сердца. Государь Императоръ Александръ пожаловалъ ему бриліантовый перстень въ 800 рублей ассигнаціями. Глинка пріѣхалъ въ одинъ домъ и показалъ свой перстень гостямъ и хозяевамъ. Въ эту минуту предложили сборъ въ пользу какого-то бѣднаго семейства. Денегъ съ Глинкою не случилось: онъ, не задумавшись, пожертвовалъ свой

перстень. Сколько ни уговаривали его, сколько ни предлагали ему отдать за него небольшую сумму, которую онъ послѣ пришлетъ хозяину дома: онъ никакъ не согласился, и пріѣхалъ домой безъ перстня.

Въ 1812 году, во время пожертвованій на ополченіе, онъ пожертвовалъ всѣ свои серебряныя ложки; на другой день пригласилъ гостей обѣдать и подалъ имъ деревянныя! — Спросятъ: зачѣмъ же было приглашать гостей, чтобы подать имъ деревянныя ложки? — Не знаю; я только пишу то, что̀ было и какъ было.

Русской Вѣстникъ подъ конецъ сдѣлался очень плохъ и небреженъ. Иногда онъ опаздывалъ выходить не только мѣсяцы, но почти цѣлымъ годомъ. — Причиною этого было— съ одной стороны, множество разной книжной работы, которою заваливалъ себя Глинка, ибо этимъ онъ кормилъ свое семейство; съ другой — безпечность, которая всегда была въ его характерѣ.

Возвращаюсь опять къ началу нынѣшняго столѣтія и къ поэзіи. — И. И. Дмитріевъ совершилъ для русскаго языка то же, что̀ Карамзинъ для прозы; то-есть: онъ далъ ему простоту и непринужденность естественной рѣчи; чистоту выраженія и совершенную правильность словосочиненія, безъ натяжекъ и перестановокъ словъ для мѣры и для наполненія стиха, чѣмъ обезображивали старинные стихотворцы языкъ поэзіи. Языкъ поэзіи, языкъ боговъ, долженъ быть текучѣе и плавнѣе обыкновеннаго языка человѣческаго; а у нихъ онъ былъ всегда связанъ и съ запинкою. И поэты, и читатели, оправдывали это тѣмъ, что стихотворный языкъ стѣсняетъ мѣра; но Дмитріевъ доказалъ, что она не стѣсняетъ дарованія. Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, подтвердили тоже своимъ примѣромъ. Дмитріевъ и Карам-

зинъ стоятъ на одномъ ряду, какъ преобразователи языка нашего: одинъ въ стихахъ, другой въ прозѣ. Съ нихъ началась въ нашей литературѣ эпоха художественности.

Дмитріевъ началъ свое литературное поприще, какъ и Карамзинъ, съ переводовъ. Первый опытъ его былъ: *Философъ, живущій у хлѣбнаго рынка*, небольшая статья, написанная въ Парижѣ, по случаю рожденія Дофина; но какъ русскій переводъ былъ напечатанъ 1777 года, вскорѣ по рожденіи Великаго Князя Александра Павловича, то онъ принятъ былъ съ большимъ вниманіемъ, какъ размышленіе о судьбѣ, ожидающей порфиророднаго младенца. Эта книжка имѣла два изданія: второе, 1786 года.

Другой его опытъ въ прозѣ былъ: *Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина*. Эта книжка имѣла тоже два изданія; второе 1786 года. Она кончается замѣчательнымъ рескриптомъ Велик. Князя Павла Петровича къ Московск. архіепископу (впослѣдствіи митрополиту) Платону. Не помню, напечатанъ ли этотъ рескриптъ, и потому выписываю его здѣсь:

«Ваше Преосвященство! Уже извѣстны Ваше Преосвященство о посѣтившей насъ печали смертію Графа Никиты Ивановича; извѣстны Вы и о всемъ томъ, чѣмъ я ему долженъ, слѣдственно и о обязательствахъ моихъ въ разсужденіи его. Судите же, прискорбно ли душѣ моей? Я привязанъ по долгу и удостовѣренію къ закону, и не сомнѣваюсь, что получающему награжденіе въ той жизни за добродѣтели — всеконечно отрада и покой; но поелику души остающіяся еще со слабостями тѣла соединены, то нельзя намъ не чувствовать печали отъ разлуки. Раздѣлите оную со мною, какъ съ другомъ Вашимъ. Павелъ».

Стихотворное поприще началъ Дмитріевъ съ сочиненій сатирическихъ; первый же напечатанный имъ опытъ въ стихахъ — была *Надпись къ портрету Кантемира*, помѣщенная Новиковымъ въ издававшемся имъ еженедѣльникѣ, подъ заглавіемъ: *Ученыя Вѣдомости*. Но, услышавши своему произведенію строгій приговоръ одного неизвѣстнаго, разговаривавшаго въ театрѣ о литературѣ, Дмитріевъ не скоро послѣ этого рѣшился опять печатать, и то, не подписывая своего имени.

———

Даже гораздо позже первыхъ опытовъ, печатая свои стихи въ *Московскомъ Журналѣ* (1791 и 1792) онъ подписывался только одною литерою *И.;* а въ Аонидахъ и послѣдующихъ журналахъ ставилъ подъ своими стихами только три звѣздочки ***. По этимъ признакамъ можно узнать тѣ изъ его стиховъ, которыхъ онъ не помѣстилъ въ собраніи своихъ сочиненій.

———

Но, не смотря на анонимъ, публика скоро узнала даровитаго поэта. Басни и сказки Дмитріева очаровали современниковъ; послѣднія и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, остаются единственными. Онъ первый началъ говорить въ нихъ языкомъ свѣтскаго общества, и первый проложилъ путь языку Онѣгина. Басни его уступаютъ Хемницеру въ простодушіи, Крылову въ изобрѣтеніи и народности; но по чистотѣ и благородству слога и по языку поэзіи, остаются и донынѣ первыми.

———

Одинъ изъ нынѣшнихъ авторовъ, г. Мизко, изъ Одессы, написалъ въ своей книгѣ, будто «записные Аристархи того «времени, благоговѣя предъ именитостію, столько же лите«ратурною, сколько и *чиновною*, Дмитріева (каковъ слогъ «нынѣшняго Аристарха!) не смѣли промолвиться лишнимъ «словомъ о новомъ его соперникѣ Крыловѣ; о старомъ же

«Хемницерѣ и помину не было!» — «Въ послѣднее время «своей государственной службы (прибавляетъ г. Мизко въ «примѣчаніи) Дмитріевъ былъ министромъ юстиціи».

Это доказываетъ только, что нынѣшній Аристархъ не читалъ того, что̀ писали тогдашніе Аристархи; иначе онъ не обвинилъ бы ихъ въ низкомъ побужденіи молчать о Крыловѣ, потому только, что другой баснописецъ былъ министръ юстиціи. Онъ не забылъ бы, что Жуковскій (въ 1809) написалъ прекрасную статью «О Баснѣ и Басняхъ Крылова». Онъ вспомнилъ бы, что Каченовскій писалъ о басняхъ Крылова въ Вѣстникѣ Европы 1812 года, именно тогда, когда Дмитріевъ былъ министромъ. Онъ зналъ бы, что Мерзляковъ, въ своихъ лекціяхъ, которыя были напечатаны, превозносилъ Хемницера!—За чѣмъ позволять себѣ такіе упреки, которые доказываютъ только наше собственное незнаніе Русской литературы.

Но многіе изъ нашихъ нынѣшнихъ *литературщиковъ* (какъ справедливо замѣтилъ кто-то въ Москвитянинѣ) въ первый разъ узнали Русскую словесность изъ изданій Смирдина, который открылъ имъ новую руду Русской литературы! Нѣтъ, словесность изучается, какъ исторія, постепенно, и въ самыхъ источникахъ; а исторія ея хранится не въ однихъ книгахъ, но и въ преданіяхъ.

Нынѣшній Аристархъ конечно не знаетъ и того, что Каченовскій писалъ критику на сочиненія самого Дмитріева (1806); что А. Е. Измайловъ дѣлалъ на его басни строгія замѣчанія, когда тотъ былъ уже министромъ; что Дмитріевъ воспользовался рецензіею послѣдняго и исправилъ въ послѣдующемъ изданіи все, замѣченное критикомъ.

Прибавлю къ этому извѣстіе, какъ встрѣтилъ Дмитріевъ басни своего соперника. Первыя свои двѣ басни Крыловъ

принесъ къ Дмитріеву, который обрадовался даровитому сопернику и самъ отдалъ ихъ напечатать. Онѣ были помѣщены въ Московскомъ Зрителѣ (1806, стр. 73) съ такимъ примѣчаніемъ издателя: «Я получилъ сіи *прекрасныя ба-* «*сни* отъ Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отдаетъ имъ справедли- «вую похвалу, и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и «другимъ то удовольствіе, *которое онѣ принесли ему.*» Всего замѣчательнѣе, что одна изъ этихъ басенъ была *Дубъ и трость*, въ которой Крыловъ (переводя ее послѣ Дмитріева) именно вступалъ этимъ съ нимъ въ соперничество! Но въ нынѣшней нашей литературѣ, безъ авторитета, безъ прадѣдовъ и преданій, часто встрѣчаются такіе критики, которые судятъ, не читавши, какъ г. Плаксинъ о книгѣ Дашкова.—Жалко!

Надобно сказать однако, что побудило Каченовскаго написать критику на сочиненія Дмитріева. Сначала онъ былъ одинъ изъ его почитателей, посвятилъ ему даже первое изданіе своего перевода Аѳинскихъ писемъ, и ни одной книжки Вѣстника Европы не печаталъ безъ его одобренія. Въ 1806 году Державинъ прислалъ къ Дмитріеву кантату *Цирцея* изъ Руссо, и стихи: *Дѣва за клавесиномъ* изъ Шиллера. Въ одной изъ нихъ Дмитріевъ поправилъ нѣкоторые стихи, какъ это случалось и прежде и, не увѣдомивъ объ этомъ Державина, отдалъ напечатать Каченовскому въ 7 № Вѣстника. Державинъ, думая, что эта поправка сдѣлана самимъ издателемъ, написалъ къ нему строгое письмо. Каченовскій пришелъ къ Дмитріеву съ изъявленіемъ своей досады, какъ будто это сдѣлано было съ намѣреніемъ. Дмитріевъ отвѣчалъ ему, что онъ напишетъ къ Державину и оправдаетъ издателя, но что впрочемъ онъ очень равнодушенъ къ Вѣстнику Европы, который вышелъ уже изъ рукъ Карамзина и теперь ему *ни другъ, ни братъ*. Каченовскаго это разсердило, и онъ напечаталъ критику на сочиненія Дмитріева въ апрѣльскомъ (8-мъ) ном. журнала. Послѣ это-

го хотя Дмитріевъ и признавалъ нѣкоторыя, весьма немногія, изъ его замѣчаній справедливыми; но видя, побужденіе издателя къ мелкому мщенію, пересталъ печатать свои стихи въ его Вѣстникѣ. Съ этого времени они сдѣлались холодны съ Каченовскимъ. Отвѣтъ Державина Дмитріеву виденъ изъ его писемъ, напечатанныхъ мною въ 10 № Москвитянина 1848 года.

Одинъ давнишній петербургскій критикъ написалъ очень забавно, еще при жизни Дмитріева, что въ его стихахъ: «*Размышленіе по случаю грома*» только и есть хорошаго, что *риѳмы*; а риѳмъ-то и нѣтъ, потому что эта піеса написана бѣлыми стихами! — Дѣиствительно, эта піэса написана такими гармоническими стихами, что отсутствіе риѳмъ въ нихъ не замѣтно. Между тѣмъ это можетъ служить примѣромъ для иногородныхъ подписчиковъ, что̀ значитъ критика въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Я записываю однѣ мелочи, которыя мнѣ приходятъ на память. Но кто хочетъ узнать жизнь Ив. Ив. Дмитріева, тотъ можетъ прочитать его подробную біографію, написанную княземъ П. А. Вяземскимъ и напечатанную при изданіи сочиненій Дмитріева, въ двухъ томахъ, 1823 года.

Это изданіе, не умноженное, какъ бываетъ обыкновенно, но уменьшенное самимъ авторомъ, изображаетъ этимъ, какъ нельзя лучше, замѣчательную черту его характера и таланта: его благоразумную осторожность и строгость вкуса. Онъ къ себѣ былъ строже въ поэзіи, чѣмъ къ другимъ. Когда онъ мнѣ передалъ рукопись, составленную имъ для этого изданія, и поручилъ переписать ее, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что между прочимъ онъ выключилъ три лучшія свои произведенія: *Освобожденіе Москвы*, *Чужой Толкъ* и *Посланіе къ Карамзину*. Не вступаясь за другія піесы,

тоже прекрасныя, я рѣшился уговорить его, чтобы онъ не выключалъ по крайней мѣрѣ этихъ. Дядя мой никакъ не соглашался. Наконецъ я просилъ хоть объяснить мнѣ причину ихъ изгнанія.

«*Освобожденіе Москвы*, сказалъ мнѣ дядя: я чувствую, что эта піеса мнѣ не удалась. Я хотѣлъ сдѣлать нѣчто драматическое: но не сладилъ, и съ той поры она всегда напоминаетъ мнѣ мою неудачу!» —«Но она, отвѣчалъ я, прекрасна въ томъ видѣ, въ какомъ есть; а читатели не могутъ сравнивать ее съ тѣмъ, чѣмъ она могла бы быть, если бы вы написали ее иначе». — «А посланіе къ Карамзину?» —«Посланіе къ Карамзину, сказалъ онъ, не имѣетъ въ себѣ *цѣлости* и *круглоты*!» — «Какъ и всякое посланіе», возразилъ я, и началъ читать изъ него стихи, составляющіе прекрасную картину природы:

Какъ Волжанинъ, люблю близъ водъ искать прохлады;
Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады,
Люблю и о́зера спокойный гладкій видъ,
Когда его стекло вечерній лучъ златитъ;
А временемъ, идя—куда и самъ не зная —
Чрезъ холмы, чрезъ лѣса, не видя сѣнямъ края,
Подъ сводомъ зелени, вдругъ на́-свѣтъ выхожу
И новую для глазъ картину нахожу:
Открытыя поля подъ золотою нивой!
Вездѣ блестятъ серпы въ рукѣ трудолюбивой!
Какой пріятный шумъ! какая пестрота!
Здѣсь взрослый, тутъ старикъ, съ нимъ рядомъ красота;
Кто жнетъ, кто вяжетъ снопъ, кто подбираетъ класы;
А дѣти между тѣмъ, амуры свѣтловласы,
Украдкой по снопу играючи берутъ,
Крехтятъ подъ ношею, другъ друга ею прутъ,
Валяются, встаютъ и, усмотря цвѣточикъ,
Всѣ врознь къ нему летятъ, какъ майскій вѣтерочикъ.

Наконецъ я спросилъ и объ исключеніи *Чужаго толка*.— «Сатира у меня только одна и есть», отвѣчалъ мнѣ дядя: сто́итъ ли труда помѣщать ее? Кромѣ того цѣль ея нейдетъ уже къ нынѣшнимъ произведеніямъ поэзіи.»

Мнѣ чрезвычайно любопытно было слышать его мнѣніе о собственныхъ его произведеніяхъ. Однако я отстоялъ всѣ эти три піесы, сказавъ, что непремѣнно перепишу и ихъ вмѣстѣ съ другими, и что можно будетъ выключить ихъ и послѣ, если онъ не перемѣнитъ своего мнѣнія.

Это изданіе напечатано было по желанію Петербургскаго Общества Словесности, Наукъ и Художествъ, и издано его иждивеніемъ, съ портретомъ автора; это то̀ Общество, которое называлось въ Петербургѣ Обществомъ Соревнователей. Портретъ литографированъ съ оригинала, рисованнаго знаменитымъ *Тончи*.

Ив. Ив. Дмитріевъ глубоко почиталъ Ломоносова; любилъ и высоко цѣнилъ Державина; уважалъ въ Петровѣ обиліе мыслей и силу; въ Херасковѣ признавалъ главнымъ достоинствомъ терпѣніе. Не рѣдко смѣялся онъ, вспоминая нѣкоторые стихи Державина, которые онъ, по его совѣту, принимался поправлять, но потомъ, не сладивъ съ поправкою, махнетъ рукой и броситъ!

Самъ онъ былъ чрезвычайно воспріимчивъ къ красотамъ природы и чувствителенъ къ красотамъ поэзіи. Однажды, въ старости, не за долго до своей кончины, онъ сталъ читать мнѣ вслухъ нѣкоторыя строфы Ломоносова. Вдругъ голосъ его задрожалъ, и на глазахъ показались слезы. Это меня тѣмъ болѣе удивило, что въ строфахъ Ломоносова не было ничего чувствительнаго. Я спросилъ его объ этомъ.— «Это такъ хорошо, отвѣчалъ онъ: такъ живописно и полно гармоніи, что меня нѣсколько тронуло!»—Кто такъ чувствуетъ поэзію, тотъ, конечно, и самъ поэтъ! — А что̀ писали въ Отечественныхъ Запискахъ 1841 года и повторяли послѣ!

Вотъ что тамъ писали: «Ломоносовъ не поэтъ, не лирикъ;

въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія».—«Оды Державина лишены и тѣни какого бы то ни было содержанія. Его поэзія лишена всякой художественности. Едва прошло 25 лѣтъ послѣ его смерти, а его уже никто не читаетъ».—«Дмитріевъ не поэтъ, а версификаторъ». — «Жуковскаго нельзя назвать поэтомъ въ смыслѣ свободной, творческой натуры!» Все это было въ 1 N, стр. 2, 3, 8, 10, 19.—Кто же, по ихъ мнѣнію, поэтъ?—«Кольцовъ—*звѣзда первой величины*!» — Впрочемъ чему дивиться, когда тутъ же сказано было на стр. 15: «Карамзинъ не написалъ (Истор. Государ. Росс.), а только хотѣлъ написать. Государство Россійское началось съ творца его, Петра Великаго, до появленія котораго было оно младенецъ; а кто же пишетъ исторію младенца?»—Все это выписано слово въ слово: я указываю страницы.

Не было писателя и стихотворца, которому бы Дмитріевъ не отдавалъ справедливости, и той именно похвалы, которую тотъ заслуживаетъ, по мѣрѣ своего таланта. Онъ разбиралъ строго, анализировалъ подробно и доказывалъ ошибки безъ уступчивости; но всегда хладнокровно, учтиво, съ достоинствомъ. Если же находилъ черту таланта, теплое чувство, хорошій стихъ, онъ поднималъ ихъ, возвышалъ и показывалъ во всемъ блескѣ. Если хорошее превышало дурное, давалъ перевѣсъ похвалѣ передъ порицаніемъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что отъ самого себя требовалъ онъ полнаго совершенства, и въ частяхъ, и въ цѣломъ, и никогда не довольствовался частностями, что̀ доказывается его мнѣніемъ о своемъ посланіи къ Карамзину. Одного не прощалъ онъ: низкаго чувства и низкаго, площаднаго выраженія, которыя при немъ уже начинались. О стихахъ просто вялыхъ — онъ говорилъ не охотно, не́хотя, и забывалъ ихъ на судѣ своемъ. Но надъ стихами графа Хвостова «le sublime du galimatias», отъ души смѣялся и съ какимъ-то особеннымъ добродушнымъ наслажденіемъ.

Это ведетъ меня опять къ отступленію. Гр. Хвостовъ любилъ посылать, что̀ ни напечатаетъ, ко всѣмъ своимъ знакомымъ, тѣмъ болѣе къ людямъ извѣстнымъ. Карамзинъ и Дмитріевъ всегда получали отъ него въ подарокъ его стихотворныя новинки. Отвѣчать похвалою, какъ водится, было затруднительно. Но Карамзинъ не затруднялся. Однажды онъ написалъ къ нему, разумѣется, иронически: «Пишите, пишите! учите нашихъ авторовъ, какъ должно писать!» — Дмитріевъ очень укорялъ его, говоря, что Хвостовъ будетъ всѣмъ показывать это письмо и имъ хвастаться; что оно будетъ принято одними за чистую правду, другими за лесть; что и то и другое не хорошо.» — «А какъ же ты пишешь?» спросилъ Карамзинъ. — «Я пишу очень просто. Онъ пришлетъ ко мнѣ оду, или басню; я отвѣчаю ему: «ваша ода, или басня, ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ!» — Онъ и доволенъ, а между тѣмъ это правда». — Оба очень этому смѣялись!

Однажды только сочиненія гр. Хвостова вывели изъ терпѣнія Дмитріева. Вотъ по какому случаю. Онъ ожидалъ изъ Петербурга книгъ, которыя обѣщалъ ему прислать изъ чужихъ краевъ Д. П. Сѣверинъ. Получается съ почты огромный ящикъ. Ив. Ив. чрезвычайно обрадовался давно ожидаемой посылкѣ. Открываетъ съ нетерпѣніемъ — и что же? — множество экземпляровъ полнаго изданія сочиненій гр. Хвостова, и къ нему, и съ порученіемъ раздать другимъ! — Чрезвычайно смѣшно было видѣть эту неудачу!

Не могу отстать отъ гр. Хвостова. — Онъ такъ любилъ дарить свои сочиненія и распространять свою славу, что по дорогѣ къ его деревнѣ (село Талызино, въ Симбирской губерніи), по которой я часто ѣздилъ, онъ дарилъ свои сочиненія станціоннымъ смотрителямъ, и я видалъ у нихъ приклеенные къ стѣнкѣ его портреты. Замѣчательное славолюбіе во всѣхъ видахъ, и феноменъ метроманіи!

Было время, когда Ив. Ив. Дмитріевъ считался въ Москвѣ авторитетомъ въ литературѣ. Ничего не выходило въ печать изъ рукъ лучшихъ авторовъ, не подвергнувшись прежде его сужденію и совѣту. Жуковскій, приготовивъ къ печати первое изданіе своихъ стихотвореній (2 части in 4°), прежде давалъ ему на разсмотрѣніе свою рукопись.

———

Я помню, когда жилъ въ домѣ моего дяди (1813—1814) и послѣ этого, когда Государь Александръ Павловичъ пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву: Жуковскій, Батюшковъ, Воейковъ, князь Вяземскій, Дм. В. Дашковъ, собирались часто по вечерамъ у моего дяди. Ихъ разговоры и сужденія о литературѣ были для меня, молодаго еще человѣка, истиннымъ руководствомъ просвѣщеннаго вкуса. Но въ послѣдствіи времени, когда измѣнилось направленіе литературы, когда появились молодые писатели, самонадежнѣе прежнихъ, это новое поколѣніе отдѣлялось отъ Дмитріева (кромѣ Пушкина, кн. Одоевскаго и С. Е. Раича). Оно отдѣлялось потому, что Дмитріевъ, уважая другихъ, требовалъ и къ себѣ уваженія и соблюденія всѣхъ приличій; равняя всѣхъ своихъ знакомыхъ своею равною ко всѣмъ привѣтливостію, онъ любилъ, однако, чтобъ они не забывались, и чтобы всякій зналъ свое мѣсто.

———

А. Ѳ. Мерзляковъ, который, послѣ своей женитьбы, отсталъ отъ прежнихъ знакомыхъ, бывалъ у него рѣдко, и то по утрамъ. Онъ принялъ на свой счетъ эпиграмму Дмитріева, напечатанную въ его сочиненіяхъ:

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна,
Нашъ Бавій говоритъ, любуясь самъ собой:
Отнынѣ будетъ всѣмъ поэтамъ моднымъ смѣна:
Всѣ классики уже переводимы мной;
Такъ я и самъ ученымъ свѣтомъ
Достоинъ признанъ быть классическимъ поэтомъ!
—Такъ, Бавій! такъ, стихи конечно и твои
На лекціяхъ пойдутъ—въ примѣръ галиматьи!

Правда, что этотъ портретъ похожъ былъ и на фигуру Мерзлякова; притомъ—слова: *классикъ и лекціи*, могли подать Мерзлякову поводъ къ подозрѣнію; но Дмитріевъ уважалъ труды Мерзлякова, и самаго его, какъ человѣка, достойнаго уваженія по своему благородному сердцу. Эта эпиграмма написана была на графа Хвостова, который переводилъ французскихъ классиковъ; я это знаю вѣрно и утверждаю.

Во всякомъ авторѣ встрѣчаются мѣста, къ которымъ не лишнее прибавлять объясненія. Такъ, напримѣръ,въ *Каррикатурѣ* Дмитріева:

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина,
Да возвѣщу я внукамъ
Что́ ты откроешь мнѣ!

Это описано истинное происшествіе, случившееся въ Сызранскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Ивашевкѣ, въ 12 верстахъ отъ нынѣшней моей деревни. Описанный въ Каррикатурѣ вахмистръ Шешминскаго полку, Прохоръ Николаевичъ Патрикѣевъ. Онъ, въ молодыхъ лѣтахъ, женился, будучи еще *недорослемъ* (такъ называли дворянъ, не бывшихъ еще на службѣ) потомъ, оставя жену въ деревнѣ, отправился въ полкъ. Это было еще до Петра Третьяго, когда чины шли туго, и отставокъ не было; почты тоже не было, а потому онъ, какъ человѣкъ небогатый, вѣроятно не имѣлъ никакихъ средствъ получать извѣстія о своемъ семействѣ. Наконецъ, дослужившись до вахмистровъ въ царствованіе Екатерины и, въ пожилыхъ уже лѣтахъ, онъ вышелъ въ отставку и воротился верхомъ на своемъ боевомъ конѣ, въ свою Ивашевку.

Узнаетъ ли Груняша?
Ворчалъ онъ про себя:
Когда мы разставались,
Я былъ еще румянъ!

Жену его звали Аграфена Семеновна. Но жены онъ не нашелъ уже. Она была судима въ пристанодержательствѣ, и вѣроятно сослана. Некому было дать мужу и извѣстія о ея участи: происшествіе это было уже старое и забытое. Развязка очень простая, въ такой глуши и по тогдашнимъ нравамъ:

Тотчасъ ее схватили
И въ городъ увезли;
Что̀ съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

Авторъ прибавляетъ и окончаніе этой справедливой исторіи

Что дѣлать! какъ ни больно,
Но вѣчно ли тужить?—
Несчастный мужъ, поплакавъ,
Женился на другой.

—

Сей витязь и по нынѣ,
Друзья, еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ,
Онъ земскимъ былъ судьей.

Я зналъ его сына отъ втораго брака. Его звали Василій Прохоровичъ. Я помню, что онъ, по добротѣ своей, былъ предметомъ мистификацій всего уѣзда.

У меня есть картинка, написанная перомъ, самимъ Дмитріевымъ въ его молодости: она изображаетъ *Патрикѣева,* подъѣзжающаго *на старомъ рыжакѣ* къ селу Ивашевкѣ. Тамъ не забытъ и тощій котъ, мяучащій на кровлѣ.

Эта деревня Ивашевка въ старину отличалась чудаками. Драгунскій витязь, ротмистръ *Брамербасъ*, къ которому обращается Дмитріевъ въ сказкѣ: *Причудница*, тоже списанъ съ натуры. Это былъ тамошній же помѣщикъ, самый чиновный изъ многочисленныхъ мелкихъ дворянъ той деревни, маіоръ Ивашевъ.

О если бы возсталъ изъ гроба ты сейчасъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню, какъ во снѣ,
Что̀ ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ.
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи!
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ!
Стоялъ, какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь.... еще тому не вѣрилъ!

Что за прелесть эти стихи! что за тонкая и легкая эпиграмма въ послѣднемъ!—Нынче не умѣютъ этого!—И послѣ этой вѣрной, чисто отдѣланной картины, Дмитріевъ не поэтъ?

———

Разскажу къ стати анекдотъ объ этомъ маіорѣ Ивашевѣ. Однажды вечеромъ, возвращался онъ подъ пьяную руку, верхомъ на конѣ въ свою Ивашевку. Видитъ онъ, что на лугу, не далеко отъ околицы, разставлены два бѣлые шатра. Вспомнивъ, вѣроятно, сказки, вскрикнулъ онъ громкимъ голосомъ: «кто въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ шатры разбилъ?»—Отвѣта не было.—Онъ пустилъ вскачь своего коня богатырскаго прямо на шатры, и попалъ между ними, въ веревки, которыми они были натянуты и которыя переплетались однѣ съ другими. Конь запутался и упалъ; шатры зашатались и тоже упали.—Дѣло было вотъ въ чемъ.

Это проѣзжалъ Казанскій архіерей осматривать свою эпархію. Въ одномъ шатрѣ служили въ его присутствіи вечерню; а въ другомъ готовили ему кушанье.—Архіерей выбѣжалъ и, видя лежащаго человѣка, закричалъ: «шелеповъ!—По окончаніи наказанія, Ивашевъ вскочилъ опять на коня, ударился скакать въ Ивашевку и повѣстилъ всѣмъ жителямъ, что ѣдетъ архіерей, и пресердитый, такъ, что его высѣкъ! По утру всѣ Ивашевскія барыни собрались чѣмъ свѣтъ къ околицѣ встрѣчать владыку; и при въѣздѣ его упали ницъ, съ воплемъ, сквозь который было слышно: «Батюшка, земной богъ! не погуби!»—Архіерей расхохотался и проѣхалъ мимо.—Кто повѣритъ, что это правда?—Таковы были люди, таковы были нравы!

Стихотвореніе: *Отъѣздъ*, было написано Дмитріевымъ въ Сызранѣ, при возвращеніи его изъ годоваго отпуска, въ Петербургъ, на гвардейскую службу, въ Семеновскій полкъ. Написавши эту піесу, онъ читалъ ее въ домашнемъ кругу, гдѣ были и посторонніе. Когда дошелъ онъ до этого мѣста:

И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
Видался каждый день съ Наядой,
Гдѣ кустъ, береза вдалекѣ
Казались мнѣ Гамаріадой,
А *дьякъ или и самъ судья*
Какой нибудь Цирцеи жертвой....

Одинъ изъ слушателей, бывшій въ то время судьею, всталъ, поклонился, и очень добродушно сказалъ: «покорнѣйше благодарю, батюшка Иванъ Ивановичь, что и насъ не забыли!»—Какова была простота! Можетъ быть, и нынче не знаютъ, что спутники Одиссея были превращены въ свиней; но не поблагодарятъ же такъ добродушно!—Какое-то чувство сказало бы: «вѣрно онъ надъ нами смѣется!»

Гласъ патріота на взятіе Варшавы написалъ Дмитріевъ тоже въ Сызранѣ, по невѣрному слуху о покореніи Польской столицы, и прислалъ эти стихи къ Державину. Но они получены были въ то время, какъ пришло въ Петербургъ дѣйствительное извѣстіе о взятіи Варшавы. Державинъ немедленно напечаталъ эти стихи, поднесъ ихъ Императрицѣ и роздалъ придворнымъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они могли быть получены изъ Сызрана, въ тотъ же день, въ который только что получена въ Петербургѣ эта новость, а приписывали эти стихи самому Державину, пока онъ не объяснилъ, почему они были заранѣе написаны.

Всѣ лучшія стихотворенія Дмитріева были написаны имъ въ Сызранѣ, во время отпусковъ изъ гвардейской службы. Спокойная, безпечная жизнь, недостатокъ разсѣянности, влекли его къ тихимъ занятіямъ съ Музою; а живописные виды съ высокаго берега рѣки Крымзы, сливающейся съ великолѣпною Волгою, во время ихъ разлива, видимою съ высоты, на которой стоялъ домъ отца его, возбуждали въ немъ картины воображенія. Такимъ образомъ, съ первой молодости, въ сторонѣ, гдѣ онъ не могъ находить общества просвѣщеннаго, общества по себѣ, онъ создавалъ вокругъ себя міръ другой, міръ поэтическій. Такимъ образомъ, сказывалъ онъ мнѣ, что планъ *Ермака* обдумывалъ онъ, играя въ шашки съ однимъ гостемъ своего отца.

Когда онъ рисовалъ въ воображеніи картину, которую намѣревался представитъ въ стихахъ, онъ имѣлъ привычку обдумывать всѣ ея части и подробности, и спрашивать себя: могъ ли бы ихъ изобразить на полотнѣ живописецъ?— Только въ такомъ случаѣ онъ признавалъ картину достойною кисти поэта. Отъ этого мы видимъ у него удивительную цѣлость и полноту, и тонкую отдѣлку частей!—Такимъ образомъ рѣшены были имъ эти два стиха *Ермака:*

То сей, то оный на бокъ гнется;
Крутятся—и Ермакъ сломилъ.

Или это изображеніе плачущихъ Музъ:

Изъ рукъ ихъ лиры покатились,
Главы къ колѣнамъ преклонились,
Власы упали до земли!

Или, наконецъ, эта картина въ стихахъ *Къ Волгѣ:*

Тамъ кормчій, *руку простирая,*
Чрезъ лѣсъ дремучій на курганъ,
Вѣщалъ, сопутниковъ сзывая:
„Здѣсь Разиновъ былъ, други, станъ!“
Вѣщалъ, *и въ думу погрузился;*
Холодный потъ по немъ разлился,
И перстъ на воздухѣ дрожалъ!

Пріемы великаго мастера всегда поучительны; а потому нелишнее дѣлать ихъ извѣстными.

Пѣснь на день коронованія Императора Александра была напечатана и поднесена Государю, не въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ собраніи сочиненій Дмитріева. Онъ уже послѣ раздѣлилъ ее на хоры. Первая строфа была такъ:

Не умолчу, въ сей важный часъ,
И я, питомецъ Аполлоновъ.
Взоръ Неба обращенъ на насъ:
Судьба рѣшится милліоновъ!
Младый сподвижникъ предъ Творцемъ,
Въ толь нѣжныя, цвѣтущи лѣта,
Даетъ обѣты быть отцомъ
И стражемъ половины свѣта!
О Богъ судебъ! о Царь Царей!
Будь Богъ щедротъ Россіи всей!

Вторая же строфа, слѣдующая за этой, или первый хоръ втораго изданія, была прибавлена вновь.

Стихи на восшествіе на престолъ Императора Павла Перваго, были тоже напечатаны особо; но ихъ нѣтъ ни въ одномъ полномъ изданіи, какъ и многихъ другихъ одъ Дмитріева. Иногда за малѣйшую негладкость стиха, за нѣкоторую устарѣлость формы, онъ подвергалъ исключенію и хорошее произведеніе. Вотъ первая строфа упомянутаго стихотворенія:

Ты принялъ скиптръ Екатерины!
Монархъ! зри Сѣверъ, Югъ, Востокъ;
Зри обѣ міра половины:
Сей мощный скиптръ писалъ ихъ рокъ,
Владѣлъ и сушей и морями,
И царства покорялъ съ царями;
Но грозенъ, гибеленъ врагамъ,
Онъ зиждилъ памятникъ Россіи,
Его же ввѣкъ почтутъ стихіи;
Онъ блескъ давалъ ея сынамъ!

Еще замѣтка для библіографовъ. Въ сказкѣ Дмитріева *Искатели Фортуны*, во *всѣхъ* изданіяхъ его сочиненій пропущенъ одинъ стихъ, который находится только въ Аонидахъ Карамзина, ч. 2. стр. 86. Выписываю здѣсь нѣсколько стиховъ, и отмѣчаю этотъ стихъ курсивомъ:

. . . . И напослѣдокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ,
Любимый уголокъ Фортуны, то есть Дворъ.
Присталъ къ нему, и по обряду,
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,
Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать.

Странно, что ни самъ авторъ, ни издатели, ни одинъ изъ бывшихъ при печатаніи его сочиненій

„Уставщиковъ кавыкъ и строчныхъ препинаній"—

никто не замѣтилъ этого пропуска. Не свидѣтельствуетъ ли это вообще о гармоніи стиховъ Дмитріева, которая имѣетъ полноту и съ недостающею риѳмою. Первый открылъ этотъ стихъ кн. П. А. Вяземскій, и удивилъ этимъ автора.

Мнѣ удалось тоже открыть, что въ его сатирѣ *Чужой толкъ* есть четыре сряду мужескія риѳмы. Вотъ и эти четыре стиха:

Неловко что-то все.—Да просто *напишу*,
Ликуй, герой, ликуй! Герой ты! *возглашу*.
Изрядно!—тутъ же что? тутъ надобенъ *восторгъ!*
Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности *расторгъ?*

Когда я сказалъ объ этомъ моему дядѣ, онъ тоже очень дивился, что лѣтъ сорокъ не замѣтилъ самъ этой ошибки.

———

Вотъ подробная роспись всѣхъ изданій Дмитріева:

1. Философъ, живущій у хлѣбнаго рынка, въ прозѣ, переводъ съ франц. 1777 года. Второе изданіе 1786.
2. Жизнь графа Никиты Ив. Панина. 1786 года.
3. И мои бездѣлки. 1795.
4. Карманный пѣсенникъ. 1796.
5. Басни и сказки. С.П.Б. 1796.
6. Сочиненія и переводы. 3 ч. Въ тип. Бекетова. 1802—1805.
7. Сочиненія и пер. 3 ч. изд. 3. Въ Унив. тип. 1810.
8. Басни. Въ тип. Шнора. 1810. Посвящены были Императрицамъ: Елизаветѣ Алексѣевнѣ и Маріѣ Ѳеодоровнѣ.
9. Сочиненія и переводы. 3 ч. Изд. 4-е (Свѣшникова). Въ тип. Селивановскаго. 1814.
10. Сочиненія и переводы. 3 ч. Изд. 5-е (Звѣрева), съ портретомъ автора. Въ Унив. тип. 1818.
11. Стихотворенія И. И. Дмитріева. Изд. 6-е (уменьшенное), съ портретомъ автора, въ 2. ч. Въ тип. Греча. 1823.
12. Апологи въ четверостишіяхъ. Въ тип. Семена 1826.
13. Басни и Апологи, съ портретомъ автора. С. П. Б. Въ Воен. тип. (in 32). 1838.

———

Привыкнувши съ молодости къ природѣ, простотѣ жизни

и дѣятельности, Ив. Ив. Дмитріевъ вставалъ очень рано, самъ варилъ себѣ кофей, потомъ немедленно одѣвался. Рѣдко, очень рѣдко мнѣ случалось заставать его въ шлафрокѣ, и то развѣ тогда, когда онъ былъ нездоровъ. Всякой день онъ ходилъ пѣшкомъ, и ходилъ много. Этой ранней привычки онъ не оставлялъ даже и тогда, когда онъ былъ министромъ: у него на все доставало времени. Въ Москвѣ, въ своихъ прогулкахъ, не рѣдко вслушивался онъ въ разговоры людей изъ простаго народа, и самъ вступалъ въ рѣчь съ ними. Иногда онъ приносилъ изъ этихъ прогулокъ очень вѣрныя замѣчанія и черты народнаго характера, которыя онъ умѣлъ разсказывать съ неподражаемымъ искуствомъ! Его шутка, сопровождаемая всегда важнымъ видомъ, была необыкновенно мѣтка и забавна.—Читалъ онъ очень много; слѣдилъ постоянно за происшествіями своего времени и за литературою. Садоводство, или лучше сказать зелень деревьевъ и луга англійскаго сада — это было его страстію! Другая его страсть были эстампы лучшихъ мастеровъ. Но въ этомъ онъ не слѣдовалъ записнымъ охотникамъ, которые цѣнятъ эстампы по признакамъ, описаннымъ въ каталогахъ. Онъ слѣдовалъ своему вкусу и никакъ не ошибался! Иногда покупалъ онъ эстампъ для поэтическаго его сюжета, чего не дѣлаютъ охотники. Страсть къ саду и къ эстампамъ наслѣдовалъ и я отъ него, и присовокупилъ къ тѣмъ, которые мнѣ отъ него достались.

Такъ напр. былъ у него Миллеровъ эстампъ La madonna di santo Sisto, которымъ онъ дорожилъ по красотѣ экземпляра, не зная впрочемъ въ чемъ состоитъ его достоинство у знатоковъ, и любовался имъ, не заботясь объ этомъ. Однажды разсматривалъ его извѣстный знатокъ въ этомъ дѣлѣ, Иванчинъ-Писаревъ. Вдругъ показалось ему, что это отпечатокъ avant-l'auréole; но, не довѣряя своимъ глазамъ, онъ просилъ снять эстампъ со стѣны и вынуть изъ рамки; открылось, что это не только avant la lettre, но дѣйстви-

тельно avant l'auréole, т. е. величайшая рѣдкость! Писаревъ встрепенулся отъ радости, найдя такую драгоцѣнность, и оцѣнилъ эстампъ по крайней мѣрѣ въ тысячу рублей ассигнаціями, если не дороже.

Но здѣсь слѣдуетъ анекдотъ. Ив. Ив. сказалъ ему: Хочешь, Николай Дмитріевичъ, я завѣщаю наслѣдникамъ, чтобы они подарили тебѣ этотъ эстампъ? Изволь; обѣщаю тебѣ! — Но Ив. Ив. чрезвычайно боялся смерти, и не любилъ, чтобы объ ней вспоминали. На другой день Иванчинъ-Писаревъ приходитъ къ нему и подаетъ ему бумагу, прося ее подписать. —«Что это такое?«—«Росписка въ вашемъ обѣщаніи, чтобъ послѣ вашей кончины этотъ эстампъ достался мнѣ.»—Дмитріевъ взялъ перо и подписалъ; потомъ сказалъ Писареву: «Я твое желаніе исполняю; дай же мнѣ слово, что и ты мое исполнишь!»—«Даю!» отвѣчалъ въ радости Писаревъ.—«И такъ, я по твоему желанію подписалъ эту бумагу; а ты по моему желанію оставь ее у меня».

Послѣ кончины Ивана Ивановича мнѣ большаго труда стоило уговорить его наслѣдниковъ отдать этотъ эстампъ Писареву: анекдоту моему не вѣрили, принимая все это за шутку, и ничто не помогало; самое домогательство имѣть эту вещь, заставляло ихъ думать, что она должна быть не простая! — Но, къ счастію, я нашелъ въ бумагахъ Ив. Ив. его росписку; и эстампъ былъ наконецъ отданъ по обѣщанію.

Выписываю нѣкоторыя происшествія его жизни, которыхъ нѣтъ въ его біографіи, напечатанной при послѣднемъ изданіи его сочиненій.

Многимъ современникамъ извѣстно, что въ началѣ царствованія Императора Павла, Ив. Ив. Дмитріевъ, былъ взятъ подъ стражу; но неизвѣстны причины и подробности этого происшествія. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ съ одной стороны была справедливая предосторожность, съ другой стороны выказывается какая-то рыцарская откровенность

великодушія въ Государѣ, то я опишу здѣсь какъ это было.

Въ началѣ царствованія Императора Павла, Дмитріевъ вышелъ изъ гвардіи въ отставку, съ чиномъ полковника и съ мундиромъ.

Въ самый день крещенія (1797) въ который бываетъ церковный ходъ на воду и парадъ войскъ, Дмитріевъ, передъ самою обѣднею, лежалъ еще въ постелѣ и читалъ книгу — какую же книгу! — La conjuration de Venise, par Saint-Réal.—Входитъ къ нему двоюродный его братъ Иванъ Петровичъ Бекетовъ, въ мундирѣ и въ шарфѣ, и говоритъ ему шутя: «Вотъ право счастливецъ! Лежитъ спокойно; а мы будемъ мерзнуть на вахтъ-парадѣ!»—Пробывши у него съ четверть часа, онъ вышелъ—и находитъ у наружныхъ дверей часоваго! — Онъ хотѣлъ воротиться назадъ; но его уже не пустили.

Вдругъ вошелъ къ Дмитріеву Второй Военный Губернаторъ, Николай Петров. Архаровъ (первымъ былъ Наслѣдникъ, Великій Князь Александръ Павловичъ), и сказалъ ему очень учтиво, чтобъ онъ одѣвался и ѣхалъ съ нимъ. Дмитріевъ началъ одѣваться, хотѣлъ, по тогдашней строгой формѣ, причесываться, дѣлать букли, косу и пудриться; но Архаровъ сказалъ, что это не нужно,—и потому Дмитріевъ одѣлся на скоро въ мундиръ, и съ распущенными волосами сѣлъ съ Архаровымъ въ его карету и поѣхалъ. Проходя черезъ переднюю, онъ сказалъ только своему слугѣ: «скажи братьямъ.» — Карета остановилась у дворца. Взойдя на крыльцо, онъ увидѣлъ своего сослуживца Лихачева, тоже привезеннаго Полицеймейстеромъ, подъ надзоромъ котораго Архаровъ оставилъ ихъ обоихъ, а самъ пошелъ вверхъ по лѣстницѣ во внутреннія комнаты. Оба арестанта бросились другъ къ другу съ вопросомъ: «Не знаешь ли, за что?» — И оба вдругъ отвѣчали: «не знаю!»

Вскорѣ ихъ обоихъ позвали. Надлежало проходить чрезъ всѣ парадныя комнаты дворца, наполненныя, по случаю торжественнаго дня, Генералитетомъ, Сенатомъ, Каммергерами, Каммеръ-юнкерами, высшими чинами двора, придвор-

ными дамами. Ихъ ввели въ кабинетъ Государя; онъ былъ окруженъ однимъ Императорскимъ семействомъ.

Императоръ сказалъ имъ: «Господа! мнѣ поданъ доносъ, что вы покушаетесь на мою жизнь!»—Въ эту минуту Великіе Князья Александръ и Константинъ оба заплакали и бросились обнимать отца.—Павла это тронуло.—Онъ продолжалъ: «Я хотя и не думаю, чтобъ этотъ доносъ былъ справедливъ, потому что всѣ свидѣтельствуютъ объ васъ одно хорошее; особливо за тебя всѣ ручаются!» сказалъ онъ, оборотясь къ Дмитріеву.—(Дѣйствительно за него всѣ ручались, и самъ Наслѣдникъ; особенно же тогдашній Генералъ-Майоръ Ѳедоръ Ильичъ Козлятьевъ, человѣкъ добродѣтельный и строгій къ долгу, хотя и добродушный философъ; объ немъ я напечаталъ нѣкогда статью *въ прежней Молвѣ*, издававшейся Надеждинымъ). Впрочемъ, продолжалъ Государь, я такъ еще недавно царствую, что никому, думаю, не успѣлъ еще сдѣлать зла! — Однако, если не такъ, какъ Императоръ, то какъ человѣкъ, долженъ для своего сохраненія принять предосторожности. — Это будетъ изслѣдовано; а пока — вы оба будете содержаться въ домѣ Архарова». — Ихъ вывели, и они поселились у Военнаго Губернатора. Въ первый день они обѣдали вмѣстѣ съ хозяиномъ; но такъ какъ начало пріѣзжать множество любопытныхъ, то Архаровъ предложилъ имъ обѣдать однимъ въ своей комнатѣ, чему они были и рады. Три дня прожили они въ неизвѣстности о своей участи.

Въ это время (разсказывалъ мой дядя) одинъ случай разсмѣшилъ его. Вдругъ выглядываетъ къ нему въ комнату мальчикъ, хорошо одѣтый, и спрашиваетъ, можно ли войти. Дмитріевъ позвалъ его, приласкалъ и спросилъ: что ему надобно?—это былъ племянникъ Архарова.—«Я слышалъ, отвѣчалъ мальчикъ, что вы пишете стихи; я тоже пишу, и пришелъ попросить васъ, чтобъ вы поправили».

Черезъ три дня вся эта исторія кончилась. —Дѣло было вотъ въ чемъ. Слуга Лихачева (но не этого, а двоюроднаго его брата, съ которымъ Дмитріевъ вовсе не былъ зна-

комъ), подалъ этотъ доносъ, въ надеждѣ получить за это свободу. Для достовѣрности нужно ему было припутать другаго, и онъ припуталъ Дмитріева. Архаровъ, немедленно по взятіи ихъ подъ стражу, бросился объискивать слугъ ихъ платье; у доносчика найдено было въ карманѣ черновое письмо къ родственникамъ, въ которомъ онъ писалъ, что скоро будетъ вольнымъ. Это письмо, при сходствѣ почерка съ доносомъ, послужило къ открытію истины. Проницательность Архарова и донынѣ сохраняется въ памяти.

Послѣ этого Дмитріевъ и Лихачевъ опять были представлены Государю. Павелъ встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями. Такъ какъ Дмитріевъ шелъ впереди, то его перваго обнялъ Павелъ, не допустивъ его стать на одно колѣно, по тогдашнему этикету. Въ это время Лихачевъ успѣлъ уже стать какъ слѣдовало. Государь, увидя это, бросился поднимать его и сказалъ громко: «Встаньте, сударь; а не то подумаютъ, что я васъ прощаю!»

Въ Императорѣ Павлѣ было что-то рыцарское. Но этой черты не описано подробно въ Запискахъ Дмитріева; а помнится, упомянуто о всемъ происшествіи кратко, хотя онъ неоднажды все это мнѣ и другимъ разсказывалъ.—Потомъ Государь пригласилъ ихъ обоихъ къ обѣду.

Эта исторія послужила къ счастію Дмитріева. Государь приказалъ Великому Князю Александру Павловичу спросить Дмитріева: чего онъ хочетъ?—Онъ не хотѣлъ ничего, кромѣ спокойной жизни въ отставкѣ. — Наконецъ, въ третій разъ, Александръ Павловичъ настоятельно уже сказалъ ему: «скажи что нибудь; батюшка рѣшительно требуетъ!» — Тогда онъ отвѣчалъ, что желаетъ посвятить жизнь свою службѣ Государю. — Въ слѣдствіе этого отвѣта онъ былъ сдѣланъ товарищемъ Министра Удѣловъ. Потомъ уже онъ получилъ мѣсто Оберъ-Прокурора. Тогда это было повышеніемъ.

По кончинѣ Михаилы Никитича Муравьева, 1807 года, отъ 10 Сентября, Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ

Петръ Васильевичъ Заводовскій, исполняя волю Государя Александра Павловича, предлагалъ Дмитріеву званіе Попечителя Императорскаго Московскаго Университета и его округа; но Дмитріевъ, не признавая себя достаточно ученымъ, отказался отъ этого званія. Вмѣсто его, 2 Ноября, Попечителемъ былъ назначенъ Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовской.

Въ 1809 году, въ послѣднихъ числахъ Декабря, когда Ив. Ив. Дмитріевъ былъ уже четыре года сенаторомъ, получилъ онъ письмо отъ Алекс. Дмитр. Балашова, который писалъ къ нему, что Государь Императоръ приказалъ вызвать его въ Петербургъ, и приказалъ написать, что ему *пріятно бы было видѣть его къ Новому году.*. Въ слѣдъ за этимъ получилъ онъ другое письмо отъ Сперанскаго, что Государь разсчелъ, что къ Новому году онъ не успѣетъ пріѣхать, и ожидаетъ его послѣ 1-го Генваря. Это былъ вызовъ на министерство, при новомъ учрежденіи министерствъ 1810 года.

Будучи уже министромъ, Дмитріевъ имѣлъ все еще одну Анненскую ленту. Однажды, послѣ доклада, онъ сказалъ Государю: «Простите, Ваше Величество, мою смѣлость и не удивитесь странности моей просьбы.»—Что такое? —«Я хочу просить у Васъ себѣ Александровской ленты.»—Что тебѣ вздумалось?» спросилъ Государь съ улыбкой.—«Для министра юстиціи нужно, Государь, имѣть явный знакъ Вашего благоволенія: лучше будутъ приниматься его предложенія.»—«Хорошо, отвѣчалъ Государь: скоро будутъ торги на откупа: ты ее получишь».—Такъ и сдѣлалось.—Когда Дмитріевъ пришелъ благодарить Государя, онъ спросилъ съ улыбкой: «Что? ниже ли кланяются?»—«Гораздо ниже, Ваше Величество!»

Много слыхалъ я отъ него объ Императорѣ Александрѣ. Однажды Ив. Ив. Дмитріевъ докладывалъ ему дѣло о же-

стокомъ обращеніи одной помѣщицы съ дворовой дѣвкой, вслѣдствіе котораго послѣдняя умерла. Александръ, слушая докладъ, плакалъ и говорилъ: «Боже мой! можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается! Сколько отъ насъ закрытаго, мы и вообразить этого не можемъ!» Въ этомъ случаѣ, при утвержденіи сентенціи, Александръ забылъ уже свою кротость для правосудія.

Въ другой разъ Дмитріевъ докладывалъ дѣло объ оскорбленіи Величества. Государь при этомъ словѣ сказалъ: «Вѣдь ты знаешь, Иванъ Ивановичъ, что я этого рода дѣла никогда не слушаю. Простить! и кончено; что же надъ ними терять время!»—Дмитріевъ отвѣчалъ: «Въ этомъ дѣлѣ, Государь, есть обстоятельства довольно важныя: дозвольте хоть ихъ доложить отдѣльно.»—Государь, помолчавши и подумавши, сказалъ: «Нѣтъ, Ив. Ив., чѣмъ важнѣе такого рода дѣла, тѣмъ меньше хочу ихъ знать! Тебя, можетъ быть, это удивляетъ; но я тебѣ объясню. Можетъ случиться, что я, какъ Императоръ, все-таки прощу; но, какъ человѣкъ, буду сохранять злобу: а я этого не хочу. Даже, при такихъ дѣлахъ, впредь не говори мнѣ никогда и имени оскорбителя; а говори просто: «Дѣло объ оскорбленіи Величества»; потому что я, хотя и прощу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя; а это не хорошо! Докладывай просто: «Дѣло о томъ-то.» - Иванъ Ивановичъ говорилъ, что онъ *съ умиленіемъ* слушалъ такія рѣчи изъ устъ самодержавнаго Государя.

Ив. Ив. Дмитріевъ былъ вообще чрезвычайно остороженъ и нисколько не опрометчивъ; но однажды случилось забыть ему свою власть надъ собою — и предъ кѣмъ же?— передъ Императоромъ Александромъ! — Въ концѣ доклада онъ подалъ Государю докладную записку и вмѣстѣ указъ, заготовленный къ подписанію, о награжденіи какого-то губернатора орденомъ. Государь что-то поусомнился и сказалъ ему: «Эту записку внеси лучше въ Комитетъ Мини-

стровъ.»—Тогда было это не въ обычаѣ, не было постояннымъ правиломъ, а исключеніемъ. Дмитріевъ обидѣлся. Онъ всталъ со стула собирать бумаги въ портфель и отвѣчалъ Государю: «Если, Государь, Министръ Юстиціи не имѣетъ счастія заслуживать Вашей довѣренности, то ему не остается ничего болѣе, какъ исполнять Вашу высочайшую волю! Эта записка будетъ внесена въ Комитетъ.»

Государь удивился и сказалъ ему: «Что это значитъ? я не зналъ, что ты такъ вспыльчивъ! Подай мнѣ проэктъ указа: я подпишу». Подписалъ и отпустилъ его очень сухо.

«Какъ я вышелъ за дверь,» говорилъ мой дядя, «меня начало терзать раскаяніе! Меня мучило не одно то, что я взялъ такую смѣлость, не одинъ гнѣвъ Государя, но то, что я такъ оказалъ себя передъ Государемъ, столь кроткимъ, снисходительнымъ, добрымъ! — Я рѣшился отворить дверь въ кабинетъ. — Государь спросилъ меня: «Что тебѣ надобно, Иванъ Ивановичъ? войди»!—Я вошелъ и принесъ чистосердечное покаяніе.

Государь сказалъ: «Я вовсе на тебя не сердитъ! Я только удивился, Я тебя знаю съ гвардіи, и не зналъ, что ты такой сердитый! Хорошо: я забуду; да ты не забудешь! Смотри же, чтобъ съ обѣихъ сторонъ было забыто; а то пожалуй, ты будешь помнить! Видишь, какой ты злой!» примолвилъ онъ съ улыбкою.

Какъ было не любить такого Государя! — Что передъ этимъ всѣ наши печатные анекдоты!—Эта черта и предъидущая изображаютъ въ Великомъ Государѣ – добраго человѣка! – О! Державинъ не ошибся въ своемъ пророчествѣ:

Будь страстей своихъ владѣтель!
Будь на тронѣ человѣкъ!

Будучи министромъ, Дмитріевъ, хотя былъ не щедръ на испрошеніе наградъ, но при всей своей разборчивости не пропускалъ ни одной истинной заслуги и немедленно доводилъ ее до Государя. Онъ, такъ сказать, съ

нетерпѣніемъ желалъ отличить его благоволеніемъ достойнаго, особенно, если видѣлъ въ этомъ благотворное вліяніе добраго примѣра.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ сенаторъ Штеръ. Онъ былъ тогда Воронежскимъ гражданскимъ губернаторомъ. При ревизіи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ одномъ уѣздномъ судѣ онъ нашелъ только три нерѣшенныхъ дѣла, что̀ его очень изумило и чему онъ сначала не повѣрилъ.

На вопросъ его, судья, закраснѣвшись, отвѣчалъ: «Я ваше превосходительство, стараюсь всѣ дѣла окончивать миромъ. Здѣшніе дворяне и другіе жители имѣютъ ко мнѣ довѣренность; послѣ подачи просьбы, я всегда стараюсь согласить ихъ, и потому почти всѣ дѣла кончаются подачею мироваго прошенія.» Штеръ посмотрѣлъ настольныя книги, распросилъ дворянъ и удостовѣрился, что это истина; всѣ подтвердили, что ихъ судья благодѣтель всего уѣзда, что онъ прекращаетъ всѣ тяжбы при самомъ началѣ.

Штеръ представилъ объ этомъ Дмитріеву, какъ министру юстиціи. Дмитріевъ въ первый же докладъ представилъ объ этомъ Государю; и на первой же почтѣ судья получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени.

Александръ былъ скроменъ, даже застѣнчивъ, стыдился своихъ человѣческихъ слабостей и, краснѣя уступалъ иногда фаворy. Однажды Дмитріевъ представлялъ ему о пожалованіи одного лица въ сенаторы. Государь не согласился, не почитая его достойнымъ.

Чрезъ нѣсколько времени, во время доклада, Государь самъ началъ объ этомъ заговаривать: «Иванъ Ивановичъ, я думаю, пора бы такого-то въ сенаторы; онъ долго служитъ,» и проч. — Дмитріевъ отвѣчалъ: «Я и самъ, Государь, почитаю его достойнымъ; я уже имѣлъ счастіе докладывать о немъ, но Вы не изволили согласиться на мое представленіе.»

— «Помню!» возразилъ Государь, закраснѣвшись: «но, при-

знаюсь тебѣ, меня просила объ немъ Марья Антоновна (Нарышкина, жена Дмитрія Львовича); я никакъ не могъ отказать ей, я обѣщалъ! —Впрочемъ, я подумалъ, что вѣдь хуже Митусова не будетъ!» — Конечно это доказываетъ, какъ и тогда жаловали въ сенаторы; но доказываетъ по крайней мѣрѣ, что стыдились дурнаго выбора.

Вотъ какъ послѣдовало, разсказывалъ Дмитріевъ, паденіе Сперанскаго. Онъ въ опредѣленный часъ былъ у Государя съ докладомъ. Передъ кабинетомъ, въ такъ называемой секретарской комнатѣ, дожидались окончанія его доклада И. И. Дмитріевъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Сперанскій вышелъ съ заплаканными глазами, оторопѣлый и, не обращая на нихъ вниманія, оборотясь къ нимъ спиною, началъ укладывать въ портфель свои бумаги. Вышедъ уже за двери, онъ опомнился и сказалъ изъ дверей: «Прощайте, князь Александръ Николаевичъ; прощайте, Иванъ Ивановичъ!» —Когда онъ воротился домой, онъ нашелъ уже у себя министра полиціи Александра Дмитріевича Балашова, который именемъ Государя потребовалъ отъ него бумагъ и объявилъ ему отсылку на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній.

Сперанскій попросилъ его передать Государю одну бумагу въ особомъ запечатанномъ пакетѣ, что̀ тотъ и исполнилъ.

Ив. Ив. Дмитріевъ ничего не зналъ объ этомъ Пріѣхавши на другой день въ Государственный Совѣтъ и сидя черезъ одинъ стулъ отъ Балашова, онъ спросилъ его объ одномъ его чиновникѣ: «Алекс. Дм., гдѣ у васъ Ельчаниновъ?» —Тотъ отвѣчалъ, и потомъ спросилъ его: «Иванъ Ивановичъ, а гдѣ у васъ Михайла Михайловичъ?»—Какой Михайла Михайловичъ? — «Сперанскій!» — Я думаю, онъ сейчасъ будетъ сюда. — «Нѣтъ не будетъ, отвѣчалъ Балашовъ: онъ уже далеко отсюда!»

Однажды Государь, послѣ доклада, сказалъ Дмитріеву: «Я думаю, Иванъ Ивановичъ, меня винятъ за удаленіе Сперанскаго. Вотъ посмотри и суди самъ.»—Съ этими словами онъ подошелъ къ бюро, вынулъ одну бумагу и далъ прочесть нѣсколько строкъ, закрывъ все прочее руками. Это было собственное признаніе Сперанскаго. — Въ чемъ оно состояло, я не знаю; но заключаю изъ словъ дяди, что паденію Сперанскаго способствовала между прочимъ одна секретная дипломатическая бумага по дѣламъ Швеціи, полученная имъ тайно отъ Бека, служившаго въ иностранной коллегіи; бумага, которая доказывала, что Сперанскій втерся въ дипломатическія тайны, которыя не должны были быть ему извѣстны.

А вотъ какъ произошло паденіе самаго Балашова. Онъ ходилъ къ Государю съ докладомъ по утрамъ, и съ нимъ пріѣзжалъ и оставался въ передней комнатѣ, съ портфелями, извѣстный всѣмъ намъ Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ (авторъ нѣкоторыхъ сочиненій, относящихся до военной исторіи, и Жизни Новаго Тристрама) а по вечерамъ самъ Яковъ Ивановичъ ходилъ въ кабинетъ Государя, *съ своими* докладами, чего Балашовъ и не подозрѣвалъ.

Впрочемъ, въ то самое время, когда его почитали въ наибольшемъ фаверѣ, сила его уже колебалась: самыя посылки его къ разнымъ королямъ и къ папѣ были уже слѣдствіемъ того,что Государъ къ нему охладѣлъ и легко безъ него обходился. Лучшее его время было съ учрежденія министерства полиціи, въ 1810-мъ году (которое имъ началось, имъ же и кончилось) и до перваго занятія Парижа. Но тамъ замѣтно уже было, что имъ недовольны. — Вотъ что разсказывалъ между прочимъ графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ. Въ Парижѣ былъ парадный смотръ войскъ. Балашовъ, по какой-то странной ошибкѣ портнова и по странному своему недосмотру, явился въ однобортномъ мундирѣ, который былъ заказанъ для этого случая, и передъ самымъ смот-

ромъ былъ принесенъ къ нему отъ мастера. Государь спросилъ его: «Александръ Дмитріевичъ! давно ли ты служишь въ кавалеріи?» (ибо однобортные мундиры принадлежатъ кавалеріи; а онъ былъ генералъ отъ инфантеріи.) — Балашовъ тутъ только замѣтилъ отступленіе отъ формы, извинился передъ Государемъ и объяснилъ ошибку. Когда Государь оборотился отъ него въ другую сторону и увидѣлъ, что сконфуженный Балашовъ вертится то туда, то туда, онъ посмотрѣлъ на него вкось и сказалъ въ полголоса приближеннымъ: «Пинети! настоящій Пинети!»

Балашовъ былъ женатъ, во второмъ бракѣ. на двоюродной моей теткѣ, Еленѣ Петровнѣ Бекетовой. Въ пріѣздъ его въ Москву, я живалъ съ нимъ въ одномъ домѣ и былъ съ нимъ ежедневно. Онъ былъ небольшаго роста, коренастъ, разсказывалъ очень умно, краснорѣчиво, и иногда очень забавно. Такъ я помню одинъ его разсказъ объ Испанскомъ королѣ Карлѣ IV, который, изгнанный Наполеономъ, жилъ въ Римѣ во время бытности тамъ Балашова, и пожелалъ его видѣть. «Вся цѣль этого свиданія, говорилъ Балашовъ, была та, чтобы упросить Императора за него вступиться. Говорила, по большей части, одна королева, а король повторялъ ея послѣднія слова и служилъ ей контрабасомъ. Вдругъ входитъ, во время аудіенціи, человѣкъ съ бумагами. Они рекомендовали его, сказавъ, что это Князь Мира. «Я ужъ не знаю, говорилъ Балашовъ, какія это были бумаги; но думаю, что домашніе расходы! — Какимъ же быть другимъ?» — Къ его краснорѣчивымъ разсказамъ, и важнымъ и шутливымъ, а часто и то и другое вмѣстѣ, надобно прибавить выразительныя черты его лица и движимость его физіономіи, которыхъ никакъ нельзя передать на бумагѣ.

Помню одинъ очень забавный случай. Калужскій архіерей Амвросій, будучи недоволенъ тамошнимъ губернато-

ромъ, Н. И. Б., сказалъ въ соборѣ, въ какой-то праздникъ, слово на текстъ: «Верже Ааронъ злато въ огнь, и изліяся телецъ.» — Произнося эти слова, онъ всякій разъ обращался глазами и движеніемъ руки къ губернатору.

Это слово было напечатано въ Вѣстникѣ Европы. Балашову очень хотѣлось прочитать его, и я принесъ къ нему книжку Вѣстника, которую онъ и началъ читать тутъ же.

Вдругъ докладываютъ ему: «пріѣхалъ Н. И. Б.» — Балашовъ велѣлъ просить и пошелъ надѣвать мундиръ (онъ былъ во фракѣ: тогда и военные носили фраки); а книжку, развернутую на самомъ этомъ словѣ, оборотя вверхъ переплетомъ, положилъ на столъ.

Возвращаясь въ гостинную, онъ нашелъ Богданова уже тамъ и читающаго книжку. Какъ онъ послѣ смѣялся этому случаю, и какъ раскаивался въ своей неосторожности! Богдановъ могъ подумать, что это сдѣлано съ намѣреніемъ; одинъ я знаю, что это была поспѣшность и неосмотрительность!

При Александрѣ ходила по рукамъ бумага, подъ названіемъ *Концертъ*, которой всѣ отъ души смѣялись. Это было объявленіе о концертѣ. Начало составлялъ *хоръ* Государственнаго Совѣта, который пѣлъ:

„Съ тѣмъ ли насъ хозяинъ звалъ,
Чтобы мы молчали!“

Далѣе пѣли *соло* всѣ министры. — Графъ *Аракчеевъ*:

„Вы раздайтесь, разступитесь,
Добрые люди!“

Министръ финансовъ, *Гурьевъ*:

„Ахъ ты, батюшка-царевъ кабакъ!“

Министръ юстиціи *Дмитріевъ*, который просился уже въ отставку:

„Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ!“

Министръ полиціи *Балашовъ*, который былъ безпрестанно въ посылкахъ по разнымъ государствамъ:

„Мнѣ моркотно молоденькѣ:
Нигдѣ мѣста не найду!“

Статсъ-секретарь *Шишковъ*, который все ѣздилъ съ Государемъ по чужимъ землямъ:

„Ахъ тошно мнѣ
На чужой сторонѣ!“

Другихъ не помню; но всѣ пѣсни были прибраны очень кстати и очень забавно. Тогда это было ничего, одна шутка, и сами осмѣянные смѣялись.

Вотъ какъ все сходило съ рукъ. Кн. В-ой написалъ стихи: *Рождество Христово*, чрезвычайно остро и мѣтко. Въ нихъ были осмѣяны: Государственный Совѣтъ, Министры, писатели, и всѣ по именамъ. Государь призвалъ къ себѣ Карамзина и спросилъ его: «Ты знаешь, кто написалъ эти дерзкіе стихи?» — «Знаю, Государь, отвѣчалъ Карамзинъ: это кн. В-ой.» — «Скажи же ему, что и я это знаю, и чтобы онъ остерегся: впередъ я не буду такъ снисходителенъ.» — Тѣмъ и кончилось.

Возвращаюсь опять къ Ив. Ив. Дмитріеву. До войны 1812 года или, лучше сказать, до послѣдовавшихъ за нею отлучекъ Государя, Дмитріевъ былъ совершенно доволенъ своею службою и своимъ положеніемъ. Государь его любилъ и цѣнилъ его чистыя правила, его благородный характеръ. Но съ отлучками Государя изъ Петербурга, положеніе Ив. Ив. Дмитріева, какъ министра, перемѣнилось. Извѣстно, что во все это время распространены были дѣйствія Государственнаго Совѣта и даже власть Комитета Министровъ; что въ нихъ поступали и ими разрѣшались окончательно нѣкоторыя дѣла административныя, которыя

прежде вносились на утвержденіе самого Государя; что кн. Н. И. Салтыковъ, который былъ тонкій и лукавый придворный, въ это время почти правилъ Россіею. Вмѣстѣ съ дѣлами по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ управленія, по поставкамъ на армію, и проч. Совѣтъ и даже Комитетъ начали присвоивать себѣ эту власть и по Сенату.

Рапорты Общаго Собранія Сената, по дѣламъ окончательно рѣшенымъ, представлялись Государю; тутъ, вмѣстѣ съ другими бумагами, и они вносились тоже въ Комитетъ. Государь принималъ эти рапорты только къ свѣдѣнію; ибо на рѣшенія Общаго Собранія Сената, по закону (Образованіе Государственнаго Совѣта, § 97-й пунктъ 2.) не принимается жалобъ на Высочайшее имя. Нынче конечно ихъ принимаютъ; но это по какому-то забвенію закона, который все-таки существуетъ; а покойный Государь (Александръ Павловичъ) строго его держался. Но вышелъ вотъ какой случай.

Въ Общемъ Собраніи Петербургскихъ Департаментовъ Сената было дѣло малолѣтныхъ наслѣдниковъ тайнаго совѣтника Судіенки съ помѣщикомъ Покорскимъ-Журавкою, которое было рѣшено не въ пользу малолѣтныхъ, но котораго рѣшеніе было согласовано министромъ юстиціи, слѣдовательно было окончательное. — Рапортъ Общаго Собранія, по этому дѣлу, былъ, по журналу Комитета, тоже принятъ къ свѣдѣнію; этотъ журналъ былъ подписанъ всѣми, въ томъ числѣ и Кочубеемъ, который впослѣдствіи былъ сдѣланъ графомъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, напомнили Кочубею, что онъ опекунъ малолѣтныхъ Судіенковъ, и что ему слѣдовало за нихъ вступиться. Кочубей началъ упрашивать товарищей, чтобы дѣло перенести въ Совѣтъ для пересмотра, и всѣ согласились, кромѣ Дмитріева, который, отстаивая права Сената, министра, и главное — законъ, подалъ по этому случаю мнѣніе, которое приняли и по которому долж-

но было послѣдовать какое нибудь заключенiе Комитета. Но просматривая журналъ этого числа (поданный къ подписанiю нарочно черезъ нѣсколько дней, въ надеждѣ, что число не придетъ на память министру юстицiи, и что онъ этотъ журналъ подпишетъ,) Дмитрiевъ не нашелъ въ этомъ журналѣ своего мнѣнiя, и потребовалъ, чтобъ оно было записано. Салтыковъ и другiе отвѣчали, что они оставляютъ предложенiе Кочубея безъ послѣдствiй, и что онъ самъ на это согласенъ, слѣдовательно все это останется безгласнымъ. Но вотъ что сдѣлали впослѣдствiи.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого, когда Дмитрiевъ былъ увѣренъ, что о Судiенкахъ оставлено и забыто, Салтыковъ, который былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а вмѣстѣ и Комитета Министровъ, представилъ *отъ себя* Государю, что Комитетъ, за множествомъ другихъ дѣлъ, не можетъ разсматривать подробно сенатскихъ рапортовъ и докладовъ, вносимыхъ Сенатомъ на Высочайшее имя; и потому неугодно ли будетъ повелѣть *всѣ безъ исключенiя* доклады и рапорты, взносимыя Сенатомъ на Высочайшее имя, передать на разсмотрѣнiе Государственнаго Совѣта. Это представленiе, одностороннее и двусмысленное, удостоилось Высочайшаго утвержденiя; и въ слѣдствiе этого не только рапорты и доклады, но *всѣ дѣла* по этимъ рапортамъ, даже рѣшенныя окончательно, *для одного дѣла Судiенки*, были переданы на разсмотрѣнiе Государственнаго Совѣта! Сколько людей, которыхъ тяжбы были уже окончены, пострадали отъ этого? Такихъ опытовъ былъ не одинъ! Все это было тяжелымъ камнемъ на груди министра юстицiи!

Многiя такiя дѣйствiя Комитета Министровъ побудили Дмитрiева проситься въ отставку. На случай же несогласiя на это Государя, писалъ онъ къ Балашову, чтобъ ему исходатайствовать безсрочный отпускъ. Государь уволилъ его на четыре мѣсяца; потомъ еще на два; наконецъ не

согласился уволить долѣе, и Дмитріевъ возвратился на министерство.

Но когда возвратился Государь изъ-за границы, дѣла приняли другой оборотъ. Личныхъ докладовъ министровъ уже не было: ихъ докладные дни были отмѣнены; всѣ дѣла шли черезъ графа Аракчеева. Дмитріевъ не имѣлъ случая объясниться съ Государемъ, и просилъ уже рѣшительно объ отставкѣ. Министерство принялъ, по его рекомендаціи, сенаторъ Алексѣй Ульяновичъ Болотниковъ. Ему оставилъ Дмитріевъ замѣчательное письмо, въ которомъ писалъ, что, можетъ быть, ему и впредь не удастся объяснить Государю, почему онъ такъ настойчиво просился въ отставку, и потому онъ просилъ его, при удобномъ случаѣ, довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя. «Такимъ образомъ, заключаетъ Дмитріевъ, я васъ дѣлаю душеприкащикомъ моей чести.»

Вѣроятно, наконецъ Государь узналъ истину: ибо, уволивши Дмитріева отъ службы съ замѣтнымъ неудовольствіемъ, онъ вскорѣ какъ будто искалъ случая вознаградить его. Въ Москвѣ была учреждена Коммиссія для разсмотрѣнія просьбъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, отъ людей, раззоренныхъ непріятелемъ. Дмитріевъ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ этой Коммиссіи, и получилъ потомъ двѣ награды, которыя возбудили большую зависть и много толковъ.

Я сидѣлъ у дяди вечеромъ. Къ нему пріѣхалъ Степанъ Жихаревъ, служившій тогда при статсъ-секретарѣ Марченкѣ. — Онъ сказалъ Ивану Ивановичу, что ему поручено узнать, какой бы онъ награды желалъ. Дмитріевъ сказалъ, что всякая награда Государя будетъ для него милостію. Но когда сказалъ Жихаревъ, что, кажется, хотятъ

дать ему бриліантовые знаки Александра, тогда Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ, что бриліанты — тѣ же деньги, а онъ никогда не служилъ изъ денегъ; что онъ въ свое краткое министерство сдѣлалъ столько-то прибыли казнѣ, что по статуту онъ заслуживаетъ Владиміра; и потому, пусть ему лучше дадутъ хоть четвертую степень этого ордена.—Государь пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; а по окончаніи всѣхъ дѣлъ и по закрытіи Коммиссіи онъ получилъ Владиміра первой степени.

И такъ, послѣ своей отставки, Ив. Ив. Дмитріевъ переѣхалъ опять въ Москву, думая найдти въ ней прежнюю жизнь, прежнихъ друзей, прежнее общество. Но время, особенно 1812 годъ, многое измѣнили: подъ старость онъ скучалъ въ Москвѣ, которая была имъ столь любима.

Болѣе всего его привлекало въ Москву то, что тамъ онъ будетъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ. Но Карамзинъ съ 1816 года переѣхалъ, для печатанія своей исторіи, въ Петербургъ. Другіе старые знакомые мало-по-малу померли. Тѣ, которые оставались въ живыхъ, сохраняли, конечно, постоянное къ нему уваженіе и привязанность; но ихъ, его современниковъ, было уже немного. Знавшіе его прежде молодые люди, кн. Вяземской, Жуковской, и ихъ ровесники, оказывали величайшее уваженіе и ему, и его таланту. Но послѣдующее младшее поколѣніе отвыкало уже отъ формъ почтительнаго вниманія и къ характеру человѣка, и къ его общественному значенію, и къ заслугамъ литературнымъ; да и обращеніе ихъ съ людьми заслуженными начало уже отзываться небрежностію, которая не могла нравиться Ив. Ив. Дмитріеву, привыкшему къ хорошему тону и къ хорошему обществу. Все это дѣлало для него послѣдніе годы его жизни нѣсколько скучными, и его общество людей близкихъ болѣе и болѣе уменьшалось; болѣе и болѣе онъ проводилъ вечера одинъ, съ книгами. Конечно, человѣкъ умный и образованный всегда найдетъ въ самомъ себѣ сред-

ства противъ скуки; но тѣмъ не менѣе такое отшельничество было для него нѣсколько тяжело въ его послѣдніе годы.

Прочитавши это въ первомъ изданіи, одинъ пріятель замѣтилъ мнѣ, что И. И. Дмитріевъ былъ холоденъ въ обращеніи, и что будто отъ него отдаляла эта холодность. Отвѣтствую на это, что люди хорошаго обращенія никогда не кидаются на шею, какъ провинціалы; можетъ быть, нѣкоторымъ изъ тогдашняго новаго поколѣнія онъ казался холоденъ потому, что ровный тонъ порядочнаго общества былъ имъ въ диковинку, т. е. они хотѣли бы не сами ему учиться, а перемѣнить старика. Но этимъ людямъ прошлаго вѣка трудно бы было переродиться. Надобно сказать и то, что это провинціальное радушіе не надежно. А на Дмитріева, кто пріобрѣлъ его вниманіе, можно было твердо положиться.

Я знаю, многіе удивлялись, что онъ находилъ наконецъ удовольствіе въ обществѣ Иванчина-Писарева и Волкова, автора поэмы «Освобожденная Москва.» Но очень натурально, что онъ платилъ благодарностію тѣмъ, которые сами находили съ нимъ удовольствіе и не скучали проводить съ нимъ вечера, когда другіе объ немъ и не вспоминали. Впрочемъ, изъ числа прежнихъ образованныхъ людей, до конца своей жизни приверженныхъ къ Дмитріеву, надобно назвать В. Л. Пушкина и М. М. Солнцева, человѣка свѣтскаго, умнаго, хорошаго тона, и очень пріятнаго, который послѣ былъ и изъ моихъ лучшихъ знакомыхъ.

Не только Ив. И. Дмитріевъ, принадлежавшій къ образованному вѣку Екатерины, но и я, уже человѣкъ позднѣйшаго времени и не имѣющій заслугъ моего дяди, нахожу, что многое перемѣнилось не къ лучшему!—Я не имѣю ни

капли гордости въ своемъ характерѣ; я вообще простъ въ обращеніи и общежителенъ; но обращеніе нынѣшняго поколѣнія, особливо нынѣшнихъ *выходцевъ*, заставляетъ и меня *сжаться* и *пріосамиться*. Что же дѣлать, если на твою вѣжливую предупредительность отвѣчаютъ грубостію; если забыты всѣ отношенія самой обыкновенной въ наше время учтивости, всѣ условія хорошаго общества....

Иные принимаютъ это за гордость; а эта гордость состоитъ только въ чувствѣ своего моральнаго самосохраненія: боишься, чтобъ тебя не задѣли, чтобы не сказали, или не оказали тебѣ грубости.

Кончина И. И. Дмитріева послѣдовала 1837 года, 3 Октября, въ 35 минутъ 5-го часа по полудни. Въ это время меня не было въ Москвѣ; я лежалъ, нѣсколько уже мѣсяцевъ, больной, безногой, въ Симбирскѣ. Разскажу при семъ случаѣ странный мой сонъ. Выписываю объ этомъ изъ письма моего отъ 9 Октября 1837 года, къ Н. М. Р.

«Не могу не сообщить вамъ, которые вѣрите внушеніямъ «внутреннимъ, сонъ видѣнный мною съ 5 на 6 число се«го мѣсяца. Я видѣлъ, что предо мною держатъ два дере«ва, совершенно не похожія на извѣстныя намъ; толщиною «не больше вершка полтора въ діаметрѣ, вышиною одно «сажени полторы, другое гораздо выше; у обоихъ кора ко«ришневаго цвѣта, гладкая вся, съ низу до верху, или «лучше сказать темнокофейная, такъ на черешневомъ чу«букѣ. Послѣднее, то-есть, самое большое, съ корнями и «вѣтвями, хотя безъ листьевъ, такъ какъ ихъ сажаютъ. Пер«вое, пониже, срѣзанное гладко и сверху и снизу у корня, «такъ что ни корней, ни вѣтвей, а одинъ гладкой стволъ, хо«тя мнѣ его и называли деревомъ. Я будто говорю, что мнѣ «этого дерева не надо, а куплю другое, чтобы посадить; а «мнѣ отвѣчаютъ, что того уже купить и нельзя, потому «что оно куплено Иваномъ Ивановичемъ. Я подивился это«му, и подумалъ: на что оно ему? а самъ купилъ то, ко-

«торое съ корнями и вѣтвями, съ тѣмъ, чтобы его посадить. Денегъ у себя въ рукахъ я не видалъ; видѣлъ только, «и то, кажется, не въ рукахъ, а на столѣ, мѣдный пятакъ, «который, вмѣстѣ съ другими деньгами, пошелъ въ число «уплаты».

«Только, что разсказалъ я этотъ сонъ женѣ моей, 6 числа по утру, какъ получилъ письмо ваше, увѣдомляющее, «что Иванъ Ивановичъ боленъ при смерти. Прибавлю къ «этому, что вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ я получилъ другое отъ моего сына, писанное въ тотъ же день, и что онъ «увѣдомлялъ меня, что дядя мой занемогъ, сажая акацію «слѣдственно, *сажая дерево*. Прочитайте, и подивитесь «этому.»

«Подивитесь еще тому, что я давно уже предчувствовалъ его кончину; но не въ нынѣшнемъ 1837 году, а въ «1838, въ началѣ, или въ половинѣ. Не знаю, говорилъ ли «я объ этомъ вамъ; но нѣкоторымъ говорилъ. Ошибся въ «годѣ, но не многимъ; а моему предчувствію, какъ и другимъ прежнимъ, я и самъ дивлюсь, потому что объяснить «ихъ не умѣю.»

Чтобъ не утратить подробностей о его кончинѣ, переписываю здѣсь два письма Мих. Петр. Погодина, который, какъ человѣкъ съ горячею душею, не почитаетъ для себя постороннимъ дѣломъ ничего, касающагося до сердца другаго. Гдѣ семейное горе, гдѣ или честь, или утрата Россіи, онъ тамъ, незванный, непрошенный!—Ничто не обязывало его увѣдомлять меня съ такими подробностями обо всемъ, касающемся до послѣднихъ минутъ моего дяди и даже о послѣдующихъ обстоятельствахъ. Но я увѣренъ, что мысль о Дмитріевѣ, послѣднемъ поэтѣ Екатерининскаго вѣка, вмѣстѣ съ мыслію о Карамзинѣ, вмѣстѣ съ чувствами дружества ко мнѣ и съ мыслію о тогдашнемъ моемъ болѣзненномъ состояніи: все это должно было сильно потрясти такое горячее сердце какъ его. Я увѣренъ, что написать ко

мнѣ эти два письма, онъ счелъ, съ своей стороны, какою-то религіозною обязанностію. Кто его знаетъ, тотъ пойметъ это. Вотъ эти два, драгоцѣнныя для меня, письма.

„1837. 13 Окт. Москва.

«Не думалъ я, любезнѣйшій М. А., писать къ вамъ въ такомъ грустномъ расположеніи духа, сообщать такія горестныя подробности; но онѣ вѣрно составляютъ теперь потребность вашего сердца и вашихъ близкихъ, и я принимаю на себя печальный долгъ.

«Иванъ Ивановичъ былъ совершенно здоровъ въ началѣ этой недѣли: въ середу мы обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ клубѣ; передъ столомъ онъ говорилъ со мною о Вивліоѳикѣ Новикова, о многихъ любопытныхъ статьяхъ, въ ней помѣщенныхъ, о выборкѣ изъ нея, которую онъ когда-то дѣлалъ, касательно древней нашей дипломатики, о томъ, что было бы полезно перепечатать ее теперь, покрайней мѣрѣ въ извлеченіи. Потомъ разсказалъ мнѣ, и съ большимъ участіемъ, если не чувствомъ, исторію бѣднаго книгопродавца Кузнецова, у котораго остановлено изданіе Христіанскаго Календаря, и который теперь совсѣмъ раззоряется; бранилъ привязчивыхъ цензоровъ: «не стыдно ли двумъ ученымъ сословіямъ, гражданскому и духовному, Университету и Академіи, напасть такъ на бѣдняка, и изъ чего? — изъ какихъ-то пустяковъ! Я пришлю его къ вамъ, и вы увидите въ чемъ дѣло. А беззаконное пропускаютъ!» — Послѣ обѣда онъ остановился въ кофейной комнатѣ съ Шевыревымъ и Жихаревымъ, и разсказывалъ имъ, съ обыкновенною своею живостію и шуткой, похожденія Кострова; представленіе Кострова Потемкину, вопросы Потемкина о Гомерѣ, какъ провожали его издали на обѣдъ къ Потемкину, потому что стыдно было идти съ нимъ рядомъ, и какъ встрѣчныя бабы однѣ сожалѣли о больномъ, а другія бранили пьяницу. — Въ четвергъ по утру, онъ дѣлалъ визиты, пріѣхалъ довольно поздно домой обѣдать. За столомъ ѣлъ мало, но кушанье было тяжелое: щи, поросенокъ. Послѣ обѣда, онъ напился шоколада, вмѣсто обыкновеннаго кофе, выпилъ стаканъ хо-

лодной воды и тотчасъ, надѣвъ бекешь и кенги, пошелъ садить акацію около кухни, чтобы заслонить ее съ пріѣзду. Тутъ онъ почувствовалъ дрожь, и насилу привели его въ комнату. Послали за докторомъ. Газъ прописалъ лекарство, не нашедши ничего дурнаго. Иванъ Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ, заплатилъ за визитъ, послалъ въ аптеку; но лишь только тотъ уѣхалъ, какъ онъ впалъ въ безпамятство, и цѣлую ночь бредилъ. Пятница вся прошла въ безпамятствѣ. Доктора были: Газъ, Высоцкій, Шнаубертъ, Іовской, по нѣскольку разъ. Въ субботу по утру я узналъ объ его отчаянной болѣзни. Мнѣ надо было ѣхать на лекцію, и читать о Карамзинѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ поѣхалъ я къ больному, опасаясь, что не застану его въ живыхъ, и взялъ съ собою Мишу.

Иванъ Ивановичъ только что опамятовался передъ моимъ пріѣздомъ; услышавъ стукъ дрожекъ, спросилъ, кто пріѣхалъ и позвалъ меня къ себѣ; встрѣтилъ по всѣмъ своимъ правиламъ. При немъ былъ Боголюбовъ. Онъ разсказалъ мнѣ тотчасъ исторію своей болѣзни, какъ я вамъ выше описалъ ее, и тотчасъ обратился къ любимому своему предмету, литературѣ, но говорилъ уже гораздо медленнѣе, разстановистѣе, искалъ словъ часто, ошибался въ ихъ измѣненіяхъ, и даже мѣшался; но вездѣ видна была заботливость о своей рѣчи и стараніе скрыть болѣзнь. «Что это пишетъ Макаровъ, въ Наблюдателѣ, о Виноградовѣ, будто бы Виноградовъ познакомилъ Карамзина съ сочиненіемъ.... этого.... Швейцарскаго фил ...софа....» —Боннета? — «Да Боннета. Виноградовъ жилъ сначала въ Москвѣ и отличался, разумѣется, между своими сверстниками; но потомъ его отправили служить въ полкъ, въ Петербургъ. Тамъ Козодавлевъ заставилъ его присѣсть за Боннета, котораго Карамзинъ гораздо прежде переводилъ съ Петровымъ, Александромъ Андреевичемъ, а послѣ и познакомился съ нимъ лично. Какъ можно писать такъ наобумъ! Надо справляться, спрашивать!» — Потомъ разсказалъ, мѣшаясь, о вашей болѣзни, спросилъ о занятіяхъ Миши. Я отвѣчалъ ему, что

Миша вѣтренъ и разсѣянъ, и что я начиналъ съ нимъ ссориться сильно, но что теперь онъ лучше, и я надѣюсь, что впередъ онъ исправится совсѣмъ, зная, какое имя должно ему поддерживать. Иванъ Ивановичъ вспомнилъ, что покойный Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ, профессоръ, говорилъ ему тоже, и совѣтывалъ ему приняться за ученье. Потомъ спросилъ у меня, скоро ли я кончу свою расправу съ новыми толковниками о Русской исторіи?—Я отвѣчалъ, что къ новому году. — «А похвальное слово Карамзину?— Началъ. — «Пожалуйте, привезите мнѣ.» — Въ такомъ положеніи я простился съ нимъ. Онъ силился встать и поднялъ руку. Я думалъ, что онъ подавалъ ее мнѣ, и поцѣловалъ ее. Въ два часа передъ обѣдомъ я заѣзжалъ къ нему опять; но не зашелъ въ кабинетъ, потому что тамъ было много дамъ. Мнѣ сказали впрочемъ, что ему не хуже. На крыльцѣ встрѣтился съ Іовскимъ, который говорилъ, что если къ вечеру не будетъ хуже, и если онъ будетъ слушаться, то болѣзнь пройдетъ. Но ввечеру онъ опять впалъ въ безпамятство, больно страдалъ, метался, безпокоился, приходя въ себя только минутами. Въ одну такую минуту человѣкъ его Николай спросилъ, не угодно ли ему послать за священникомъ. «Зачѣмъ?» — Пріобщиться Святыхъ Таинъ на здоровье. — «Не худо» – Священникъ пришелъ; но больной опять былъ въ безпамятствѣ и исповѣдывался глухой исповѣдью. Въ 35 минутъ пятаго часа по полудни, 3 Октября, онъ скончался, успокоившись передъ послѣдними минутами и погрузившись въ тихій сонъ. Никого не было при немъ, кромѣ Миши.

Здѣсь я останавливаюсь, потому что пора посылать на почту, и окончаніе письма пришлю къ вамъ въ субботу. Всѣ идемъ мы по одной дорогѣ, и придемъ въ одно мѣсто. Дай Богъ только съ миромъ о Христѣ Іисусѣ.

1837. Октября 19. Москва.

Принимаюсь опять за печальное повѣствованіе, любезнѣйшій М. А.! Горько будетъ услышать вамъ нѣкоторыя подробности въ другомъ отношеніи; но историческая вѣр-

ность обязываетъ меня передать все, какъ было. Въ первый день никто не принимался за распоряженія. Между тѣмъ домъ тотчасъ былъ опечатанъ. Въ понедѣльникъ по утру я, узнавъ объ смерти, отправился туда. Онъ лежалъ на столѣ въ столовой. Свѣчи взяли гдѣ-то на честное слово. Я старался убѣдить г. Боголюбова, и вызвался ему на помощь. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Московскій Генералъ-Губернаторъ, позволилъ вынуть ему деньги на расходы; но полиція не могла допустить безъ бумаги. Я поѣхалъ къ нему, съ Шевыревымъ; но не застали его дома. Мы просили гувернера, чтобъ онъ попросилъ Князя, отъ насъ, прислать казенныя деньги, кои послѣ ему доставятся. Не успѣли мы воротиться, какъ пришло однако разрѣшеніе Оберъ-Полицеймейстера г. Боголюбову. Начались торги гробовщиковъ передъ столовой, и я насилу увелъ всѣхъ на верхъ, въ темную комнату, между кабинетами, чтобъ оставить въ покоѣ мертваго. Тяжкая смерть безсемейному, судя по нашему! Сенатъ прислалъ курьеровъ своихъ. Къ вечеру понедѣльника все удалось, благодаря господину Боголюбову, который хлопоталъ одинъ. Весь обрядъ и всѣ требованія свѣтскаго приличія были выполнены. На выносъ, 7 Октября, въ четвергъ, пріѣхали Сенаторы: Нечаевъ, Писаревъ, Яковлевъ, Озеровъ, Графъ Строгоновъ и Сенатскіе Секретари по наряду. Въ церкви ихъ уже не было. Въ грустномъ расположеніи стоялъ я у гроба. Дмитріевъ отжилъ свой вѣкъ, онъ прошелъ съ честію свое поприще, исполнилъ свое назначеніе; но тяжело было видѣть его во гробѣ. Мы какъ-то привыкли всѣ видѣть въ немъ и Карамзина, и Державина, и Богдановича. Онъ былъ для насъ представителемъ лучшаго времени, когда литература наша была чище, благороднѣе, прекраснѣе! Что скажетъ онъ Карамзину на его вопросъ объ теперешнемъ ея состояніи? Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, купующіе и продающіе, и нѣтъ бича изгонителя, и какіе виды въ будущемъ! Горько, тяжело! Отпѣваніе совершалъ М. Филаретъ. Пріѣхалъ и Князь Дмитрій Владиміровичъ. Проповѣдь сказалъ

приходскій священникъ. Въ церкви были изъ нашего званія: Шевыревъ, Баратынской, Макаровъ, Андросовъ, Шаликовъ, Павловъ, Давыдовъ, и только. Профессоровъ только четверо (то есть: Шевыревъ, я, Давыдовъ и Морошкинъ). Студентовъ пятеро. Люди его плакали горько. Поставили гробъ на дроги и стали по сторонамъ сенатскіе курьеры; за кисти держались квартальные; ордена понесли секретари, почти безъ ассистентовъ. Похоронили его въ Донскомъ монастырѣ. Тамъ встрѣтилъ опять Графъ Строгановъ. Опустили въ землю — и нѣтъ его совсѣмъ! Человѣкъ почтенной, особенно когда, въ теперешнемъ отдаленіи, не видать человѣческихъ слабостей и пятенъ его! — Въ рангѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, онъ любилъ литературу; въ трехъ звѣздахъ, онъ пріѣзжалъ во всякое ученое собраніе; Министръ Юстиціи, онъ оставилъ послѣ себя только шесть сотъ родовыхъ душъ; русской помѣщикъ — безъ долговъ; поэтъ, умолкнувшій во-время; старикъ, съ которымъ всегда пріятно было проводить время, привѣтливый, ласковый! Да почіетъ въ мирѣ прахъ его, а имя его останется на всегда незабвеннымъ въ исторіи Русской литературы!

Комнаты всѣ опечатаны. Мы просили еще Генералъ-Губернатора, чтобъ приказалъ полиціи имѣть надзоръ. Въ домѣ все благополучно. Люди приходятъ по временамъ ко мнѣ, и сказываютъ. Они очень печальны, въ недоумѣніи о своей судьбѣ. Я одобрялъ ихъ и увѣрялъ, что ихъ службы, разумѣется, не забудутъ родственники покойнаго, и особенно вы. — Когда же вы пріѣдете къ намъ? Прощайте!

М. П.»

Надъ могилой Ивана Ивановича поставленъ точно такой же памятникъ, какой надъ Карамзинымъ. Это было его желаніе, которое я и исполнилъ. Какъ у того «лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы» (*), такъ лежитъ бронзовый вѣнокъ и

(*) Стихъ Жуковскаго.

на его могильномъ камнѣ. Только камень не бѣлаго мрамора, какъ у Карамзина; а гранитный, который, по нашему климату, показался мнѣ прочнѣе. Скульпторъ Кампіони нарочно поручалъ снять рисунокъ и точную мѣру съ камня Карамзина. Кромѣ обыкновенной надписи, состоящей изъ титуловъ, имени и фамиліи, я велѣлъ на камнѣ Дмитріева надписать слова Св. Апостола Павла: «подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе». 2. Кор. 15. 53. — Я не хотѣлъ никакой надписи въ стихахъ надъ могилой поэта; потому что не хотѣлъ надъ ней никакого знака человѣческой суетности!

Но, признаюсь, мнѣ жаль, что я не прибавилъ послѣ его имени: «*Поэтъ временъ Екатерины и Министръ Александра.*» — Что можетъ быть лучше похвалы, заключающейся въ этихъ двухъ титлахъ?

Кто зналъ Алексѣя Ѳеодоровича Мерзлякова, тотъ конечно любилъ и уважалъ его: любилъ за его добрую, чистую душу, уважалъ за его талантъ, за его прямой характеръ, чуждый всякихъ извилинъ, всякихъ искательствъ. Это уваженіе было полно и искренно.

Извѣстно, что Алексѣй Ѳеодоровичъ былъ сынъ Пермскаго купца, изъ города Далматова; что, обучаясь тамъ, въ Пермскомъ народномъ училищѣ, онъ, будучи 13 лѣтъ отъ роду, написалъ Оду, которая была представлена Императрицѣ Екатеринѣ и что по ея повелѣнію онъ былъ отправленъ, по окончаніи тамъ курса наукъ, въ Московскій университетъ; объ этомъ сказано подробно въ исторіи Русской литературы г. Греча и въ словарѣ Московскихъ профессоровъ. Обращаю къ нимъ моихъ читателей: ибо я, по словамъ Авла Геллія, non docenci magis, quam admonendi gratia scribo.

Въ первый разъ я узналъ его, поступивши въ высшій классъ Московскаго университетскаго Благороднаго Пансіона, (нынѣ 4-я гимназія), въ которомъ онъ, какъ печаталось прежде на пансіонскихъ программахъ, обучалъ *Россійскому слогу*; а въ мое время (1812 г.) онъ преподавалъ *Русскую словесность*. —Я помню уваженіе наше, смѣю сказать, благоговѣніе къ Мерзлякову.—Оно было таково, что мы могли бы выразить его словами учениковъ Пиѳагора: *учитель сказалъ*; ибо что̀ онъ сказалъ, было для насъ неопровержимо.—Чѣмъ объяснить это?—полною довѣренностію къ его знанію и къ его прямому характеру.

Можетъ быть, многіе, не имѣющіе точнаго понятія о тогдашнемъ Университетскомъ Пансіонѣ, подумаютъ, что это была безотчетная увѣренность *дѣтей*? Нѣтъ! у насъ въ вышнемъ классѣ литературныя свѣдѣнія были не дѣтскія: у насъ были старшіе воспитанники-люди образованные, и не малолѣтки, а лѣтъ 20 и старше, потому что они, не выходя изъ пансіона, получали званіе студента и, живучи въ пансіонѣ, оканчивали курсъ университетскихъ лекцій. Между нами были: *Саларевъ*, о которомъ, послѣ его кончины, напечаталъ столь краснорѣчиво свои воспоминанія Ив. Ив. Давыдовъ; между нами былъ и Аркадій Гавриловичъ *Родзянка*, имѣвшій неоспоримо большое дарованіе къ лирической поэзіи, и написавшій оду *на смерть Державина*, оду, исполненную восторга и въ который онъ схватилъ удачно и языкъ, и самый тонъ Державина. Она была напечатана въ *Благонамѣренномъ* Измайлова; но къ сожалѣнію была впослѣдствіи забыта. Указываю только на двоихъ воспитанниковъ; но такихъ было много. Эти люди были тогда уже литераторы и могли оцѣнить достойно Мерзлякова.

Я слушалъ его лекціи и въ университетѣ (1813—1817). надобно сказать, что здѣсь онъ посѣщалъ ихъ лѣниво, при-

ходилъ рѣдко; иногда, прождавши его съ четверть часа, мы расходились.—Спросятъ: какъ же учились?—Отвѣчаю: учились хорошо; а доказательство: всѣ студенты того времени, нынѣ уже старики, знаютъ словесность основательно! Вотъ объясненіе этого. Живое слово Мерзлякова и его неподдѣльная любовь къ литературѣ были столь дѣйственны, что воспламеняли молодыхъ людей къ той же неподдѣльной и благородной любви ко всему изящному, особенно къ изящной словесности! Его одна лекція приносила много и много плодовъ, которые дозрѣвали и безъ его пособія; его разборъ какой-нибудь одной оды Державина или Ломоносова, открывалъ такъ много тайнъ поэзіи, что руководствовалъ къ другимъ дальнѣйшимъ открытіямъ законовъ искусства! Онъ бросалъ сѣмена, столь свѣжія и въ землю столь воспріимчивую, что ни одно не пропадало, а приносило плодъ сторицею.

Я не помню, чтобы Мерзляковъ когда-нибудь искалъ мысли и выраженія, даромъ что онъ немножко заикался; я не помню, чтобы когда-нибудь, за недостаткомъ идей, онъ выпускалъ намъ простую фразу, облеченную въ великолѣпное выраженіе: выраженіе у него раждалось вдругъ и вылетало вмѣстѣ съ мыслію; всегда было живо, ново, сотворенное на этотъ разъ и для этой именно мысли. Вотъ почему его лекціи были для насъ такъ привлекательны, были нами такъ цѣнимы, и приносили такую пользу! Его слово было живо, неподдѣльно и убѣдительно.

Мерзляковъ читалъ и публичныя лекціи: въ домѣ Князя Бориса Владиміровича Голицына въ 1812 году и въ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ 1815-мъ. На нихъ собиралось множество слушателей: и литераторы, и люди свѣтскіе, и вельможи, и дамы лучшаго круга. Большая часть изъ этихъ лекцій и, говорятъ, лучшія, остались ненапечатанными; нѣкоторыя помѣщались по временамъ въ Вѣстникѣ Европы. Кажется,

и разборъ Россіады Хераскова, напечатанный въ Аѳіопѣ въ формѣ писемъ, и разборы трагедій Сумарокова, помѣщенные въ Вѣстникѣ, принадлежали къ тѣмъ же лекціямъ. Сколько ни просилъ я Мерзлякова собрать ихъ и напечатать во всей полнотѣ: онъ обѣщалъ, но лѣнь къ постоянному труду препятствовала ему исполнить обѣщаніе. Конечно, при нынѣшнемъ воззрѣніи на основанія литературы, теоретическая часть его лекцій была бы уже несовременною и отсталою; но разборы Русскихъ писателей никогда не могли бы быть столь образцовыми, какъ въ наше время, забывающее многое изъ прежняго и слѣдующее въ своей критикѣ нерѣдко одному произволу.—Въ критикѣ, Мерзляковъ былъ едва ли не далѣе насъ на пути искусства!

Въ 1811 году, и въ началѣ 1812-го, въ Москвѣ было много жизни въ литературѣ. Литераторы часто собирались между собою и всякій разъ читали другу свои произведенія. Эти вечера, и въ то время, и еще прежде, бывали по большой части у Ѳед. Ѳед. *Иванова*, автора извѣстной драмы: *Семейство Старичковыхъ*. Тутъ бывали Ѳед. Ѳед. *Кокошкинъ*, переводчикъ Мольерова Мизантропа; Алексан. Ѳед. *Воейковъ*, переводчикъ Делилевой поэмы Сады; *Батюшковъ*, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву; С. И. *Смирновъ*, тоже занимавшійся литературою, на сестрѣ котораго послѣ Мерзляковъ и женился.

На этихъ вечерахъ играли иногда въ коммерческія игры. *Воейковъ*, изстари острякъ и весельчакъ, игралъ иногда съ Мерзляковымъ не въ деньги, а на столько-то стиховъ! Мерзляковъ по большой части проигрывалъ, и за это повиненъ былъ проигранное число стиховъ перевести изъ «Садовъ Делиля», которые онъ, добродушный, и дѣйствительно переводилъ; а Воейковъ бралъ ихъ, какъ свою собственность и вставлялъ въ свой переводъ Делилевой поэмы. Можетъ быть, онъ нѣсколько и передѣлывалъ ихъ, чтобы они при-

ходились къ тону его собственнаго перевода; но дѣло въ томъ, что это дѣйствительно было.

Лучшее время жизни Мерзлякова было до 1812 года. Это время было для него самое пріятнѣйшее, самое цвѣтущее, и для человѣка, и для поэта: время исполненное мечтаній несбывшихся, но тѣмъ не менѣе оживлявшихъ его пылкую душу. Въ это время онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ сельцѣ Жодочахъ, подмосковной Вельяминовыхъ-Зерновыхъ, гдѣ всѣ его любили, цѣнили его талантъ, его добрую душу, его необыкновенное простосердечіе; лелѣяли и берегли его природную безпечность.

Вотъ никому неизвѣстные его стихи: *Маршрутъ въ Жодочи.*

Дорога ко друзьямъ вѣрна и коротка;
Но въ нашъ проклятый вѣкъ желѣзной
Сталъ надобенъ маршрутъ и къ дружбѣ даже нѣжной!
И такъ—вамъ встрѣтится сперва Москва-рѣка.
Ступайте по стезѣ, давно уже извѣстной
Бѣдами Россіянъ; дерзайте на паромъ,
И по *Смоленской* прокатитесь
До ближнія горы, гдѣ бьютъ Москвѣ челомъ.
И вы не полѣнитесь
Послѣдній дать поклонъ Московскимъ суетамъ,
И тотчасъ влѣво отъ *Поклонной*
Къ унылой *Сѣтунки* струямъ,
И близъ *Волыни* сонной
Къ *Очакову* направить путь,
Отколѣ сладостный писатель Россіады
Вливалъ восторги въ Русску грудь.
А тамъ, безъ всякія преграды,
Стязею ровной и прямой,
Вы на *Калужскую* явитесь столбовую
И мимо *Ликовой*
Въ деревню въѣдете ямскую:

Ее *Давыдковымъ* зовутъ.
Оттолѣ.... какъ сказать?... вотъ вся премудрость тутъ:
Вы тамъ замѣтьте домъ, зовомый постоялымъ,
И близь его воротъ
Велите рысакамъ удалымъ
Налѣво сдѣлать поворотъ
И, поручивъ себя всесильной вышней волѣ,
Стремитесь къ *Старому Николѣ*,
Гдѣ баринъ Есиповъ пятнадцать лѣтъ
Готовитъ сахаръ намъ, а сахару все нѣтъ!
А тамъ—что говорить—малютка всякой скажетъ,
Гдѣ радость, гдѣ любовь, гдѣ *Жодочи* для васъ,
И путь вѣрнѣйшій вамъ укажетъ;
И вы съ любезными обниметесь чрезъ часъ!
Когда же путь свой совершите,
Прошу васъ о пѣвцѣ печальномъ вспомяните,
О скукѣ сироты, коль можно, потужите,
И всѣмъ его поклонъ нижайшій объявите.

Эти стихи были написаны, кажется, въ 1811 году, и дѣйствительно даны вмѣсто маршрута, одной дамѣ, П. А. Даниловой, которая просила Мерзлякова дать ей свѣдѣнія о дорогѣ.

Въ *Жодочахъ* написалъ онъ большую часть своихъ романсовъ и простонародныхъ пѣсенъ. Когда, въ 1830 году, онъ вздумалъ издавать ихъ, или лучше сказать, рѣшился ихъ издать по просьбѣ книгопродавца Салаева, многихъ піесъ у него не было; иныя онъ позабылъ, иныя растерялъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ, чтобы достать, что̀ есть, изъ Жодочей. Вотъ полушутливое письмо его:

«Вы нѣкогда проговаривали мнѣ, что у васъ есть нѣко-«торые вздоры мои, писанные во время моихъ мечтаній «и той сладостной *жизни,* или *нежизни*, о которой жалѣ-«емъ и въ которой не можемъ дать себѣ отчета, какъ во «снѣ.—Я совершенно забылъ объ нихъ; ибо обстоятельства «настоящаго, настоящее состояніе нашей литературы, духъ

«господствующій, и все.... уморили уже меня для свѣта и «для крамолъ бурной нашей словесности; но онъ, г. Салаевъ, солитъ мои раны и хочетъ, чтобы я не отчаявался «и собиралъ кой-какъ мои вздоры.—И такъ, подражая великому примѣру подобнаго мнѣ страстотерпца, Гр. Хв. «и я хочу еще одурачить себя собраніемъ своихъ сочиненій.

«Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Мих. Алекс., сообщите, если можно, мнѣ, больному отцу хворыхъ дѣтокъ, «всѣ тѣ бездѣлки, которые у васъ находятся, или которыя «можете вы достать изъ пыли стараго комода, принадлежащаго почтеннѣйшему и вѣчно для меня незабвенному семейству. Можетъ быть, я нашелъ бы что-нибудь похожее на дѣло, выбралъ, поправилъ, какъ смогу. Я дѣйствительно собралъ всѣ свои маранья—преогромную жертву на олтарь невѣжества, злобы и подлости—трехъ божествъ нынѣшней литературы!»—Это писано 5-го Апрѣля 1830 года.

Пѣсня Мерзлякова: *Среди долины ровныя,* написана была въ домѣ Вельяминовыхъ-Зерновыхъ. Онъ разговорился о своемъ одиночествѣ, говорилъ съ грустію, взялъ мѣлъ и на открытомъ ломберномъ столѣ написалъ почти половину этой пѣсни. Потомъ ему подложили перо и бумагу: онъ переписалъ написанное, и кончилъ тутъ же всю пѣсню.

Въ 1812 году В. З. уѣхали въ свою Орловскую деревню. Мерзляковъ былъ у нихъ при отъѣздѣ и проводилъ ихъ. Тамъ прожили они три года; возвратились уже въ 1815 г. Во все это время Мерзляковъ не видалъ ихъ. Они нашли его уже женатымъ. По возвращеніи ихъ, сколько ни приглашалъ его отецъ этого семейства, онъ уже не хотѣлъ быть у нихъ, и ни разу не былъ. Вѣроятно онъ хотѣлъ воспользоваться отвычкою, чтобы искоренить вовсе прежнее

чувство, и не возобновить прежнихъ впечатлѣній своего сердца.

Но вмѣстѣ съ отвычкою отъ этого семейства и отъ ихъ общества, Мерзляковъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ другую привычку. Обыкновенное общество, въ которомъ онъ тогда бывалъ, состояло, правда, изъ людей, занимающихся литературою; но вечера ихъ оканчивались веселымъ ужиномъ. Шампанское смѣнялось пуншемъ, и этотъ-то образъ жизни рѣшительно отдалилъ совѣстливаго Мерзлякова отъ прежнихъ знакомствъ его.

Женившись, онъ совсѣмъ отсталъ отъ прежнихъ знакомствъ и отъ прежняго свѣтскаго общества. Ему уже дико было въ немъ являться. Послѣ моей женитьбы на одной изъ В. З., сколько разъ я звалъ его къ себѣ; сколько разъ онъ обѣщалъ мнѣ пріѣхать, назначалъ день — и никогда не могъ рѣшиться, какъ будто не имѣлъ силы перешагнуть стѣну, отдѣлявшую его отъ прошлой жизни. Но вздыхалъ, и я видѣлъ, что сердце его въ эту минуту было въ борьбѣ и не спокойно.

Съ самаго начала своего поприща, Мерзляковъ избралъ родъ лирическій, и очевидно слѣдовалъ въ своихъ одахъ Ломоносову. Такова одна изъ старѣйшихъ его одъ На восшествіе на престолъ Императора Александра, написанная имъ, когда онъ былъ еще баккалавромъ Моск. Университета. Но первая ода его, возбудившая всеобщее вниманіе и показавшая въ немъ истиннаго поэта,—это *На разрушеніе Вавилона*, изъ пророчества Исаіи, ода, исполненная поэтическаго движенія и силы, и написанная чистымъ и сильнымъ языкомъ, что̀ не всегда удавалось Мерзлякову. Другая ода «На побѣды при Кремсѣ» была уже слабѣе; но и она не прошла безъ особеннаго вниманія читателей и

литераторовъ. Въ послѣдствіи его торжественнымъ стихотвореніямъ много вредила напыщенность слога.

Вотъ начало оды *На разрушеніе Вавилона.*

Свершилось! нѣтъ его! —сей градъ,
Гроза и трепетъ для вселенной,
Величья памятникъ надменный,
Упалъ! —Еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмертвой! —
Тиранъ погибъ тиранства жертвой!
Замолкъ торжествъ и славы кличъ!
Яремъ позорный прекратился,
Желѣзный скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!

Многіе обвиняли Мерзлякова за эту оду, находя въ ней нѣкоторыя примѣненія къ смерти Императора Павла. Дѣйствительно Мерзляковъ написалъ это стихотвореніе вскорѣ по его кончинѣ, что̀ было очень некстати. Но я увѣренъ, что добродушный Алексѣй Ѳедоровичъ не имѣлъ никакой посторонней мысли; а напечаталъ свою оду, просто какъ произведеніе поэзіи. Если же она пришлась не ко времени, то это объясняется тѣмъ, что онъ былъ совсѣмъ не дипломатъ и не придворный.

Мерзляковъ написалъ одну трагедію: названія не помню; но онъ былъ не доволенъ ею и не напечаталъ ея. Кто читалъ ее, говорятъ, что она была классически правильна, но холодна.

Гексаметры началъ у насъ вводить Мерзляковъ, а не Гнѣдичъ. Сначала перевелъ онъ отрывокъ изъ Одиссеи: *Улиссъ у Алкиноя*; правда, не совсѣмъ гексаметромъ, а шести-стопнымъ амфибрахіемъ, то есть, прибавивъ въ началѣ стиха одинъ краткой слогъ. Это доказываетъ только, что онъ, какъ писатель опытный въ стихоложеніи, чувствовалъ, что слухъ Русскихъ читателей не можетъ вдругъ

привыкнуть къ разнообразнымъ перемѣнамъ гексаметра, и хотѣлъ пріучить его амфибрахіемъ, какъ переходною мѣрою отъ привычнаго ямба къ новому для насъ чисто-эпическому размѣру, который въ своихъ варіаціяхъ требуетъ уже учено-музыкальнаго слуха. Одинъ нашъ критикъ видитъ въ гексаметрахъ только то, что они *длинны*; но Мерзляковъ видѣлъ въ нихъ разнообразнѣйшій изъ метровъ, и потому осторожно пріучалъ къ нему слухъ непривычныхъ читателей. И потому-то послѣ перваго опыта, переведеннаго амфибрахіемъ, онъ перевелъ отрывокъ изъ Иліады: *Единоборство Аякса* и *Гектора*, уже настоящимъ гексаметромъ. За Гнѣдичемъ осталась слава вводителя только потому, что онъ усвоилъ намъ гексаметръ трудомъ продолжительнымъ и важнымъ, т. е. полнымъ переводомъ Иліады. Мерзляковъ и Гнѣдичъ—это Колумбъ и Америкъ-Веспуцій Русскаго гексаметра.

Мерзляковъ былъ вообще прямодушенъ, снисходителенъ, и отдавалъ полную справедливость талантамъ. Тѣмъ болѣе удивила всѣхъ Московскихъ литераторовъ одна выходка его противъ Жуковскаго. Разскажу, какъ это было.

Московское общество любителей Русской словесности, котораго и я былъ дѣйствительнымъ членомъ, передъ каждымъ своимъ публичнымъ засѣданіемъ имѣло собраніе приготовительнаго комитета, составленнаго, кажется, изъ шести членовъ, которые обсуживали предварительно, какія піесы читать публично, какія только напечатать въ Трудахъ общества, и какія отвергнуть. Я самъ былъ впослѣдствіи членомъ этого комитета. Письма, получаемыя предсѣдателемъ, прочитывались предварительно имъ самимъ и только объявлялись комитету; но въ публичныхъ засѣданіяхъ читались и они, если заключали въ себѣ не одно увѣдомленіе, а что нибудь о предметахъ литературы. Предсѣдателемъ былъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонской, къ благоразумію и осторожности котораго члены имѣли

полную довѣренность. Но иногда приходили письма и къ членамъ, тоже о предметахъ литературы.

Въ одно засѣданіе комитета, Мерзляковъ объявилъ, что онъ получилъ *письмо изъ Сибири* о гексаметрахъ и о другихъ предметахъ словесности. Письмо о словесности изъ такого отдаленнаго края обѣщало очень любопытное чтеніе. Мерзляковъ былъ самъ членъ комитета: его одобренію можно было повѣрить; и положили прочитать это письмо публично, безъ предварительнаго разсмотрѣнія.

На засѣданія общества собиралась тогда высшая и лучшая публика Москвы: и первыя духовныя лица, и вельможи, и дамы высшаго круга. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда Мерзляковъ, по дошедшей до него очереди, вдругъ началъ читать это письмо изъ Сибири—-противъ гексаметра и балладъ Жуковскаго, который и самъ сидѣлъ за столомь тутъ же, со всѣми членами! И не колеблясь нимало, Мерзляковъ прочиталъ хладнокровно статью, въ которой явно указано было на *Адельстана* Жуковскаго, на двѣ огромныя руки, появившіяся изъ бездны, на его *Красный карбункулъ* и *Овсяный кисель*, какъ на злоупотребленіе поэзіи и гексаметра. Жуковскій долженъ былъ вытерпѣть чтеніе до конца; предсѣдатель былъ, какъ на иглахъ: остановить чтеніе было невозможно; сюрпризъ и для членовъ и для публики, очень непріятный!

По окончаніи засѣданія, я помню, Антонской взялъ подъ руки Мерзлякова и Жуковскаго и повелъ ихъ къ себѣ; мимоходомъ велѣлъ попросить къ себѣ Ив. Ив. Дмитріева, и началось объясненіе. Я это помню, потому что былъ при этомъ.

Мерзляковъ увѣрялъ Жуковскаго, что изъ любви къ нему и къ литературѣ хотѣлъ открыть ему глаза, хотѣлъ оказать ему услугу. Жуковскій отвѣчалъ, что это похоже на услугу медвѣдя въ баснѣ Крылова; медвѣдя, который, сгоняя муху «хвать друга камнемъ въ лобъ!» и проч. Какъ бы то ни было, но и Мерзляковъ и Жуковской были оба люди добродушные; а Антонской не выпустилъ

ихъ, покуда они не помирились, не обнялись и не поцѣловались.—Они были давно коротко знакомы, и говорили другъ другу *ты*. Это *письмо изъ Сибири* было, спустя много времени послѣ публичнаго чтенія, напечатано въ Трудахъ общества люб. слов. но сокращено чрезвычайно.

Но и здѣсь, я думаю, нельзя вполнѣ винить Мярзлякова. Напротивъ, мнѣ кажется, что самая добросовѣстность и желаніе добра литературѣ побудили его къ этому возстанію: не хорошо было только средство. Старая привычка къ классицизму, старое убѣжденіе и опасеніе нововведеній, колебавшихъ тогда нашу литературу: вотъ что было причиною мгновенной выходки этого добраго человѣка!—Вообще онъ никакъ не могъ привыкнуть къ новымъ формамъ и новому духу нашей поэзіи. Часто онъ, съ какимъто горькимъ чувствомъ говорилъ противъ Пушкина и Баратынскаго.—Старой привычкѣ мудрено переучиться.

Упомянутое мною общество любителей Русской словесности учреждено было въ 1811 году. Предсѣдателемъ его былъ съ самаго начала профессоръ Московскаго университета Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонской. Оно имѣло публичныя засѣданія одинъ разъ въ мѣсяцъ. Каждое засѣданіе начиналось обыкновенно чтеніемъ оды или псалма, а оканчивалось чтеніемъ басни. Промежутокъ посвященъ былъ другимъ родамъ литературы, въ стихахъ и прозѣ. Между послѣдними бывали статьи важнаго и полезнаго содержанія. Въ числѣ ихъ читаны были: разсужденіе о глаголахъ профес. *Болдырева*; статьи о Русскомъ языкѣ А. Х. *Востокова*; разсужденія о литературѣ *Мерзлякова;* о церковномъ Славянскомъ языкѣ *Каченовскаго*; опытъ о порядкѣ словъ и парадоксы изъ Цицерона, краснорѣчиваго *Ив. Ив. Давыдова*. Здѣсь же былъ прочитанъ и напечатанъ въ первый разъ отрывокъ изъ Иліады, Гнѣдича: *Распря вождей*; первые переводы Жуковскаго изъ Гебеля; *Овсяной кисель* и *Красный карбун-*

кулъ; и стихи молодаго Пушкина: *Гробница Анакреона.*— Баснею, подъ конецъ засѣданія, утѣшалъ общество обыкновенно Вас. Львов. Пушкинъ.

Это общество напечатало 20 томовъ подъ заглавіемъ: *Труды общества* (1812—1820) и 7 томовъ подъ заглавіемъ: *Сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ* (1822 — 1828). Самыя блестящія его собранія были въ 1818 году, когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ и весь дворъ были въ Москвѣ. Тогда присутствовали въ собраніяхъ общества и пріѣхавшіе въ Москву петербургскіе литераторы: Жуковскій, Батюшковъ, Ѳ. Н. Глинка (оба еще въ военныхъ адъютантскихъ мундирахъ); А. Ѳ. Воейковъ и другіе. Пушкинъ (А. С.) былъ тоже наконецъ выбранъ въ члены общества; но никогда въ немъ не бывалъ, потому что пріѣзжалъ въ Москву рѣдко и на самое короткое время.

Миръ праху Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова, и вѣчная память обществу любителей Русской словесности! Вотъ какъ оно упало и, не будучи закрыто, не будучи уничтожено, перестало существовать.

При самомъ началѣ общества (1811) избранъ былъ въ предсѣдатели Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонской. Я помню, что тогда дивились этому избранію, потому что Антонской былъ совсѣмъ не литераторъ. Во всю свою жизнь онъ написалъ только одну маленькую книжку *О воспитаніи*; правда, написалъ дѣльно, благоразумно, слогомъ яснымъ, точнымъ, правильнымъ, краткимъ и сжатымъ, но по тогдашнимъ понятіямъ одна книжка, только полезная и умная, но не принадлежащая нисколько къ литературѣ изящной, не давала правъ литературныхъ.—Однако послѣдствія доказали, что не могло быть предсѣдателя лучше Антонскаго и что онъ въ этомъ почетномъ званіи былъ именно на своемъ мѣстѣ. Пока онъ былъ предсѣдателемъ, общество собиралось почти всегда разъ въ мѣсяцъ,

кромѣ засѣданій экстраординарныхъ, въ которыхъ присутствовали одни дѣйствительные члены. Антонской, не будучи самъ литераторомъ, живо чувствовалъ выгоду соединенныхъ силъ для литературы. Онъ умѣлъ соединять, умирять, прекращать несогласія и ставить выше всего общую пользу; онъ умѣлъ внушить членамъ уваженіе къ себѣ и къ своимъ мнѣніямъ, которыя всегда были благоразумны и держались средины, между крайностей; наконецъ онъ умѣлъ изъ малыхъ денежныхъ средствъ общества извлекать многое.

Послѣ него былъ предсѣдателемъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Предъ избраніемъ его, правда, говорилъ мнѣ Александръ Ив. Писаревъ (авторъ *Лукавина* и многихъ водевилей), что Кокошкинъ не сладитъ съ обществомъ; но многіе думали, въ томъ числѣ и я, что онъ, какъ человѣкъ степенныхъ лѣтъ, не малаго чина, извѣстный въ обществѣ прежними своими связями, а въ литературѣ переводомъ Мольерова Мизантропа, будетъ полезенъ въ званіи предсѣдателя. Но Кокошкинъ, не твердый въ характерѣ и страстный болѣе къ театру нежели къ литературѣ, не умѣлъ направлять мнѣній членовъ, думалъ болѣе о наружномъ блескѣ собраній и сдѣлалъ изъ нихъ одинъ спектакль для публики.

Послѣ него выбрали Мих. Никол. Загоскина. Это было уже безъ меня, когда я, видя безурядицу, вышелъ изъ членовъ общества. Михайла Николаевичь началъ свое предсѣдательство тѣмъ, что сѣлъ, крякнулъ, потрепалъ себя по брюху, и обратился къ членамъ съ слѣдующею рѣчью: «Фу, батюшки! Обѣдалъ у Акулова! Такъ накормилъ, проклятый, что дышать не могу: всего расперло! Ну! что же бы намъ подѣлать?» —Очевидно, что общество перестало видѣть въ предсѣдателѣ лице важное и уважительное. Съ тѣмъ вмѣстѣ между членами возродилась такая неразборчивость, что начали принимать въ члены всякаго, кого ни предложатъ. При Антонскомъ же обращали вниманіе не только на способности и трудолюбіе, но и на общественный и нравственный характеръ предлагаемаго въ члены,

помня, что иногда одинъ человѣкъ можетъ повредить цѣлости настроенія и согласію всего общества. Былъ выбранъ и Полевой: въ слѣдствіе этого выбора вышелъ изъ членовъ С. Т. Аксаковъ; другіе перестали ѣздить въ засѣданія, и общество мало по малу начало разстроиваться. Загоскинъ былъ предсѣдателемъ недолго: кажется, онъ и самъ видѣлъ, что это не его дѣло!—Выбрали наконецъ Ал. Ал. Писарева, какъ попечителя Университета: обществу уже нужна была поддержка, въ которой прежде оно не нуждалось.

Александръ Александровичъ былъ человѣкъ добрый, но не имѣвшій основательныхъ свѣдѣній въ литературѣ, и къ несчастію самъ литераторъ. Онъ издалъ въ печать пять книгъ: 1) *Предметы для художниковъ* (1807), выбранные изъ Русской исторіи, по одному чувству патріотизма, но безъ всякаго знанія о возможности художническаго исполненія: 2) *Начертаніе художествъ*; 3) *Общія правила театра*, выбранныя изъ Вольтера (1809); 4) *Военныя письма* (1817), въ которыхъ на первой же страницѣ, въ первой строкѣ заглавія, сдѣлалъ уже ошибку противъ правописанія, напечатавъ: *военные*. 5) Онъ стоялъ нѣкогда съ своимъ полкомъ въ Калугѣ, завелъ тамъ литературное общество и напечаталъ въ двухъ томахъ: *Калужскіе вечера* (1825): собраніе совершенно безталантныхъ произведеній, по большой части военныхъ литераторовъ.

При Писаревѣ пошли одни *парады* въ обществѣ. Въ послѣдній годъ существованія общества (въ 1830 или 1831 году) было даже одно торжественное засѣданіе съ музыкой, съ арфою, съ пѣніемъ, и чтеніемъ актера Мочалова съ каѳедры. Шуму и блеску было много, но на одинъ разъ. Кончилось тѣмъ, что на свѣчи и на угощеніе истратили всѣ деньги, и казначей общества Мих. Никол. Макаровъ остался безъ гроша!—А теперь—гдѣ дѣла общества, гдѣ его библіотека, никто не знаетъ: прошло почти три земскія давности, не на комъ и спрашивать!

Собранія общества съ того времени прекратились. Съ

1830 или 1831 года и по сіе время (1857), вотъ уже около 27 лѣтъ, какъ не было ни одного собранія, и объ обществѣ не слышно! А оно процвѣтало! И напрасно винить само общество! Объ этомъ свидѣтельствуютъ 27 томовъ Трудовъ его, выданныхъ съ 1812 года по 1828, то есть въ продолженіе 14 лѣтъ его дѣйствительнаго существованія.

Въ Трудахъ общества, Алексѣй Өедоровичъ Мерзляковъ, кромѣ упомянутыхъ мною разсужденій о словесности, помѣщалъ, особенно въ послѣднее время, много преложеній изъ книгъ Ветхаго Завѣта, отличающихся силою, лиризмомъ, но не изяществомъ слога, и нѣсколько тяжеловатыхъ.

Вотъ особыя изданія Мерзлякова:

1. Слава. 1801.
2. Эклоги Виргилія. 1807.
3. Идилліи Дезульеръ. 1807.
4. Слово похвальное Императору Александру. 1814.
5. Амѳіонъ, ежемѣсячное изданіе въ 12 книгахъ. 1815.
6. Краткая риторика (2 изданіе). 1817.
7. Пѣснь на заложеніе храма Христа Спасителя. 1817.
8. Стихи на прибытіе Императора Александра въ Москву. 1820.
9. Краткое начертаніе теоріи изящной словесности, 2 части. 1821—1822.
10. Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, 2 части. 1825—1826.
11. Ода на коронованіе Государя Императора Николая Павловича. 1826.
12. Освобожденный Іерусалимъ, поэма Торквато Тассо. 1828. Подробнѣе сказано о его произведеніяхъ въ его жизнеописаніи въ словарѣ профессоровъ Московскаго университета.

Многіе изъ его лирическихъ произведеній, помѣщенные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ Трудахъ Общества, заслуживали бы быть собранными вмѣстѣ и напечатанными вполнѣ, особенно его преложенія изъ Ветхаго Завѣта. Стоили бы быть изданными вполнѣ и лекціи Мерзлякова. Изъ нихъ особенно замѣчательны разборы трагедій Сумарокова и Озерова. Замѣчателенъ и разборъ поэмъ Хераскова, напечатанный въ Амѳіонѣ.

Я упомянулъ о Кокошкинѣ.—Онъ былъ болѣе любитель литературы, нежели литераторъ. Главное его право въ литературѣ, кажется, основывалось на томъ, что онъ обращался съ словесниками. Что онъ писалъ въ другихъ родахъ, кромѣ драматическаго, даже трудно вспомнить. Въ Трудахъ Общества люб. Росс. слов. была напечатана его ода *Человѣкъ*; еще написалъ онъ стихи на кончину Государя Императора Александра Павловича, подъ заглавіемъ: *Изліяніе чувствъ вѣрноподданнаго*. Другихъ его лирическихъ произведеній не помню; они печатались въ Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества, Трудахъ Общ. Люб. Росс. словесности, и проч.

Въ драматическомъ родѣ онъ перевелъ Мольерова *Мизантропа* и написалъ собственную комедію въ стихахъ: *Воспитаніе* (1824). Я не сказалъ «оригинальную», потому что въ ней нѣтъ ничего оригинальнаго. Переводъ Мизантропа близокъ къ подлиннику; но стихъ тяжелъ и отчасти грубоватъ. Впрочемъ, тогда на это мало еще обращали вниманія, и этотъ переводъ все-таки заслуга. Кромѣ того онъ перевелъ съ французскаго нѣсколько комедій стихами: *Урокъ старикамъ*, Делавиня; въ прозѣ, *Романъ на одинъ часъ*, *Перегородка*, и еще *Осаду Миссолунги*, что-то въ родѣ лирической мелодрамы.

Мизантропъ былъ игранъ въ первый разъ въ Москвѣ, между 1814 и 1815 годами, обществомъ благородныхъ людей. Въ немъ же въ 1815 году Декабря 15, въ первый разъ, появилась на сценѣ, не принадлежа еще къ театру, М. Д. Львова-Синецкая, въ ролѣ Прелестиной (т. е. Селимены.)

Главное было его призваніе, главная была его страсть— театръ. Онъ и самъ, игравшій въ благородныхъ спектакляхъ, былъ хорошимъ актеромъ. Всѣ роли его были обдуманы, всѣ шаги разочтены; искусства было очень много, но натура иногда скрывалась за искусствомъ. Ему много былъ обязанъ Московской театръ. Во время его директорства онъ пригласилъ лучшихъ актеровъ; Щепкинъ былъ вызванъ на Московскую сцену имъ же, и безъ Кокошкина, можетъ быть, мы не имѣли бы Щепкина. Но молодыхъ дебютантовъ и воспитанниковъ театральной школы онъ училъ, такъ сказать, съ голоса, какъ учатъ птицъ, и потому нѣкоторые играли немножко на распѣвъ съ голосу самого Кокошкина.

И. И. Дмитріевъ, знавшій давно Кокошкина, какъ человѣка хорошей фамиліи, образованнаго и съ умомъ, въ то время, какъ былъ министромъ юстиціи, предложилъ ему мѣсто Московскаго губернскаго прокурора. Предварительно захотѣлъ онъ посовѣтоваться съ его тестемъ, Иваномъ Петровичемъ Архаровымъ. Архаровъ отвѣчалъ такъ, слово въ слово: «Охъ, мой отецъ! велика твоя милость; да малый-то къ театру больно привязался»! И. И. не посмотрѣлъ на это выраженіе, думая, что театръ не помѣшаетъ дѣлу: былъ бы умъ и добрая воля; и сдѣлалъ его прокуроромъ. Однако послѣдствія оправдали заключеніе тестя; Кокошкинъ не показалъ стойкости на этомъ важномъ мѣстѣ, и не долго занималъ его.

Онъ былъ хорошій чтецъ и большой охотникъ до чтенія въ слухъ и декламаціи. Остроумный Александръ Ив. Писаревъ (авторъ Лукавина) говаривалъ даже, что онъ любитъ и литературу, *какъ средство громко читать*. Это было не совсѣмъ правда, а отчасти и такъ. Голосъ у него былъ звучный, интонація обдуманная, но нѣсколько однообразная. Особенное свойство его голоса была необыкновенная гибкость: когда онъ игралъ на театрѣ, то у него были слышны даже и тихіе тоны: онъ умѣлъ какъ-то и ихъ послать на далекое пространство. Но много вредила ему на сценѣ какая-та важность и торжественность, которая была въ немъ и въ обыкновенномъ обращеніи.

Мнѣ случалось видать его въ благородныхъ спектакляхъ, на репетиціяхъ. Между прочимъ онъ требовалъ отъ актера, чтобы онъ непремѣнно попадалъ *въ октаву* (правильнѣе въ тонъ) съ тѣмъ, кто кончилъ рѣчь передъ нимъ. Этому смѣялись; но это доказываетъ тонкость его слуха, и есть дѣйствительно не послѣднее правило сценическаго искусства. Хорошо актеру имѣть счастливую натуру; но что она безъ искусства? Младшій Мочаловъ былъ богато одаренъ природою; но, ввѣряясь одному природному таланту и не изучая искусства, онъ былъ такъ не ровенъ, что иногда восхищалъ своею игрою и исторгалъ слезы, иногда былъ такъ дуренъ, что доходилъ до излишествъ, не терпимыхъ истиннымъ чувствомъ и истиною сценическаго искусства. Тоже надобно бы замѣтить и поэтамъ: требуется натуру довести до искусства, а искусство до натуры. Во всѣхъ истинно-даровитыхъ поэтахъ это было цѣлію и закономъ: таковы были Дмитріевъ, Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ.

У Кокошкина была привычка говорить: «мой милый»!— Объ этомъ упоминаетъ и Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Однажны онъ спорилъ съ Александромъ Ивановичемъ Писаревымъ, утверждая, что Расинъ лучше Шиллера. Писа-

ревъ спросилъ его: «да читали ли вы Шиллера? Вы прочтите».—«Не читалъ, милый, отвѣчалъ Кокошкинъ, и читать не хочу! Я ужъ знаю, что Расинъ лучше»! Потомъ, взглянувши умилительно на Писарева, прибавилъ: «Эхъ, милый Александръ Ивановичъ! Когда я тебя въ чемъ нибудь обманывалъ? Повѣрь же ты мнѣ, что Расинъ лучше»!—Этотъ анекдотъ былъ всѣмъ извѣстенъ. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ былъ особенно уважаемъ Сергѣемъ Тимоѳѣевичемъ Аксаковымъ, который посвятилъ ему даже свой переводъ 18-й сатиры Буало, съ надписью «почтеннѣйшему моему другу, Ѳедору Ѳедоровичу Кокошкину». Эта сатира, и другая 10-я, по тогдашнему обычаю, Марина, Милонова и другихъ, были передѣланы переводчикомъ *на русскіе нравы*, и потому Буало говоритъ:

Уже нотаріусъ съ подъячимъ изъ палаты,
Приказнымъ почеркомъ и слогомъ крючковатымъ
Скрѣпили наконецъ твой брачный договоръ....

Придирчивый критикъ замѣтилъ бы, можетъ быть, что у насъ нѣтъ брачныхъ контрактовъ, и удивился бы, какимъ образомъ при совершеніи такого контракта, сошлись вмѣстѣ нотаріусъ съ палатой; но тогда, при переложеніи на русскіе нравы, позволительно было не знать русскихъ обычаевъ и русскихъ законовъ. Блаженное время невѣдѣнія!

По кончинѣ государя Александра Павловича, Кокошкинъ былъ безпрестанно то въ печали о почившемъ, то въ радости о восшествіи на престолъ. Никогда еще игра его физіономіи не имѣла такого опыта: это была совершенно оффиціальная, торжественная ода въ лицахъ! Когда было объявлено о воцареніи Константина, онъ всѣмъ намъ повторялъ: «слава Богу, мой милый! Онъ хоть и горячъ, но сердце-то предоброе!»—По отреченіи Константина, онъ восклицалъ съ восторгомъ: «Благодари Бога, мой милый!» и прибавлялъ въ полголоса: «сердце-то у него доброе; да вѣдь кучеръ, мой милый, настоящій кучеръ!»

На кончину Александра написалъ онъ стихи. Въ концѣ была риѳма: «Екатерина» и «Константина». По вступленіи на престолъ государя Николая Павловича, когда онъ не успѣлъ еще напечатать своихъ стиховъ, А. И. Писаревъ сказалъ ему: «Какъ же вы сдѣлаете съ окончаніемъ вашихъ стиховъ?»—«Ничего, мой милый!» отвѣчалъ авторъ: «перемѣню только риѳму; поставлю: «рая» и «Николая!»— Однакожъ конецъ онъ совсѣмъ передѣлалъ.

Большой Московской театръ, называемый Петровскимъ (по имени улицы Петровки), построенъ былъ, если я не ошибаюсь, въ 1780 году; онъ сгорѣлъ 8 Октября 1805 года. Въ 1811-мъ я засталъ въ Москвѣ деревянный театръ на Арбатской площади, который сгорѣлъ во время нашествія непріятелей, 1812 года. Послѣ непріятеля открыли спектакли на Арбатѣ, въ домѣ С. С. Апраксина, гдѣ нынѣ Александровской Кадетской корпусъ; потомъ на Моховой, въ домѣ Пашкова, что̀ нынѣ новый Университетъ, въ томъ флигелѣ, который выходитъ на Никитскую. А въ 1824 году, когда былъ директоромъ Кокошкинъ, былъ возобновленъ опять Петровской театръ. Простоявши 20 лѣтъ въ развалинахъ, онъ былъ открытъ моимъ прологомъ *Торжество Музъ*, къ которому музыка была написана А. Н. Верстовскимъ, А. А. Алябьевымъ и Шольцомъ. Наконецъ, въ послѣднее время, простоявши 29 лѣтъ, и онъ сгорѣлъ 11 Марта 1853 года.

В. А. Жуковской воспитывался въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ (нынѣ 4-я гимназія); тамъ получилъ онъ званіе студента и слушалъ потомъ лекціи университета.

Здѣсь надобно сказать однако, что въ то время воспитанники пансіона получали званіе студента не по экзамену въ университетѣ, а объявлялись студентами на пансіонскомъ актѣ, который былъ всегда въ концѣ Декабря, и послѣ этого допускались къ слушанію лекцій. Это продолжалось до декабрьскаго акта 1811 года. Такъ былъ объявленъ студен-

томъ и Н. В. Сушковъ, *нашъ Шекспиръ.* Такъ получилъ званіе студента и Жуковской; но съ тою разницею, что Жуковской, какъ я сказалъ, посѣщалъ потомъ университетскія лекціи и пріобрѣлъ тѣ высшія знанія, которыя пріобрѣтаются только въ университетахъ, и которыя не доступны пансіонерамъ. Съ 1812 года, когда и я былъ сдѣланъ студентомъ, насъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ потребовали уже на экзаменъ и экзаменовали въ университетѣ.—Помню, что довольно было страшно! Наставникъ нашъ въ латинскомъ языкѣ Ѳ. С. Стопановскій приготовилъ-было насъ къ изъясненію Гораціевой оды: Pindarum quisquis studet aemulare, но ректоръ, добрѣйшій впрочемъ человѣкъ, И. И. Геймъ, вскочилъ въ ярости, подозрѣвая подготовку къ экзамену, вырвалъ у него книгу, и раскрылъ на другомъ мѣстѣ. Однако, слава Богу, сошло съ рукъ благополучно.

Тогда (и во время Жуковскаго и въ мое) въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ обращалось преимущественное вниманіе на образованіе литературное. Науки шли своимъ чередомъ; но начальникъ пансіона, незабвенный Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонской находилъ, кажется, что образованіе общее полезнѣе для воспитанниковъ, чѣмъ спеціальныя знанія: по той причинѣ, что первое многостороннѣе и удовлетворяетъ бо́льшему числу потребностей, встрѣчающихся въ жизни и въ службѣ По тогдашнимъ требованіямъ этотъ взглядъ былъ совершенно современный. Вспомнимъ еще, что домашнее воспитаніе ввѣрялось тогда иностранцамъ; что французской языкъ (надѣлавшій намъ много вреда, потому что вносилъ намъ и французскія идеи), былъ тогда первымъ условіемъ воспитанія; вспомнимъ это, и мы непремѣнно должны будемъ согласиться, что предпочтительное познаніе языка отечественнаго и его литературы было тогда вполнѣ разумно и вполнѣ полезно.

Вмѣстѣ съ образованіемъ литературнымъ, въ пансіонѣ

обращалось особенное вниманіе на нравственность воспитанниковъ. Жуковской былъ отличенъ и по занятіямъ литературнымъ, отличенъ и по нравственности: не мудрено, что, соединяя эти два качества, онъ былъ во всемъ отличнымъ.

Къ исполненію этой цѣли, соединенія литературнаго образованія съ чистою нравственностью, служило между прочимъ пансіонское общество словесности, составленное изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ воспитанниковъ. Оно составилось при Жуковскомъ. Жуковской былъ одинъ изъ первыхъ его членовъ и подписался подъ уставомъ, подъ которымъ подписывались и послѣ него всѣ члены, по мѣрѣ ихъ вступленія. Это общество собиралось одинъ разъ въ недѣлю, по середамъ. Тамъ читались сочиненія и переводы юношей и разбирались критически, со всею строгостію и вѣжливостію. Тамъ очередной ораторъ читалъ рѣчь, по большой части о предметахъ нравственности. Тамъ въ каждомъ засѣданіи одинъ изъ членовъ предлагалъ, на разрѣшеніе другихъ, вопросъ изъ нравственной философіи, или изъ литературы, который обсуживался членами въ скромныхъ, но иногда жаркихъ преніяхъ. Тамъ читали вслухъ произведенія извѣстныхъ уже русскихъ поэтовъ и разбирали ихъ по правиламъ здравой критики: это предоставлено было уже не членамъ, а сотрудникамъ, отчасти какъ испытаніе ихъ взгляда на литературу. Наконецъ законами общества постановлено было, между прочимъ, *дружество* между членами и ненарушимая *скромность*, къ которой пріучались молодые люди храненіемъ тайны; тайна же эта состояла въ томъ, чтобы не разсказывать другимъ воспитанникамъ о томъ, что̀ происходило въ обществѣ и не разглашать мнѣній членовъ о читанныхъ тамъ произведеніяхъ воспитанниковъ. Гдѣ этотъ драгоцѣнный уставъ? Гдѣ та доска, на которой писались имена первыхъ воспитанниковъ, которая висѣла въ залѣ и передавала имена ихъ позднѣйшимъ поколѣніямъ воспитанниковъ? Жуковской, въ послѣднее время посѣтивъ пансіонъ, спросилъ объ ней. Ея уже не было! Грустно было его чувство.

Антонской *всегда* присутствовалъ въ засѣданіяхъ общества, въ качествѣ почетнаго члена. Другіе почетные члены были лица извѣстныя: Попечитель Университета, И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ и другіе; случалось, что и они заѣзжали въ среду къ Антонскому и неожиданно для воспитанниковъ приходили въ собраніе ихъ общества и сидѣли до конца. Сердце радовалось: и у нихъ, видя возрастающихъ литераторовъ, и у воспитанниковъ пансіона, видя вниманіе къ себѣ такихъ людей!—Такъ, въ то время приготовлялись молодые люди въ литераторы.

Первые опыты Жуковскаго въ поэзіи принадлежатъ ко времени его воспитанія. Они были помѣщаемы въ журналахъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени* (1797 и 1798) и *Ипокренѣ* (1798). За это замѣчаніе я обязанъ одному юному критику моихъ Мелочей. Потомъ они были помѣщаемы въ *Утренней зарѣ*, составлявшейся изъ трудовъ воспитанниковъ пансіона. И. И. Дмитріевъ, знавшій его и прежде особенно обратилъ на него вниманіе по выслушаніи на пансіонскомъ актѣ его піесы: *Къ поэзіи.* Онъ послѣ акта пригласилъ его къ себѣ, и съ этого времени больше узналъ и полюбилъ его. Угадывая его сильный талантъ, съ тѣхъ поръ онъ никогда не пропускалъ недостатковъ молодаго поэта безъ строгихъ замѣчаній. Щадя способности слабыя и немощныя, онъ почиталъ дѣломъ поэтической совѣсти не скрывать недостатковъ и уклоненій отъ вкуса тѣхъ молодыхъ поэтовъ, которые имѣли достаточно силъ для овладѣнія своимъ искусствомъ. Такимъ образомъ и въ этой піесѣ, *Къ поэзіи*, въ стихахъ:

> *Поетъ* свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
> *Возы, скрыпящи подъ снопами*—

онъ замѣтилъ Жуковскому, что пѣніе предполагаетъ сладкозвучіе, что оно мелодія, что оно не выражаетъ *скрипа*, хотя и есть инструментъ, называемый скрипка. Молодой

Жуковской жадно выслушивалъ затѣчанія Карамзина и Дмитріева, и много воспользовался ихъ строгими замѣчаніями.

Грееву элегію: *Сельское кладбище*, перевелъ Жуковской, тоже еще въ пансіонѣ въ первый разъ въ 1801 году, по замѣчанію гр. Д. Н. Б-ва *не четырехстопными* ямбами, какъ я напечаталъ прежде, а шестистопными, и принесъ свой переводъ къ Кармзину для напечатанія въ начинающемся, въ 1802 году, Вѣстникѣ Европы; но Карамзинъ нашелъ, что переводъ не хорошъ. Тогда Жуковскій рѣшился перевести ее въ другой разъ. Этотъ переводъ Карамзинъ принялъ уже съ восхищеніемъ; онъ былъ напечатанъ въ *Утренней зарѣ* и въ Вѣстникѣ Европы, въ послѣдней декабрьской книжкѣ 1802 года. Онъ былъ посвященъ автором другу своей юности Андрею Ивановичу Тургеневу. Такимъ образомъ извѣстный намъ переводъ былъ второй; а послѣдній, гексаметромъ, вышедшій уже въ старости поэта, должно считать *третьимъ*. Такова была настойчивость молодаго поэта въ стремленіи къ совершенству, и такихъ-то трудовъ стоилъ ему тотъ превосходный стихъ, та мастерская фактура стиха, которыми мы восхищаемся нынѣ.

Объ этомъ-то Андреѣ Ивановичѣ Тургеневѣ вспоминаетъ Жуковской въ посланіи къ брату его Александру Ивановичу, а вмѣстѣ и объ отцѣ ихъ Иванѣ Петровичѣ.

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ-ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ!
Не онъ-ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, не скрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.

Бывало онъ, съ отцемъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ—и радость съ нимъ являлась.
Старикъ при немъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась....
О нѣтъ, онъ былъ милѣйшій нашъ собратъ;
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами;
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.
. . . .

Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя надежды.
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды.
. . . .

Другой.... старикъ....сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!

Андрей Ив. Тургеневъ былъ и самъ поэтъ. Въ Собраніи русскихъ стихотвореній, изданныхъ Жуковскимъ 1811 года (часть 4-я), помѣщена прекрасная его *элегія*, начинающаяся такъ:

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и хладъ повсюду разливаетъ;
Холодной, бурной вѣтръ поля опустошаетъ,
И грозно пѣнится ревущая рѣка!

По окончаніи курса ученія и по выходѣ изъ пансіона, Жуковской нѣсколько времени все еще жилъ у Антонскаго. Пансіонъ былъ на Тверской (нынѣ домъ Шаблыкина). Главные ворота были тогда въ Газетный переулокъ, а не на Тверскую; эта сторона двора не была еще застроена нынѣшнимъ фасомъ. Тутъ была по переулку кирпичная ограда; у самыхъ воротъ былъ маленькой флигель, выкрашенный бѣлою краскою, въ которомъ, отдѣльно отъ воспитанниковъ, жилъ Антонской. Тутъ, въ маленькой комнатѣ,

жилъ у него Жуковской по окончаніи курса, пансіонскаго ли только, или и университетскаго, этого не помню.

Здѣсь, какъ я слышалъ въ пансіонѣ, написалъ онъ Людмиллу. Между воспитанниками, восхищавшимися ея ужасными картинами, существовало даже преданіе, что будто Жуковской писалъ эту балладу по ночамъ, для бóльшаго настроенія себя къ этимъ ужасамъ. Можетъ быть, это преданіе было и не вѣрно; но оно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно дѣйствовала Людмила на воображеніе читателей, особенно молодыхъ сверстниковъ автора и ихъ преемниковъ.

Жуковской, это извѣстно, былъ не богатъ; въ это время онъ долженъ былъ трудиться и изъ денегъ. Здѣсь перевелъ онъ (1801) повѣсть Коцебу *Мальчикъ у ручья*; (1802) поэму Флоріана: *Вильгельмъ-Тель*, съ присовокупленіемъ его же Сицилійской повѣсти: *Розальба*. Потомъ, по заказу Плат. Петр. Бекетова, который имѣлъ свою типографію, перевелъ онъ съ Флоріанова же перевода—Сервантесова *Донъ-Кишота*, который былъ напечатанъ (1804—1806) съ картинками и съ портретами Сервантеса и Флоріана, на хорошей бумагѣ, какъ всѣ изданія Бекетова, въ шести маленькихъ томахъ. Переводъ отличается необыкновенно хорошимъ слогомъ, мастерствомъ въ передачѣ пословицъ Санхо-Пансы и хорошими стихами въ переводѣ романсовъ. Жаль, что онъ не напечатанъ въ полномъ собраніи переводовъ въ прозѣ Жуковскаго. Переводы Жуковскаго—это памятникъ русскаго языка. Кто не изучалъ прозы Карамзина и Жуковскаго, послѣдняго особенно въ переводахъ, тотъ не скоро научится русскому стилю. Я не говорю, чтобъ писать именно ихъ слогомъ, хотя и ему некогда еще было устарѣть: я знаю, время измѣняетъ и языкъ и слогъ; но *основанія* ихъ слога, чистота грамматическая, логическая послѣдóвательность рѣчи, выборъ словъ и точность выраженій, нако-

нецъ ихъ благозвучіе: это основанія вѣчныя, которыя должны оставаться и при вѣковомъ измѣненіи русскаго языка и слога русскихъ писателей. Ив. Ив. Давыдовъ, въ своемъ Опытѣ о порядкѣ словъ, въ примѣръ правильнаго расположенія рѣчи приводитъ всегда Карамзина; и конечно ученый академикъ дѣлаетъ это не по пристрастію!

Въ одномъ журналѣ (Б. д. Ч. 1852, въ іюньской книжкѣ) была напечатана статья о Жуковскомъ. Тамъ сказано, что Жуковской «попалъ въ школу Карамзина и сдѣлался «его сотрудникомъ по изданію Вѣстника Европы«.

Никогда этого не бывало; никогда Жуковской не былъ сотрудникомъ Карамзина, и никого не было у Карамзина сотрудниковъ. Какъ можно сообщать такія извѣстія наугадъ и безъ справокъ? А съ тѣхъ поръ, какъ принялись наши журналы (т. е. со времени Смирдинскихъ изданій русскихъ авторовъ) дѣлать *открытія* въ русской литературѣ за минувшія десятилѣтія нынѣшняго вѣка; съ тѣхъ поръ такъ много вошло въ исторію нашей литературы извѣстій, утверждающихся на догадкахъ и слухахъ! Карамзинъ трудился надъ изданіемъ Вѣстника одинъ. Онъ печаталъ стихи и статьи, присылаемые посторонними; но не только не было у него, по нынѣшнему, сотрудниковъ, но даже и постоянныхъ участниковъ. Подобныя извѣстія показываютъ только, что пишущіе нынѣ въ журналы мало даже знаютъ то прежнее время. Кого нашелъ бы Карамзинъ въ сотрудники, если бы и искалъ? Кто тогда, въ 1802 и 1803 году, могъ бы писать по карамзински? — Это была бы такая пестрота въ его журналѣ, которая тогда бросилась бы въ глаза: это было такое время, когда русской журналъ не былъ еще фабрикой. Самъ Жуковской былъ тогда еще девятнадцатилѣтній юноша. Въ двухъ годахъ Вѣстника онъ только и напечаталъ *Грееву Элегію* (1802), да начало повѣсти *Вадимъ Новогородской* (1803), которая не была кончена.

Жуковской началъ нѣсколько участвовать въ Вѣстникѣ Европы съ 1807 года; въ немъ напечаталъ онъ 17 басенъ, въ которыхъ много достоинства: онѣ отличаются вѣрностію разговорнаго языка, поговорочною формою нѣкоторыхъ выраженій, и непритворною веселостію. Очень жаль, что Жуковской не помѣстилъ ихъ ни въ одномъ изъ полныхъ изданій своихъ сочиненій; можетъ быть потому, что этотъ родъ поэзіи казался ему совершенно различнымъ съ общимъ характеромъ его стихотвореній. (Нынѣ напечатаны онѣ въ послѣднихъ трехъ томахъ сочиненій Жуковскаго.) Постоянное же участіе его въ Вѣстникѣ началось съ 1808 года. Въ этомъ году онъ помѣщалъ въ немъ много переводовъ, которые послѣ были изданы отдѣльно. Въ 1809 году онъ сдѣлался уже самъ издателемъ Вѣстника; а въ 1810 году издавалъ его вмѣстѣ съ Каченовскимъ. Всѣ эти годы Вѣстника были превосходны: отличались интересными статьями, изяществомъ слога.

Въ томъ же журналѣ сказано: «Есть люди, которымъ «съ самаго рожденія улыбалось счастіе, и которые до са-«мой могилы не знаютъ ни горя, ни печали. Такихъ счаст-«ливцевъ не много на свѣтѣ, и къ нимъ-то принадлежитъ «между прочимъ и Жуковской, который до послѣдней ми-«нуты сохранилъ ровность характера, и вовсе не зналъ «разочарованія въ своей довольно долгой жизни».

Жуковской напротивъ много терпѣлъ и мало зналъ дней свѣтлыхъ. Онъ терпѣлъ и отъ недостаточнаго состоянія, терпѣлъ и горе любящаго сердца. Послѣднее выражено имъ во многихъ мѣстахъ его стихотвореній; между прочимъ въ слѣдующихъ стихахъ, относящихся прямо къ исторіи его жизни, къ обстоятельству, извѣстному всѣмъ, знавшимъ его въ молодыхъ его лѣтахъ:

Съ какимъ-бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ—о сладкій сонъ! *той счастье искупить,*
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!

Едва ли не подъ конецъ своей жизни Жуковской успокоился въ первый разъ, узнавши семейное счастіе, которое очень поздно озарило его любящую душу.

Тамъ же сказано: «Еще въ 1802 году Жуковской пред-«видѣлъ свою будущность и очень удачно предсказалъ то, «что̀ могъ (*бы*) сказать въ послѣдней строкѣ, написанной «предъ самою смертію:

„Мой вѣкъ былъ тихій день; а смерть успокоенье“!

Нѣтъ! развѣ послѣднее только справедливо; ибо всѣмъ намъ извѣстна мирная, христіанская кончина Жуковскаго. Но вѣкъ его, т. е. большая часть его жизни, не былъ тихимъ днемъ; вѣрнѣе сказать, что онъ изобразилъ жизнь свою въ стихахъ къ *Филалету:*

Скажу ль?... мнѣ ужасовъ могила не являетъ;
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ!

Всѣ мы помнимъ тотъ періодъ нашего стихотворства, когда всѣ наши молодые поэты, будто бы по слѣдамъ Жуковскаго, бросились въ разочарованіе. Въ этомъ ложномъ разочарованіи онъ конечно не былъ виноватъ; его взглядъ на жизнь былъ для него истиннымъ, хотя конечно жалобы на неудовлетворяемость ея нерѣдко встрѣчаются во всѣхъ произведеніяхъ первой половины его жизни. Отъ чего же? Отъ того именно, что онъ мало зналъ радостей!

Какъ можно заключать à priori о жизни автора и о состояніи души его? Надобно знать подробности первой; а заключать о характерѣ и чувствахъ по стихамъ автора

можно только, или взявши въ совокупности все, имъ написанное, или зная достовѣрно общія черты его жизни.

Кто-то замѣтилъ мнѣ въ какомъ-то журналѣ, что не стоило труда опровергать замѣчанія Библіотеки для Ч.—Чт̀о стоило труда писать, то стоитъ труда и опровергать. У меня были замѣчены малѣйшія неисправности. Почемуже не замѣтить и у другаго ложнаго свѣдѣнія о литераторѣ, или ложнаго умозаключенія о его жизни?

Очень похвально, что мы обратились нынче къ изслѣдованіямъ жизни и характера нашихъ знаменитыхъ поэтовъ. Но я боюсь, чтобъ этими изслѣдованіями, или à priori, или по немногимъ признакамъ и примѣтамъ, мы не ввели въ заблужденіе нашихъ потомковъ. По большой части эти изслѣдованія, встѣчающіяся въ журналахъ, бываютъ похожи на разборъ іероглифовъ, или стрѣльчатаго письма, которымъ изслѣдователь начинаетъ учиться изъ самаго разбора. Повторяю сказанное и прежде мною: все это отъ того, что пресѣклась наслѣдственная нить преданій; что между Жуковскимъ, Пушкинымъ и нынѣшнимъ временемъ былъ промежутокъ, въ который литература наша отторглась отъ памяти прежняго. Пушкинъ былъ послѣдній изъ нашихъ поэтовъ, примыкавшій къ родословному дереву нашихъ литераторовъ и къ непрерывной лѣтописи преданій нашей литературы. Прежде долго созрѣвали, долго наслушивались, пока не начинали сами говорить и писать; а нынче начинаютъ съ того, что другихъ учатъ. Это началось съ Полевова, который писалъ и о томъ, чт̀о знаетъ и о томъ чего не знаетъ, слѣдуя пословицѣ: смѣлость города беретъ!

Напрасно «Современникъ» журналъ, прекрасный по составу своему и достойный уваженія, упрекаетъ меня въ томъ, что будто я обнаруживаю нелюбовь мою къ новой нашей лите-

ратурѣ. Нѣтъ! всякой просвѣщенный человѣкъ знаетъ, что литература измѣняется вмѣстѣ съ ходомъ времени; что она не только не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ, но и не должна. Я, съ моей стороны, не толко признаю въ нынѣшней литературѣ все, что̀ встрѣчу хорошаго; но, можетъ быть, никто, моихъ лѣтъ, не восхищается съ такимъ жаромъ всѣмъ хорошимъ. Немногіе, можетъ быть, читали съ такимъ увлеченіемъ и радовались, такъ какъ я, читая *Записки Охотника* и романы: *Обыкновенная исторія* и *Львы въ провинціи*. Знаю, что ни въ Карамзинское время, ни въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія, не было и не могло быть такихъ произведеній; но знаю и то, что въ то время не было тѣхъ уклоненій отъ изящнаго вкуса и отъ истины сужденій, какія встрѣчаются нынѣ.

Я узналъ Жуковскаго, или въ концѣ 1813 года, или въ началѣ 1814, навѣрное не помню. Я пріѣхалъ тогда въ Москву изъ Петербурга и жилъ вмѣстѣ съ моимъ дядею; а Жуковской пріѣзжалъ туда на нѣкоторое время, послѣ своей службы въ ополченіи и при главнокомандующемъ арміею. Постоянное же его мѣсто жительства было тогда и до 1815 года, у родныхъ его, въ Бѣлевѣ. Это видно и изъ посланія къ нему Батюшкова, писаннаго около этого времени:

Прости, балладникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель!

Въ то время, когда я въ первый разъ видѣлъ Жуковскаго у моего дяди (т. е. 1813 или 1814 года), у него были уже приготовлены къ печати два тома его сочиненій (изданные въ 4 долю, съ виньетами въ 1815 и 1816 г.). Онъ давалъ моему дядѣ свою рукопись на разсмотрѣніе, она была и у меня; я читалъ ее и помню, что въ ней была уже баллада:

Старушка изъ Саути, которой однако нѣтъ ни въ одномъ изъ первыхъ изданій. Она была напечатана уже гораздо позже. Елена Петр. Балашова, жена министра, сказывала мнѣ, что Жуковской читалъ эту балладу у нихъ въ домѣ, что она не понравилась многимъ дамамъ, слушавшимъ это чтеніе и что онѣ отсовѣтовали Жуковскому ее печатать.

Въ 1815 году Жуковской жилъ въ Дерптѣ. Въ это время жилъ тамъ Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, бывшій тамъ профессоромъ русской словесности.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ его посланіе *Старцу Эверсу* (Густаву, дядѣ извѣстнаго изслѣдователя предметовъ русской исторіи) и примѣчаніе автора, въ которомъ сказано: „писано послѣ праздника, даннаго студентами Дерптскаго университета». Изъ самого посланія видно, что онъ былъ на этомъ праздникѣ лично:

Тамъ Эверсъ мнѣ на братство *руку далъ*:
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ,
Когда *стоялъ ты*, старецъ, *предо мной*
Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ.

Объ этомъ же свидѣтельствуетъ то, что въ числѣ подписчиковъ на журналъ В. В. Измайлова: *Россійскій Музеумъ*, издававшійся въ 1815 году, при имени Жуковскаго поставлено, что онъ подписался *въ Дерптѣ*.

Написавши *Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ*, Жуковской прислалъ его въ Петербургъ къ Алекс. Ивановичу Тургеневу, который его тогда же и напечаталъ. Въ томъ же 1813 году пѣвецъ былъ напечатанъ и вторично. Вотъ исторія втораго изданія.

Императрица Марія Ѳеодоровна, восхищавшаяся *Пѣвцомъ*, поручила Ивану Ивановичу Дмитріеву напечатать его вто-

рымъ великолѣпнымъ изданіемъ на собственный ея счетъ и отослать отъ ея имени Жуковскому бриліантовый перстень. Жуковской прислалъ къ нему рукописнаго Пѣвца, умноженнаго именами военныхъ людей, которыхъ въ первомъ изданіи не было. Алексѣй Николаевичъ Оленинъ нарисовалъ три прекраснѣйшія виньетки, которыя были отлично выгравированы; и въ такомъ видѣ явилось въ томъ же году 2-е изданіе. Оно у меня есть. По порученію Ивана Ивановича Дмитріева имъ занимался Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, бывшій въ послѣдствіи тоже Министромъ Юстиціи. Два Министра Юстиціи, настоящій и будущій, занимались изданіемъ стиховъ молодаго стихотворца. Дашковъ писалъ и примѣчанія къ *Пѣвцу*, которыя и донынѣ печатаются съ буквами Д. Д.

Посланіе къ Императрицѣ Маріѣ Өеодоровнѣ: «Мой слабый даръ Царица ободряетъ!» было посвященіемъ *Пѣвца* Императрицѣ, которое Жуковской прислалъ къ И. И. Дмитріеву вмѣстѣ съ рукописью и которое онъ хотѣтъ помѣстить въ началѣ этого изданія; но Государыня, какъ говорилъ мой дядя, по скромности не позволила его напечатать. Оно было издано послѣ. Это было со стороны Государыни чувство христіанскаго смиренія, потому что въ этомъ посланіи говорится о ея благодѣяніяхъ сиротамъ и всѣмъ призрѣваемымъ и воспитываемымъ въ ея благотворительныхъ заведеніяхъ.

Посланіе Жуковскаго *къ Батюшкову*, начинающееся такъ:

Сынъ нѣги и веселья,
По Музѣ мнѣ родной!
Пріятность новоселья
Лечу вкусить съ тобой!

было написано въ отвѣтъ на посланіе Батюшкова, извѣстное подъ названіемъ: *Мои Пенаты*.

Всѣ посланія Жуковскаго къ Пушкину писаны не къ Александру Сергѣевичу, какъ нѣкоторые нынче думаютъ: авторъ Руслана и Людмиллы былъ тогда еще въ лицеѣ. Они писаны къ дядѣ его, автору сатиры «Опасный сосѣдъ», пѣвцу Буянова, Василью Львовичу Пушкину.

Посланіе къ К. Вяземскому и Пушкину (тоже Вас. Львовичу), которое начинается такъ:

Друзья! тотъ стихотворецъ горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ!

начиналось въ рукописи такъ:

Ты, Вяземской, прямой поэтъ!
Ты, Пушкинъ, стихотворецъ-горе!

Въ то время, когда писана большая часть посланій Жуковскаго, мы находимъ множество посланій нашихъ поэтовъ другъ къ другу. Жуковской, Батюшковъ, Воейковъ, К. Вяземской, В. Пушкинъ, Д. В. Давыдовъ, всѣ мѣнялись посланіями. Всѣ они были въ неразрывномъ союзѣ другъ съ другомъ; всѣ ставили высоко поэзію, уважали одинъ другаго. Не было между ними ни зависти, ни партій. Молодые, только что начинавшіе стихотворцы, понимая различіе ихъ талантовъ, смотрѣли однако на нихъ, какъ на кругъ избранныхъ. Какъ было не процвѣтать въ то время поэзіи!

Странно, что нигдѣ не напечатано, даже и въ трехъ послѣднихъ томахъ сочиненій Жуковскаго, изданныхъ послѣ его кончины, его посланіе къ Государынѣ Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ, помѣщенное въ 1-й книжкѣ Сына Отечества 1821 года. Извѣстенъ его Отчетъ о лунѣ, это посланіе—о солнцѣ.

Когда въ послѣдній разъ Жуковской былъ въ Москвѣ въ 1841 году, всѣ московскіе поэты встрепенулись отъ радости, какъ будто съ возвращеніемъ его въ Москву возврати-

лось прежнее время свѣтлаго вдохновенія. Его пріѣздъ былъ для всѣхъ занимающихся литературою истиннымъ праздникомъ. Нѣкоторые изъ нихъ вздумали почтить возвращеніе въ Москву старѣйшаго и любимаго поэта стихами. Всѣ эти стихи вылились прямо изъ сердца и были выраженіемъ полнаго чувства любви и уваженія и къ поэту, и къ человѣку. Всѣ эти стихи были собраны въ одинъ альбомъ, который я самъ привезъ къ Жуковскому. Надобно было видѣть его чувство при взглядѣ на содержаніе этого альбома! На другой же день онъ поѣхалъ съ благодарностію къ Авдотьѣ Павловнѣ Глинкѣ: она первая была свидѣтельницею, какъ подѣйствовалъ на него этотъ скромный памятникъ любви и уваженія. Этотъ альбомъ, и послѣ его кончины, сохранялся у супруги Жуковскаго.

Немногіе изъ нашихъ поэтовъ дѣйствовали столь долго и постоянно на поприщѣ литературы, какъ Жуковской. Его поэтическіе труды захватываютъ полстолѣтія, всю первую половину нынѣшняго вѣка (съ Греевой элегіи 1802 и по его кончину 1852). Жуковскій, какъ всѣ великіе поэты, не покорялся ни примѣрамъ предшественниковъ, ни требованіямъ современниковъ: онъ проложилъ путь собственный и велъ читателей за собою.

И потому, мнѣ кажется, невѣрно сказано въ той же статьѣ журнала, упомянутой мною выше: «И тотъ народъ, «который въ началѣ столѣтія восхищался элегіею Грея, «Сельское кладбище», въ двадцать-пятыхъ годахъ этого «столѣтія» —(какіе это *двадцать-пятые годы*? Въ цѣломъ столѣтіи всего одинъ годъ двадцать-пятый) «тотъ же на«родъ захотѣлъ уже познакомиться съ *характеромъ персид«ской поэзіи*; а въ половинѣ столѣтія *вдругъ* бросилъ эти «мелкія игрушки, чтобы его достойно ознакомили съ Иліа«дою и Одиссеей».

Всё это фантазія критика! Ничего этого нашъ не-

читающій народъ не хотѣлъ и не хочетъ; у насъ есть читатели, но эти читатели — не народъ! Да и тѣ не требовательны, а хорошо, если бы они и то читали, что, не спрашиваясь ихъ, напишутъ лучшіе изъ нашихъ писателей. Чтеніе большинства составляютъ у насъ журналы и переводы романовъ; а въ доказательство, спросите въ книжныхъ лавкахъ: много-ли продано Одиссеи и Иліады?— Вамъ будутъ отвѣчать: «не продается»! Зачѣмъ фантазировать, говоря о поэтѣ, о литературѣ, о народѣ? Эти предметы требуютъ правдивой замѣтки исторіи, а не фантазіи критика.

Нашимъ писателямъ предстоитъ заботиться еще не о чтеніи народа, а о томъ, чтобъ избранной публикѣ читателей представить произведенія, достойныя просвѣщеннаго ума и вкуса; чтобы не оскорблять ихъ чувства и не портить ихъ вкуса, а возвышать и облагороживать и то и другое. Такъ поступалъ и Жуковской, и всѣ лучшіе писатели, какъ его, такъ и предшествовавшаго ему времени.

Я зналъ лично Батюшкова. Сколько грустныхъ воспоминаній, когда обратишься къ молодости! Сколько именъ драгоцѣнныхъ, сколько талантовъ, сколько различныхъ исходовъ судьбы, сколько потерь невознаградимыхъ, или невознагражденныхъ доселѣ? Батюшковъ, когда я въ первый разъ писалъ эти Мелочи, былъ еще живъ; но можно ли было назвать жизнію то состояніе разсудка, въ которомъ находился этотъ человѣкъ, бывшій ума необыкновеннаго! Имя его уже повторялось рѣдко. А въ какой былъ онъ славѣ! Довольно сказать, что между литераторами онъ раздѣлялъ эту славу съ Жуковскимъ, хотя въ читающей публикѣ и не имѣлъ столь всеобщей извѣстности.

Всѣ эти люди, о которыхъ пишу теперь, кромѣ своихъ дарованій, отличались изяществомъ, носили на себѣ печать благородства и въ мысляхъ, и въ поступкахъ, и

въ обращеніи; это были люди избранные: такими почитали ихъ и литераторы, и общество, отдавая имъ полную справедливость. Ни одинъ журналъ не смѣлъ бы осмѣять ихъ и представить въ каррикатурѣ ихъ сочиненія, хотя можно все осмѣять, можно изъ всего сдѣлать каррикатуру. Пушкинъ, который стоялъ всегда наравнѣ съ ними, а по мнѣнію нѣкоторыхъ былъ и выше, не избѣгнулъ однако придирокъ, превратныхъ толкованій, и даже насмѣшекъ. Время было уже другое; уваженіе къ высшимъ дарованіямъ въ его время стало уже слабѣе; талантъ не защищалъ уже *человѣка* и оскорблялъ завистливую посредственность. Но Жуковской и Батюшковъ созрѣвали и цвѣли подъ солнцемъ. Противъ Жуковскаго была только одна выходка добродушнаго Мерзлякова, о которой я упомянулъ прежде. Да была еще въ Вѣстникѣ Европы статья анонима, написанная Полевымъ, на которую онъ послѣ самъ же ссылался въ своемъ Телеграфѣ, какъ на доказательство, что Вѣстникъ Европы всегда возставалъ противъ талантовъ!

Опишу наружность Батюшкова. Онъ росту ниже средняго, почти малаго. Когда я зналъ его, волосы были у него свѣтлорусые, почти бѣлокурые. Онъ былъ необыкновенно скроменъ, молчаливъ и разсчетливъ въ рѣчахъ; въ немъ было что-то робкое, хотя извѣстно, что онъ не былъ таковъ въ огнѣ сраженія. Говоря немного, онъ всегда говорилъ умно и точно. По его скромной наружности, никакъ нельзя было подозрѣвать въ немъ сладострастнаго поэта: онъ былъ олицетворенная скромность. По разсказамъ о Богдановичѣ, онъ напоминалъ мнѣ его своимъ осторожнымъ обращеніемъ, осторожнымъ разговоромъ и наблюденіемъ приличій. Странно, что и Богдановичъ, въ своей Душенькѣ, тоже не отличался тою скромностію, которую показывалъ въ своей наружности. Впрочемъ всѣ, знавшіе Батюшкова короче, нежели я, утверждаютъ, что эти сладострастныя и роскошныя картины, которыя мы видимъ въ

его сочиненіяхъ, были только въ воображеніи поэта, а не въ жизни.

Батюшковъ былъ ума тонкаго и образованнаго, какъ основательнымъ ученіемъ, такъ и обширнымъ чтеніемъ. Онъ, какъ извѣстно, воспитывался подъ руководствомъ родственника своего, Михайлы Ѳикитича Муравьева: достаточная порука за просвѣщеніе! Зная языки: латинской, италіанской, французской и нѣмецкой, онъ воспользовался литературою всѣхъ этихъ языковъ, особенно же италіанскою, которую любилъ преимущественно, и которая отразилась и въ направленіи, и въ сладкозвучномъ языкѣ собственныхъ его сочиненій.

Изъ всѣхъ италіанскихъ поэтовъ онъ предпочиталъ Аріоста и Тасса: послѣдняго любилъ преимущественно, какъ поэта, и какъ человѣка. Можетъ быть, поэтому любимымъ его стихотвореніемъ, изъ собственныхъ его произведеній, была элегія на смерть Тасса, отличающаяся сладостію языка, и тѣмъ уныніемъ, которое рѣдко встрѣчается въ другихъ его стихотвореніяхъ. Странно, что это предпочтеніе какъ будто указываетъ на сходство судьбы двухъ поэтовъ, и какъ будто было ея предчувствіемъ! Тассъ, ослабшій въ умственныхъ способностяхъ и умирающій въ монастырѣ Св. Онуфрія; и Батюшковъ, въ такомъ же состояніи, оканчивающій дни свои въ отдаленіи отъ свѣта, въ Вологдѣ, въ забвеніи отъ людей: какое сближеніе!

С. П. Шевыревъ видѣлъ тамъ Батюшкова; г. Бергъ срисовалъ сзади его фигуру, потому что не могъ рисовать его спереди: онъ догадался бы и ушелъ. Это изображеніе помѣщено въ книгѣ г. Шевырева: «Поѣздка въ Бѣлозерской монастырь».—Напоминаю объ этомъ для того, что все-таки лучше напомнить, хотя я увѣренъ, что эта книга всѣмъ извѣстна.

Портретъ Батюшкова, приложенный къ одному тому «Образцовыхъ стихотвореній», изданныхъ въ Петербургѣ, не совсѣмъ похожъ: лице слишкомъ полно, фигура мѣшковата, и вообще этотъ портретъ не выражаетъ живости физіономіи Батюшкова и его субтильной наружности.

Отъ чего произошло его помѣшательство? Многіе приписывали это неудовлетворенному честолюбію; другіе эпикуреизму, разстроившему органы.—Ни то, ни другое;—а последнее рѣшительно несправедливо. Всѣхъ вѣрнѣе, кажется, угадывалъ это мой дядя, Ив. Ив. Дмитріевъ. Батюшковъ, какъ я сказалъ уже, былъ воспитанъ въ домѣ Мих. Никит. Муравьева. Съ его сыновьями былъ онъ въ связи дружественной. Очень вѣроятно, что они открывали ему свое извѣстное предпріятіе. Батюшковъ, съ одной стороны, не хотѣлъ измѣнить своему долгу; съ другой, боялся обнаружить сыновей своего благодѣтеля. Эта борьба мучила его совѣсть, гнѣла его чистую поэтическую душу. Съ намѣреніемъ убѣжать отъ этой тайны, и отъ самаго мѣста, гдѣ готовилось преступное предпріятіе, убѣжать отъ самаго себя, съ этимъ намѣреніемъ отпросился онъ и въ Италію, къ тамошней миссіи, и вездѣ носилъ съ собою грызущаго его червя. Къ этому могло присоединиться и то, что онъ былъ недоволенъ своею службою и посланникомъ. По этой причинѣ онъ долженъ былъ возвратиться въ Россію; а тамъ-то и грызла его роковая тайна.

Хотя это только догадка; но если она справедлива: то можетъ быть поэтому-то онъ, въ сумасшествіи, и возненавидѣлъ всѣхъ прежнихъ друзей своихъ, съ виновными вмѣстѣ и невинныхъ. Извѣстно, что онъ не могъ слышать о нихъ равнодушно, и прервалъ знакомство даже съ Жуковскимъ, котораго дѣвственная чистота души извѣстна. Всѣ смѣшались въ его памяти, и всѣ сдѣлались ему равно чуждыми.

Не смотря на свою скромность и осторожность, Батюшковъ доказалъ свое остроуміе и насмѣшливую сторону своего ума, шутливымъ стихотвореніемъ: «Видѣніе на берегахъ Леты», которое въ наше время было напечатано, хотя съ нѣкоторыми пропусками, въ «Русской Бесѣдѣ» изданной въ пользу Смирдина въ Петербургѣ, 1841 года.— Вѣроятно издателю попалась невѣрно переписанная рукопись. Вотъ дополненіе:

По слову стой!
Кивнула блѣдна тѣнь главой
И вышла съ кашлемъ изъ повозки.
„Кто ты?"—спросилъ ее Миносъ,
„И кто сіи?"—на сей вопросъ:
—„Мы всѣ съ Невы, поэты росски!"
Сказала тѣнь.—„Но кто сіи
Несчастны, въ клячей превращенны?"
—„Сочлены юные мои!
Любовью къ славѣ вдохновенны,
Они Пожарскаго поютъ
И тянутъ старца Гермогена!
Ихъ мысль на небеси вперенна,
Слова жь изъ старыхъ книгъ берутъ!
Стихи ихъ, хоть немного жостки,
Но истинно варяго-росски!"
—„Да кто жь ты самъ?"—"Я также членъ!
Кургановымъ писать ученъ:
Извѣстенъ сталъ не пустяками:
Терпѣньемъ, потомъ и трудами;
Азъ есмь зѣло Словенофилъ!"
Сказалъ, и книгу растворилъ.
При словѣ семъ въ блаженной сѣни
Поэтовъ приподнялись тѣни....

Послѣ стиховъ:

„Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
Тотъ цѣлу книжицу съ собою"

недостаетъ въ печатномъ слѣдующаго продолженія:

Одинъ, одинъ Словенофилъ,
И то, повыбившись изъ силъ,

За всю трудовъ своихъ громаду,
За твердый умъ и за дѣла,
Вкусилъ безсмертія награду:
Поставленъ съ Третьяковскимъ къ ряду.

Другая пародія Батюшкова была на «Пѣвца» Жуковскаго, подъ названіемъ: «Пѣвецъ, или Пѣвцы въ Бесѣдѣ Словеноросcовъ, балладо-эпико-лиро-комическо-эпизодической гимнъ».—Здѣсь мѣтилъ онъ на Державинскую Бесѣду любителей Россійскаго слова; а въ заглавіи на «Гимнъ лиро-эпической» Державина.

Здѣсь, между прочимъ, вмѣсто Платова, представленнаго такъ мастерски въ Пѣвцѣ Жуковскаго, онъ изобразилъ одного изъ старыхъ поэтовъ, о которомъ я упоминалъ уже неоднократно. Чтобы видѣть все смѣшное этой пародіи, надобно напомнить куплетъ Жуковскаго.—Вотъ онъ:

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу, ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы!

А вотъ, для сравненія, пародія Батюшкова:

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый!
Стихи твои, какъ барабанъ,
Для слуха нестерпимы!
Вездѣ съ стихами—тутъ и тамъ!
Вездѣ ты волкомъ рыщешь!

Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь!
Лишь за поэму—прочь идутъ;
За оду—засыпаютъ:
Лишь за посланье—всѣ бѣгутъ,
И уши затыкаютъ!

Это было какое-то особенно веселое и живое время для поэтовъ, и время пародій. Воейковъ тоже написалъ забавные и острые стихи, подъ названіемъ «Съумасшедшій домъ», которые были въ свое время оченъ извѣстны. Здѣсь не пощадилъ онъ и друзей своихъ Жуковскаго и Батюшкова; помѣстилъ въ концѣ и себя, чтобы избѣжать упрека.

Батюшковъ особенно любилъ и уважалъ Ломоносова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ статья, помѣщенная въ его сочиненіяхъ, подъ заглавіемъ: «О характерѣ Ломоносова».—Я знаю, что ему очень хотѣлось написать жизнь Ломоносова; ибо онъ былъ недоволенъ сухимъ жизнеописаніемъ этого великаго человѣка, которое написалъ профессоръ Поповскій и которое напечатано Академіею въ полномъ изданіи его сочиненій. Недостатокъ ли матеріаловъ, или переѣзды Батюшкова, не знаю, что̀ помѣшало исполненію этого намѣренія.

Знаю еще, что Батюшковъ перевелъ нѣкоторыя пѣсни изъ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима».—Гдѣ онѣ? У меня есть одна пѣснь въ рукописи, найденная мною въ бумагахъ моего дяди; но не знаю: его ли это переводъ, или кого другаго. Слогъ не такъ плавенъ и сладостенъ, какъ у Батюшкова.

Въ сочиненіяхъ Батюшкова, изданныхъ Смирдинымъ 1850 года, элегія «Воспоминанія» (стр. 32) напечатана *безъ кон-*

ца; а конецъ ея напечатанъ на особомъ листочкѣ, безъ означенія страницы, и приложенъ къ началу втораго тома. Такъ, повторяю еще, перепорчены всѣ дешевыя изданія Смирдина. Во всей полнотѣ помѣщена эта элегія въ изданіи сочиненій Батюшкова 1834 года, въ типогр. И. Глазунова. Это замѣчаніе для библіографовъ. Но и въ этомъ изданіи послѣдній стихъ не такъ, какъ онъ встрѣчался въ Вѣстникѣ Европы: первое полустишіе пропущено. Вотъ онъ въ своемъ первоначальномъ, полномъ видѣ:

Касаюсь ризъ ея, и тѣнь лишь обнимаю.

Надпись: «Къ цвѣтамъ нашего Горація» написана Батюшковымъ къ Ив. Ив. Дмитріеву, при посылкѣ ему цвѣточныхъ сѣмянъ.

Въ 1818 году Батюшковъ былъ въ Москвѣ, въ одно время съ Жуковскимъ. Оба были членами московскаго общества любителей Россійской словесности. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его передъ отъѣздомъ его въ Италію. Помню, что въ это свиданіе, по прочтеніи моего перевода 7 сатиры Буало, онъ совѣтовалъ мнѣ писать сатиры.

Передъ кончиною онъ пришелъ въ себя и, говорятъ, спросилъ: возратился ли Государь изъ Вероны? Стало быть съ 1822 года (годъ Веронскаго конгреса) по Іюль 1855 года— всѣ эти 33 года Батюшковъ совсѣмъ не принадлежалъ нашему міру, и не жилъ съ нами. Немаловажная задача психологіи!—Онъ скончался въ Вологдѣ 7-го Іюня 1855.

Александръ Ѳедоровичь Воейковъ, начавшій писать въ одно время съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, нѣкоторое время раздѣлялъ съ ними и славу. Я помню, когда приводили имена лучшихъ литераторовъ того времени, ихъ троихъ не раздѣляли; говорили: Жуковской, Батюшковъ и Воейковъ; какъ послѣ стали говорить: Жуковской, Батюшковъ и Пушкинъ; какъ еще позже: Пушкинъ, Баратынской и Дельвигъ.

Воейковъ сдѣлался болѣе извѣстенъ своею сатирою: *О благородствѣ»*, которая дѣйствительно прекрасна. Хотя она написана въ подражаніе Буало; но онъ наполнилъ ее чертами, близкими къ нашему русскому характеру. Она была напечатана въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы 1806 года. Она начинается такъ:

Эмилій! другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты, славно побѣдивъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость;
Ты свой возвысилъ родъ: твой гербъ, твои чины
И слава—собственно тобой сотворены.

Въ «Вѣстникѣ» вмѣсто имени: «Эмилій» была напечатана буква «С....»—Объясненіе этого то, что сатира была ад ресована имъ къ Сперанскому. Его разумѣлъ онъ подъ именемъ Эмилія.

Другую сатиру написалъ онъ въ видѣ посланія, подъ названіемъ: «Къ моему старостѣ».—Мысль къ этой сатирѣ подало тоже посланіе Буало: A mon jardinier. Но она отличается тоже чертами совершенно оригинальными. Эти двѣ сатиры, особенно первая, смѣло могутъ идти на ряду съ немногими хорошими сатирами нашей литературы, хотя въ послѣдней и замѣтна нѣкоторая небрежность слога. Жаль, что не напечатаютъ вполнѣ его стихотвореній.

Сатирическое направленіе было, кажется, господствующимъ въ талантѣ Воейкова. Я помню одно его посланіе: «*Къ Женѣ* и *Друзьямъ*», которое было написано вольными стихами, и въ которомъ было описано его путешествіе по Россіи. Въ немъ было много мѣстъ истинно сатирическихъ, которыя выставлялись тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ смѣнялись тономъ элегіи. Оно напечатано въ 4 книжкѣ Сына Отечества 1821 года, но не вполнѣ, а съ пропусками. Такъ пропущена насмѣшка надъ тогдашними Словенофилами, которые видѣли во всемъ славянство:

Градъ *Вѣна* за княжной россійской отданъ въ *вѣно*,
На *Сенѣ* кашивалъ въ петровки Рюрикъ *сѣно*,
Въ *Падуѣ* пироги *падовые* пекли!

Вообще онъ предпочиталъ дидактическій родъ поэзіи, въ разныхъ его видахъ. Одно изъ лучшихъ его посланій: «Къ А. А. В.».—Въ немъ есть и теплое чувство, и стихи прекрасные. Напримѣръ:

Ты—совѣсть, ангелъ мой и благотворный геній!
Благодарю тебя, что ты меня спасла
Отъ низкихъ склонностей, привычекъ, заблужденій
И въ пристань тихую корабль мой привела;
Ты радость и печаль со мною раздѣляла;
Ты счастье дней моихъ цвѣтами осыпала;
И въ нашъ желѣзный вѣкъ, когда порокъ, развратъ,
Изъ свѣта дѣлаютъ не свѣтъ, но мрачный адъ,
Съ тобой проводилъ я время золотое:
Съ тобой я не одинъ, съ тобой насъ и не двое!

Главнымъ трудомъ его въ литературѣ былъ переводъ Делилевой поэмы: «Сады».—Она была издана (1816) въ одно время съ первымъ изданіемъ стихотвореній Жуковскаго, въ тотъ же форматъ in 4° и такой же печати, съ четырьмя прекрасно гравированными видами. Тогда еще не было литографіи, которая перепортила новѣйшія изданія и унизила гравировальное искусство. Воейковъ переводилъ гексаметромъ Виргиліевы Георгики; но не кончилъ своего перевода. Изъ него извѣстны нѣкоторые отрывки, напечатанные въ журналахъ. Впрочемъ, гексаметръ Воейкова не могъ сравняться не только съ тѣмъ же стихомъ Жуковскаго, но даже Гнѣдича и Мерзлякова.

Здѣсь не лишнее сказать о его гексаметрѣ. Не принимая въ соображеніе свойствъ русскаго языка, котораго просодія основана единственно на удареніяхъ, Воейковъ же-

лалъ отыскать въ ней долгіе и короткіе звуки, которыхъ нѣтъ, и потому печаталъ иногда свои гексаметры, ставя на слогахъ *знакъ* слога долгаго, посредствомъ чего онъ находилъ и небывалый у насъ *спондей*. Само собою разумѣется, что такая неестественная натяжка, противная натурѣ языка, не могла ему удасться и произвести послѣдователей. Вотъ примѣръ его искусственнаго гексаметра:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянія Россовъ:
Галлъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ. Турокъ, Сарматъ и Саксонецъ —
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли, и всѣхъ охраняемъ.
Мы ихъ найдемъ, исчисляя прекрасныя свойства монарха:
Царь Александръ щедръ, мудръ. храбръ, твердъ, быстръ, скроменъ и смѣтливъ.
Хочешь ли видѣть поле сраженія: пыль дымъ огнь, громъ,
Щитъ въ щитъ, мечь въ мечь, ядры жужжатъ и лопаютъ бомбы.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы видимъ только дурной и неправильный гексаметръ, но не видимъ спондеевъ.

Надобно сказать, что участь гексаметра у насъ не очень счастлива. Первый, начавшій писать имъ, Тредьяковскій представилъ такіе примѣры, отъ которыхъ этотъ размѣръ всѣмъ опротивѣлъ, и долго никто не смѣлъ писать имъ. Одинъ изъ первокласныхъ нашихъ поэтовъ говорилъ, что все то гексаметръ, въ чемъ нѣтъ никакой мѣры. Воейковъ выковывалъ для него спондеи. Наконецъ издатель Раута видитъ въ немъ только одно свойство, что онъ *длиненъ*. Но послѣ образцевъ Гнѣдича и Жуковскаго, непростительно уже русскому литератору не признавать гексаметра укоренившимся въ нашей метрикѣ.

Впослѣдствіи началъ писать Воейковъ дидактическую поэму: «Искусства и Науки», изъ которой нѣсколько отрывковъ было напечатано въ Вѣстникѣ Европы и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Кажется, авторъ увидѣлъ наконецъ и самъ, что предметъ, столь обширный и неопредѣленный, не можетъ составить дидактической поэмы, требующей точныхъ предѣловъ, полноты и цѣлости. Нѣкоторые отрывки были очень замѣчательны; но поэма осталась неконченной.

Прочіе труды его въ литературѣ были слѣдующіе. Онъ перевелъ «Вѣкъ Людовика XIV и Людовика XV, Вольтера». Издалъ «Образцовыя сочиненія въ прозѣ», 5 частей (какъ продолженіе изданія Жуковскаго: «Собраніе русскихъ стихотвореній» 1811 года). Потомъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ и А. И. Тургеневымъ, издалъ: «Собраніе образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, 12 частей 1815—1817. Потомъ одинъ: «Новое собраніе образцовыхъ сочиненій и переводовъ вышедшихъ съ 1816 по 1821», 4 части; и еще «Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, съ 1821 по 1825», 4 ч.—Съ 1821 по Мартъ 1822 онъ издавалъ «Сынъ Отечества»; съ 1821 по 1822 «Русскій Инвалидъ» и съ 1822 по 1826 «Новости литературы», выходившія при Инвалидѣ.—Не худо бы было издать стихотворенія Воейкова, въ которыхъ несравненно болѣе ума, таланта и поэтическаго содержанія, чѣмъ напримѣръ въ сочиненіяхъ Милонова, которые были недавно перепечатаны вторымъ изданіемъ. Ихъ надобно отыскивать въ Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества, Трудахъ общества любителей словесности, въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду, и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ его времени.

Упомянувши здѣсь о «Собраніи русскихъ стихотвореній», изданныхъ Жуковскимъ, и объ «Образцовыхъ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ», я не лишнимъ почитаю обратить вниманіе на эти двѣ книги. Кромѣ хорошаго выбора, онѣ въ

нынѣшнее время могутъ служить къ напоминанію многихъ именъ и произведеній, которыя были впослѣдствіи забыты, по тому случаю, что произведенія нѣкоторыхъ авторовъ не были никогда собраны въ одну книгу и изданы отдѣльно подъ ихъ именемъ. Нѣкоторые же изъ писателей, встрѣчающихся въ этихъ сборникахъ, или написали такъ мало, что не могли собрать своихъ сочиненій въ одну особую книгу; или изъ всего, написаннаго ими, отличились только немногими піесами и только ими были въ свое время достойны извѣстности. Таковы были, напримѣръ: сатирикъ *Маринъ*, и кн. Д. П. *Горчаковъ*, отецъ нынѣшняго генерала, командовавшаго войсками противъ Турціи. Имена ихъ и многихъ другихъ найдутся въ этихъ книгахъ, вмѣстѣ съ лучшими ихъ произведеніями.

Александръ Ѳеодоровичъ Воейковъ былъ женатъ на Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, которой Жуковской посвятилъ свою «Свѣтлану», и которую онъ назвалъ Свѣтланой, въ обращеніи къ ней въ концѣ баллады:

О не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!

Гнѣдичь, въ началѣ своего литературнаго поприща, написалъ романъ, нынѣ мало извѣстный, подъ заглавіемъ: «*Донъ Коррадо де Геррера*, *или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ*, *россійское сочиненіе*, 2 части. Москва. Въ тип. Бекетова. 1803». — Этотъ романъ можно вспомнить потому только, что онъ написанъ Гнѣдичемъ, переводчикомъ Иліады; но не должно забыть притомъ, что это—произведеніе его молодости. Онъ написанъ въ родѣ тѣхъ *ужасныхъ* романовъ, которые были тогда въ модѣ, но не въ подражаніе г-жи Радклифъ, а болѣе въ родѣ романовъ нѣмецкихъ.

Вотъ окончаніе предисловія автора: «Горе же мнѣ, если

«надежда обманетъ меня, и трудъ мой останется напрасенъ, «презрѣнъ!—презрѣнъ! Нѣтъ! Люди, умѣющіе прямо цѣнить «знанія и таланты—цѣнили уже и мои!– Ободрися, молодой «авторъ! И если факиры будутъ шипѣть позади тебя—пре«зри ихъ! Первое перо Вольтера, Шекспира и Шиллера ко«нечно было не безъ слабостей; такъ почему-жь не простить «ихъ молодому русскому автору—*Николаю Гнѣдичу*?»

Гнидѣчь получилъ окончательное образованіе въ Московскомъ университетѣ; но вскорѣ переѣхалъ въ Петербургъ; гдѣ и провелъ всю жизнь свою. Онъ не примыкалъ къ московской литературѣ, т. е. ни къ лицамъ, ее составлявшимъ, ни къ характеру ея произведеній. Долго его путь былъ особый и не сопровождавшійся извѣстностію, кромѣ перевода Вольтерова Танкреда, предпринятаго имъ для актрисы г-жи Семеновой, которую онъ училъ и чтенію. Но чтеніе самаго Гнѣдича было непріятно. Это было какое-то громозвучное, но глухое пѣніе, почти завываніе.—Полную извѣстность получилъ онъ уже за переводъ Иліады, достойно прославившій его имя. Ближайшее его знакомство было между тѣми литераторами, которые составляли кругъ Алексѣя Николаевича Оленина. Въ числѣ ихъ были самыми замѣчательными лицами Крыловъ и Гнѣдичь.

Извѣстно, что сначала Гнѣдичь хотѣлъ продолжать переводъ Кострова, и перевелъ уже нѣсколько пѣсенъ Иліады шестистопными ямбами, съ риѳмами. Но когда было отыскано продолженіе перевода Кострова, полторы пѣсни Иліады, дотолѣ неизвѣстныхъ: тогда по совѣту А. Н. Оленина и С. С. Уварова, онъ рѣшился переводить Иліаду сначала, и уже гексаметромъ. Безъ этого важнаго труда, составляющаго великую заслугу для нашей литературы, имя Гнѣдича конечно осталось бы неизвѣстнымъ въ потомствѣ.

Обращаюсь опять къ тѣмъ писателямъ, которые примыкали къ московской литературѣ, къ Карамзину и Дмитріеву, печатали болѣе въ московскихъ журналахъ, хотя и не жили постояно въ Москвѣ, и которые принадлежали къ дружескому кругу Жуковскаго, Батюшкова и другихъ. Между ними должно считать и Дениса Васильевича Давыдова.

Давыдовъ до 1812 г. не былъ извѣстенъ въ числѣ записныхъ поэтовъ, хотя въ Собраніи русскихъ стихотвореній, изданныхъ Жуковскимъ, и напечатаны нѣкоторые изъ его стиховъ, помѣщенныхъ прежде въ журналахъ. Онъ сдѣлался извѣстенъ своими стихами въ одно время съ своими подвигами, т. е. въ войны 1812 и 1813 г. Началомъ его стихотворческой извѣстности были стихи его: «Призываніе на пуншъ» и «Къ Бурцеву». Послѣдніе начинаются такъ:

Въ дымномъ полѣ, на бивакѣ,
Средь пылающихъ огней,
Въ благодѣтельномъ аракѣ
Зрю спасителя людей.

Нынѣ печатаются они во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Давыдова, но тогда распространялись въ рукописи, помнились наизусть, и были началомъ его поэтической славы. Потомъ, уже въ 1815 году, онъ напечаталъ въ «Амѳіонѣ» журналѣ Мерзлякова, нѣкоторыя свои элегіи, писаныя отчасти въ подражаніе Парни.

Эти страстныя элегіи, въ которыхъ дышетъ пламень чувства, были писаны для красавицы, которая была недоступна ни поэтической, ни гусарской славѣ, ни сердцу поэта, именно къ танцовщицѣ Московскаго театра Ивановой, которая послѣ вышла замужъ за балетмейстера Глушковскаго. Она была дѣйствительно прекрасна собою, величественна и роскошна въ своихъ позахъ, особенно въ русской пляскѣ, требующей отъ женщины скромной и величественной пантомимы

Давыдовъ былъ не хорошъ собою; но умная, живая физіономія и блестящіе, выразительные глаза—съ перваго раза привлекали вниманіе въ его пользу. Голосъ онъ имѣлъ пискливый; носъ необыкновенно малъ; росту былъ средняго, но сложенъ крѣпко, и на конѣ, говорятъ, былъ какъ прикованъ къ сѣдлу. Наконецъ онъ былъ черноволосъ и съ бѣлымъ клокомъ на одной сторонѣ лба. Одно извѣстное лице, отъ котораго могла зависѣть судьба его, но которымъ онъ почиталъ себя въ правѣ быть недовольнымъ, спросилъ его однажды: «Давыдовъ! отъ чего у тебя этотъ сѣдой клокъ?»—«C'est un bout de chagrin!» отвѣчалъ, не задумавшись, смѣлый Давыдовъ.

Онъ былъ, какъ я сказалъ, пріятель Жуковскаго и другихъ лучшихъ современныхъ поэтовъ. Къ нему писали они посланія и считали его по праву принадлежащимъ къ ихъ поэтическому созвѣздію, хотя, повторяю, онъ стихотворствовалъ только набѣгомъ, и никогда не дѣлалъ изъ стихотворства постояннаго своего занятія. Я не много говорю о Давыдовѣ, потому что мало зналъ его.

Къ тому же авторскому кругу, въ которомъ былъ Жуковской, принадлежали Д. В. Дашковъ, Мих. Вас. Милоновъ и Никол. Ѳед. Грамматинъ. Всѣ они были его современники, по воспитанію въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

Милоновъ извѣстенъ въ нашей литературѣ своими сатирами; а между современниками славился еще острыми отвѣтами и беззаботною, разгульною своею жизнію, которою онъ отличался отъ всѣхъ упомянутыхъ мною его товарищей по литературѣ. Грамматинъ напротивъ составлялъ совершенную противоположность съ Милоновымъ: онъ былъ человѣкъ тихій, скромный, безобидный, медлительный.

Сатиры Милонова никогда не пользовались всеобщею извѣстностію, а возбуждали вниманіе и говоръ болѣе въ кругу Петербургскихъ литераторовъ, журналистовъ и молодыхъ знакомыхъ автора. Въ его сатирахъ есть сила укоризны, но не сила поэзіи. Милоновъ былъ, по своей натурѣ, человѣкъ добродушной; а потому и та сатирическая сила, которую я ему приписываю, была болѣе плодомъ мысли, чѣмъ убѣжденія и негодованія. Почти всѣ его сатиры писаны въ подражаніе другимъ: Персію, Ювеналу, Буало; а одна взята даже изъ Виже. Что же произвело ихъ временную извѣстность?—Примѣненія къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, не только къ поэтамъ, но и къ тогдашнимъ вельможамъ; теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, эти примѣненія уже не замѣтны, и временный интересъ исчезъ съ временемъ. Надобно признаться, что и тогда его портреты были очень далеки отъ подлинниковъ: ихъ находило близкими только желаніе видѣть въ сатирѣ извѣстныя лица; одно оно видѣло въ Рубелліи какого нибудь современника. Иногда, конечно, нельзя было не замѣтить осмѣяннаго автора, особенно, если сатирикъ выписывалъ какой нибудь его стихъ. Напримѣръ:

А Вздоркинъ, что̀ ни день, то басня, или ода;
А Вздоркинъ, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
„*О радость! о восторгъ! и я, и я пiитъ!*“

Всѣ знали, что это стихъ Василья Львовича Пушкина, изъ перевода одной оды Горація.—Мудрено ли послѣ этого сдѣлаться извѣстнымъ въ сатирѣ? Но личность—не сатира.

Да позволено мнѣ будетъ, при этомъ случаѣ, сказать мое мнѣніе вообще о сатирѣ. Истинная сатира есть или та, въ которой самъ авторъ въ сторонѣ, какъ въ *Чужомъ Толкѣ* Дмитріева; или, когда поэтъ является шутливымъ и добродушнымъ зрителемъ, какъ Горацій; или наконецъ, когда онъ переводитъ на свой языкъ общее негодованіе своего времени, какъ Ювеналъ. Но сатира, въ которой поэтъ хочетъ казаться

злымъ, какъ Милоновъ, будучи впрочемъ очень добрымъ человѣкомъ, или въ которой сатирикъ бранится, какъ Капнистъ въ извѣстной своей сатирѣ: такая сатира, или оставляетъ читателя холоднымъ и равнодушнымъ къ изображенію порока, или производитъ непріятное чувство, какъ при видѣ сердитаго человѣка, который мало ли что наговоритъ въ минуты личной досады.

Милоновъ служилъ при министерствѣ юстиціи, въ то время, когда мой дядя былъ министромъ: онъ любилъ окружать себя людьми съ талантомъ, и никакъ не думалъ, чтобы наклонность къ поэзіи мѣшала дѣлу. Потомъ Милоновъ вступилъ въ службу по военному министерству, подъ начальство генерала Абакумова, который не только принялъ его, но и одѣлъ на свой счетъ. Милоновъ былъ бѣденъ,а беззаботная жизнь еще болѣе погружала его въ недостатокъ. Кажется, и тутъ остался онъ не надолго. Но его добродушіе заставляло всякого любить его.

Его неумѣренность извѣстна. Послѣ Кострова ни о комъ изъ писателей не было столько анекдотовъ. Однажды, идучи по улицѣ, онъ имѣлъ несчастіе не сохранить равновѣсія и упалъ; товарищъ хотѣлъ поднять его, но онъ отвѣчалъ стихомъ: Земля—моя постель, а небо—мой покровъ.

Грамматинъ началъ писать стихи тоже съ Университетскаго благороднаго пансіона, какъ и Милоновъ. Онъ былъ человѣкъ съ познаніями; но въ талантѣ поэзіи уступалъ Милонову. Его стихотворенія изданы были сперва въ одной книжкѣ, потомъ въ двухъ большихъ томахъ. Главный трудъ его состоитъ въ изданіи «Слова о Полку Игоревѣ» съ двумя переводами: одинъ прозою, другой стихами, съ объясненіями. Еще издалъ онъ (1808—1817) Англійско-россійскій словарь. Вотъ все, чтò я знаю о литературныхъ трудахъ его.

Обоихъ ихъ я узналъ въ 1813 году, когда оба они служили въ министерствѣ юстиціи. Грамматинъ, съ тихими склонностями отъ природы, и нисколько не честолюбивый, предпочелъ впослѣдствіи удалиться на свою родину въ Кострому, гдѣ онъ получилъ мѣсто директора гимназіи. Тамъ-то занимался онъ изслѣдованіями *Слова о полку Игоревѣ.* Онъ былъ человѣкъ добродушный, степенный и съ основательными свѣдѣніями.

О Дмитріѣ Васильевичѣ Дашковѣ я упоминалъ уже, какъ объ антагонистѣ Шишкова; тамъ же сказано и о превосходной его книжкѣ: «О легчайшемъ способѣ возражать на критику.» Я зналъ его тоже съ 1813 года, зналъ его, какъ литератора, и потомъ, какъ министра. Это былъ человѣкъ большаго ума, обширныхъ свѣдѣній и великихъ достоинствъ.

Въ самой молодости, между товарищами, Дашковъ пользовался уже преимущественнымъ уваженіемъ, и къ своему лицу, и къ своимъ мнѣніямъ. Онъ и тогда имѣлъ надъ ними какую-то моральную власть, которой они покорялись, признавая его превосходство передъ собою. Его приговоръ литературнымъ ихъ произведеніямъ почитался важнымъ и окончательнымъ; его насмѣшка была мѣтка и неотразима, хотя никогда не была оскорбительна. Милоновъ, а особенно Грамматинъ часто бывали предметомъ его вѣрныхъ замѣчаній и пріятельскихъ шутокъ; но плохіе авторы испытывали всю силу его ироніи.

Свойство ума Дашкова могло служить примѣромъ того, что глубокомысліе не противно шуткѣ и веселости. Вопреки мнѣнію людей, судящихъ по наружности, надобно вообще замѣтить, что важность, пренебрегающая веселостію и шуткою, бываетъ всегда признакомъ односторонности ума, и если не тупости, то по крайней мѣрѣ ума ограниченнаго

не далекими предѣлами; а нерѣдко важность есть признакъ и надутой глупости. Не таковъ былъ Дашко̀въ. Имѣя важную наружность отъ природы, онъ никогда не важничалъ, былъ разговорчивъ, и охотно сообщалъ замѣчанія свѣтлаго ума своего о предметахъ и важныхъ и легкихъ; но былъ твердъ въ своихъ мнѣніяхъ: ибо мнѣнія его были плодомъ зрѣлаго убѣжденія. Онъ слѣдилъ за всѣми отраслями наукъ и литературы; онъ читалъ безпрестанно и проникалъ глубоко въ исторію народовъ и въ политическія происшествія своего времени. Русскую литературу зналъ во всѣхъ подробностяхъ, и ни одного произведенія ея не оставлялъ безъ вниманія, даже и тогда, когда впослѣдствіи занималъ важныя должности.

Вотъ одна черта его веселой ироніи. Дашко́въ былъ членомъ С. Петербурскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Предложили въ почетные члены извѣстнаго гр. Д. И. Хвостова. Дашко̀въ былъ противъ этого, но большинство голосовъ рѣшило выборъ; надобно было покориться. Дашко́въ, уступивъ большинству, просилъ общество по крайней мѣрѣ дозволить ему сказать обычную привѣтственную рѣчь новоизбранному члену; и общество, не подозрѣвая никакой шутки, на это согласилось.

Дашко́въ сказалъ рѣчь, наполненную похвалъ, но вмѣстѣ такой ироніи, которая бросалась въ глаза всякому и уничтожала всѣ другія мнѣнія въ пользу поэзіи новаго члена. Это было въ засѣданіи общества 14 марта 1812 года. Въ первомъ изданіи Мелочей я выписалъ только два небольшіе отрывка изъ этой рѣчи; теперь, въ концѣ книжки, прилагаю ее вполнѣ.

Въ то время Дашко́въ служилъ въ департаментѣ министерства юстиціи. Ив. Ив. Дмитріевъ, бывшій тогда министромъ, по преимуществу любилъ Дашко́ва, и высоко цѣ-

нилъ прямоту его характера и необыкновенныя его способности. Но, узнавши объ этой выходкѣ, какъ ни смѣялся, однако пожурилъ оратора, разумѣется, не какъ подчиненнаго, а какъ молодаго человѣка, въ которомъ онъ принималъ особенное участіе и который самъ былъ ему искренно преданъ.

Гр. Хвостовъ поступилъ однако, съ своей стороны, хорошо; то есть: хорошо вышелъ изъ затрудненія—признаться въ вытерпленной насмѣшкѣ. На другой же день онъ прислалъ звать Дашко́ва обѣдать. Дашко́въ пришелъ къ Дмитріеву просить его совѣта, ѣхать ли ему на этотъ обѣдъ. Дмитріевъ сказалъ ему рѣшительно: «совѣтую ѣхать, Дмитрій Васильевичь. Знаю, что тебѣ будетъ неловко; но ты долженъ заплатить этимъ за свою неосторожность». — За обѣдомъ гр. Хвостовъ благодарилъ Дашко́ва, и разсыпался въ похвалахъ его достоинствамъ; но за кофеемъ, въ сторонѣ отъ другихъ, сказалъ ему: «Неужели вы думаете, что я не понялъ вашей ироніи? Конечно, ваша рѣчь была очень забавна; но не хорошо, что вы подшутили такъ надъ старикомъ, который вамъ ничего дурнаго не сдѣлалъ. Впрочемъ, я на васъ не сержусь; останемтесь знакомы попрежнему». Ив. Ив., отъ котораго я это слышалъ, находилъ, что это было очень хорошо и благородно со стороны оскорбленнаго стихотворца. Тѣмъ эта исторія и кончилась между ними.—Но общество (это справедливо напомнилъ мнѣ одинъ мой критикъ) исключило Дашкова изъ своихъ членовъ.

Въ департаментѣ министерства юстиціи поручаемы были Дашкову отъ министра всѣ бумаги, требовавшія особенно обдуманнаго изложенія, строгой точности и яснаго, хорошаго слога, качествъ, изъ которыхъ особенно два послѣднія Дмитріевъ первый началъ вводить въ дѣловыя бумаги этаго министерства, истребляя прежній тяжелый

канцелярской слогъ и прежнія устарѣлыя, окаменѣлыя отъ времени формы рѣчи. Дашковъ, въ этомъ отношеніи, много способствовалъ къ улучшенію.

По выходѣ въ оставку изъ департамента юстиціи, когда и Дмитріевъ былъ уже въ отставкѣ, и когда Дашковъ вздумалъ служить въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графъ Каподистрія потребовалъ, чтобъ онъ представилъ ему какое либо свое сочиненіе на французскомъ языкѣ, для того, чтобы онъ могъ видѣть и образъ его мыслей и искусство въ ихъ изложеніи. По совѣту Дмитріева онъ написалъ свое мнѣніе по поводу вышедшей тогда книги Шатобріана: De Bonaparte et des Bourbons, которая касалась самыхъ живыхъ историческихъ и дипломатическихъ вопросовъ того времени. Гр. Каподистрія остался вполнѣ доволенъ и взглядомъ, и искусствомъ выраженія возникающаго дипломата; принялъ его въ службу, и съ той поры Дашковъ пріобрѣлъ его полное уваженіе и довѣренность.

Будучи при посольствѣ въ Константинополѣ, во время возмущенія, которое стоило жизни многимъ Грекамъ и въ томъ числѣ патріарху Григорію, Дашковъ былъ употребленъ нашимъ посланникомъ бар. Строгановымъ въ самыя критическія и трудныя минуты, гдѣ вполнѣ выказалась его смѣлость, догадливость и ловкость. Ему были одолжены своимъ спасеніемъ многія фамиліи Грековъ, и въ томъ числѣ фамилія князя Ханджери, которая потомъ имѣла пребываніе въ Москвѣ, подъ державнымъ покровительствомъ Россіи.

Во время этого возмущенія Константинопольской черни, при всеобщемъ безпорядкѣ, Порта не принимала никакихъ представленій, и когда надобно было довести одну бумагу до свѣдѣнія самого Султана, Дашковъ взялся за

это и исполнилъ: смѣлымъ, хотя и необычнымъ средствомъ, она дошла по своему назначенію. Онъ сталъ на дорогѣ, по которой Султанъ долженъ былъ проѣзжать въ мечеть, и рѣшился махать бумагой надъ своею головою. Султанъ, увидя это, велѣлъ взять бумагу, и этимъ смѣлымъ и непрямымъ средствомъ она дошла до своего назначенія.

Говорить ли о Дм. Вас. Дашковѣ, какъ о министрѣ? Спросите всѣхъ, служившихъ подъ его начальствомъ, чему прошло уже почти двадцать лѣтъ: вы услышите общій отзывъ любви, смѣю сказать, благоговѣнія къ его памяти! —Чѣмъ онъ пріобрѣлъ это общее мнѣніе? Какими качествами вельможи и начальника?—Дм. Вас. былъ строгъ, но справедливъ: это былъ именно *министръ юстиціи*, т. е. *исполнитель правосудія*. Онъ былъ непоколебимъ въ правдѣ, но стоекъ и на защиту. Онъ былъ не ласковъ и не привѣтливъ, но ко всѣмъ ровенъ; требовалъ дѣла и не любилъ поклоненія, услужливости и угодливости: этими средствами никто и никогда у него ничего не выигрывалъ; онъ никогда не сказалъ бы объ умершемъ чиновникѣ: «хорошъ былъ, да не угодливъ!» За то онъ и самъ не любилъ покланяться; онъ былъ взыскателенъ, но великодушенъ; требовалъ отъ подчиненныхъ труда, точности, но не мелочности. Болѣе всего онъ требовалъ ума, просвѣщенія и правды. Не забывая въ чиновникѣ человѣка, онъ строго различалъ вину отъ ошибки, намѣреніе отъ недоразумѣнія и слабости. Честному человѣку всегда можно было надѣяться на его покровительство и защиту. Никого онъ не гналъ и не преслѣдовалъ; никого не отличалъ по рекомендаціи сильнаго! Лучшая была для него рекомендація—достоинство и умѣнье, которыя онъ узнавалъ самъ, различалъ своими глазами. Многіе воспользовались его покровительствомъ и наградами; никто не могъ упрекнуть его въ забвеніи труда, или заслуги.—Вѣчная ему память!

Говорятъ, что онъ не любилъ труда. Нѣтъ! онъ работалъ много: не любилъ только выказывать въ себѣ озабоченнаго и дѣловаго человѣка. Я зналъ его хорошо. Онъ, лежа на диванѣ, работалъ болѣе, чѣмъ другой, сидя сиднемъ и заставляя хлопотать другихъ съ утра до ночи. Говорятъ, что онъ былъ недоступенъ. Нѣтъ! онъ не любилъ только оффиціальныхъ и пустыхъ посѣщеній, отнимающихъ драгоцѣнное время; не любилъ окружать себя поклонниками, искателями, вообще тѣми людьми, которые въ немъ видѣли только министра, и которыхъ кн. П. В. Лопухинъ, передавая министерство моему дядѣ, назвалъ министерскою мебелью, спрашивая, принялъ ли онъ и ее съ министерскимъ домомъ. Дашковъ принималъ всякаго, имѣющаго до него нужду; въ пріемные дни онъ выслушивалъ терпѣливо всѣхъ, безъ различія, и немедленно давалъ ходъ ихъ дѣлу, или просьбѣ.

Никто никогда не отходилъ отъ него съ пустымъ обѣщаніемъ. Если нельзя было исполнить желанія, или просьбы подчиненнаго, или просителя, онъ отказывалъ немедленно, безъ всякихъ обиняковъ. Но если онъ обѣщалъ, то ненужно уже было напоминать ему, или просить вторично: онъ не забывалъ сказаннаго, сколько бы ни протекло времени; при первой возможности это было непремѣнно исполнено.

Въ его характерѣ было что-то такое, чему мы удивляемся въ мужахъ древности: какая-то полнота и цѣлость, не поддающаяся внѣшнимъ отношеніямъ и случайностямъ. Его философская стойкость не была упрямствомъ, которое люди слабаго характера почитаютъ въ себѣ за твердость: это была твердость души, а не упорство нрава. И эта непоколебимая стойкость уступала въ немъ разсудительной снисходительности, когда онъ видѣлъ въ томъ моральную пользу. Такъ, при всей стойкости характера, ясно разли-

чалъ онъ внѣшнюю правду отъ внутренней, основанной на совѣсти и чувствѣ человѣчества. Много, напротивъ, знаю я примѣровъ его твердости въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ люди уступаютъ непреоборимымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ. Очень жалѣю, что я не могу представить здѣсь этихъ примѣровъ, потому что я пишу болѣе о литературѣ. Но эти примѣры не должны бы пропасть въ безъизвѣстности. Вотъ нѣкоторые.

Гр. Б...... пріѣзжалъ однажды къ Дмитрію Васильевичу въ то время, когда онъ, занятый дѣлами, велѣлъ всѣмъ отказывать. Онъ повторилъ свое посѣщеніе, но опять не былъ принятъ. Въ этотъ разъ онъ велѣлъ сказать Дашкову, что ему необходимо съ нимъ видѣться, прибавивъ къ этому, что «впрочемъ въ его званіи, онъ можетъ пріѣхать къ нему и отъ имени Государя.»—Услышавъ это, Дашковъ спросилъ тотчасъ фракъ, звѣзду, и велѣлъ просить его.

Но гр. Б. пріѣзжалъ ходатайствовать по дѣлу своего брата. Кончивши объясненіе, онъ всталъ и хотѣлъ ѣхать; но Дашковъ остановилъ его: «Позвольте, В. С.» сказалъ онъ посѣтителю: «вы хотѣли что-то сказать мнѣ отъ имени Государя.» — «На этотъ разъ, отвѣчалъ г. Б., я не имѣю никакого порученія; но такъ какъ вы мнѣ отказывали, то я просилъ сказать вамъ, что я могу къ вамъ пріѣхать и отъ имени Государя.»—Дашковъ вспыхнулъ.—«А! такъ вы хотѣли только воспользоваться именемъ Государя?» сказалъ онъ: «угодно вамъ, чтобъ я довелъ до свѣдѣнія Его Величества, какъ вы, для своихъ дѣлъ, пользуетесь Его высочайшимъ именемъ?»—Гр. Б. вынужденъ былъ просить извиненія, и радъ былъ, что раздѣлался съ вспыльчивымъ и твердымъ Дашковымъ.

Государь Николай Павловичъ такъ цѣнилъ его мнѣніе и былъ увѣренъ въ его справедливости и стойкости, что когда просили о пожалованіи кого-либо въ сенаторы, онъ

никогда не соглашался и говорилъ, что это дѣло Дашкова, прибавивъ однажды: «Онъ и такъ ужъ за это на меня сердится.»

Однажды, вечеромъ, Дашковъ получилъ высочайшее повелѣніе, которое противорѣчило существующимъ законамъ. По строжайшему порядку о исполненіи высочайшихъ повелѣній, слѣдовало объявить его, или предложить Сенату на слѣдующее же утро. Дашковъ долго ходилъ въ нерѣшимости по комнатѣ; долго боролся между смѣлостію и страхомъ прогнѣвить Государя, между обязанностію исполнить повелѣніе и другою обязанностію охранять законы; наконецъ закричалъ: «Карету!» — «Куда?» — спросили его жена и теща (Е. А. Пашкова.) — «Къ Государю!» отвѣчалъ Дашковъ, и объяснился. — Онѣ начали убѣждать его, уговаривать, плакать, говоря, что онъ губитъ себя своею смѣлостію. Ничто не помогло; онъ поѣхалъ, и велѣлъ доложить о себѣ Государю.

Государь чрезвычайно удивился такому безвременному пріѣзду; принялъ его въ кабинетѣ, и чрезвычайно былъ недоволенъ, выслушавъ объясненіе министра. «Какъ! вскрикнулъ онъ: развѣ ты забылъ, что моя воля есть законъ?» — «Знаю, Государь, отвѣчалъ твердый министръ; но она тогда обращается въ законъ, когда простирается на всѣ одинакіе случаи и входитъ въ законодательство.» — «Твое дѣло исполнять мою волю!» — «Исполняю ее, Государь, съ благоговѣніемъ; но я не былъ бы достоинъ моего званія, еслибъ не могъ охранять законы, и еслибъ не смѣлъ представлять вамъ, когда ваше повелѣніе противорѣчитъ существующему закону.» — Буря была сильная; но Дашковъ выдержалъ ее твердо и возвратился домой въ торжествѣ: высочайшее повелѣніе было взято Государемъ обратно. — Если мы восхищаемся донынѣ разсказомъ о твердости кн. Якова Ѳедоровича Долгорукаго и о великодушной уступкѣ Петра, то почему не оставить внукамъ нашимъ и этой черты твер-

дости министра Дашкова и великодушія императора Николая?

Дашковъ, шедшій самъ прямымъ путемъ, не любилъ ни въ комъ путей косвенныхъ, и потому ненавидѣлъ и презиралъ нѣкоторыя должности, или мѣста. Родственникъ его Н. А. К. поступилъ въ должность, которая, по его образу мыслей, не заслуживала уваженія. Съ той поры Дашковъ, прежде всегда принимавшій его какъ ближняго родственника, перестаіъ принимать его. К. ѣзжалъ нерѣдко къ моему дядѣ и, зная уваженіе къ нему Дашкова, рѣшился сказать ему объ этомъ, полагая, что онъ вѣроятно объяснится о томъ съ Дашковымъ. К. говорилъ моему дядѣ, что три раза былъ уже у министра, своего родственника; но, не будучи принятъ, просилъ наконецъ передать ему, что онъ пріѣзжаетъ къ нему рѣшительно безъ всякой надобности, а единственно по близкому родству, какъ и прежде.

Дмитріевъ дѣйствительно спросилъ объ этомъ Дашкова. «Дмитрій Васильевичь! отъ чего ты не принимаешь К......ва? Онъ тебѣ родня, и прежде всегда бывалъ у тебя. Прими его хоть разъ: онъ очень огорчается.»

Дашковъ, не смотря на все уваженіе къ бывшему своему начальнику, къ которому онъ былъ привязанъ и какъ къ человѣку, насупилъ свои черные брови, и отвѣчалъ рѣшительно: «Нѣтъ, Иванъ Ивановичь! Съ тѣхъ поръ какъ онъ надѣлъ этотъ воротникъ, нога его не будетъ въ моемъ домѣ!»

Разговаривая однажды со мною о судопроизводствѣ, выслушивая мои нѣкоторыя возраженія и отвѣчая на нихъ, только что я представилъ въ примѣръ комитетъ министровъ, онъ вдругъ вспыхнулъ и сказалъ мнѣ: «Что вы мнѣ выставляете въ примѣръ комитетъ министровъ? Да знаете ли вы, что комитетъ министровъ есть государственное зло! Отъ того-то я въ него почти и не ѣзжу»

Говоря со мною о нашемъ взяточничествѣ, онъ находилъ опроверженія почти на всѣ предлагаемыя мною средства къ прекращенію этого зла; такъ что наконецъ я вынужденъ былъ спросить: «Какое же вы сами полагаете средство къ его искорененію?« — «А! отвѣчалъ Дашковъ съ одушевленіемъ: одно, и самое вѣрное: открытое судопроизводство!» — «Этого средства я никакъ не смѣлъ представить вашему высокопревосходительству,» отвѣчалъ я, «потому что я долженъ былъ ограничиться тою сферою судопроизводства, въ которой мы дѣйствуемъ нынѣ; но еслибы вы успѣли въ этомъ, вы заслужили бы не только вѣнецъ: вы заслужили бы, чтобы вамъ воздвигли статую, какъ памятникъ вашего подвига, для позднѣйшаго потомства!» — Дашковъ зналъ, что мой отвѣтъ не лесть; лестію никто не смѣлъ оскорбить его слуха.

Дашкову очень хотѣлось ввести по крайней мѣрѣ адвокатовъ, которые бы передъ судьями, каждый съ своей стороны, изустно излагали тяжбу. Онъ полагалъ, что это было бы важнымъ шагомъ къ открытому судопроизводству, къ уясненію этого хаоса, въ которомъ, подъ эгидою тайны, такъ легко въ мутной водѣ ловить рыбу! — Но покойный государь Николай Павловичь и слышать не хотѣлъ объ адвокатахъ, почитая ихъ учрежденіемъ либеральнымъ. — Что могъ бы совершить Дашковъ, въ званіи министра, при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ! Рано умеръ онъ, и не могъ развернуть всѣхъ геніальныхъ силъ своихъ!

Таковъ былъ этотъ незабвенный человѣкъ, который со временемъ долженъ высоко стоять въ лѣтописяхъ нашего правосудія! Таковъ былъ этотъ человѣкъ, который въ своей молодости былъ литераторомъ и дозволялъ себѣ тѣ остроумныя выходки шутливости, о которыхъ я упомянулъ выше.

До 1812 года и лѣтъ десять послѣ, средоточіемъ русской литературы была Москва. И тѣ писатели, которые не жили въ ней постоянно, напр. Батюшковъ, Воейковъ, Давыдовъ, примыкали къ ней же и печатали свои произведенія больше въ Московскихъ изданіяхъ: въ Аонидахъ Карамзина, въ Вѣстникѣ Европы, потомъ въ Амѳіонѣ, въ Россійскомъ Музеумѣ и проч. Въ Москвѣ же, въ Московскомъ Зрителѣ, 1806, были напечатаны, какъ я сказалъ уже, первыя двѣ басни Крылова. Тамъ же, въ Музеумѣ Измайлова, начали печатать первые свои стихи Пушкинъ и б. Дельвигъ. Петербургъ имѣлъ тогда своихъ особенныхъ поэтовъ и писателей, не безъ таланта, но далеко не равнявшихся съ тѣми, которые принадлежали къ школѣ Карамзина и Дмитріева, ни живостію поэтическаго чувства, ни красивостію языка. Многіе изъ нихъ примыкали къ Россійской Академіи и, въ послѣдствіи, къ Державинской бесѣдѣ любителей россійскаго слова. Даровитые поэты начали группироваться въ Петербургѣ, со времени появленія альманаховъ, напр. «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» б. Дельвига.

Между поэтами Державинской бесѣды, не долженъ быть забытымъ кн. Сергѣй Александровичь Шихматовъ, бывшій потомъ инокомъ, подъ именемъ Аникиты. Его *Пѣснь Сотворившему вся* исполнена картинъ великолѣпныхъ, представленныхъ языкомъ звучнымъ, яснымъ, и соотвѣтствующимъ высотѣ предмета. У насъ многое хорошее, или не пользовалось въ свое время извѣстностію, потому что не подходило подъ общій тонъ своего времени, подъ направленіе господствующаго вкуса; или забыто теперь, и его надобно отыскивать въ кучѣ прошлаго. И потому я нахожу особенное удовольствіе воздавать справедливость всему, чему не была она воздана въ свое время.

Вотъ, для образца, двѣ строфы изъ его «*Пѣсни Сотворившему вся*:

Тамъ движется гора по брегу,
Вскрай бездны ходитъ бегемотъ,
И волнъ ругается набѣгу,
Надежный самъ себѣ оплотъ:
Составъ его—какъ дубъ, какъ камень,
Хребетъ—желѣзо, ребра—мѣдь;
Пожравъ съ полей пространныхъ снѣдь,
Когда во чревѣ жажды пламень
Онъ въ знойный угашаетъ день,
Ліются въ зѣвъ его потоки;
Не могутъ чащи древъ высоки
Ему довольную дать тѣнь.

—

Тамъ конь, на подвиги рожденный,
Взметаетъ прахъ изъ-подъ копытъ;
По тѣлу силой обложенный,
По персямъ дерзостью покрытъ,
Высокой выей величавый,
Красивѣйшій земныхъ звѣрей,
Шумитъ дыханіемъ ноздрей
И, порываясь въ бой кровавый,
При звукѣ трубъ речетъ: готовъ!
Бѣжитъ со ржаньемъ громогласнымъ,
На встрѣчу молніямъ ужаснымъ,
На стѣну копій и щитовъ!

Вотъ, оттуда же, двѣ строфы о человѣкѣ:

Ничто онъ въ мірѣ безпредѣльномъ,
Но малымъ меньше горнихъ силъ;
Но Ты въ сосудѣ семъ скудельномъ
Твое сокровище вмѣстилъ.
Ты въ немъ явилъ Свое искусство,
Сочетавая духъ и прахъ,
Чуднѣйшимъ, чѣмъ во всѣхъ мірахъ;
Души его благое чувство,
Мысль чистая его ума,

Какъ искры отъ Тебя, о Боже!
Въ очахъ твоихъ всего дороже!
Предъ блескомъ ихъ—всѣ звѣзды тьма!

—

Ты честью, славой несравненной
Его вѣнчалъ и превознесъ,
Царемъ поставилъ надъ вселенной
И, въ зданіе Твоихъ чудесъ
Введя, какъ въ царскіе чертоги,
Любимца благости Твоей,
Всю землю съ жизнями на ней
Ему Ты покорилъ подъ ноги.
Ты далъ всѣмъ тварямъ бытіе,
На всѣхъ излилъ Твои щедроты;
Но въ немъ, зря собственны доброты,
Имѣлъ веселіе Твое!

Вотъ, наконецъ, изъ одной строфы, гдѣ поэтъ говоритъ о величіи Божіемъ:

Его величію нѣтъ мѣры.
Любовь и миръ—его пути.
Великъ Господь, великъ и хваленъ!
Великъ—не можетъ быть умаленъ,
Великъ—не можетъ возрасти.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что кн. Шахматовъ держался школы Ломоносовской, которая тогда уже устарѣла; кромѣ того и предметъ, и тонъ его стихотвореній не подходили подъ современные. Онъ употреблялъ слова и выраженія библейскія, которыя въ то время были отчасти забыты, звучали дико, непривычно; да и принадлежалъ онъ къ кругу Шишкова, котораго считали за старовѣра въ литературѣ, къ Державинской бесѣдѣ, которой все блестящее чуждалось, или было чуждо: все это было причиною, что онъ не имѣлъ той извѣстности, которую вполнѣ заслуживалъ. Идти за людьми своего времени — великое искусство, которое не всякому дается, и которому не всѣ поддаются.

Его дидактическое стихотвореніе въ родѣ Юнга: *Ночныя размышленія*, замѣчательно тоже глубокостію мыслей, благочестивымъ направленіемъ, нѣкоторыми прекрасными стихами, и нѣкоторыми смѣлыми метафорами, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ стихахъ:

Встревожились мои боязни и надежды,
Встаютъ и смотрятъ внизъ, чрезъ узкій жизни брегъ,
На пропасть страшную, гдѣ кончится мой бѣгъ.

Желательно бы было, для полноты нашей литературы, чтобы были изданы всѣ поэмы и стихотворенія кн. Шихматова. Ихъ немного. Вотъ изданные отдѣльно и мнѣ извѣстные: 1. Пѣснь россійскому слову (1809.) 2. Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе въ 8 пѣсняхъ (1810.), 3. Ночь на гробахъ, подражаніе Юнгу (1812.) 4. Ночныя размышленія (1814.) 5. Пѣснь Сотворившему вся (1817). Заглавія другихъ его произведеній указаны въ Краткой исторіи литературы г. Греча. Между ними есть еще поэма: «Пожарской, Мининъ и Гермогенъ». Неуказанныхъ тамъ надобно искать въ изданіи: «Чтеніе въ бесѣдѣ любителей россійскаго слова», въ «Сочиненіяхъ и переводахъ россійской академіи» и въ ея прежнихъ «Извѣстіяхъ».

Князь Шихматовъ отличался между прочимъ богатыми риѳмами, и тѣмъ, что избѣгалъ риѳмъ на глаголы. А. Ѳ. Воейковъ говорилъ очень забавно, что онъ «у кн. Шихматова крадетъ иногда риѳмы; но что у такого богача не грѣхъ и украсть»; а Батюшковъ, въ своей пародіи «Пѣвца» Жуковскаго, назвалъ его «Шихматовъ *безглагольный*» что̀ значитъ просто: неупотребляющій риѳмъ на глаголы. Въ приведенномъ мною выше отрывкѣ Батюшкова изъ «Видѣнія на берегахъ Леты,» стихъ: «Они Пожарскаго поютъ» и слѣдующій за нимъ, относятся тоже къ поэмѣ кн. Шихматова, которой заглавіе я упомянулъ передъ этимъ, исчисляя его сочиненія.

15

Не смотря на безпристрастіе тогдашней литературы, старое и новое направленіе отдѣлялись рѣзко: это раздѣленіе состояло болѣе въ различіи внѣшней формы и языка. Тѣ, которые держались прежнихъ лирическихъ формъ, введенныхъ съ Ломоносова, а въ языкѣ высокихъ выраженій; тѣ, которые не приняли въ слогѣ новѣйшей свободы, легкости и игривости выраженія: тѣ, не смотря на другія достоинства, стояли какъ бы на второмъ планѣ. Сперва это раздѣленіе обозначалось отклоненіемъ отъ языка Карамзина и Дмитріева; а потомъ отъ языка и новыхъ формъ поэзіи Жуковскаго и Батюшкова. Къ числу послѣдователей старой школы принадлежали и князь Шихматовъ, и Н. М. Шатровъ, которому Жуковской, я помню, отдавалъ справедливость, какъ человѣку съ природнымъ талантомъ; но въ то же время находилъ, что его искусство заключалось только въ томъ, чтобы *сказать извѣстное и обыкновенное необыкновеннымъ образомъ*. Къ этому можно бы прибавить: «сказать сильно и красиво.»

Правда, что Шатровъ, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ отличался не красотою слога, а только силою, на которую не только тогда, но и нынѣ мало обращаютъ вниманія. Было однако и для него время, если не полной славы, то по крайней мѣрѣ извѣстности. Эту извѣстность дала ему пѣснь «Праху Екатерины великой» (1805), хотя впрочемъ эта пѣснь имѣетъ менѣе достоинствъ, чѣмъ его «Подражанія Псалмамъ.»

Причиною малой извѣстности Шатрова было тоже, что я сказалъ о князѣ Шихматовѣ; тоже, что всегда у насъ было: непринадлежность къ господствующей школѣ. Кромѣ того, Шатровъ былъ еще и противникомъ Карамзина. Я зналъ его съ 1820-го года, когда Карамзинъ издалъ уже свою исторію. Шатровъ и тогда видѣлъ въ немъ все еще автора «Бѣдной Лизы,» и не отдавалъ ему должной справедливости. Онъ не получилъ никакого образованія, только зналъ порусски; но былъ человѣкъ умный и всѣмъ былъ

обязанъ природному уму и природному таланту. Такіе люди стойки въ своихъ однажды принятыхъ направленіяхъ. Не имѣя широкаго горизонта, они упрямо держатся въ томъ кругу, который имъ доступенъ.

При выходѣ въ свѣтъ книжки Карамзина: «Мои бездѣлки,» Шатровъ привѣтствовалъ молодаго автора слѣдующею эпиграммою, которая тогда была всѣмъ извѣстна:

Собравъ свои творенья мелки,
Русакъ нѣмецкой написалъ:
„Мои бездѣлки„.
А умъ, увидя ихъ, сказалъ:
„Ни слова! диво!
Лишь надпись справедлива!“

Онъ не замѣтилъ, что это были бездѣлки только для Карамзина; но что въ этихъ бездѣлкахъ скрывалось преобразованіе языка, и открывалось уже избраннымъ того времени. Ив. Ив. Дмитріевъ возразилъ на эпиграмму слѣдующими тремя стихами:

А я, хоть и не умъ, но тожь скажу два слова:
Коль будетъ разумъ нашъ во образѣ Шатрова,
Избави Боже насъ отъ разума такова!

Императорская россійская академія въ 1831 году издала стихотворенія Шатрова; но многое, не знаю почему, не вошло въ это изданіе, между прочимъ превосходная его «Ода» на новый 1817 годъ, напечатанная, въ томъ же году, въ Сынѣ Отечества, и Подражаніе Псалму 136-му, тоже отличающееся силою.

Какъ образецъ лиризма и звучнаго поэтическаго языка, выписываю здѣсь три первыя строфы изъ его Подражанія Псалму 32-му. Онъ былъ прочитанъ публично въ собраніи общества любителей россійской словесности, и напечатанъ

въ Трудахъ его; а потомъ помѣщенъ и въ собраніи стихотвореній автора, изданныхъ академіею:

Стройте гусли, славы чада!
Гряньте въ праздничный тимпанъ!
Пойте Богу! —Онъ отрада,
Стражъ и Царь Сіонскихъ странъ!
Пойте Богу! Онъ всесиленъ,
Правосуденъ, милосердъ;
Съ Нимъ Израиль въ браняхъ твердъ
И богатствомъ изобиленъ.
Пойте Богу!—Имъ крѣпка
Царства нашего держава,
И побѣды дивной слава
Знаменита и громка

—

Словомъ Божьимъ утвердилась
Звѣздныхъ сводовъ высота;
Духомъ устъ Его свершилась
Сила, жизнь и красота.
Онъ изрекъ: „Да будетъ время,
Тьма ночная, дневный свѣтъ;
Да прозябнетъ, возрастетъ
Кедра и былинки сѣмя;
Да прольются токи рѣкъ,
Птицы въ воздухъ воскрилятся,
Звѣри въ дебряхъ поселятся,
И явится человѣкъ!“

—

Рекъ.... и вдругъ хаосъ ужасный
Видъ прекрасный воспріялъ;
Солнца краснаго ликъ ясный
Надъ землею возсіялъ;
Милліоны звѣздъ зажглися,
Засвѣтилася луна;
Темныхъ пропастей со дна
Горы къ небу вознеслися;
Океанъ въ брега вошелъ;

Пальмы осѣнили сушу;
Все пріяло образъ, душу;
Міръ родился—и зацвѣлъ!

—

Такіе стихи достойны быть извѣстными. Повторяю, что я нарочно выписываю то, что̀ или забыто, или не пользуется общею извѣстностію. Пусть кто нибудь вспомнитъ, и отыщетъ.

———

Псалмы Шатрова замѣчательны не только яркостію картинъ, силою выраженія и красотою языка, но и тѣмъ, что многіе изъ нихъ содержатъ примѣненія къ отечественной войнѣ 1812 года, и къ послѣдующимъ великимъ событіямъ. Въ то время восторгъ и молитва выражались во всѣхъ формахъ. Въ Псалмахъ Шатрова высказаны многія библейскія истины, близкія къ тогдашнимъ современнымъ обстоятельствамъ: истина всѣхъ временъ приходилась у поэта впору по истинѣ времени.—Замѣчательно еще его «Посланіе къ моему сосѣду», помѣщенное Жуковскимъ въ изданномъ имъ Собраніи русскихъ стихотвореній, но котораго не находится въ собраніи стихотвореній Шатрова.

———

Надобно упомянуть, какъ объ авторѣ, и о графѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Растопчинѣ. Я узналъ его 1813 году, когда онъ былъ еще генералъ-губернаторомъ Москвы; я видалъ его въ Москвѣ, по вечерамъ, у моего дяди. Разговоръ его былъ всегда оригиналенъ и занимателенъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ умныхъ людей, которые умѣютъ сказать что нибудь интересное даже и о погодѣ. Объ остроуміи его и говорить нечего: оно всѣмъ извѣстно, но въ послѣдніе годы, въ отставкѣ, когда фортуна двора отъ него нѣсколько уже отступилась, онъ хотя и не упалъ духомъ, однако былъ уже не такъ веселъ, хотя веселость, природное его свойство, все таки его не оставляла.

———

Извѣстно, что онъ былъ любимцемъ императора Павла; извѣстно, что за нѣсколько времени до смерти Павла, онъ пришелъ у него въ немилость и посланъ былъ въ Москву. Эта немилость была нѣкоторымъ образомъ произведена заговорщиками: потому что, еслибъ Растопчинъ находился безотлучно при Павлѣ, очень вѣроятно, что заговорщики не успѣли бы въ своемъ злодѣйскомъ предпріятіи.

Многое слыхалъ я отъ гр. Растопчина самого, многое объ немъ. Разскажу, что̀ вспомню. О немъ много слышалъ я отъ Александра Павловича Протасова, который былъ сенаторомъ. Онъ былъ двоюродный братъ графинѣ Ростопчиной, урожденной Протасовой, по родственной связи часто съ ними видался, и былъ съ ними въ короткихъ отношеніяхъ.

Однажды Протасовъ, служа еще при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, пріѣхалъ вечеромъ къ гр. Растопчину, который былъ тогда уже въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ, хотя незабытымъ, но какъ человѣкъ частный, уединенно.

Протасовъ, войдя въ кабинетъ, засталъ его лежащимъ на диванѣ. На столѣ горѣла одна свѣча.

«Что дѣлаешь, Александръ Павловичь? чѣмъ занимаешься?» спросилъ гр. Растопчинъ.

— Служу, Ваше Сіятельство! Занимаюсь службой!» (Протасовъ всегда употреблялъ титулъ.)

«Служи, служи, да дослуживайся до нашихъ чиновъ.»

— Чтобы дослужиться до вашего званія, отвѣчалъ Протасовъ, надобно имѣть ваши великія способности, вашъ геній!

Растопчинъ всталъ съ дивана, взялъ со стола свѣчу, поднесъ ее къ лицу Протасова и сказалъ: «я хотѣлъ посмотрѣть, не смѣешься ли ты надо мною.»

— Помилуйте! возразилъ Протасовъ. Смѣю-ли я надъ вами смѣяться!

«Вижу, вижу! Такъ стало быть ты и вправду думаешь, что у насъ надобно имѣть геній, чтобы дослужиться до знатныхъ чиновъ? Очень жаль, что ты такъ думаешь! — Слушай же, я разскажу тебѣ, какъ я вышелъ въ люди, и чѣмъ дослужился.

«Отецъ мой хотя былъ небогатый дворянинъ, но далъ мнѣ хорошее воспитаніе. — По тогдашнему обычаю, для окончательнаго образованія молодаго человѣка, надобно было отправить его путешествовать въ чужіе краи; и меня отецъ мой отправилъ. Я былъ тогда еще очень молодъ, но былъ уже поручикомъ.

«Въ Берлинѣ пристрастился я къ картамъ и обыгралъ однаго стараго Прусскаго маіора. Маіоръ отозвалъ меня въ сторону и говоритъ мнѣ: Herr Lieutenant! Мнѣ заплатить вамъ нечѣмъ: у меня денегъ нѣтъ; но я честный человѣкъ. Прошу пожаловать завтра ко мнѣ на квартиру. Я могу предложить вамъ нѣкоторыя вещи: можетъ быть, онѣ вамъ понравятся.

«Я пришелъ къ маіору. Онъ привелъ меня въ одну комнату, которой всѣ стѣны были въ шкафахъ. Въ этихъ шкафахъ, за стекломъ, находились, въ маленькомъ видѣ, всевозможныя оружія и воинскія одѣянія: латы, шлемы, щиты мундиры, шляпы, каски, кивера; однимъ словомъ: это было полное собраніе оружій и воинскихъ костюмовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, начиная съ древности. Тутъ же стояли и воины, одѣтые въ ихъ современные костюмы.

«По срединѣ комнаты стоялъ большой круглый столъ, на которомъ тоже было разставлено войско. Маіоръ тронулъ пружину, и они начали дѣлать правильныя построенія и передвиженія

«Вотъ, сказалъ маіоръ, все, что мнѣ осталось послѣ моего отца, который былъ страстенъ къ военному ремеслу, и всю жизнь собиралъ этотъ кабинетъ рѣдкостей. Возмите это вмѣсто уплаты.

«Я, послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ, согласился, продолжалъ гр. Растопчинъ; уклалъ все это въ ящики, и отправилъ водою въ Петербургъ. По возвращеніи въ Россію, я раставилъ все это на своей квартирѣ, и офицеры гвардіи ежедневно любовались моимъ собраніемъ.

«Въ одно утро приходитъ ко мнѣ адъютантъ наслѣдника (Павла Петровича) и говоритъ, что Великой Князъ желаетъ видѣть мое собраніе, и для этого пріѣхать ко мнѣ. — Я натурально отвѣчалъ, что самъ привезу это къ Его Высочеству. Привезъ, и разставилъ всѣ мои игрушки.

«Великой Князь былъ въ восхищеніи. «Какъ вы могли составить такое полное собраніе въ этомъ родѣ?» вскричалъ онъ въ восторгѣ: жизни человѣческой мало, чтобы это исполнить.

«Ваше Высочество» отвѣчалъ я: усердіе къ службѣ все превозмогаетъ; военная служба моя страсть!»

«Съ этого времени я пошелъ у него за знатока въ военномъ дѣлѣ.»

«Наконецъ Великой Князь началъ предлагать, чтобы я продалъ ему мою коллекцію. Я отвѣчалъ, что продать ее не могу; но почту за счастіе, если онъ позволитъ мнѣ поднести ее Его Высочеству»

«Павелъ принялъ мой подарокъ, бросился обнимать меня; и съ этой минуты я пошелъ за преданнаго ему человѣка.»

«Такъ вотъ чѣмъ, любезный другъ, заключилъ гр. Растопчинъ, выходятъ въ чины, а не талантомъ и не геніемъ!»

Анненскій орденъ, до Императора Павла, не считали въ числѣ русскихъ. Это орденъ голштинскій, который перешелъ къ намъ съ Петромъ. Екатерина, хотя жаловала этимъ орденомъ; но грамоты подписывалъ Великой Князь Павелъ Петровичъ, въ качествѣ Герцога Голштинскаго. И потому почти всегда доставался этотъ орденъ не тѣмъ, которымъ хотѣлъ бы дать его Павелъ, какъ Герцогъ и Гросмейстеръ ордена, что̀ было ему очень досадно. Чрезвычайно хотѣлось ему пожаловать имъ кого нибудь изъ своихъ любимцевъ; но имъ-то и не давала его Екатерина.

Наконецъ придумалъ онъ вотъ что. Онъ призываетъ къ себѣ Растопчина и Свѣчина (который въ одно время съ Растопчинымъ былъ любимцемъ Павла) подаетъ имъ два Анненскіе крестика съ винтами и говоритъ: « жалую васъ обоихъ анненскими кавалерами; возмите эти кресты и привинтите ихъ къ шпагамъ; только на заднюю чашку, чтобы не узнала Императрица.»

Свѣчинъ привинтилъ, хотя и со страхомъ. А Растопчинъ, думая, что это будетъ плохая шутка, если узнаетъ объ этомъ Императрица, рѣшился сказать объ этомъ Аннѣ Степановнѣ Протасовой, которая была ему родня по женѣ и была любима Государыней.

Анна Степановна обѣщала сказать объ этомъ Екатеринѣ, чтобы узнать ея мнѣніе; и дѣйствительно она передала это Императрицѣ, сказавши, что Растопчинъ очень опасается носить орденъ, а между тѣмъ боится оскорбить Великаго Князя.

Императрица улыбнулась и промолвила:«Ахъ онъ горе-богатырь! И этого-то получше не выдумалъ! Скажи Растопчину, чтобы онъ носилъ свой орденъ и не боялся; а я не буду замѣчать.» — Вотъ происхожденіе 4-й степени Анны.
После этого отвѣта Растопчинъ смѣло привинтилъ свой орденъ, не къ задней, а къ передней чашкѣ шпаги, и смѣло явился во дворецъ.

Павелъ замѣтилъ это, подходитъ къ нему и говоритъ: «что ты дѣлаешь! Я велѣлъ привинтить къ задней чашкѣ, а ты привинтилъ къ передней! Императрица увидитъ!»
— «Милость Вашего Высочества такъ мнѣ драгоцѣнна, отвѣчалъ Растопчинъ, что я не могу скрывать ее!»
—«Да ты себя погубишь!»
— «Готовъ погубить себя; но докажу этимъ преданность Вашему Высочеству.»

Павелъ чрезвычайно удивился этой преданности и твердости; а Растопчинъ остался при своемъ.

Вышло, что Свѣчинъ дрожалъ отъ страха за себя; Павелъ за себя и за обоихъ кавалеровъ; а Растопчинъ остался героемъ твердости и преданности, и одинъ безъ опасенія.

У него было множество анекдотовъ объ Императорѣ Павлѣ. — Одинъ разъ онъ говоритъ ему: «Растопчинъ! Растопчинъ! Пойдемъ походимъ, по саду инкогнито!»—Это инкогнито состояло въ томъ, что вмѣсто мундира, и онъ и его спутникъ надѣвали военный сюртукъ, по тогдашнему, юберрокъ.....

Однажды Павелъ приказалъ послать фельдъ-егеря за однимъ отставнымъ маіоромъ, который уже давно былъ въ отставкѣ, и состарѣлся въ своей деревенькѣ. Маіора привезли прямо во дворецъ и доложили Павлу.

«А! Растопчинъ! поди скажи, что я жалую его въ подполковники!» — Растопчинъ исполнилъ, и возвратился въ кабинетъ.

«Свѣчинъ! поди, скажи, что я жалую его въ полковники.»—И тотъ исполнилъ.

«Растопчинъ! поди, скажи, что я жалую его въ генералъ-маіоры».

«Свѣчинъ! поди, скажи, что я жалую ему анненскую ленту».

Такимъ образомъ, говорилъ гр. Растопчинъ, мы ходимъ поперемѣнно жаловать этого маіора, и сами не понимаемъ, что̀ это значитъ; а маіоръ, привезенный прямо во дворецъ фельдъ-егеремъ, стоитъ ни живъ, ни мертвъ!

Послѣ послѣдняго пожалованія, Павелъ спросилъ: «Что! я думаю, онъ очень удивляется! Что онъ говоритъ?» —Ни

слова, Ваше Величество! — «Такъ позовите его въ кабинетъ!»—Маіоръ вошелъ.

«Поздравляю, Ваше Превосходительство, съ монаршею милостію! Да! При вашемъ чинѣ нужно имѣть и соотвѣтственное состояніе! Жалую вамъ столько-то душъ (200 или 300).—Довольны ли вы, Ваше Превосходительство?»—Маіоръ благодаритъ, какъ умѣетъ, то самъ себѣ не вѣря, что̀ съ нимъ дѣлается, то принимая это за шутку.

«Какъ вы думаете: за что я васъ такъ жалую?»

—Не знаю, Ваше Величество, и не понимаю, чѣмъ я заслужилъ.

«Такъ я вамъ объясню! Слушайте всѣ. — Я, разбирая старинные послужные списки, нашелъ, что вы, при императрицѣ Екатеринѣ, были обойдены по службѣ. Такъ я хотѣлъ доказать, что при мнѣ и старая служба награждается! – Прощайте, Ваше Превосходительство! Граматы на пожалованныя вамъ милости будутъ къ вамъ присланы на мѣсто вашего жительства».

Маіора схватили и опять увезли въ деревню. Старуха-жена встрѣтила его въ страхѣ, съ слезами и съ вопросами: «что такое? что съ тобою было?»—«И самъ не понимаю, матушка!» отвѣчалъ старикъ: «думаю, что все это шутка!» и разсказалъ ей все, что̀ и какъ было.

Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно прислали маіору всѣ документы на пожалованныя милости.

Однако, когда его схватили и увезли въ Петербургъ, старуха-жена чуть не умерла съ горя и съ испуга.

Гр. Растопчинъ и самъ получилъ почти также всѣ свои чины, хотя и не съ такою скоростію

Императоръ Павелъ, въ первые дни своего восшествія на престолъ, говоритъ ему: «Растопчинъ! жалую тебя генералъ адъютантомъ, оберъ-камергеромъ, генералъ-аншефомъ, андреевскимъ кавалеромъ, графомъ; и жалую тебѣ

столько-то тысячь душъ!—Нѣтъ, постой!—Вдругъ это будетъ слишкомъ много! Я буду жаловать тебя черезъ недѣлю!» — Такъ и жаловалъ, каждую недѣлю по одной милости, или по крайней мѣрѣ вскорѣ одну за другою.

Извѣстная исторія Верещагина, убитаго въ Москвѣ народомъ, вѣроятно, теперь забыта. Я разскажу что̀ знаю.

Это было въ Москвѣ, въ 1812 году. Я былъ еще въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, и только что былъ произведенъ по экзамену 12 Іюня въ студенты Университета; но въ тоже время, будучи давно уже записанъ въ архивъ иностранной коллегіи, по понедѣльникамъ я ѣздилъ въ архивъ на службу. Однажды въ архивѣ показываютъ мнѣ въ рукописи, въ переводѣ на русскій языкъ, прокламацію Наполеона, и мы всѣ принялись читать ее. Въ ней были обѣщанія русскому народу свободы, и проч. Въ это время пріѣзжаетъ нашъ начальникъ (второй по Бантышѣ-Каменскомъ,) Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновской. Увидя насъ, читающихъ бумагу, онъ спросилъ: «что вы, господа, читаете? Вѣрно эту прокламацію? Не вѣрьте ничему этому. Совѣтую вамъ не читать ея и не переписывать: вы увидите, что изъ этого выйдетъ что нибудь нехорошее и опасное».

Послѣ 12 Іюня, получивши званіе студента, я уѣхалъ на вакацію въ Симбирскую губернію. Вотъ что происходило безъ меня, предъ самымъ уже приближеніемъ Французовъ къ Москвѣ.

Гр. Растопчинъ велѣлъ сдѣлать объ этой прокламаціи розысканіе, тѣмъ болѣе, что такого рода бумага, напечатанная въ иностранной газетѣ, не могла пройти черезъ газетную цензуру: этотъ нумеръ былъ бы запрещенъ.

Оказалось, что эту бумагу переводилъ купеческой сынъ Верещагинъ, и что онъ получилъ эти газеты отъ сына московскаго почтъ-директора Ѳедора Петровича Ключарева. Когда надобно было взять Верещагина къ допросу, оказалось, что онъ укрывается въ домѣ почтамта, на Мясницкой.

Гр. Растопчинъ послалъ туда полицейскаго чиновника; но почтъ-директоръ Верещагина не выдалъ, отвѣчая, что полиція не имѣетъ права входить въ вѣдомство почтамта, и что у нихъ есть своя полиція. Гр. Растопчинъ на это послалъ сказать почтъ-директору: «а ежели бы мнѣ надобно было взять подъ стражу самаго васъ, Ваше Превосходительство, кого бы я послалъ съ этимъ порученіемъ, когда я не имѣю права послать къ вамъ полицію?»—(Послѣдствія доказали, что эти слова были пророческія; можетъ быть, гр. Растопчинъ зналъ уже кое-что и пророчествовалъ навѣрное. Объ этомъ я упомяну послѣ.)—Какъ бы то ни было, но Верещагина взяли. Извѣстно, что гр. Растопчинъ, передъ самымъ выѣздомъ своимъ изъ Москвы, отдалъ его народу, и что народъ растерзалъ его. Но какъ это было, и Растопчинъ ли его предалъ, или самъ народъ отбилъ его и замучилъ, это оставалось тайною; мнѣнія и слухи были разные, а теперь и совсѣмъ это забыто: прошло почти уже полвѣка.

Вскорѣ послѣ Французовъ (1813) я ѣхалъ на извощикѣ мимо дома гр. Растопчина, бывшаго на Лубянкѣ, почти противъ церкви Введенія. Домъ этотъ принадлежитъ нынѣ (1853) графу Орлову-Денисову. Извощикъ, указывая кнутомъ на домъ, сказалъ мнѣ: «вотъ здѣсь, баринъ, убили Верещагина!»—Я спросилъ: развѣ ты знаешь? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Какъ же! при мнѣ и было! Графъ вывелъ его на крыльцо, и самъ вышелъ. Народу было на дворѣ видимо-невидимо! Вотъ онъ и сказалъ народу: «народъ православный! Вотъ вамъ измѣнникъ; дѣлайте съ нимъ что хотите!» Сказавши это, онъ далъ знакъ рукой казаку. Казакъ ударилъ его саблей, по головѣ ли, по плечу ли, и разрубилъ; а потомъ его и бросили съ крыльца народу.—Графъ ушелъ и двери за нимъ затворились; а народъ бросился на Верещагина, и тутъ же разорвалъ его живаго на части. Я самъ это видѣлъ!»—Вотъ свидѣтельство очевидца.

Другое свидѣтельство тоже очевидца, разсказанное не

мнѣ, а Дмитрію Николаевичу Свербееву, родственникомъ его Васильемъ Александровичемъ Обрѣзковымъ, который былъ впослѣдствіи, въ концѣ царствованія Александра и въ началѣ царствованія Николая, Московскимъ полицеймейстеромъ. Въ 1812 году онъ былъ адъютантомъ гр. Растопчина. Онъ разсказывалъ тоже: гр. Растопчинъ вышелъ на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Обрѣзковъ. Верещагинъ былъ заранѣе истребованъ изъ острога; передъ домомъ было скопище народа. Гр. Растопчинъ, указавъ народу на Верещагина и сказавъ, что онъ измѣнникъ, велѣлъ полицейскому драгуну (а не козаку, какъ говорилъ извощикъ,) рубить его; драгунъ не скоро повиновался, но, по второму строгому приказанію, вынулъ саблю и началъ. Прочее тоже, что̀ мнѣ разсказывалъ извощикъ. Какъ скоро бросили Верещагина народу, гр. Растопчинъ ушелъ; двери за нимъ затворились; а онъ тотчасъ же сѣлъ на дрожки, и съ задняго крыльца уѣхалъ изъ Москвы, въ слѣдъ за арміей. Это было 2-го Сентября, утромъ.

Но я имѣю въ рукахъ подлинное отношеніе графа Растопчина къ моему дядѣ, который былъ тогда министромъ юстиціи. Это отношеніе отъ 13 Октября, 1812 года, за № 5-мъ, изъ Владиміра. Изъ него видно, что дядя мой спрашивалъ гр. Растопчина, вопервыхъ, куда и какъ размѣщены присутственныя мѣста, послѣ разоренія Москвы непріятелемъ; а во вторыхъ о судимости Верещагина.

Гр. Растопчинъ увѣдомляетъ его о присутственныхъ мѣстахъ, что они находятся, частію въ Нижнемъ-Новгородѣ, частію въ Муромѣ; что въ самый этотъ день (13 Октября,) получено во Владимірѣ первое извѣстіе *о опорожненіи* Москвы непріятелемъ; а въ концѣ отношенія своего пишетъ слово въ слово такъ: «чтожъ касается до Верещагина, то «измѣнникъ сей и государственный преступникъ былъ, «предъ самымъ вшествіемъ злодѣевъ нашихъ въ Москву, «преданъ мною столпившемуся предъ нимъ народу, который, видя въ немъ гласъ Наполеона и предсказателя сво-

«ихъ несчастій, сдѣлалъ изъ него жертву справедливой «своей ярости.»—Это есть уже свидѣтельство исторіи, основанное на подлинномъ документѣ того времени.

Что касается до почтъ-директора, тайнаго совѣтника Ѳедора Петровича Ключарева и до его сына, то обоихъ ихъ, по повелѣнію Государя, отослали на жительство, кажется, въ Вологду. Я видѣлъ ихъ въ Москвѣ, по возвращеніи ихъ оттуда. Старикъ не роптал; а на вопросъ объ этомъ моего дяди, съ слезами на глазахъ взглянулъ на небо:, въ этомъ взглядѣ ясно была видна покорность волѣ Божіей.

Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ былъ старинный масонъ, еще новиковской школы Гр. Растопчинъ терпѣть не могъ масоновъ, какъ и всѣ, не имѣющіе объ нихъ никакого понятія. Гр. Растопчинъ вообще не отличался религіозностію, и часто насмѣхался надъ ихъ набожностію и обрядами. Онъ былъ радъ всякому случаю представить ихъ въ каррикатурѣ; а до каррикатуръ онъ былъ большой охотникъ, до насмѣшекъ тоже.

Послѣ Французовъ, онъ велѣлъ обыскать домъ другаго масона, гдѣ была ложа Нептуна, домъ сенатора и попечителя Московскаго университета, Павла Ивановича Голенищева-Кутузова. Тамъ нашли гробъ, который употребляется при пріемѣ въ третью степень. Гр. Растопчинъ велѣлъ перевезти этотъ гробъ въ свой домъ, поставилъ его въ сѣняхъ, и всѣмъ показывалъ, говоря со вздохомъ: «гробъ Павла Ивановича!»

Графъ Растопчинъ никогда не думалъ быть авторомъ. Первое сочиненіе его было: *Плугъ и соха*, съ эпиграфомъ: *отцы наши не глупѣе насъ были.* Въ изданіи Смирдина сочиненій графа Растопчина, это сочиненіе совсѣмъ пропущено. Здѣсь возстаетъ онъ противъ введенія у насъ ино-

страннаго земледѣлія, и доказываетъ примѣрами и разсчетами, что улучшенное земледѣліе по старой русской методѣ несравненно выгоднѣе иностранныхъ нововведеній. Этой мысли не должно приписывать невѣжеству и несмысленному обскурантисму: эти упреки нейдутъ къ просвѣщенному гр. Растопчину. А надобно взять въ соображеніе, во первыхъ, тогдашнее несовершенное знаніе дѣла между тѣми, которые хотѣли вводить тогда иностранное хозяйство, не раціонально, а по одному подражанію; во вторыхъ, надобно взвѣсить и нынѣшнее раціональное хозяйство, и потомъ опредѣлить безпристрастно — раціонально ли примѣняется оно къ нашей почвѣ, къ нашему короткому лѣту, къ нашей обширности полей, къ нашему плохому сбыту полевыхъ произведеній, къ нашимъ разстояніямъ провоза, а наконецъ и къ нашему мужику. Въ свое время графъ Растопчинъ былъ правъ совершенно; можетъ быть и нынче, въ глазахъ безпристрастнаго разсудка, и при отсутствіи хвастовства и шарлатанства, онъ показался бы не совсѣмъ неправымъ.

Гр. Растопчинъ, не смотря на свое воспитаніе, принадлежащее тому времени, когда всѣ были очарованы Французами, ненавидѣлъ Наполеона и Французовъ. Образованность его была блестящая, свѣтская; но духъ и рѣчь въ его сочиненіяхъ были вполнѣ русскіе. Никто такъ, какъ онъ, не опровергалъ своимъ примѣромъ нападокъ Шишкова на французскій языкъ, и никто такъ не доказалъ, какъ онъ, что, и зная хорошо французскій языкъ, можно быть совершенно русскимъ; хотя впрочемъ и онъ возставалъ противъ этой жалкой и вредной моды говорить преимущественно на чужомъ языкѣ.

Въ 1807 году гр. Растопчинъ написалъ *Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ, Ефремовскаго помѣщика Силы Ан-*

дреевича Богатырева. Эта тетрадка разошлась по Москвѣ въ рукописи. Книгопродавецъ Глазуновъ напечаталъ ее съ неисправнаго списка. Тогда гр. Растопчинъ рѣшился самъ издать ее въ лучшей тогдашней типографіи Платона Петровича Бекетова, съ прибавленіемъ письма Силы Андреевича.

Эта книжка прошла всю Россію; ее читали съ восторгомъ! Голосъ правды, ненависть къ Французамъ, насмѣшки надъ ними и надъ русскими ихъ подражателями, русская простая рѣчь, поговорки: все это нашло отголосокъ въ цѣлой Россіи, тѣмъ болѣе, что всѣ здравомыслящіе люди и самый народъ давно уже ненавидѣли нашу галломанію. Растопчинъ былъ въ этой книжкѣ голосомъ народа; не мудрено, что онъ былъ понятъ всѣми Русскими. Оно же было и во̀ время!

Надобно сказать и то, что вмѣстѣ съ ненавистью къ Французамъ онъ соединилъ въ ней столько забавнаго и въ мысляхъ и въ выраженіяхъ, что это—маленькое совершенство въ своемъ родѣ! Сколько ни писали противъ нашей галломаніи и Шишковъ, и С. Н. Глинка (съ 1808 года), это небольшое произведеніе гр. Растопчина одно, было сильнѣе и толстыхъ книгъ перваго, и журнала послѣдняго!—А русской языкъ, во всей простотѣ безъискуственной, разговорной народной рѣчи, доходитъ въ этой книжкѣ до неподражаемаго, оригинальнаго совершенства!—Оригинальность была однимъ изъ отличительныхъ свойствъ гр. Растопчина.

Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій графа Растопчина напечатаны еще: *Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго.* Нужнымъ считаю замѣтить для библіографовъ, что эта статья написана совсѣмъ не графомъ Растопчинымъ. Это произведеніе автора мнѣ неизвѣстнаго, но не гр. Растопчина. Когда Глазуновъ напечаталъ *Мысли вслухъ*, то, видя необыкновенный успѣхъ этой брошюрки

и, вѣроятно, желая тѣмъ воспользоваться, онъ напечаталъ вскорѣ и другую: *Мысли не вслухъ*. По сходству названія, и она пошла въ книжной торговлѣ за произведеніе того же автора. Это была комерческая уловка. А Смирдинъ, или тотъ, кто издавалъ подъ его именемъ сочиненія гр. Растопчина, не справясь съ современниками, помѣстилъ и ее въ его же сочиненіяхъ. Между тѣмъ онъ пропустилъ въ нихъ повѣсть, кажется, подъ названіемъ: *Ой Французы*, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ.

Въ 1809 году гр. Растопчинъ написалъ комедію: *Вѣсти или убитый живой*. Здѣсь другая сторона той же цѣли: истребить предубѣжденіе къ Французамъ и пустые слухи и толки, которыхъ много было въ Москвѣ въ предшествовавшую войну съ Французами. Одно дѣйствующее лице тоже: Сила Андреевичь Богатыревъ. Всѣ другія лица — вѣрныя копіи съ тогдашнихъ вѣстовщиковъ и вѣстовщицъ. Современники узнавали въ Маремьянѣ Бобровнѣ Набатовой, въ Горюновѣ и другихъ—лица, всѣмъ знакомыя. Растопчинъ не пощадилъ даже извѣстнаго издателя «Друга дѣтей», автора драмъ: «Лиза, или торжество благодарности», «Рекрутской наборъ» и многихъ другихъ, Н. И. Ильина, котораго впослѣдствіи, будучи уже генералъ-губернаторомъ Москвы, онъ взялъ въ правители своей канцеляріи. И онъ былъ изображенъ въ этой комедіи; и его узнали подъ именемъ Николая Ивановича Пустякова. Успѣхъ этой комедіи, появившейся впору, кстати, ко времени, былъ необыкновенный; но Москва обидѣлась личностями. Впослѣдствіи, смотря на *Горе отъ ума* Грибоѣдова, она уже не обижалась: другія времена, другіе нравы!

Здѣсь кстати замѣтить, что наша комедія всегда любила личности. Таковы, напримѣръ, были двѣ комедіи Веревки-

на: *Такъ и должно*, и другая: *Точь въ точь*, сочиненная въ Симбирскѣ, что означено на ея заглавіи. Дядя мой помнилъ еще воеводу и секретаря, изображенныхъ въ послѣдней. Комедія кн. Дашковой: *Господинъ Тоисѣковъ* была тоже копіею съ лица извѣстнаго. О комедіи Лукина: *Мотъ, любовію исправленный*, говоритъ Новиковъ, въ своемъ Словарѣ писателей, что «сочинитель ввелъ въ свою комедію «два смѣшные *подлинника*, которыхъ представлявшіе акте«ры *весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ*, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, *также и сходственнымъ къ тому платьемъ*, зрителей весьма много смѣшили.» Комедія Крылова: *Проказники*, была написана на семейство Княжнина. Комедіи князя Шаховскаго: *Новый Стернъ* и *Липецкія воды* возбудили негодованіе многихъ современниковъ тоже за намѣреніе изобразить извѣстныя лица. Многимъ памятны еще эпиграммы, которыя во всѣхъ журналахъ посыпались тогда на автора. Въ *Горѣ отъ ума* Грибоѣдова тоже узнавали въ Москвѣ людей извѣстныхъ и въ Фамусовѣ Алексѣя Ѳедоровича Грибоѣдова, дядю сочинителя. Этою аристофановскою вольностію воспользовался и гр. Растопчинъ въ своей комедіи.

Въ 1812 году, передъ вступленіемъ въ Москву непріятеля, гр. Растопчинъ прославился своими афишками. Это тоже мастерская, неподражаемая вещь въ своемъ родѣ! Никогда еще лице правительственное не говорило такимъ языкомъ къ народу! Притомъ эти афишки были вполнѣ ко времени Онѣ производили на народъ Московской огненное, непреоборимое дѣйствіе!—А что за языкъ! Одинъ гр. Растопчинъ умѣлъ говорить имъ! Его тогда винили въ публикѣ: и афишки казались хвастовствомъ, и языкъ ихъ казался неприличнымъ! Но онѣ были вполнѣ согласны съ его прочими дѣйствіями; онѣ много способствовали и къ возбужденію народа противъ Наполеона и Французовъ, и къ сохраненію спокойствія Москвы. Кто другой, кромѣ гр.

Растопчина, могъ бы успокоить народъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ? — Будемъ благодарны и скажемъ, что гр. Ростопчинъ былъ именно человѣкомъ необходимымъ въ этѣ затруднительныя минуты; что онъ много содѣйствовалъ къ гибели враговъ, и что ему принадлежитъ вѣчная слава, какъ геніальному человѣку, понявшему свое время! Онъ одинъ изъ послѣднихъ, оставшихся въ памяти народа.

Въ одной изъ этихъ афишекъ говорится о какомъ-то воздушномъ шарѣ. Онѣ всѣ извѣстны, и были неоднократно перепечатаны. Вотъ подлинныя слова: «Здѣсь мнѣ поручено было отъ Государя сдѣлать большой шаръ, на которомъ пятдесятъ человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру, и противъ вѣтра. Если погода будетъ хороша: то завтра, или послѣ завтра, ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя: а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели.».

Объ этомъ шарѣ толковали много, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ пущенъ. Одни говорили, что былъ проектъ какого-то иностранца пустить съ высоты зажигательныя матеріи на армію Наполеона; другіе полагали, что этотъ шаръ предназначенъ для обозрѣнія съ высоты его армій. Видно, это предпріятіе не удалось. Но что этотъ шаръ дѣйствительно дѣлали, это я знаю достовѣрно отъ дяди моего Платона Петровича Бекетова. Шаръ приготовляли на казенномъ дворѣ въ Тюфелевой рощѣ, близъ Симонова монастыря, гдѣ была дача Бекетова. Далѣе, знаю я еще изъ самаго достовѣрнаго источника, что этотъ шаръ дѣлалъ иностранецъ Шмидтъ, что ему было отведено означенное мѣсто, подъ предлогомъ будто бы частной его надобности, и что это порученіе и самыя работы велѣно было содержать въ тайнѣ.

Вотъ, что̀ я узналъ отъ Д. Н. Свербеева, роднаго племянника Николая Васильевича Обрѣзкова, бывшаго въ 1812-мъ

году Московскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ. Свербеевъ видѣлъ подлинныя два письма Императора Александра къ Обрѣзкову, писанныя изъ Вильны.

Въ одномъ писалъ Государь, что посылается въ Москву иностранецъ Шмидтъ, которому отвести мѣсто въ окрестностяхъ Москвы, подъ какимъ либо предлогомъ, будто для частной его потребности; что ему поручено сдѣлатъ воздухоплавательный шаръ, но содержать это порученіе и самыя его работы въ тайнѣ, не только онъ жителей Москвы, но и отъ самаго Главнокомандующаго Москвы (такъ назывались еще тогда Московскіе Генералы Губернаторы.) Тогда былъ еще Главнокомандующимъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Графъ Растопчинъ смѣнилъ его передъ самымъ нашествіемъ на Москву непріятеля.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ уже во время графа Растопчина, Государь поручаетъ Обрѣзкову сообщить это гр. Растопчину и содѣйствовать, совокупно съ нимъ, предпріятію Шмидта.

Есть еще одна книга, которая въ свое время приписывалась то гр. Растопчину, то А. Я. Булгакову. Это: *Русскіе и Наполеонъ Бонапарте*. Ея было два изданія. Слогъ не похожъ на слогъ Растопчина; впрочемъ съ предметомъ измѣняется и слогъ. Здѣсь не было уже шутокъ; здѣсь были размышленія политика. Эта книжка имѣла два изданія, оба съ планомъ Москвы, на которомъ мѣста, уцѣлѣвшія отъ пожара, были означены розовой краской; а мѣста сгорѣвшія—черной. Во второмъ же изданіи прибавлена картинка, изображающая пожаръ Москвы и виньетка, представляющая орла, который щиплетъ пѣтуха т. е. Галла (gallus).

Въ одну изъ илюминацій, бывшихъ въ Москвѣ въ 1813 году, я помню, что у двухъ флигилей, или бесѣдокъ, стоящихъ и нынѣ по обѣимъ сторонамъ воротъ, у дома, принадлежавшаго тогда графу Растопчину, и гдѣ онъ жилъ,

бывши Генералъ-губернаторомъ, были выставлены прозрачныя картины. На одной изъ нихъ было изображено тоже что̀ на упомянутой мною виньеткѣ. Это было прежде изданія той книги. Домъ былъ на Лубянкѣ; нынѣ принадлежитъ онъ графу Орлову-Денисову.

Веселость гр. Растопчина была неистощима! — Въ чемъ иногда этотъ умный человѣкъ находилъ удовольствіе, почти непостижимо! Когда онъ былъ еще Генералъ-губернаторомъ Москвы, въ 1813-мъ году, почти всякой вечеръ являлся къ нему какой-то московской шутъ, котораго имя я позабылъ. Въ кабинетѣ, на столѣ, противъ самыхъ дверей, за которыми шелъ прямой рядъ комнатъ, ставили казачью шапку, на которую клали цѣлковой. Одинъ кабинетъ былъ освѣщенъ, а всѣ прочія комнаты оставались въ потемкахъ. Этотъ шутникъ долженъ былъ разбѣжаться изъ самой дальней комнаты, и со всего разбѣгу схватить зубами цѣлковый. Если схватитъ, то цѣлковый его! Случалось, что бѣгунъ растянется на полу, или ударится объ столъ; случалось, что цѣлковый и схватитъ! — Это графа Растопчина чрезвычайно забавляло.

Когда, послѣ гр. Растопчина, сдѣлали Генералъ-губернаторомъ Москвы графа Александра Петровича Тормасова, графъ Растопчинъ сказалъ: «Москву подтормозили! Видно прытко шла!» — Гр. Тормасовъ, услыхавши объ этомъ каламбурѣ, отвѣчалъ: «ничуть не прытко: она̀, напротивъ, была совсѣмъ растоптана!»

По приказанію ли графа Растопчина была зажжена Москва и Русскими ли была сожжена Москва или Французами, это доселѣ осталось неизвѣстнымъ. Тогда многіе были увѣрены, что ее зажигали сами Русскіе, какъ Аѳиняне сожгли свой городъ, чтобъ онъ не достался Персамъ; другіе обвиня-

ли въ зажигательствѣ Французовъ. Иные сперва винили гр. Растопчина, потомъ ставили этотъ пожаръ въ честь ему и Русскимъ. Но брошюрка гр. Растопчина: La vérité sur l'incendie de Moscou, удивила всѣхъ. Вдругъ, однимъ почеркомъ пера, по прошествіи долгаго времени, когда уже перестали винить его, когда за Русскими утвердилась слава этой жертвы, онъ разрушилъ наше убѣжденіе, и приписалъ сожженіе Москвы самимъ непріятелямъ. Для Русскихъ чтеніе этой брошюры осталось и неразгаданнымъ и непріятнымъ. Нельзя подумать, чтобы гр. Растопчинъ отказывался отъ славы пожертвованія, которая уже утвердилась за Русскими; нельзя подумать, чтобъ онъ боялся упрековъ, которые тогда уже умолкли; нельзя подумать и того, чтобъ онъ хотѣлъ упрекнуть Французовъ, между которыми онъ жилъ тогда въ Парижѣ. Не побудили ли его къ этому сами Французы, которые даже издали его портретъ съ надписью: L'incendiaire Rostopchine! — Не хотѣлъ ли онъ отплатить имъ?

Впрочемъ, въ 1813 году, вышла одна небольшая книжка, подъ названіемъ: *Московскія небылицы въ лицахъ,* которая очень замѣчательна по этому нерѣшенному вопросу. Если вспомнишь, что она напечатана еще при гр. Растопчинѣ, и сравнишь ее съ книжкою: La vérité sur l'incendie de Moscou, то увидишь, что съ самаго начала гр. Растопчинъ отрицался отъ славы сожженія Моск ы. Хотя это было конечно въ то время, когда эта слава была не по сердцу Русскимъ; однако тѣмъ правдоподобнѣе дѣлается его послѣдующее, собственное отрицаніе. Эта книжка замѣчательна вообще, какъ современный памятникъ о духѣ того времени.

Извѣстно, что при приближеніи Французовъ къ Москвѣ, онъ сжегъ свой великолѣпный домъ въ селѣ Вороновѣ, оставивъ на пожарищѣ надпись, что онъ зажегъ его собственными руками, чтобы онъ не достался Французамъ и не

былъ оскверненъ злодѣями. Не всякой рѣшился бы на такой поступокъ!

Послѣ своего генералъ-губернаторства гр. Растопчинъ жилъ не долго въ Москвѣ. Онъ путешестовалъ въ чужихъ краяхъ; онъ жилъ и въ Парижѣ, гдѣ Французы, ротозѣи отъ природы, жадничали смотрѣть его, какъ зажигателя Москвы, какъ людоѣда.—Ничего нѣтъ легче Французу, какъ повѣрить всякой небылицѣ, и изъ всего сдѣлать себя спектакль! Они, повторяю, гравировали его портреты, съ надписью: le féroce, l'incendiaire Rostopchine; а кончили тѣмъ, что дивились его остротамъ и каламбурамъ. А онъ смѣялся надъ ними, и доказалъ, что не хуже ихъ умѣетъ владѣть французскимъ оружіемъ шутки и насмѣшки, имѣнно тѣмъ, что̀ они называютъ le pérsiflage! — Его удаленіе въ Парижъ невольно напоминаетъ Ѳемистокла, удалившагося къ первымъ врагамъ своимъ, Персамъ. Это впрочемъ не значитъ, чтобы я сравнивалъ Растопчина съ Ѳемистокломъ. Всякому свое; но и роль гр. Растопчина въ нашей исторіи не послѣдняя!

Въ послѣдніе годы, живучи въ Москвѣ, въ отставкѣ, онъ хотя и не упалъ духомъ, но былъ уже не такъ веселъ: фортуна двора нѣсколько отъ него отворотилась, хотя это и не имѣло вліянія на личное къ нему уваженіе. Въ это время былъ вылитографированъ его портретъ, на которомъ онъ представленъ съ поджатыми руками, и съ надписью имъ самимъ сочиненною: «Безъ дѣла и безъ скуки сижу сложивши руки!»

Задолго передъ кончиною гр. Растопчинъ былъ нѣсколько дней въ агоніи, томился, каждую минуту былъ при послѣднемъ издыханіи, и не умиралъ. Разсказываютъ вотъ какой странный случай. Съ нимъ былъ коротко знакомъ извѣстный геніальный живописецъ и поэтъ, Тончи, тотъ самый, который писалъ портретъ Державина, и къ которому, по

этому случаю, Державинъ написалъ извѣстные стихи, называя его безсмертнымъ Тончи. Онъ навѣщалъ умирающаго по нѣскольку разъ въ день, и находилъ его все въ томъ же положеніи. Однажды, сидя въ своемъ кабинетѣ и думая о гр. Растопчинѣ, онъ положилъ передъ собою подаренную имъ табакерку, съ картинкой подъ стекломъ на крышкѣ. Вдругъ, безъ всякаго прикосновенія, стекло треснуло громко. Не знаю, по какому побужденію, Тончи въ тоже мгновеніе взглянулъ на свои карманные часы, записалъ часъ и минуту и, пославъ въ домъ гр. Растопчина спросить о немъ, получилъ въ отвѣтъ, что онъ скончался. Часъ и минута кончины оказались точь въ точь тѣ самыя, въ которые треснуло стекло на табакеркѣ, и которые были имъ замѣчены и записаны.

Гр. Растопчинъ умеръ въ Москвѣ, какъ обыкновенно умираютъ въ Россіи великіе люди, въ немилости, какъ умретъ и Ермоловъ, т. е. его похоронили съ военными почестями, по его чину, и потомъ его забыли. Въ газетахъ было напечатано о его кончинѣ и погребеніи коротко и сухо, какъ нынѣ пишутъ въ Петербургскихъ газетахъ о смерти всякой почетной гражданки, или какой нибудь богатой купчихи первой гильдіи, Распекаевой!—О Русь!

Гр. Растопчинъ оставилъ послѣ себя Записки, которыя должны быть очень любопытны, и изъ которыхъ я знаю только одинъ отрывокъ о кончинѣ императрицы Екатерины, и о первыхъ дняхъ царствованія императора Павла. Эти Записки представлены были покойному государю Николаю Павловичу; а копіи съ нихъ не было. Такимъ образомъ этотъ драгоцѣнный документъ правдивой исторіи безъ сомнѣнія хранится и понынѣ; но у наслѣдниковъ Растопчина его уже нѣтъ.

Я упомянулъ выше о Александрѣ Павловичѣ Протасовѣ, родственникѣ гр. Растопчина по его супругѣ, которая была двоюродная сестра Протасова. Хочу сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ, замѣчательномъ по уму и обширнымъ познаніямъ, но котораго, по его необыкновенной скромности, немногіе знали и цѣнили по достоинству.

Онъ былъ воспитанъ въ Петербургѣ, у Іезуитовъ, потомъ продолжалъ учиться тамъ же въ высшемъ училищѣ законовѣдѣнія (котораго не должно смѣшивать съ нынѣшней школой правовѣденія, какъ совсѣмъ другое заведеніе, нынѣ уже не существующее.) Оттуда выходили ученые молодые люди.—Протасовъ, учившійся съ неутомимою прилежностію, по выходѣ изъ училища, издалъ (1809) „*Обозрѣніе римскаго права*“, книжку не большую, но доказывающую его основательное знаніе, какъ строгою системою, такъ и полнотою, которую такъ трудно сохранить въ сокращеніяхъ.

Кончивъ полный курсъ наукъ юридическихъ, Протасовъ, послѣдовательный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, вступилъ въ службу въ тогдашнюю комиссію составленія законовъ, подъ начальство Розанкампфа. Одинъ изъ его молодыхъ товарищей по этой службѣ былъ извѣстный же нашъ юристъ, Влад. Ѳед. Вельяминовъ-Зерновъ, написавшій въ двухъ томахъ книгу: «Опытъ начертанія россійскаго частнаго, гражданскаго права» (1815—1821) единственная книга о русскомъ законодательствѣ, составленная съ ученою системою.

Я не знаю переходовъ по службѣ А. П. Протасова. Когда я началъ его знать (1820) онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ Военномъ Генералъ-губернаторѣ, кн. Дм. Влад. Голицынѣ, и знаю, что ему поручаемы были важнѣйшія слѣдствія, какъ человѣку не-

обыкновенной точности и строгой, религіозной чести. Короче я узналъ его съ 1833 года, когда онъ былъ уже Оберъ-прокуроромъ Сената и когда я поступилъ за оберъ-прокурорской столъ въ тотъ же шестой департаментъ. Тутъ только я узналъ и почувствовалъ вполнѣ всю его цѣну.

1839 года Декабря 31, въ тоже время, когда я былъ сдѣланъ Оберъ-прокуроромъ, онъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы. Счастіе привело меня служить опять въ одномъ съ нимъ департаментѣ; я говорю — счастіе, ибо я много пользовался его опытностію и совѣтами; онъ своимъ хладнокровіемъ былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ. А между тѣмъ, стоя за правду въ моихъ предложеніяхъ, я всегда былъ увѣренъ имѣть на моей сторонѣ его голосъ, какъ человѣка, для котораго выше всего было правосудіе. Но недолго, всего одинъ годъ, пользовался я этимъ благомъ: онъ былъ переведенъ въ другой департаментъ. Послѣ мы сошлись съ нимъ опять въ общемъ собраніи, когда, вмѣстѣ съ седьмымъ департаментомъ, я сталъ завѣдывать и общимъ собраніемъ сената.

Получивши извѣстіе изъ Петербурга о пожалованіи меня въ Оберъ-прокуроры, а его въ Сенаторы, я пріѣхалъ къ нему поздно вечеромъ, въ день новаго, 1840 года. Онъ имѣлъ уже объ этомъ свѣдѣніе стороною; но мое извѣстіе его вполнѣ удостовѣрило. Сколько довольный своимъ возвышеніемъ, столько же и тѣмъ, что освободился отъ многотрудной должности, онъ всталъ съ дивана и прежде всего сдѣлалъ передъ образомъ три земные поклона. Потомъ уже поблагодарилъ за поздравленіе меня и дядю своего Ив. Никол. Новосильцева, который былъ тутъ же. — Это была просто черта благоговѣнія, свойственная натурѣ души его, и потому она нисколько насъ не удивила.

Онъ былъ человѣкъ глубоко-религіозный, преданный волѣ Божіей, чести и исполненію своихъ обязанностей, не почитая ничего неважнымъ и мелкимъ, какъ скоро это относилось до его долга. Онъ во всѣхъ случаяхъ жизни, во всѣхъ своихъ поступкахъ, такъ сказать, «ходилъ въ присутствіи Божіемъ», всегда имѣя въ памяти, что Богъ видитъ всѣ наши мысли и намѣренія. Служба отечеству была для него второй религіей. Точность его была необыкновенная; законъ былъ для него святыней; преданность высшей власти и покорность начальству безпредѣльна; но эта покорность всегда соединялась съ благородствомъ духа и съ требованіемъ долга, съ которыми онъ умѣлъ согласить ее, не уступая въ сущности ничего изъ своихъ убѣжденій. Съ подчиненными онъ былъ учтивъ до безконечности, ласковъ, снисходителенъ, не строгъ въ мелочахъ (т. е. по пословицѣ, не всяко лыко въ строку) но и не слабъ. Его не боялись; но никто не смѣлъ не исполнить своей обязанности. Дѣла у него текли быстро; но нáскоро и не намáхъ! Не было ни одного дѣла, сколько бы оно ни казалось маловажнымъ, котораго бы онъ не разсмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ.

Его мнительность и недовѣрчивость къ самому себѣ, страхъ Божій, а иногда и страхъ его робкой натуры, были въ немъ такъ сильны, что иногда (когда я былъ еще за оберъ-прокурорскимъ столомъ) онъ давалъ мнѣ по два раза прочитывать одно и тоже дѣло, уже просмотрѣнное имъ самимъ, за тѣмъ только, чтобы болѣе убѣдиться въ истинѣ и безопасности!—Да, онъ былъ робокъ и по наружности, и въ обращеніи; но на правду стоекъ!—Эта робость и наружная уклончивость были у него врожденнымъ свойствомъ; тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему чести, что онъ побѣждалъ это природное свойство, и столь твердо и неуклончиво стоялъ за правду.

Иногда онъ умягчалъ свою твердость (по мнѣнію другихъ, упрямство) шуткой, которая смѣшила, но достигала своей цѣли. Онъ всегда оказывалъ великое уваженіе своимъ товарищамъ и всегда давалъ имъ принадлежащіе титулы. Но иногда, когда они уговаривали его къ согласію по какому нибудь дѣлу, на которое онъ смотрѣлъ съ другой точки зрѣнія, онъ вставалъ съ своихъ креселъ и обращалъ къ нимъ такую рѣчь: «Ваши Превосходительства! Еслибы у меня была не одна душа, а нѣсколько, то при моемъ къ вамъ уваженіи и преданности, я конечно готовъ бы съ большимъ удовольствіемъ одною изъ нихъ вамъ пожертвовать; но у меня только одна и есть. Приду на тотъ свѣтъ; меня спросятъ: гдѣ душа? а я ее отдалъ вамъ! И такъ извините, я не нахожу въ этомъ моего разсчета; никакъ не могу съ вами согласиться!» — Окончивши рѣчь, онъ садился спокойно въ свои кресла, не обращая вниманія на ее странное дѣйствіе на товарищей.

Человѣколюбіе его обнаруживалось снисходительностію къ слабостямъ и порокамъ человѣчества, и потому не было человѣка менѣе его взыскательнаго. Онъ зналъ *человѣка*, зналъ и *людей*, и трудно было укрыться отъ его проницательности. Хотя, по видимому, онъ мало имѣлъ свѣтской опытности и познанія свѣта; но иногда онъ удивлялъ тонкостію своего разбора и подробностію замѣчаній о характерѣ человѣка. Этимъ онъ былъ обязанъ какой-то сосредоточенности взгляда, неразвлекаемаго наружными прикрасами достоинства, нерѣдко обманывающими наше умственное зрѣніе. Онъ мало уважалъ ихъ, хотя и воздавалъ имъ должный почетъ, и потому онѣ мало на него дѣйствовали.

Его благодѣтельность была особаго рода. Будучи чрезвычайно точенъ и разсчетливъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, онъ и въ этомъ не отступалъ отъ правилъ. По его годовому бюджету, котораго онъ строго держался, у него была

назначена годичная сумма для раздачи бѣднымъ, и никто, можетъ быть, кромѣ меня, не зналъ этого. Но иногда мнѣ случалось видѣть, что онъ, по этому предмету, отступалъ отъ своего бюджета. Однажды пришла ко мнѣ въ Сенатъ просительница, благородная женщина, но въ крайности, безъ рубля денегъ. Я далъ ей что могъ; но приступилъ къ Протасову, чтобъ онъ непремѣнно далъ больше, потому что онъ богаче меня, и назначилъ сколько. Онъ, послѣ нѣсколькихъ словъ объ отступленіи отъ бюджета, о томъ, что такъ какъ это конецъ года, то у него всѣ деньги розданы, и проч., немедленно далъ однако, именно сколько я требовалъ.

Всѣхъ крестьянъ своихъ онъ отпустилъ, по закону императора Александра Павловича, въ свободные хлѣбопашцы, обложивъ ихъ легкимъ оброкомъ. Дворовыхъ людей своихъ всѣхъ обучалъ читать, писать и ариѳметикѣ; всѣхъ ихъ онъ отпустилъ на волю, и потомъ ихъ же и кормилъ со всѣми ихъ семьями. — Всѣмъ знакомымъ его памятно, что онъ неиначе называлъ своего каммердинера, какъ «другъ мой Константинъ!»—Вотъ примѣръ его кротости и благодушія. Его кучеръ (тоже наемной изъ отпущенныхъ имъ на волю) пришелъ просить у него взаймы, на годъ, десять тысячъ рублей ассигнаціями, говоря, что онъ желаетъ, въ товариществѣ съ однимъ мѣщаниномъ, торговать дровами. Протасовъ, знавши его за честнаго человѣкъ, рѣшился дать ему эти деньги, но подъ заемной документъ, съ платою четырехъ процентовъ, и съ условіемъ возвратить непремѣнно черезъ годъ. Проходитъ годъ, денегъ нѣтъ; проходятъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, денегъ нѣтъ; наконецъ кучеръ падаетъ въ ноги и говоритъ, что товарищъ его обманулъ, и проч. и проч. и заключаетъ тѣмъ, что деньги пропали. Протасовъ открываетъ 15-й томъ свода законовъ, пріискиваетъ статью и говоритъ: «читай!» (А его люди всѣ были обучены имъ грамотѣ.) «Видишь, продолжалъ онъ, что̀ за это слѣдуетъ? «Я Оберъ-прокуроръ, и настоялъ бы непремѣнно на испол-«неніи закона. Но я тебя прощаю; только держать тебя до-

«лѣе не хочу! Ты человѣкъ вольный; вотъ тебѣ твой адрес-«ный билетъ: ступай, куда хочешь!»—Кучеръ взвылъ пуще чѣмъ отъ наказанія; потому что гдѣ же ему найти другаго такого господина!

Такимъ образомъ, Протасовъ, не блистая филантропіею. дѣлалъ много добра около себя; точно такъ же, не славясь знаніями, онъ наслаждался ими, какъ мудрецъ, въ тишинѣ своего кабинета. Онъ исполнялъ законъ христіанской и постановленія церкви, безъ упущенія и безъ лишнихъ мудрствованій, и глубоко зналъ ихъ, ибо углублялся въ ихъ исторію и изслѣдованія, и вѣровалъ теплою вѣрою. Онъ былъ человѣкъ нетолько просвѣщенный, но ученый, хотя немногіе знали объ этомъ. Онъ зналъ очень основательно языки: латинской, французской, нѣмецкой, англійской и довольно хорошо итальянской; на трехъ изъ нихъ говорилъ отлично; зналъ физику, химію, политическую экономію, финансовую часть; римское право изучилъ въ подробности изъ источниковъ; науку права вообще и русскіе законы зналъ прекрасно. — Но изъ всѣхъ знаній былъ онъ сильнѣе въ исторіи, которая была у него, какъ на ладони, во всякомъ объемѣ, во всѣхъ частностяхъ, въ ясной связи съ хронологіей и мѣстностію; римскую исторію прочелъ въ подлинникѣ въ римскихъ писателяхъ; исторію же церкви зналъ столь подробно, какъ будто бы это была его спеціальность! — Однимъ словомъ: онъ былъ человѣкъ глубокаго просвѣщенія, образованнаго ума, яснаго и основательнаго разсудка, мягкаго сердца, воли покорящейся долгу, и убѣжденій основанныхъ на непоколебимыхъ началахъ долга и чести христіянина и гражданина. Такихъ людей не много вездѣ, не много и въ Россіи. Имъ можно бы было воспользоваться въ высшихъ мѣстахъ юстиціи, или финансовъ; но скромное достоинство—большое препятствіе. Люди есть; но кто ихъ узнаетъ?

Какъ особенную черту его всеобъемлющей любознательности, надобно упомянуть еще, что, предаваясь наукамъ въ настоящемъ строгомъ ихъ развитіи, онъ не пренебрегалъ и тѣми полуясными знаніями среднихъ вѣковъ, которыхъ самая таинственность возбуждала его любопытство. Онъ читалъ и о тѣхъ тайныхъ знаніяхъ, въ которыхъ были такъ увѣрены Парацельсъ и его послѣдователи. Иногда онъ шутилъ надъ ихъ заблужденіями, надъ ихъ физикой, надъ ихъ мистической химіей; но иногда съ необыкновенною проницательностію, изощренною современною наукою, открывалъ, въ самомъ хаосѣ средневѣковыхъ таинственныхъ ученій, искры истины, ускользавшія отъ предубѣжденія другихъ.

Въ своей первой молодости онъ былъ вхожъ къ знаменитому и краснорѣчивому мыслителю, графу Joseph de Maistre, который былъ въ то время въ Петербургѣ Сардинскимъ посланникомъ. Нѣкоторыя изъ тѣхъ глубокихъ философическихъ бесѣдъ *о временномъ правленіи Провидѣнія на землѣ*, изданныя подъ названіемъ Les Soirées de Saint-Pétersbourg, происходили при немъ. Изъ разговаривающихъ, le comte — это былъ самъ хозяинъ, графъ де Местръ; le sénateur — Петербургской сенаторъ *Тамара*; но кто былъ le chevalier, я забылъ, хотя Протасовъ и сказывалъ мнѣ его имя. Знаю только, что онъ былъ военный, изъ французскихъ эмигрантовъ.

Въ обращеніи всѣ говорили, что Протасовъ былъ страненъ. Дѣйствительно, какъ всѣ люди, живущіе болѣе внутреннею жизнію, сами съ собою, онъ былъ чуждъ того лака и блеска, которые необходимы въ обществѣ. Даже была въ немъ вотъ какого рода странность, что въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, особенно у него на вечерахъ, онъ любилъ иногда говорить однѣ шутки и парадоксы: первыя, чтобы развеселить общество; вторые, чтобы возбудить противорѣчіе, и тѣмъ поддержать разговоръ, столь часто бывающій у насъ

безплодным размѣном словъ или разсказовъ о новостяхъ. Я любилъ бывать у него вечеромъ, по тѣмъ днямъ, когда онъ одинъ; и онъ тоже кажется любилъ наши уединенныя бесѣды. Тогда Протасовъ былъ совершенно въ своей сферѣ, безъ шутокъ, безъ парадоксовъ, въ своей простотѣ и ясности. Но какъ скоро появлялись люди, при которыхъ разговоръ, повыше обыкновенныхъ предметовъ, былъ бы безполезенъ и не кстати, онъ тотчасъ прекращалъ прежнюю бесѣду, и пускался, или въ шутки, или въ какія нибудь странныя мнѣнія. Иногда этими неожиданными переходами и своими парадоксами онъ выводилъ меня изъ терпѣнія: я видѣлъ, что, изъ однаго удовольствія сбить съ толку слушателей и наслаждаясь ихъ распутываніемъ узла, онъ притворялся совсѣмъ не такимъ человѣкомъ, какимъ былъ за минуту. Я просто обнаруживалъ его хитрость. Онъ обыкновенно отвѣчалъ съ своимъ хладнокровіемъ: «Вотъ, ваше «превосходительство» (онъ всѣмъ давалъ титулы) «вы уже «и прогнѣвались!» — Я отвѣчалъ: «А вы, ваше превосходительство, не гнѣвайте!»—Онъ начиналъ смиренно оправдываться: «Я человѣкъ простой; я могу во многомъ ошибаться,» и проч. и кончалось смѣхомъ.

———

Протасовъ, какъ будто, боялся общества женщинъ, не почитая себя довольно любезнымъ, и потому, когда пріѣзжала къ нему дама, его хлопоты принять ее, посадить, занять разговоромъ, были для насъ, его короткихъ знакомыхъ, истиннымъ спектаклемъ. Но вотъ какую шутку сыгралъ съ нимъ однажды случай. Одна, очень умная, очень образованная дѣвица, сосѣдка Протасова по дому, бывшему на той же улицѣ, чрезвычайно желала съ нимъ познакомиться. Протасовъ пугался уже одной мысли новаго знакомства съ дамой. Но въ одну прекрасную лунную ночь (au clair de lune, какъ говорилъ онъ, разсказывая это со смѣхомъ) Протасовъ вздумалъ выдти на улицу прогуляться, и пошелъ изъ воротъ на право, къ дому прекрасной сосѣдки; ей пришла

та же мысль, и она вышла изъ воротъ на лѣво къ дому Протасова. Вдругъ, откуда ни возьмись, бросается на нее собака, а она, въ ужасѣ, бросается прямо къ идущему на встрѣчу человѣку; и онъ, въ ужасѣ, принимаетъ ее въ свои объятія! — Это былъ Протасовъ! Можно себѣ представить, какъ они оба разсказывали объ этой встрѣчѣ; но знакомство все-таки не состоялось.

Къ числу его особенностей надобно присовокупить, что онъ любилъ мѣняться вещами, и иногда короткимъ знакомымъ продавалъ свои вещи. Между прочимъ былъ у него перстень съ камеемъ, изображавшимъ Амура верхомъ на морскомъ конѣ, вырѣзаннаго на ониксѣ. Это была работа знаменитаго Мастини, который бралъ за вырѣзку по нѣскольку сотъ червонцевъ. Дѣйствительно работа превосходная: точность, красота рѣзца и миловидность рисунка были высокаго искусства; сквозь верхній бѣлый слой оникса сквозили синія волны нижняго синяго слоя камня! Но главное: этотъ перстень принадлежалъ знаменитому Гёте, и его исторія, его переходъ въ послѣднія руки были мнѣ извѣстны. Мнѣ очень хотѣлось имѣть его. Послѣ маленькаго спора о цѣнѣ, болѣе для шутки (чему очень смѣялись бывшіе при этомъ) Протасовъ говоритъ мнѣ: «Послѣднее слово! хотите имѣть его за ту цѣну, которую я сейчасъ назначу; но съ тѣмъ, чтобы вы, не зная ея, согласились заранѣе?»—Я колебался; но меня уговорили. Вдругъ, къ моему удивленію, Протасовъ говоритъ мнѣ: «Если хотите, можете получить этотъ перстень—цѣною нашей дружбы; а за другую я не отдаю!»—Я поспѣшилъ скорѣе дать ту цѣну, которую онъ назначалъ прежде. Но Протасовъ уже не соглашался. Ему хотѣлось подарить мнѣ этотъ перстень, зная, что я желаю имѣть его, и онъ нарочно придумалъ эту сцену торговли. Зная нашу дружбу, меня уговорили взять перстень, и дѣйствительно Протасовъ началъ было уже обижаться моимъ отказомъ. Храню этотъ перстень, какъ рѣдкое произведеніе

искусства; но еще болѣе дорожу имъ, какъ памятникомъ этого человѣка.

Онъ любилъ искуства, любилъ поэзію; но былъ незнатокъ въ нихъ: въ первыхъ предпочиталъ онъ иногда сюжетъ; во второй глубокую мысль, выраженную ясно и сильно, предпочиталъ искусству живопись словомъ. Въ людяхъ болѣе всего цѣнилъ онъ простоту души и здравый разумъ, хотя бы и необразованный ученіемъ. Въ послѣднее время, когда онъ жилъ уединенно, случалось встрѣтить у него какого нибудь стиричка, никому неизвѣстнаго, и какого нигдѣ не встрѣтишь. Спросишь, бывало: «Гдѣ вы, Александръ Павловичь, находите такихъ знакомыхъ?» — «Ахъ, mon cher ami, отвѣчаетъ Протасовъ: это человѣкъ не блестящій, но разсудительный, дѣльный; кромѣ того онъ прекрасный сельскій хозяинъ! Я пользуюсь его совѣтами.» Иногда примолвитъ: «это мой истинный другъ! Вы читали о Триптолемѣ?» — и начнетъ разсказывать о Триптолемѣ въ длиннополомъ сертукѣ, и возвыситъ его въ мнѣніи своихъ собесѣдниковъ, и все съ важностію и улыбкою, которыя очень шли къ его немножко хитрому въ эту минуту добродушію.

Вышедши изъ сенаторовъ въ отставку, онъ жилъ почти отшельникомъ, выѣзжая рѣдко и принимая у себя немногихъ самыхъ короткихъ знакомыхъ, которые цѣнили его пріязнь независимо отъ прежнихъ личныхъ и служебныхъ его отношеній. Молитва и чтеніе были однимъ его занятіемъ. Онъ скончался 21 Февраля 1856 года. — Повторяю. Протасовъ былъ одинъ изъ немногихъ людей, необыкновенныхъ по качествамъ ума и сердца, но неузнанныхъ міромъ; ибо міру нужны сила и блескъ: онъ любитъ только тѣхъ, кто тѣшитъ его желанія и обольщаетъ его своимъ блескомъ; онъ превозноситъ того, кто ему нуженъ, а уважаетъ только тѣхъ, кто ему страшенъ и можетъ сдѣлать зло. Ничего

этаго не было въ Протасовѣ: онъ никому не былъ нуженъ по отношеніямъ общественнымъ, не блисталъ ничѣмъ, не угощалъ никого, не участвовалъ въ общихъ связяхъ и поддержкахъ по службѣ, никому не хотѣлъ дѣлать зла. Чтобы узнать ему цѣну, надобно было знать его очень близко.

Дружба этого человѣка была для меня пріобрѣтеніемъ души. Много потерялъ я, лишившись его бесѣды. Сохраняю, какъ памятникъ, его письма: они писаны, правда, съ тою осторожностію, которая составляла замѣчательную черту его характера, безъ всякихъ изліяній; но и съ тою непринужденностію (abandon) которая дѣлаетъ драгоцѣнными памятники этого рода. Послѣднее письмо его было даже шутливое, напоминающее, давно, въ дѣтствѣ сказанное о немъ слово моей дочери: ein komischer Mann!—Я не успѣлъ еще отвѣчать ему, какъ получилъ извѣстіе о его кончинѣ!

Возвращаюсь къ литературѣ. Все, о чемъ я упоминалъ доселѣ, было въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Съ того времени и литература и читатели много перемѣнились. Не скажу, чтобы въ читателяхъ было тогда болѣе вкуса; но они состояли изъ другаго, образованнѣйшаго класса. Перемѣнился не вкусъ; перемѣнились читатели. Прежде сами авторы образовывали вкусъ читающей публики; нынче они сами примѣняются ко вкусу читающихъ. Нынѣшняя наша литература богаче числомъ произведеній и читателей; но какихъ? А прежняя хотя была бѣднѣе числомъ и тѣхъ и другихъ; но она была изящнѣе, разборчивѣе въ цѣли и въ средствахъ, мѣтила на образованнѣйшій кругъ читателей, и дѣйствительно классъ читателей былъ образованнѣе нынѣшняго.

Прежде журналы были служителями литературы; нынѣ они надъ ней господствуютъ. Прежде не они, а писатели давали направленіе литературѣ; нынѣ сами писатели подчинены направленію журналовъ. И потому прежде литература наша была въ рукахъ *всѣхъ* писателей; нынѣ въ рукахъ двухъ-трехъ лицъ, т. е. журналистовъ. А такъ какъ нынѣ она приняла еще характеръ торговый, то позволительно и сравнить ее съ торговлей: монополія вредна для торговли; вредна и для литературы. И потому, при всемъ обиліи произведеній, которое привело время и примѣръ литературныхъ образцовъ Европы, она не можетъ не быть нѣсколько одностороннею: т. е. хотя родъ и форма произведеній могутъ измѣняться чрезъ нѣсколько времени, прогрессивно, но въ одно и тоже время всѣ они бываютъ нынѣ одного и того же рода и вида. Напр. было время, когда требовалось историческихъ романовъ по образцу Вальтеръ-Скотта; нынѣ требуется домашнихъ, семейственныхъ романовъ, на манеръ англійскихъ. Однимъ словомъ: прежде всякой писалъ по своему; публика и журналы разбирали только то, что̀ хорошо, что̀ худо; нынѣ требуется, чтобъ всякой писалъ только то, что̀ въ ходу, и писалъ бы такъ, какъ всѣ пишутъ въ его время. Еслибъ появилась нынѣ классическая ода, какъ бы она ни была превосходна, ее осудили бы непремѣнно; или бы по крайней мѣрѣ о ней умолчали, и то въ такомъ случаѣ, когда предметъ ея не дозволяетъ осужденій; а тогда появилась вдругъ первая баллада Жуковскаго, и ее приняли съ восторгомъ, не смотря на то, что такъ не писали въ то время. Итакъ мы стали богаче произведеніями литературы; но не подвинулись нисколько впередъ въ чистыхъ понятіяхъ о литературѣ: онѣ нынче у насъ условныя, подчиненныя времени, какъ мода. Поэзія совсѣмъ упала.

Въ домахъ свѣтскихъ, въ домахъ высшаго общества, рѣдко увидишь нынѣ русскіе журналы. А гдѣ нельзя было

найти «Московскаго журнала» и «Вѣстника Европы» Карамзина, или того же Вѣстника до 1814 года, или «Сына Отечества», который послѣ войны обратился тоже къ литературѣ?—За то этихъ журналовъ нельзя было найти у лавочниковъ, или по трактирамъ, гдѣ, какъ я слышалъ, нынѣшніе пользуются извѣстностію. Конечно, и нынѣшніе журналы не всѣ наслѣдовали читателей «Благонамѣреннаго,» о которомъ сказалъ Пушкинъ:

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ?

однако у которыхъ есть читатели этого рода, то уже гораздо въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ у Благонамѣреннаго.—Это не значитъ, чтобъ я сравнивалъ съ нимъ нынѣшніе журналы. Они, безъ всякаго сомнѣнія, выше, и по литературѣ, и по статьямъ о наукахъ, которыя и въ лучшихъ журналахъ прежняго времени появлялись рѣдко, и которыя составляютъ лучшую сторону нынѣшнихъ. Я не сравниваю, а говорю, что̀ было, и что̀ есть.

При первомъ изданіи моихъ Мелочей въ одномъ петербургскомъ журналѣ похвалили ихъ; но не хвалятъ моихъ *мнѣній:* не нравятся мои замѣчанія; не нравится, зачѣмъ я разсуждаю о литературѣ. Я отвѣчалъ и тоже повторяю нынѣ, что разсуждаю совсѣмъ не для журналистовъ, а для читателей. Первымъ можетъ быть непріятно, что я краткими моими замѣчаніями говорю невыгодную правду; а изъ послѣднихъ нѣкоторые можетъ быть довольны, что я навожу ихъ на прямую точку зрѣнія. Я хочу показать читателямъ, особенно иногороднымъ, что не всѣ же принимаютъ направленіе журналовъ за законодательство въ литературѣ.

Симъ заключаю до времени мои Мелочи. Если буду продолжать ихъ, то мнѣ останется писать уже о тѣхъ литераторахъ, съ которыми я имѣлъ ближайшее и долговременное знакомство. Имъ намѣренъ я посвятить каждому статью отдѣльную. Но будетъ ли это исполнено, не обѣщаю. О людяхъ, недавно жившихъ между нами, говорить трудно; къ нимъ примыкаютъ еще наши пристрастія, наши выгоды, наша дружба и ненависть.

1856.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Къ стр. 117-й.

Неизданная статья (графа) Д. Н. Блудова

по поводу критики Каченовскаго на сочиненія И. И. Дмитріева. *)

Говорятъ, что на дурныя критики надобно возражать хорошими сочиненіями: мы смѣемъ сомнѣваться въ основательности сего древняго правила, уважаемаго отъ многихъ. Намъ кажется, напротивъ, что одни справедливыя замѣчанія рецензентовъ могутъ производить такое полезное дѣйствіе въ Литтературѣ. На нихъ писатели должны отвѣчать исправленіемъ своихъ ошибокъ и новыми совершеннѣйшими твореніями. Но какое совершенство уйметъ пристрастнаго, или непросвѣщеннаго критика? Первому не нравится авторъ; второму не нравятся красоты. Конечно ни тотъ, ни другой не введутъ въ заблужденіе читателя, имѣющаго образованный вкусъ и привыкшаго спрашиваться съ своимъ вкусомъ. Но есть, къ нещастію, люди, для которыхъ нужны *готовыя* мнѣнія; которые, по лѣни или безсилію ума, безпрестанно соглашаются и глядятъ на всё чужими глазами. И эти люди иногда умѣютъ читать. Они по газетамъ узнаютъ всѣ тайны политики, въ листочкахъ Жофруа учатся Музыкѣ и Драмматическому искусству, а Шишковъ объявилъ имъ о дурномъ слогѣ Карамзина. Вѣроятно, что нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстна критика на 3-ю часть сочиненій г-на Дмитріева, напечатанная въ № 8 и 9 Вѣстника Европы, и, можетъ быть, они уже почитаютъ сужденія г-на Каченовскаго священными, *за тѣмъ что нѣтъ другихъ*: поспѣ-

---

*) За сообщеніе этой статьи мы обязаны князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ бумагахъ котораго она сохранилась. *П. Б.*

шимъ предложить свои и доставимъ по крайней мѣрѣ имъ возможность выбрать любыя. Между тѣмъ повторяемъ, что наша статья писана единственно для сихъ добрыхъ, сговорчивыхъ читателей; передъ другими мы не имѣли-бы дерзости вступаться за Лафонтена-Дмитріева, а иногда и за самого Лафонтена.

Г. Каченовскій начинаетъ свою критику утвержденіемъ, что хорошій слогъ есть главное достоинство автора; «что «одинъ слогъ дѣлаетъ книги долговѣчными.» Истина неоспоримая, которую Вольтеръ любилъ повторять и которую прежде него доказали примѣромъ писатели Вѣка Лудовика XIV. Нельзя было найти лучшаго случая объ оной напомнить, какъ разсматривая сочиненія г-на Дмитріева. Онъ первый показалъ намъ, что цѣлые томы могутъ быть отъ начала до конца писаны хорошими русскими стихами, что наблюденіе необходимыхъ грамматическихъ правилъ не мѣшаетъ твореніямъ Генія, что есть разница между выраженіями простыми и низкими, и наконецъ что звѣри, не переставая быть звѣрями (въ идеальномъ мірѣ Апологa) могутъ изъясняться пріятно, нѣжно и остроумно. Но критикъ, сочиняя похвалу хорошему слогу, или забываетъ поправить ошибки въ своемъ, или думаетъ, что слѣдующія фразы: *степень вкуса, дѣло въ томъ какъ онъ разсказалъ... ничего отъ себя не выдумалъ, подражатель долженъ имѣть «столько или почти столько дарованія, сколько.; не имѣя рѣдкаго дарованія писать слогомъ красивымъ, доброзвучнымъ; «заставитъ васъ жалѣть, для чего древній баснописецъ,* и прочіе, принадлежатъ къ числу фразъ *красивыхъ и доброзвучныхъ.* Смѣемъ увѣрить его въ противномъ, и слова одного французскаго священника Faites ce que je dis et non ce que je fais, не послужатъ для него оправданіемъ. Проповѣдникъ хорошаго вкуса и слога долженъ самъ быть примѣромъ. Скажемъ болѣе: талантъ необходимо нуженъ критику, какъ для того чтобъ пріобрѣсти довѣренность читателей, которые худо вѣрятъ тому, кто худо объясняется, такъ и для того

чтобъ всѣ его сужденія были справедливы и основательны. Можно знать правила Грамматики, Риторики, Піитики, и быть неисправнымъ судьею въ Литтературѣ; ибо прелесть выраженій и совершенство слога часто зависятъ отъ тонкостей, для которыхъ нельзя придумать правилъ, но которыя извѣстны людямъ одареннымъ изящнымъ чувствомъ и слѣдственно талантомъ. Кому природа въ этомъ отказала, для того потеряна половина красотъ всякаго сочиненія; тому всякій необыкновенный оборотъ кажется нарушеніемъ правилъ языка, и часто онъ называетъ ошибками тѣ самыя мѣста, которыя достойны похвалы. Такимъ образомъ прекрасныя выраженія: épouse en espérance... je ceignis la tiare et marchai son égal.... ah! douleur non encore éprouvée!... je t'aimais, inconstant, qu'aurais-je fait fidèle!... не избѣгли порицанія. Расина бранили за то, что онъ обогащалъ Французской языкъ. Не то-ли дѣлаетъ нашъ критикъ? Онъ думаетъ, напримѣръ, что нельзя сказать:

Уединилася отъ свѣта и отъ зла;

что человѣческій родъ во время его младенчества не можетъ быть названъ *семьею людей*; что вмѣсто:

Опаснѣй тварей всѣхъ словесную считаю,
И плутъ за плута я Лису предпочитаю,

надобно сказать: «еслибъ надлежало выбирать плута изъ «людей или изъ животныхъ, то я предпочелъ-бы лисицу»; а вмѣсто: *индѣекъ малую-толику,* нѣсколько индѣекъ. Мы не только сомнѣваемся, чтобы кто нибудь съ нимъ согласился, но почти увѣрены, что нѣтъ ни одного человѣка со вкусомъ, который-бы не назвалъ красотами всѣ эти мнимыя погрѣшности нашего Поэта; а послѣднее выраженіе: *индѣекъ малую-толику* такъ забавно и такъ прилично роду людей, которыхъ здѣсь представляетъ Лисица, что есть ли-бъ авторъ захотѣлъ уничтожить пріятное дѣйствіе своей басни, то ему стоило бы перемѣнить окончаніе, по совѣту критика.

Что-же причиною странныхъ приговоровъ г-на Каченовскаго? Что кромѣ недостатка, о которомъ мы говорили преж-

де [1]) и который примѣтенъ во всѣхъ его сужденіяхъ. Онъ нападаетъ на Лафонтена за шесть прекраснѣйшихъ стиховъ:

La table, où l'on servit le champêtre repas,
Fut d'ais non façonné à l'aide du compas.
Encore assure-t-on, si l'histoire en est crue,
Qu'en un de ses supports le temps l'avait rompue.
Baucis en égala les appuis chancellans
Du débris d'un vieux vase, autre injure des ans.

находитъ, что это прелестное описаніе растянуто, почитаетъ шуткою стихъ:

Encore assure-t-on, si l'histoire en est crue,

и совсѣмъ не чувствуетъ трогательной красоты послѣдняго, которымъ Лагарпъ восхищался. Въ другомъ мѣстѣ, Бавкида, видя опустошеніе земли, постигнутой гнѣвомъ Зевеса и справедливое наказаніе злодѣевъ, осмѣливается *взоромъ полнымъ слезъ* напомнить богу, что покрайней мѣрѣ животныя предъ нимъ невинны, и это милое, совершенно женское чувство жалости, выраженное однимъ прекраснымъ стихомъ:

Пусть люди... но почто животныхъ онъ казнитъ,

кажется критику преступленіемъ противъ человѣчества!!

Справедливость требуетъ отъ насъ признанія, что рецензентъ не всегда такъ грубо ошибается, и что въ нѣкоторомъ смыслѣ, самое совершенство г-на Дмитріева даетъ ему право быть строгимъ; но онъ долженъ-бы вспомнить, что истинный критикъ есть тотъ, который равно живо чувствуетъ и погрѣшности и достоинство сочиненія, не извиняетъ

---

[1]) Однакожъ не должно относить къ сему недостатку нѣкоторыя изъ другихъ его критическихъ замѣчаній; ибо въ самой простой Грамматикѣ онъ могъ-бы научиться, что

. . . . я чистосердечно
Скажу вамъ между насъ,

не есть ошибка; что за глаголомъ *гнушаться* можетъ слѣдовалъ падежъ родительный, и проч.

первыхъ, но и не старается находить ихъ; а почти всѣ замѣчанія г–на Каченовскаго похожи на привязки. Въ доказательство выпишемъ нѣсколько страницъ.

—«...Въ этомъ состоитъ басня (Лиса-Проповѣдница) у «Флоріана. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевода, отступлено «отъ подлинника. *Здѣсь* (то есть въ подлинникѣ) сказано, «что Лисица начала проповѣдывать въ пустынѣ, se mit à «prêcher au désert, а въ переводѣ стоитъ:

Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла.

«Еслибъ и можно было *сказать на Русскомъ языкѣ*: уединиться отъ чего нибудь, а особливо отъ зла» (На это мы уже отвѣчали; здѣсь можно только прибавить, что уединяться отъ зла, гораздо правильнѣе, нежели *сказать на языкѣ*) «то всё-таки Лисицѣ не зачѣмъ *уединяться въ пустынѣ*, для проповѣдыванія; ей нужны были слушатели.» (стр. 289.)

Безъ сомнѣнія; но развѣ набожные звѣри не могли приходить въ пустыню слушать проповѣдника, и развѣ Лисица не имѣла средства ихъ привлечь въ свое уединеніе, которое должно было рождать въ нихъ высокую мысль объ ея святости.

Стихотворецъ продолжаетъ:

Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять-шесть на перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то сурокъ да кротъ,
Да двѣ-три набожныя лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой-же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но лисій дальновиденъ взоръ.
Она перемѣнила струны,

Взяла суровый видъ, и бросила перуны
На кровожаждущихъ медвѣдей и волковъ,
На тигровъ, даже и на львовъ!
Что-жъ? слушателей тьма стеклася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого Царя звѣрей,
Который, не смотря что въ немъ порода львина,
Былъ смирный, такъ сказать, дѣтина,
И набожный подъ старость дней.

Въ этомъ быстромъ и прелестномъ разсказѣ, мы находимъ красоты всякаго рода: живыя, во всѣхъ подробностяхъ вѣрныя описанія, гармонію стиховъ, въ стихахъ всю ясность, непринужденность прозы, и чтò всего важнѣе, плѣнительную, замысловатую простоту, достойную Лафонтена. Но критикъ совсѣмъ иного мнѣнія. Полустишіе: «*Какой-же ожидать...*» оскорбляетъ нѣжный слухъ его; ему кажется что въ 5-мъ стихѣ, вмѣсто *братій*, надобно сказать *братіи* (не смотря на то, что фраза *пять-шесть братіи,* противна начальнымъ правиламъ Грамматики) что выраженіе: *безъ связей, безъ подпоръ*, есть галлицизмъ (вѣроятно, потому что его нѣтъ во французскомъ оригиналѣ) что лучше *перемѣнить тонъ*, нежели *перемѣнить струны*; что, бросить перуны *на кого* не такъ правильно, какъ *бросить перуны въ кого* (хотя мы говоримъ: *громъ упалъ на домъ, на колокольню,* и проч:, и хотя въ правильности нѣтъ градусовъ) и наконецъ, что не должно называть Льва *смирнымъ дѣтиною,* потому что онъ Царь звѣрей? Г-нъ Каченовскій чувствуетъ великое почтеніе къ лѣснымъ государямъ и можетъ быть правъ; но пусть-же онъ сердится на самого Флоріана за сіе оскорбленіе Львинаго Величества, безъ котораго Лисица не смѣла-бы ни сказать своей проповѣди, ни попросить индѣекъ, и басня его не имѣла бы существованія.

«*Главное и первое* искусство Лафонтена состоитъ въ томъ, «что онъ расказываетъ съ такою простотою, *съ такою не*«*винностію,* съ такимъ милымъ *добродушіемъ*, что вы про-

«тивъ воли своей думаете, *будто* онъ самъ увѣренъ въ «истинѣ *повѣствуемаго имъ происшествія.* Мармонтель говоритъ о неподражаемомъ *Баснописцѣ:* онъ не только слышалъ то, что̀ *самъ* разсказываетъ, но даже видѣлъ, даже «думалъ, что видитъ *еще тогда, когда расказываетъ. Это «не Поэтъ*, котораго воображеніе *занимается работою; это «не сказочникъ*, который хочетъ *повеселить* васъ шутками,— «*нѣтъ!* это очевидецъ повѣствуемаго *дѣйствія.*—Поэтъ не «заставитъ меня принимать участія *въ его* лицахъ, если «самъ не говоритъ о нихъ тономъ приличнымъ каждому «характеру.» (стр. 291.)

Намъ кажется, что критикъ хвалитъ Лафонтена (и какимъ слогомъ!) единственно изъ уваженія къ мнѣнію Мармонтеля: мы уже замѣтили, что когда онъ слѣдуетъ своему вкусу, то Лафонтенъ ему не нравится [2]). Естьли наша догадка справедлива, то и стихи г-на Дмитріева, по натуральному порядку вещей, не могутъ быть хороши въ его глазахъ. Но что значитъ: «говорить *о лицахъ*, тономъ приличнымъ каждому характеру?»

Чтобъ возраженіе не сдѣлалось длиннѣе самой критики, мы пропустимъ большую часть замѣчаній г-на Каченовскаго, которыя впрочемъ всѣ одинакаго достоинства. Не скажемъ ничего о новомъ значеніи словъ: *зазрѣніе* и *всещедрый отецъ;* ни о томъ, что нравоучительный смыслъ басни «Человѣкъ и Конь» ему кажется не ясенъ, ни даже о томъ, что по

---

[2]) На страницѣ 297 рецензентъ, критикуя въ баснѣ «Человѣкъ и Конь» стихи:

Когда семья людей за лакомство считала
Коренья, желуди жевать;
Когда еще, не такъ какъ нынѣ,
Не знали столько шоръ, каретъ и хомутовъ,
На стойлахъ не было коней ни лошаковъ...

говоритъ, что, вопреки Лафонтену, тогда *совсѣмъ не знали шоръ* и проч. Замѣчаніе весьма тонкое и которымъ Лафонтенъ конечно-бы воспользовался, естьли-бы вмѣсто стихотворной басни, онъ писалъ исторію первобытныхъ обитателей земли. Но какъ не подивиться важности г-на критика, который не терпитъ никакой шутки!

его мнѣнію лошадь безъ сѣдока могла скорѣе догнать Оленя, хотя кажется вѣроятно, что человѣкъ, управляя конемъ, лучше умѣлъ перехватить на дорогѣ Оленя, который не всегда бѣгаетъ по прямой линіи, что̀ и выражено стихомъ:

Лошадь впрямь и вкось безъ памяти скакала...

Не будемъ спорить съ нимъ объ истинномъ опредѣленіи басни; пусть онъ насъ увѣряетъ, что *Калифъ, Слѣпецъ и Разслабленный, Мудрецъ и Поселянинъ*, не могутъ назваться баснями, и слѣдственно что Лафонтеновы: *La Maison de Socrate, La fille mal mariée, Le paysan du Danube*, и проч. также не басни. Мы уже сказали, что читатели худо вѣрятъ тому, кто худо объясняется, а выписанные нами отрывки его критики довольно показываютъ, каковъ слогъ г-на рецензента. Но поставляемъ себѣ долгомъ замѣтить нѣкоторыя странности. На страницѣ 286-й, слово *легко* съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ ему кажется ошибкою, а на страницѣ 299-й, онъ утверждаетъ, что должно произносить не *соста̀рѣлся*, а *состарѣлся*. Трудно удержаться отъ смѣха! Можетъ быть, откровенный молодой человѣкъ, страстный любитель хорошихъ стиховъ и страстный врагъ дурной прозы, читая разсужденія г-на Каченовскаго, имѣлъ-бы нескромность сказать: «*Г. Критикъ! Учитель писателей! Поучитесь сами писать.*» Мы не будемъ такъ дерзки; но сія новая просодія, неслыханная между Русскими, не даетъ-ли намъ права шепнуть ему на ушко: *Г. Критикъ! Поучитесь говорить* [3]). Иностранцу простительно ошибаться въ выговорѣ, но за чѣмъ-же отдавать *свое произношеніе въ печать* и притомъ не спросясь ни съ кѣмъ? Повѣрьте, что такая

---

[3]) Рецензентъ вѣроятно видѣлъ, что въ славянскихъ книгахъ напечатано: *старѣетъ*, *идетъ*, *легко́*, и не знаетъ, что обыкновеніе перенесло въ сихъ словахъ удареніе на другіе слоги. Вотъ доказательство, что *закрывать на время книги и слушать вокругъ себя разговоры* умныхъ людей, не такъ-то безполезно, какъ думаютъ наши старики. (Смотри *въ Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ Росс. языка*, замѣчанія на статью: *Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ.*)

предосторожность не лишняя; безъ нея мы подвергаемся опасности дѣлать странныя ошибки, и назвать иногда самую смѣшную Комедію Трагедіей, а камень Петромъ [4]).

Теперь осмѣлимся сдѣлать г-ну Каченовскому упреки другаго рода. Въ одномъ мѣстѣ своей критики онъ сравниваетъ слѣдующіе Флоріановы стихи:

Il prêche, et cette fois
Se surpassant lui même, il tonne, il épouvante
Les féroces tyrans des bois;
Peint la faible innocence à leur aspect tremblante,
Implorant chaque jour la justice trop lente
Du maitre et du juge des rois.

съ стихами переводчика:

Какую-жъ проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
И тутъ-же стонъ
И слезы извлекала,
Представя какъ отъ нихъ
Невинность уныває̈тъ,
И каждый день въ мученьяхъ злыхъ
На небо лишь взираетъ,
Откуда праведный судья и царь царей
Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.

и потомъ говоритъ только: *въ подлинникѣ есть нѣкоторая разница.* Мы не остановимся надъ странностію выраженія; но подивимся, для чего г. рецензентъ не прибавилъ, что эта разница ставитъ переводъ гораздо выше оригинала, который не можетъ съ нимъ сравниться, ни въ поэтической живописи, ни въ разнообразной живости оборотовъ, ни въ механизмѣ стиховъ. Вѣроятно онъ намъ скажетъ, что *похвала его почтеннѣйшему г-ну автору была-бы не что иное какъ отголосокъ общей молвы* и что слѣдственно *она*

---

[4]) Въ № . . . . Вѣстника Европы на стр. . . . Мольерова комедія *Le Festin de Pierre,* названа: *Петрово Пиршество*, а въ №... на стр. . . . . издатель говоритъ о Лесажевой Трагедіи Turcaret!!!

безполезна. Но, г. рецензентъ! Ваши критическія замѣчанія (предполагая ихъ справедливыми) могли также быть сдѣланы кѣмъ нибудь въ обществѣ прежде васъ; слѣдственно и они безполезны? Позвольте еще разъ себѣ напомнить, что истинный критикъ долженъ заниматься красотами разсматриваемаго сочиненія, по крайней мѣрѣ столько-жъ какъ недостатками.

Въ сказкѣ: *Филемонъ и Бавкида*, многіе стихи не нравятся критику; мы не имѣемъ времени ихъ оправдывать; отошлемъ въ реторической классъ его замѣчаніе о перемѣнѣ перваго лица на третіе, въ стихахъ:

Ни злато, ни чины ко щастью не ведутъ:
Что въ нихъ, когда со мной заботы ввѣкъ живутъ,
Когда духъ гордости нещастнымъ овладѣя,
Терзаетъ грудь его какъ вранъ у Промиѳея?

а мнѣніе о свойствѣ глагола: *алкать*, опровергнемъ одной строчкой изъ Евангелія: *алчущія и жаждущія правды* и проч. Но возмемъ смѣлость спросить, по какой причинѣ, говоря о прекрасномъ вступленіи сей сказки, онъ выписалъ только первые стихи онаго? Не ужели для того, что послѣдніе гораздо лучше?

Захочетъ-ли (мудрецъ живущій въ укромной хижинѣ) за лугъ, за тѣнь своихъ лѣсовъ,
Тѣнь только щастія купить временщиковъ?
Нѣтъ, суетный ихъ блескъ его не обольщаетъ:
Онъ ясно на челѣ страдальцевъ сихъ читаетъ,
Что даромъ не даетъ Фортуна ничего.
Придетъ-ли къ цѣли онъ теченья своего?
Смерть въ ужасъ и тоску души его не вводитъ:
То солнце послѣ дня прекраснаго заходитъ.

Сколько подобныхъ вопросовъ мы въ правѣ сдѣлать! На примѣръ, онъ увѣдомляетъ читателей, что въ числѣ новыхъ басенъ г-на Дмитріева находится *Смерть и Умирающій,* «близкое подражаніе Лафонтену»; но забываетъ сказать, что подражатель въ этой баснѣ нашелъ возможность превзойти

Лафонтена, не смотря на одну, почти непримѣтную, ошибку [5]) которой половина должна быть поставлена на щетъ Французскаго автора.

Забывчивость г-на рецензента въ этомъ родѣ достойна примѣчанія. Кто изъ читателей (которымъ извѣстна третія часть сочиненій г-на Дмитріева) не восхищался баснею: *Кроликъ и Ласточка*, прекраснѣйшею изъ новыхъ! Кто не дивился, вмѣстѣ съ нами, искусству, съ которымъ поэтъ умѣлъ подъяческія выраженія помѣстить въ стихи и сдѣлать пріятными, умѣлъ Кролика назвать имянемъ и отчествомъ, перевести полустишіе: *un saint homme de chat*, выразить подражательную гармонію стиха:

Brouté, trotté, fait tous ses tours;

однимъ словомъ, заставилъ Лафонтена разсказать по русски басню, можетъ быть не лучшую изъ своихъ, но конечно первую, по трудностямъ, которыя переводчику надлежало побѣдить! И переводъ совершенный! И всякой человѣкъ со вкусомъ назоветъ его *усиліемъ таланта* (tour de force). Повѣрятъ-ли, что г. Каченовскій не захотѣлъ украсить своего журнала, хотя имянемъ сей несравненной, по нашему мнѣнію, басни!

Но только-ли? Говоря при началѣ своей критики, что многія изъ басенъ и сказокъ г-на Дмитріева, напечатанныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ, почитаются превосходными, онъ опредѣляетъ число оныхъ: не болѣе трехъ въ каждомъ родѣ!!! Сказавъ, что нѣкоторыя пѣсни сдѣлались всеобщими, спѣшитъ насъ увѣдомить, что такихъ пѣсенъ только двѣ!!! [6].)

---

[5]) Поэтъ говоритъ, что юноши въ сраженіяхъ летятъ,

На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
Но часто тяжкую, притомъ *неизбѣжиму*.

Кажется надобно *неизбѣжную*; и справедливо-ли, что на ратномъ полѣ смерть неизбѣжна?

[6]) Рецензентъ умолчалъ о Лирическихъ сочиненіяхъ г-на Дмитріева. Онъ помнитъ *Афтонія, Авгена, Габріаса, Стезихора, Садія, Пильпая или Пидпая*, и хочетъ насъ увѣрить, что позабылъ всѣмъ извѣстныя Рускія Оды; и какія? *Ермака, Волгу, Освобожденіе Москвы, Гласъ Патріота!*

O vanité de l'homme! o folie! o misère!

Пощадимъ своихъ читателей; не будетъ опровергать сихъ мнѣній и доказывать того, въ чемъ всѣ увѣрены! Но безъ сомнѣнія читатели спросятъ: что значитъ такая неосмотрительность критика, и странное, вездѣ примѣтное стараніе ограничить число хорошихъ произведеній Поэта, котораго сочиненія онъ разсматриваетъ? Для разрѣшенія сего вопроса, нужно сдѣлать другой, указавъ на нѣкоторыя мѣста рецензіи, не имѣющія никакого отношенія въ Литтерарѣ. За чѣмъ г. критикъ, на страницѣ 290-й, говоритъ (какъ будто мимоходомъ, какъ будто для примѣра) о неудовольствіи одного человѣка малаго чина на министра или сенатора, и говоритъ своимъ обыкновеннымъ языкомъ: *Сенаторъ, который прежде, обходившись съ нимъ пріятельски, вздумалъ-бы и проч.?* За чѣмъ, на страницѣ 296-й, онъ опять возвращается къ вельможѣ, который, какъ ему кажется, хочетъ имѣть *невольниковъ* за своимъ лакомымъ столомъ? Отвѣтъ не труденъ: но пусть читатели его угадываютъ. Мы отказываемся помогать имъ, и въ оправданіе передѣлаемъ одинъ извѣстный Французскій стихъ слѣдующимъ образомъ:

Le secret *de facher*, c'est celui de tout dire.

С. П. Б.
28 Маія 1806-го года.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ

„МЕЛОЧАМЪ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ".

Абакумовъ, генералъ. 211.

Аблесимовъ, Ал-дръ Анисимов. Авторъ *Мельника*. 43.

Аглая, журналъ. 96.

Ададуровъ, Вас. Евдокимов. Разсматриваетъ первую оду Ломоносова. 32.

Академія Наукъ. Ея труды по II-му Отдѣленію. 75.

Академія Россійская. Ея изданія. 75. 200. 225. 227.

Аксаковъ, Серг. Тимофѣев. Его пріязнь съ Кокошкинымъ. 177. Упом. 172.

Акуловъ (?). 171.

Алакаевъ, засѣдатель. 13.

Александръ I Павловичъ. Его указъ 6 Авг. 1809 г. 18. 19. 78. Два стиха изъ оды Державина на его *восшествіе на престолъ*. 40. Посвященный ему эпиграфъ изъ Плинія мл. 41. Его свиданіе съ Карамзинымъ въ Твери. 62. 63. Его бесѣды съ Карамзинымъ. 63. 64. Его отношенія къ Дмитріеву. 64. 65. 135—137. 145. 147. 148. За что жаловали при немъ въ камеръ-юнкеры. 65. Награждаетъ: Измайлова. 102;—Глинку. 104. 112. Его пріѣзды въ Москву 104. 123. 170. Строфа изъ *Пѣсни на коронованіе* его. 129. Доклады: Дмитріева. 138. 139;—Сперанскаго. 141;—Балашова. 142. Къ біографіи его 140. 141. Причина удаленія Сперанскаго. 142. Его замѣчаніе о Балашовѣ. 143. Его объясненіе съ Карамзинымъ, по поводу появленія стиховъ *Рождество Христово*. 145. Перемѣна внутренней политики. 148. Его письма къ Обрѣзкову. 245. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. 254. — Упоминаніе о немъ. 114. 134. 144. 146. 147. 158. 165. 173. 174. 177. 178. 238. 239.

Алексѣй Михайловичъ, царь. Его правило. 90.

Алябьевъ, А. А. Положилъ на музыку прологъ М. А. Дмитріева. 178.

Амвросій, епископъ Казанскій. Его слово. 144.

Амуръ, журналъ. 79. 80.

Амѳіонъ, журналъ. 33. 161. 173. 174. 208. 222.

Анакреонъ. Переводы изъ него. 37.

Анастасевичъ, (В. Г.), писатель. 71.

Ангальтъ, графъ Ѳеодоръ Евстафьевичъ. Начальникъ Сухопутн. Кадетск. Корпуса. 102.

Андросовъ, профессоръ. 157.

Анна Іоанновна, императрица. Какъ подносилъ ей Тредьяковскій свои оды. 5. 6.

Аониды, журналъ. 29. 82. 91. 102. 115. 130. 222.

Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреев. Два стиха на него. 144. Его первенствующее значеніе. 148.

Арзамасъ, городъ. Школа живописи Ступина. 81.

Арзамасское общество. Почему такъ названо. 81. Прозвища членовъ. 81. 82. Засѣданія общества и рѣчи. 82. Какъ посвящали въ члены В. Л. Пушкина. 88. 89. Эмблема общества. 89. Титулъ членовъ. Тж.

Аріостъ, италіанск. поэтъ. 196.

Арсеньевъ. Перевелъ *Юлія Цезаря* Шекспира. 68.

Архаровъ, Иванъ Петров. Его замѣчаніе о Кокошкинѣ. 175.

Архаровъ, Николай Петров. Петербургск. Воен. Губернаторъ. 134—136. Его племянникъ. 135.

*

Бакунинъ, Петръ Вас. Переводилъ Вольтера. 49.

Балашова, урожден. Бекетова, Елена Петров. 143. 190.

Балашовъ, Ал—дръ Дмитр. Министръ полиціи. 141. Его доклады имп. Александру. 142. Его отъѣзды къ иностран. дворамъ. Тж. Замѣчаніе о немъ имп. Александра. 143. Его разсказы. Тж. Два стиха на него. 145. Въ его домѣ Жуковскій читалъ свою балладу *Старушку*. 190. Упоминаніе о немъ. 137. 144. 147.

Бантышъ-Каменскій, Дмитр. Николаев., авторъ Словаря. 25. 26.

Бантышъ-Каменскій, Николай Николаев. Начальникъ Московск. архива иностр. коллегіи. 236.

Баратынскій, Евг. Абрамов. 157. 169. 201.

Бастидонъ, Яковъ, отецъ первой жены Державина. 34.

Батюшковъ, Конст. Николаев. Его пріязнь съ В. Л. Пушкинымъ. 92. Присутствуетъ на литературныхъ вечерахъ: Дмитріева. 123; Иванова. 161. Изъ посланія его къ Жуковскому. 189. Свѣдѣнія о немъ. 195. 196. 198. Его сочувствіе къ италіанск. литературѣ. 196. Догадка о причинѣ его помѣшательства. 197. Его портретъ. Тж. Ненапечатанныя мѣста изъ его *Видѣнія на берегахъ Леты*. 198. 225. Его пародія на *Пѣвца* Жуковскаго. 199. 200. 225. Его уваженіе къ Ломоносову. 200. Конецъ его элегіи *Воспоминаніе*. 200. 201. Его отъѣздъ въ Италію. 197. 199. Кончина. 201. Упоминается о немъ. 194. 222. 226.

Башкирцы. Помѣщичьи походы на нихъ. 15.

Безбородко, князь Ал—дръ Андр. Названъ хохломъ. 40.

Безнина, А. Кроатка. Сотрудница *Журнала для милыхъ*. 79.

Бекетова. См. **Дмитріева.**

Бекетовъ, Апол. Николаев. 26.

Бекетовъ, Аѳан. Алексѣев., воевода. Разговоръ его съ Екатериной. 9. 10.

Бекетовъ, Ив. Петров. 26. 87. 134.

Бекетовъ, Никита Аѳанасьев. Обращаетъ на себя вниманіе Елисаветы Петровны. 7. Ненависть къ

нему придворныхъ. 7. 8. Его деревня *Отрада*. 8. Свѣдѣнія о немъ. Тж. Упомянутъ въ народной пѣснѣ. 9.

Бекетовъ, Плат. Петров. Стихи къ нему Дмитріева. 23. Содержалъ типографію. 23. 30. 83. 92 184. 206. 241. Его изданія. 23. 184. Упоминаніе о немъ. 22. 26. 92. 244.

Бекъ, чиновникъ иностран. коллегіи. 142.

Бергъ. Николай Васильев. Срисовалъ въ Вологдѣ фигуру Батюшкова. 196.

Берлинъ, городъ. 231.

Бесѣда любителей русск. слова. 81. 199. 222. 224.

Благонамѣренный, журналъ. 84. 159. 262.

Блудовъ, графъ Дм. Николаев. Его Арзамасское прозвище. 82. Его объясненіе съ Дашковымъ. 218. Упоминается. 182. Его неизданная статья. 267—279.

Богдановичъ, Ип. Өедоров. Свѣдѣнія о немъ. 21. 22. Успѣхъ его *Душеньки*. 22. Его эпитафіи. Тж. Изданія его сочиненій. 23. Его отношенія къ Державину. 37. Упоминаніе о немъ. 23. 46. 156.

Богдановъ, Ник. Иванов., Казанск. губернаторъ. Его неудовольствіе съ архіереемъ Амвросіемъ. 144.

Боголюбовъ. 154. 156.

Болдыревъ, Алексѣй Вас., профессоръ. 169.

Болотниковъ, Алексѣй Ульянов. Министръ Юстиціи. 148.

Брайко, издатель *С.-Петербургскаго Вѣстника*. 32.

Булгаковъ, Ал-дръ Яковл. Приписываемая ему книга. 245.

Булгаръ. См. **Евгеній**.

Бѣлевъ, городъ. 189.

Варшава. 128.

Вельтманъ, Ал-дръ Өом. Его пѣснь. 46.

Вельяминовъ, Петръ Лук. Три стиха изъ его пѣсни. 38.

Вельяминовъ-Зерновъ, Влад. Өед Его *Опытъ начертанія россійск. частн. гражданск. права*. 250.

Вельяминовы-Зерновы. Ихъ отношенія къ Мерзлякову. 162. 164. 165.

Веревкинъ, Мих. Ив. Его комедіи. 43. 242. 243.

Верещагинъ, купеческ. сынъ. Обстоятельства его умерщвленія. 236—239.

Вигель, Фил. Филипов. Его Арзамасское прозвище. 82.

Вильна, городъ. 245.

Виноградовъ. 154.

Владиміръ (на Клязьмѣ), городъ. 238.

Владыкинъ, Иванъ. Переводчикъ. 43.

Воейкова, урожден. Протасова, Ал-дра Андр. Ей посвящена *Свѣтлана*. 206.

Воейковъ, Ал-дръ Өедоров. Его насмѣшка надъ Хвостовымъ. 45. Его надпись къ портрету русск. стихотворца. 85. Его стихи *Сумасшедшій домъ*. 97. 200. Присутствуетъ на литературныхъ вечерахъ Дмитріева. 123. Игралъ съ Мерзляковымъ на стихи. 161. 162. Его переводы. 161. 203. 205. Его сатиры. 202. Посланія. 202. 203. Примѣръ его искусственнаго гексаметра. 204. Его неконченная поэма. 205. Его замѣчаніе о риөмахъ кн. Шихматова. 225. Упоминаніе о немъ. 170. 190. 192. 201. 206. 222.

Волга, рѣка. 8. 13. 128.

Волковъ, М. Ап. 65.

Волковъ, авторъ *Освобожденной Москвы*. 150.

Вологда, городъ. 196. 201. 239.
Вольтеръ. Переводы изъ него. 22. 49. 207. Повсемѣстность его имени. 49. Замѣчаніе о немъ гр. де Местра. 50. Упоминается. 20. 47. 107. 268.
Вороново, село гр. Ростопчина. 247.
Востоковъ, Ал-дръ Христоф. 169.
Высоцкій, докторъ. 154.
Верстовскій, А. Н. Положилъ на музыку прологъ М. А. Дмитріева. 178.
Вѣстникъ Европы, журналъ. 22. 85. 100. 101. 116. 117. 144. 160. 161. 174. 182. 185. 195. 201. 202. 222. 262. 267. 275. 278.
Вѣстникъ Русскій, журналъ. 102. 103. 106. 113.
Вѣстникъ С.-Петербургскій, журналъ. 19. 20. 32. 39. 40. 42.
Вѣстникъ Сѣверный, журналъ. 79.
Вяземскій, князь Петръ Андреев. Его стихи на кн. Шаликова. 94. 95. Написалъ біографію Дмитріева. 118. Присутствуетъ на литературныхъ вечерахъ Дмитріева. 123. Его стихи *Рождество Христово*. 145. Изъ посланія къ нему Жуковскаго. 192. Упоминается. 130. 149.

*

Газъ, докторъ. 154.
Геймъ, Ив. Иванов. Ректоръ Московск. Университета. 179.
Георгій, герцогъ Голштейнъ-Ольденбургскій. 62.
Гёте. Его перстень. 258.
Глазуновъ, книгопродавецъ - издатель. 241. 242.
Глинка, Авдотья Павл. 193.
Глинка, Серг. Ник. Свѣдѣнія о немъ. 102. 107. Издаетъ Русскій Вѣстникъ. 102. 103. 241. Его дѣятельность въ Москвѣ въ 1812-мъ году. 103. 104. 113. Его литературные труды. 104—107. Его цензорство. 108. 109. Арестованъ. 109. 110. Награды полученныя имъ. 104. 111. 112.
Глинка, Ѳед. Ник. 46. 107. 170.
Глушковскій, балетмейстеръ. 208.
Гнѣдичъ, Ник. Ив Его переводъ *Иліады*. 167. 169. 206. 207. Его романъ и предисловіе къ нему. 206. 207. Его отношенія къ актрисѣ Семеновой. 207. Упоминаніе о немъ 166. 203. 204.
Гоголь, Ник. Вас. 98. 99.
Голенищевъ-Кутузовъ. См. **Кутузовъ**.
Голицынъ, князь Ал-дръ Николаев. 141.
Голицынъ, князь Борисъ Владим. Въ его домѣ Мерзляковъ читалъ публичныя лекціи. 160.
Голицынъ, князь Дм. Владим. Московск. Генер.-Губернаторъ. 111. 156. 157. 250. Его литературные четверги. 22.
Голицынъ, князь Серг. Мих. 111. 112.
Голохвастовъ, Дм. Павл. 65.
Городчаниновъ, Григ. Николаев, профессоръ. 60.
Горчаковъ, князь Дм. Петров. Писатель. 206.
Горчаковъ, князь Петръ Дм. 206.
Государственный Совѣтъ. 141. Два стиха на него. 144. Его значеніе во время отъѣздовъ имп. Александра. 145. 146. Дѣло наслѣдниковъ Судіенки. 146. 147.
Грамматинъ, Ник. Ѳед. Свѣдѣнія о немъ 209. 211. 212.
Гречъ, Ник. Ив. 158.
Грибоѣдовъ, Ал-дръ Серг. Его *Горе отъ ума*. 242. 243.
Грибоѣдовъ, Алексѣй Ѳед. Дядя писателя. 243.
Григорій, греческ. патріархъ. 215.

Гудовичъ, графъ Ив. Вас. Названъ гудкомъ. 40. Главнокомандующій Москвы. 245.

Гурьевъ, графъ Дмитрій Александр. Министръ Финансовъ. Стихи на него. 144.

*

Давыдково, деревня 162. 163.

Давыдовъ, Денисъ Вас. Его стихи *Къ Бурцеву*. 208. Его элегіи. Тж. Его наружность. 209. Упоминается. 222.

Давыдовъ, Ив. Ив , академикъ. 157. 159. 169. 185.

Далматовъ, городъ. 158.

Дамскій журналъ. 96.

Данилова, П. А. Для нея Мерзляковъ написалъ *Маршрутъ въ Жодочи*. 163.

Да́шкова, княгиня Екат. Романов. Покровительствовала Богдановичу. 22. Ея комедія. 243.

Дашко́ва, урожден. Пашкова, К. А. 219.

Дашко́въ, Дм. Вас. Его литературные труды. 71—73. 80. 85. 117. 191. 212. Его полемика съ Шишковымъ. 80. 81. Его пріязнь съ В. Л. Пушкинымъ. 92. Присутствуетъ на литературн. вечерахъ Дмитріева. 123. Въ молодости имѣлъ вліяніе на своихъ товащей. 212. Его рѣчь въ Петербургскомъ Обществѣ любителей словесности. 213. 214. Его отношенія къ Дмитріеву. 213. 214. 220. Его служба въ д-тѣ юстиціи. 214 215. Его дѣятельность въ Константинополѣ во время возмущенія 215. Анекдотъ про него. 215. 216. Къ его біографіи. 216—218. Его объясненіе съ гр. Блудовымъ. 218. Довѣріе къ нему Николая Павловича. 218. 219. Презиралъ нѣкоторыя должности. 220. Его замѣчаніе о комитетѣ министровъ Тж. Его мысли объ открытомъ судопроизводствѣ. 221. Упоминается. 192. 209.

Де ла Портъ, аббатъ. 47.

Дельвигъ, баронъ Антонъ Антонов. 101. 201. 222.

Державина, урожден. Бастидонова, Екат. Яковлев., первая жена поэта. Названа *Плѣнирой*. 34. Уп. 38.

Державина, урожден. Дьякова, Дарья Алексѣев., вторая жена поэта. Названа *Миленой*. 34.

Державинъ, Гавр. Роман. Его стихотвореніе *Ключь*. 31. Его родство съ Капнистомъ. 34. Былъ женатъ два раза. Тж. Два стиха изъ его *Видѣнія Мурзы*. 35. Служилъ въ гвардіи солдатомъ. Тж. Его правдивость. 36. Назначенъ *докладчикомъ*. Тж. Его объясненіе съ Павломъ. 36. 37. Его обычное общество. 37. 38. Екатерина приказываетъ напечатать его сочиненія. 38. Его оды. 38—40. Два его стиха на Гудовича и Безбородку. 40. Эпистола къ И. И. Шувалову. Тж. Различныя изданія его сочиненій. 40. 41. Два его эпиграфа. 41. Объ порядкѣ изданія его сочиненій. 42. Державинская *Бесѣда*. 81. Дмитріевъ поправляетъ его стихи. 35. 117. 120. Его недоразумѣніе съ Каченовскимъ. 117. 118. Подноситъ Екатеринѣ стихи Дмитріева. 128. Ода *на смерть Державина*. 159. Упоминаніе о немъ. 24. 42. 121. 139. 156. 160. 199. 248. 249.

Дерптъ, гор. 190.

Дмитріева, урожден. Бекетова, Ек. Аѳанасьев. Свѣдѣнія о ней. 9—12. 18.

Дмитріева. См. **Карамзина.**

Дмитріевъ, Ал-дръ Ив. Его пріязнь съ Карамзинымъ 55. 56. Упом. 57.

Дмитріевъ, Ив. Гавр. Его разсказы. 6. 7. Его женитьба. 9. Нападенія разбойниковъ. 11. 12. Его служба въ гвардіи. 7. 14. 15. Его жизнь въ отставкѣ. 15. Его разговоры о временахъ Екатерины. 49. Упом. 17. 18. 53. 68.

Дмитріевъ, Ив. Ив. Его эпиграмы: 22. 123. 124. Его разсказы. 26. 27. 29. 30. 34. 35. 141. 142. Его надписи къ портретамъ: Хераскова. 31; Шаликова. 97. Его пріязнь: съ Карамзинымъ. 55; съ Измайловымъ. 101. Его стихи *Каррикатура.* 59. 124. 125. Письмо къ нему Жуковскаго. 61. 62. Его жизнь въ отставкѣ. 64. 148—150. 215. Благоволеніе къ нему Александра. 64. 65. 145. Его знакомство съ В. Л. Пушкинымъ. 91. Его нападки на Шаликова. 93. 98. Навѣщаетъ арестованнаго Глинку. 109. Что онъ сдѣлалъ для Русск. языка. 113. Его первые литературные опыты. 114. 115. Его анонимы. 115. Успѣхъ его басень и сказокъ. Тж. Какъ онъ встрѣтилъ первыя басни Крылова 116. 117. Критика на его сочиненія Каченовскаго. 267—279. Поправляетъ стихи Державина. 35. 117. 120. Его недоразумѣніе съ Каченовскимъ. 117. 118. Его сужденія: о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ. 118—121; о Ломоносовѣ. 120; о Петровѣ. 23. 120; о Херасковѣ. 120; о Мерзляковѣ. 124. Его отношенія: къ Хвостову. 121. 122; къ Дашкову. 213. 214. 220. Его литературные вечера. 123. Какъ относилось къ нему молодое поколѣніе писателей. 123. 149. 150. Объясненіе къ его сказкѣ *Причудница.* 125. 126. Его стихотворенія: *Отъѣздъ.* 127. *Гласъ патріота по взятіи Варшавы.* 128. Выдержки изъ разныхъ его стихотвореній. 23. 129—131. Роспись всѣхъ его изданій. 131. Къ біографіи его. 120. 132. Анекдотъ про него. 133. Арестованъ. 133—136. Назначенъ оберъ-прокуроромъ. 136. Отказался отъ предложеннаго ему званія Попечителя Московск. Университета. 137. Былъ Министромъ Юстиціи. 109. 115. 116. 132. 137. 140. 157. 158. 175. 211. 213. 214. Его доклады. 138—141. Два стиха на него. 144. Непріятности по службѣ. 145—147. Дѣло наслѣдниковъ Судіенка. 146. 147. Постоянное общество его. 150. Его кончина. 151. 152. Письма объ немъ Погодина. 153—157. Памятникъ ему и надпись. 157. 158. Обращаетъ вниманіе на Жуковскаго. 181. Печатаетъ *Пѣвца въ станѣ русск. воиновъ.* 190. 191. Его догадки о причинѣ помѣшательства Батюшкова. 197. Его сатира *Чужой Толкъ.* 210. Улучшаетъ канцелярскій слогъ. 214. 215. Его стихи противъ эпиграмы Шатрова. 227. Отношеніе къ нему гр. Ростопчина по дѣлу Верещагина. 238. 239. Упоминаніе о немъ. 5. 20. 21. 25. 31. 38. 46. 54. 57. 60. 68. 81. 97. 105. 121. 168. 176. 189. 201. 208. 217. 222. 226. 229. 243.

Дмитріевъ. Мих. Александров. Пожалованъ въ камеръ-юнкеры. 64. 65. Его знакомство съ кн. Шаликовымъ. 97. 98. Странный сонъ его. 151. 152. Письма къ нему:

Погодина 153—157; Мерзлякова. 163. 164. Его замѣчаніе о Погодинѣ. 152.

Дмитріевъ, Мих. Мих. 152. 154. 155.

Долгорукова, урожден. Смирнова, кн. Евг. Серг. 17.

Долгоруковъ, князь Ив. Мих. Его разсказы о Струйскомъ. 86. 87. Упом. 17.

Долгоруковъ, князь Яковъ Өедор. 219.

Другъ просвѣщенія, журналъ. 83.

Другъ юношества, журналъ. 93.

Дѣтское чтеніе, издавалось при Московск. Вѣдомостяхъ. 57. 58. 68.

*

Евгеній Болховитиновъ, преосв. 83.

Евгеній Булгаръ, преосв. Перевелъ Анакреона. 37.

Евгеній Іоанновичъ, епископъ Карловацкій. 73.

Екатерина Вторая. Ея разговоръ съ воеводой Бекетовымъ. 9. 10. Учреждаетъ Народныя Училища. 18. Докладъ Державина. 36. Приказываетъ напечатать сочиненія Державина. 38. Недовольна одой *Властителямъ и Судіямъ*. 40. Посвященный ей эпиграфъ изъ Тацита. 41. Замѣчаніе Карамзина о ея царствованіи. 56. Державинъ подноситъ ей стихотвореніе Дмитріева. 128. Ея милость къ Мерзлякову. 158. Упоминаніе о ней. 8. 15. 35. 42. 43. 66. 95. 107. 112. 124. 130. 150. 158. 232. 233. 235. 249.

Екатерина Павловна, велик. княгиня. Приглашаетъ Карамзина въ Тверь 62. По ея желанію написана *Записка о Россіи*. 63.

Елагинъ, Ив. Перф. 47.

Елисавета Петровна, императрица. Ея благосклонность къ Бекетову. 7. 8. Упом. 14.

Ельчаниновъ, чиновникъ. 141.

Ермоловъ, Алексѣй Петров. 249.

Еспиовъ, помѣщикъ. Упомянутъ въ стихахъ Мерзлякова. 163.

*

Жанлисъ. Успѣхъ ея романовъ въ Россіи. 47. 48.

Жихаревъ, Степ. Петров. Его Арзамасское прозвище. 82. Упоминается. 148. 153.

Жодочи, подмосковная Вельяминовыхъ-Зерновыхъ. 162. 163.

Жуковскій, Вас. Андр. Его письмо о Карамзинѣ. 61. 62. Его Арзамасское прозвище. 81. Посланіе къ нему В. Л. Пушкина. 92. Выходка противъ него Мерзлякова. 167. 168. 195. Объясненіе съ нимъ и мировая. 168. 169. Воспитывался въ Университетск. благородн. Пансіонѣ. 178-182. 184. Посѣщалъ Университетскія лекціи. 179. Его знакомство съ Дмитріевымъ. 181. Его *Сельское кладбище*. 182. 193. Его дружба съ Андр. Ив Тургеневымъ. 182. Его посланіе къ Ал-дру Ив. Тургеневу. 182. 183. Его жизнь у Прокоповича-Антонскаго. 183 184. Пансіонское преданіе объ его *Людмилѣ*. 184. Его переводы. 184. 186. Участвовалъ въ Вѣстникѣ Европы. 182. 185. 186. Его басни. 186. Къ біографіи его. 184. 186. 187. Кончина. 187. Его стихи *къ Филалету*. Тж. Его жизнь: въ Бѣлевѣ. 189;—въ Дерптѣ. 190. Посланія къ нему Батюшкова. Тж. О *Пѣвцѣ въ станѣ русск. воиновъ*. 190. 191. Его посланія къ им. Маріи Өеодоровнѣ. 191. 192;—къ Батюшкову. 191; —къ Вяземскому и В. Л. Пушкину. 192. Его послѣдній пріѣздъ въ Москву. 192. 193. Поднесен-

ный ему альбомъ. 193. Два стиха изъ *Свѣтланы*, 206. Его пріязнь съ Давыдовымъ. 209. Его замѣчаніе о Шатровѣ. 225. Упоминаніе о немъ. 30. 31. 78. 85. 88. 89. 113. 116. 121. 123. 149. 157. 170. 176. 183. 185—189. 194. 197. 200. 201. 203-205. 208. 225. 229: 261.

Журналъ для милыхъ. 78. 79.

*

Загоскинъ, Мих. Никол. Его предсѣдательство въ Обществѣ любителей Рос. словесности. 171.

Завадовскій, графъ Петръ Вас. 137.

Захаровъ, Иванъ Семенов. 71.

Знаменское. См. **Карамзинка.**

Зотовъ, графъ Никита Моисѣев. Воспитатель Петра I-го. 103.

Зубовъ, князь Платонъ Александр. 36.

*

Иванова, въ замуж. Глушковская, танцовщица. Ея наружность и пляска. 208. Элегіи къ ней Давыдова. Тж.

Ивановское, Чекалино тожь, деревня. 68.

Ивановъ, Ѳед. Ѳед. Его литературные вечера. 161.

Иванчинъ-Писаревъ, Николай Дмитр. 132. 150.

Ивашевка, деревня. 17. 124—127.

Ивашевъ, маіоръ. 125. 126. Анекдотъ объ немъ. 126. 127.

Измайловъ, Алекс. Еѳ. Издавалъ журналъ *Благонамѣренный*. 84. 85. 159. Его замѣчанія на басни Дмитріева. 116.

Измайловъ. Вл. Вас. Его литературные труды. 96. 100—102. Его библіотека 100. Перечень издаваемыхъ имъ журналовъ. 100. 190. Къ біографіи его. 101. Его отношенія къ Карамзину и Дмитріеву. Тж. Устроилъ пансіонъ. 102. Его цензорство. 102 108. Упомин. 222.

Ильинъ. Ник. Ив. Его сочиненія. 242. Изображенъ въ комедіи гр. Ростопчина. Тж.

Ипокрена, журналъ. 181.

*

Іоаннъ Антоновичъ, императоръ. Составленный для него гороскопъ. 6.

Іовскій, докторъ. 154. 155.

*

Калуга, городъ. Литературное общество. 172.

Кампіони, скульпторъ. 158.

Каницъ (фонъ), Юлій Ив. Директоръ Казанск. Гимназіи. 32.

Кантемиръ, князь Антіохъ Дм. 115.

Капнистъ, урожден. Дьякова Ал-дра Алексѣев., жена писателя. 34.

Капнистъ, Вас. Вас. Смирдинское изданіе его сочиненій. 23. Его родство съ Державинымъ. 34. Его первая ода. 42. Его комедія *Ябеда*. 42 — 44. 211. Упоминается. 37. 38.

Каподистрія, графъ. Министръ иностран. дѣлъ 215.

Карамзина, урожден. Дмитріева, Авдотья Гавр. Мачиха исторіографа. 65.

Карамзина, Екатер. Андр., вторая жена исторіографа. 59. 60. 63.

Карамзина, урожден. Пазухина, Екат. Петр. Мать исторіографа. 65. 66.

Карамзина, урожден. Протасова, Елисав. Ив., первая жена исторіографа. Ея кончина. 59.

Карамзина. См. **Философова.**

Карамзинъ, Ал-дръ Мих. братъ исторіографа. Его ссоры съ Костровымъ. 26. Упом. 65. 66.

Карамзинъ, Вас. Мих. 65.

Карамзинъ, Мих. Егор., отецъ исторіографа. Былъ женатъ два раза. 65. 66. Его родство съ Дмитріевымъ. 65.

Карамзинъ, Ник. Мих. Объявляетъ конкурсъ для составленія эпитафіи Богдановичу. 22. Смирдинское изданіе его сочиненій. 23. Его замѣчаніе о царствованіи Екатерины. 56. Его отношенія: къ Дмитріеву. 55. 56. 59;—къ Петрову. 57;—къ В. В. Измайлову. 101;—къ Жуковскому. 182. Кто издавалъ *Дѣтское чтеніе*. 58. 68. Его отношенія къ масонамъ. 58. 59. 67. Странный сонъ его. 59. Какъ относился онъ къ похвалѣ и къ критикѣ. 60. Его характеръ. 60. 61. Объяснялъ правила языка подобіями. 61. Его жизнь въ Москвѣ. 61. 62. Изображенъ въ стихахъ Жуковскаго. Тж. Его свиданіе съ имп. Александромъ въ Твери. 62. Его *Записка о Россіи*. 63. Охлажденіе къ нему имп. Александра. Тж. По какому случаю написана имъ записка *о Польшѣ*. 63. 64. Его бесѣды съ имп. Александромъ. 64. Переѣзжаетъ въ Петербургъ. 64. 149. Его жизнь въ Царскомъ Селѣ. 64. Свѣдѣнія объ его родныхъ. 65. 66. О мѣстѣ его рожденія. 66. Его служба въ гвардіи. 67. Его жизнь въ Симбирскѣ. Тж. Его первые литературные опыты. 67. 68. 114. Издаваемые имъ журналы. 29. 68. 82. 91. 102. 185. Его *Письма Русскаго путешественника*. 68. 96. 100. Его разсказъ *Фролъ Силинъ*. 68. 69. Успѣхъ его сочиненій. 70. Его почитатели и противники. 60. 70—72. 77. 92. 94. 100. 102. 226. Его слогъ. 55. 70. 77. 100. 184. 185. 226. 267. Его замѣчаніе о сотрудникахъ *Журнала для милыхъ*. 79. Насмѣшка надъ нимъ кн. Шаховскаго. 88. Его пріязнь съ В. Л. Пушкинымъ. 92. Защищаетъ Шаликова отъ нападокъ Дмитріева. 93. Его шутка съ Хвостовымъ. 122. Его объясненіе съ и. Александромъ. 145. Памятникъ ему. 62. 157. 158. Эпиграма на него. 227. Упоминаніе о немъ. 46. 47. 55. 78. 82. 105. 106. 113. 121. 152. 154—156. 181. 208. 222. 262.

Карамзинъ, Ѳед Мих. 65. 66.

Карамзинка, Знаменское тожь, деревня. Мѣсто рожденія Карамзина. 66.

Карлъ IV, король Испанскій. Разсказъ о немъ Балашова. 143.

Карновичъ. Стихи на него. 23.

Каченовскій, Мих. Трофимов. Издавалъ *Вѣстникъ Европы*. 101 116. 186. Его критика на сочиненія Дмитріева. 116. 117. 267—279. Его недоразумѣніе съ Державинымъ и Дмитріевымъ. 117. 118. Упомин. 169.

Кистринъ, крѣпость. 9.

Ключаревъ, Ѳед. Петров. Московск. почтъ-директоръ. 236. 237. Сосланъ. 239. Его сынъ. 236. 239.

Княжнинъ, Яковъ Борисов. Успѣхъ его трагедій въ Петербургѣ. 44. Крыловъ написалъ комедію на его семейство. 243.

Козельскій, Ѳедоръ. Авторъ трагедіи *Пантея*. 43.

Козлятьевъ, Ѳед. Ильичъ, генералъ-маіоръ. 135.

Козодавлевъ (О. П.). 154.

Кокошкинъ, Ѳед. Ѳед. Анекдоты объ немъ. 83. 84. 178. Въ его домѣ Мерзляковъ читалъ публичныя лекціи. 160. Перевелъ Мольерова *Мизантропа*. 161. 171. 174. Избранъ въ Предсѣдатели общества

любителей российск. слов. 171. Его страсть къ театру. 171. 175. 176. 178. Замѣчаніе о немъ Архарова. 175. Былъ хорошимъ чтецомъ. 176. Его споръ съ Писаревымъ. 176. 177. Его пріязнь съ Аксаковымъ. 177.

Компаровскій (?). 43.

Константинополь. Возмущеніе черни. 215.

Константинъ Павловичъ. вел. кн. 135. 177.

Костровъ. Ерм. Иванов. Перевелъ *Иліаду*. 24. 26. 28. 207. Его страсть къ напиткамъ. 25—27. Его наружность. 25. Его характеръ. 25. 26. Его жизнь у Шувалова. 26. Его статья: *Необыкновенное приключеніе* и проч. 28. Представляется къ Потемкину. 27. 153. Упомин. 28. 211.

Кострома. гор. 212.

Коцебу. Августъ. Успѣхъ его романовъ 47. 48. 184. Его театральныя піесы. 50. 51.

Кочубей. графъ Викт. Павл. Опекунъ малолѣтнихъ Судіенковъ. 146. 147.

Крафтъ. Георгій-Волфангъ, академикъ. Составлялъ гороскопъ для Іоанна Антоновича. 6.

Крыловъ. Ив. Андр. Его жизнь на дачѣ. 84. Его басни. 115—117. 168. 222. На кого написана имъ комедія *Проказники*. 243. Упоминаніе о немъ. 99. 207.

Крымза. рѣка. 128.

Кузнецовъ. книгопродавецъ. 153.

Кукольникъ. Нест. Вас. Его трагедія *Рука Всевышняго отечество спасла*. 111.

Курбатовъ. А. Д. Его двустишіе на Полевова. 111.

Кутузовъ (Голенищевъ), Пав. Ив. Издавалъ *Друга просвѣщенія*. 83. Насмѣшка надъ нимъ гр. Ростопчина. 239.

*

Лагарпъ. критикъ. Замѣчаніе Хераскова по прочтеніи его *Лицея*. 29. Упом. 270.

Лажечниковъ. Ив. Ив. Его романъ *Ледяной домъ*. 6.

Лафонтенъ. Августъ. Баснописецъ. 47. 268. 270. 272. 274. 276. 277 Замѣчаніе о немъ Мармонтеля. 273.

Лермонтовъ. Мих. Юр. Смирдинское изданіе его сочиненій. 23.

Лиговая. деревня. 162.

Литературный Музеумъ, альманахъ. 100.

Лихачевъ. Арестованъ. 134—136.

Ломоносовъ. Мих. Вас. Его ссоры съ Сумароковымъ. 6. Смирдинское изданіе его сочиненій. 23. Его первая ода. 32. Былъ уважаемъ: Дмитріевымъ. 120;—Батюшковымъ. 200. Упоминаніе о немъ. 18. 24. 47. 54. 55. 120. 121. 160. 226.

Лондонъ. 91.

Лопухинъ. князь Петръ Вас. Его замѣчаніе при сдачѣ Министерства Юстиціи. 217.

Лукинъ. Замѣчаніе Новикова объ его комедіи *Мотъ*. 243.

Львова-Синецкая. актрисса. Ея дебютъ. 175.

Львовъ. Ник. Александр. Его повѣсть *Добрыня*. 37. Его переводъ Анакреона. Тж. Его вліяніе на Хемницера. 38.

Львовъ. Ѳед. Петр. 37.

Людовикъ XIV. Его вѣкъ. 268.

*

Маздорфъ. баснописецъ. 84.

Майковъ. Вас. Ив. Его эпиграма. 24. Его шутливая поэма. 28.

Макаровъ, Мих. Ник. Издавалъ *Журналъ для милыхъ.* 79. Замѣчаніе Карамзина объ его сотрудникахъ. Тж. Упоминается. 80. 98. (154.) 172.

Макаровъ, Петръ Ив. Его рецензія противъ Шишкова. 77. Направленіе издаваемаго имъ журнала *Московскій Меркурій.* 78.

Малиновскій, Алексѣй Ѳед. Его разсказы о Петровѣ. 24. Его опера *Старинныя святки.* 51. Упом. 236.

Малячкино, чувашская деревня. 13.

Маринъ, Сергѣй Никиф. 177. 206.

Марія Ѳеодоровна, императрица. Поручила напечатать на свой счетъ *Пѣвца* Жуковскаго 190. 191. О посланіи къ ней Жуковскаго. 191. 192.

Мармонтель. Его замѣчаніе о Лафонтенѣ. 273.

Мартыновъ, И. И. Его переводъ Анакреона. 37.

Мартыновъ, издатель журнала *Сѣверный Вѣстникъ.* 79.

Марченко, статсъ-секретарь. 148.

Масоны. Тщеславились собратствомъ Карамзина. 58. Ложа *Нептунъ.* 239. Насмѣшка надъ ними гр. Ростопчина. Тж.

Мастини. рѣзчикъ. 258.

Матвѣевъ, Арт. Серг. 103.

Медоксъ, содержатель Московскаго театра. 51.

Мерзлякова, урожден. Смирнова, жена поэта. 161.

Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоров. Его разборы: *Россіады.* 33. 34. 161;— трагедій Сумарокова и Озерова. 161. 174. Его лекціи. 116. 159, 160. 174. Принялъ на свой счетъ эпиграму Дмитріева. 123. 124. Къ біографіи его. 158. 159. 161. 167. Его происхожденіе. 158. Милость къ нему Екатерины. Тж. Игралъ съ Воейковымъ на стихи. 161. 162. Его жизнь въ с. Жодочахъ. 162. Его *Маршрутъ въ Жодочи.* 162. 163. Его письмо къ М. А. Дмитріеву. 163. 164. По какому поводу написана имъ пѣсня *Среди долины ровныя.* 164. Его отношенія къ семейству Вельяминовыхъ-Зерновыхъ. 162. 164. 165. Его оды —165. 176. Переводы. 166. 167. Его выходка противъ Жуковскаго. 167—169. 195. Участвуетъ въ *Трудахъ общества любит. Русск. слов.* 173 Перечень его особыхъ изданій. Тж. Упоминается. 170. 203. 208.

Местръ, де-, графъ Іосифъ. Его замѣчаніе о Вольтерѣ. 50. Упом. 256.

Милоновъ, Мих. Вас. Его образъ жизни. 209. Характеръ его сатиръ. 210. Его служба. 211. 212. Анекдотъ про него. 211. Упом. 177. 205.

Мира, князь (Герцогъ Годой). 143.

Митусовъ, сенаторъ. 141.

Михайловка. См. **Преображенское.**

Молва, журналъ. 135.

Москва, городъ. Кремль. 24. 109. Литературное соперничество съ Петербургомъ. 44. Театръ. 51 57. 178. *Дома:* Кокошкина—на Вздвиженкѣ. 61; Селивановскаго—на Больш. Дмитровкѣ. 61. кн. Шаликова—на Прѣснѣ. 95; гр. Румянцова—на Моросейкѣ. 97; Апраксина—на Арбатѣ. 178; Пашкова—на Моховой. Тж.; Базилевскаго—на Тверской. 183; гр. Ростопчина—на Лубянкѣ. 237. 245. 246. Тверской бульваръ. 96. Цензурный Комитетъ. 102. 108. 109. Дѣятельность Глинки въ 1812-мъ году. 103. 104. 113. Сочувствіе къ нему Москвичей.

110. Прі́езды и. Александра. 104. 123. 170. Безпорядокъ въ театрѣ. 111. Пріѣздъ и. Николая. 112. Каррикатура. Тж. Донской монастырь. 157. Литературные вечера. 161. Засѣданія общества любит. Россійск. слов. 168. 170. Спектакли общества благородныхъ людей. 175. 176. Послѣдній пріѣздъ Жуковскаго. 192. 193. Литературная дѣятельность. 222. Прокламація Наполеона. 236. Умерщвленіе Верещагина. 237—239. Афишки гр. Ростопчина. 243. 244. Воздухоплавательный шаръ. 244. 245. Планъ Москвы. 245. О пожарѣ въ 1812-мъ году. 246. 247. Упомин. 19. 20. 61. 62. 64. 67. 79. 82. 89. 90. 95. 97. 99. 109. 123. 132. 143. 149. 151. 154. 162. 178. 189. 201. 208. 215. 229. 230. 241. 242. 245. 248. 249.

Москва, рѣка. 162.

Москвитянинъ, журналъ. 57. 61. 73. 81. 116.

Московскія Вѣдомости. 95. 98.

Московскій Журналъ. 68. 115. 262.

Московскій Зритель, журналъ. 96. 117. 222.

Московскій Меркурій, журналъ. 77. 78.

Мочаловъ, актеръ. 172. (176).

Муравьевъ, Мих. Никит. 136. 196. 197.

Муромъ, гор. 238.

*

Надеждинъ, Ник. Ив. Его знакомство съ Глинкой. 110. Упом. 135.

Наполеонъ. Его прокламація къ Русскому народу. 236. Упоминается. 91. 98. 103. 104. 143. 238. 240. 243. 244.

Нарышкина, Марья Ант. 141.

Нарышкинъ, Дм. Львов. 141.

Наталья Кириловна, царица. 103.

Невзоровъ, Макс. Ив. Издатель журнала *Другъ юношества*. 93.

Невоструевъ, Капитонъ Ив., профессоръ. 10.

Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александр. 46.

Нессельроде, графъ Карлъ Вас. 65.

Нечаевъ, сенаторъ. 156.

Нижній Новгородъ. 238.

Николай Павловичъ, императоръ. Ему нравилась трагедія: *Рука Всевышняго отечество спасла*. III. Его пріѣздъ въ Москву. 112. На вечерѣ у кн. С. М. Голицына. Тж. Его довѣріе къ Дашкову. 218. 219. Его мнѣніе объ адвокатурѣ. 221. Ему представлены Записки гр. Ростопчина. 249. Упоминаніе о немъ. 173. 178. 220. 238.

Николевъ, Н. П. Какъ называлъ его Павелъ І-й. 44. Его *Сорена*. Тж. Упомин. 43.

Новиковъ, Н. И. Его литературные вечера. 31. Участвовалъ въ изданіи *Дѣтскаго чтенія*. 57. Достоинство его изданій. 58. Его замѣчаніе о комедіи *Мотъ*. 243. Упомин. 18. 47. 52. 55. 153.

Новосильцевъ, Ив. Николаев. 251.

Новости литературы, издавались при Русск. Инвалидѣ. 205.

*

Обрѣзковъ, Вас. Александр. Его показаніе объ умерщвленіи Верещагина. 238.

Обрѣзковъ, Ник. Вас. Московск. Губернаторъ. 44. Письма къ нему и. Александра. 245.

Общество любителей Россійск. словесности. Собранія пріуготовительнаго комитета. 167. 168. Предсѣдатели общества: Прокоповичь-Антонскій. 167—171; — Кокошкинъ. 171. 172; — Загоскинъ.

171;—Писаревъ. 172. Публичныя засѣданія. 167—172. Экстраординарныя засѣданія. 171. Изданія общества. 170. 173. Сочленство Пушкина. 170. Хозяйственная часть общества. 171. 172. Выборы въ члены. Тж. Послѣдній годъ существованія общества. Тж. Упомин. 201. 227.

Одоевскій, князь Владим. Ѳедоров. Его отношенія къ Дмитріеву. 123.

Озеровъ, Владисл. Александр. 174.

Озеровъ, сенаторъ. 156.

Оленинъ, Алексѣй Ник. Свѣдѣнія о немъ. 37. Его вліяніе на Хемницера. 38. Рисовалъ виньетки ко второму изданію *Пѣвца въ станѣ русск. воиновъ.* 191. Его литературный кружокъ. 207.

Орловъ, графъ Григ. Владим. Его разсказъ о Балашовѣ. 142. 143.

Орловы. 7.

Отечественныя Записки, журналъ. 120. 121.

Отрада, имѣніе Бекетова. 8.

Очаково, имѣніе Хераскова. 162.

Очаковъ. Взятіе его. 95.

*

Павелъ Первый. Его кормилица. 34. Его гнѣвъ на Державина. 36. 37. Намекъ на него въ одѣ Державина. 40. Ему посвящена комедія *Ябеда.* 43. Какъ онъ называлъ Николева. 44. Его рескриптъ Платону. 114. Восхищается игрушками гр. Ростопчина. 232. Кого и какъ онъ жаловалъ Анненскимъ орденомъ. 232. 233. Стихи на восшествіе его на престолъ. 130. Арестъ Дмитріева и Лихачева. 133—136. Ода *на разрушеніе Вавилона.* 166. Его благосклонность къ гр Ростопчину. 230. 235. 236. Прогулка съ нимъ *инкогнито.* 234. Анекдотъ объ отставномъ маіорѣ. 234. 235. Упомин. 249.

Павловъ, Мих. Григ., профессоръ 155. 156.

Памятникъ отечественныхъ Музъ, альманахъ. 101.

Панинъ, графъ Никита Ив. Рескриптъ объ немъ вел. кн. Павла Петровича. 114.

Парижъ. Пренія о цензурѣ. 108 Смотръ войскамъ. 142. Упомин. 50. 91. 114. 247. 248.

Патрикѣева, Аграѳ. Семен. 124 125.

Патрикѣевъ, Вас. Прох. 125

Патрикѣевъ, Прох. Николаев., вахмистръ. Свѣдѣнія о немъ. 124. 125.

Патріотъ, журналъ. 100. 101.

Пермское Народное училище. Здѣсь обучался Мерзляковъ. 158.

Петербургъ. Ледяной домъ. 6. Кадетскій Корпусъ. 7. 19. 102. Литературное соперничество съ Москвой. 44. Театръ 44. 111. Типографія Морскаго Корпуса. 49. Арзамасское общество. 81. 82. Петропавловская крѣпость. 109. Петербургское общество словесности, наукъ и художествъ (общество соревнователей). 120. 213. 214. Зимній дворецъ. 134. Петербургскіе литераторы. 222. Газеты. 249. Іезуиты. 250. Высшее училище законовѣдѣнія. Тж. Упомин. 6. 7. 9. 23. 35. 61. 67. 82. 83. 111. 112. 122. 127. 128. 137. 145. 154 189. 197. 207. 232. 235. 251.

Петергофъ. 35.

Петровъ, Ал-дръ Андр. Свѣдѣнія о немъ. 57. Издавалъ *Дѣтское чтеніе* 57. 58. Принадлежалъ къ обществу Новикова. 67. Упомин. 154.

Петровъ, Вас. Петров. Его оды и

посланія 23. 120. Его переводъ *Энеиды*. 24. Эпиграма на него. Тж. Его дружба съ Потемкинымъ. Тж. Его посланія къ Потемкину. 24. 25.

Петръ Великій. 103, 121. 219.

Петръ Третій. Его камердинеръ. 34. Учредилъ въ Россіи Анненскій орденъ. 232. Упомин. 124.

Писаревъ, Ал-дръ Александров. Перечень изданныхъ имъ книгъ. 172. Устроилъ въ Калугѣ литературное общество. Тж.

Писаревъ, Ал-дръ Ив. Его замѣчаніе о Кокошкинѣ. 176. Его споръ съ нимъ. 176. 177. Упомин. (156). 171.

Плавильщиковъ. Его библіотека. 83.

Плаксинъ. Выдержки изъ его книги: *Краткій курсъ Словесности*. 71. 72. Упомин. 81. 117.

Плиній мл. Эпиграфъ изъ него. 41.

Платовъ, М. И. Донской атаманъ. Упомянутъ въ *Пѣвцѣ* Жуковскаго. 199.

Платонъ, еп. Московскій, (впослѣдствіи митрополитъ). Рескриптъ къ нему вел. кн. Павла Петровича. 114.

Погодинъ, Мих. Петр. Замѣчаніе о немъ, 152. Его письма о Дмитріевѣ. 153—157.

Покорскій-Журавка, помѣщикъ. Его дѣло съ наслѣдниками Судіенки. 146. 147.

Полевой, Николай Алексѣев. Издавалъ *Телеграфъ*. 111. 195. Двустишіе на него. 111. Избранъ въ члены Общества любит. Россійск. словесности. Упомин. 55. 108. 109. 188.

Полевой, Серг. Ник. Его рожденіе. 108. 109.

Политковскій. Одинъ изъ литературныхъ противниковъ Карамзина. 71.

Польша. Бесѣда объ ней и. Александра съ Карамзинымъ. 64. *Записка о Польшѣ*. 63. 64.

Поповскій, Никол Никит., профессоръ. 200.

Поповъ, Вас. Степ. Правитель канцеляріи Потемкина. 36.

Поповъ, Ив. Вас. книгопродавецъ. 101.

Потемкина, графиня (Елисав. Петр., урожденная кн. Трубецкая). Ея разговоръ съ и. Николаемъ Павловичемъ. 112.

Потемкинъ, графъ (Серг. Павл). Арестованъ. 111. 112.

Потемкинъ, князь Григ. Алекс. Его дружба съ Петровымъ. 24. Посланія къ нему Петрова. 24. 25. Пожелалъ увидѣть Кострова. 27. Бесѣдовалъ съ Костровымъ о Гомерѣ. 153. Упомин. 36. 50. 95.

Преображенское, Михайловка тожъ, деревня. 66.

Пріятное и полезное препровожденіе времени, журналъ. 181.

Прокоповичъ-Антонскій, Ант. Антонов. Начальникъ Университетск. благородн пансіона. 55. 179. 181, 183. Председатель Общества любит. Россійск. словесности. 167—170. Его статья *о воспитаніи*. 170.

Протасова, Анна Степ. фрейлина Екатерины II-й. 233.

Протасовъ, Ал-дръ Павл. Его разговоръ съ гр. Ростопчинымъ. 230. 231. Свѣдѣнія о немъ. 250—260.

Пушкинъ, Ал-дръ Серг. Его родство съ В. Л. Пушкинымъ. 90. 91. Его отношенія къ Дмитріеву. 123. Избранъ въ члены Общества любит. Россійск. словесности. 170. Его стихи на журналъ *Благонамѣренный*. 262. Упоминаніе о

немъ. 6. 54. 93. 101. 113. 169. 176. 188. 192. 195. 201. 222.

Пушкинъ, Вас. Львов. Читаетъ Хераскову свои bouts rimés. 30. 31. 91. Его Арзамасскія прозвища. 82. 90. Какъ принимали его въ члены Арзамасскаго общества. 88. 89. Его родство съ А. С. Пушкинымъ. 90. 91. Его сочиненія. 90. 91. 93. 192. Его посланіе къ Жуковскому. 92. Названъ *Другомъ юношества и всякихъ лѣтъ*. 93. Осмѣянъ Милоновымъ 210. Упом. 170.

*

Радклифъ. Успѣхъ ея романовъ и мнѣніе объ нихъ Вальтеръ-Скотта. 47. 48. Упомин. 206.

Разумовскій, графъ Алексѣй Кирилов. Назначенъ Попечителемъ Московск. Университета. 137.

Раичъ, С. Е. 123.

Расинъ, французск. трагикъ. 176. 177. 269.

Рижскій журналъ. 32.

Римъ, городъ. 143.

Родзянка, Аркадій Гавр. Его ода *на смерть Державина*. 159.

Розенкампфъ, предсѣдатель комиссіи составленія законовъ. 250.

Россійскій Музеумъ, журналъ. 100. 101. 190. 222.

Ростопчина, урожден. Протасова, графиня Екат. Петр. 230. 233. 250.

Ростопчинъ, Вас. Θед. 231.

Ростопчинъ, графъ Θед. Вас. Его разсказъ объ Державинѣ. 36. 37. Его объясненіе съ кн. Шаликовымъ. 99. Замѣчаніе объ его разговорахъ. 229. Благосклонность къ нему Павла Петровича. 230. 235. 236. Его разговоръ съ Протасовымъ. 230. 231. Его разсказъ объ томъ, какъ онъ вышелъ въ люди. 331. 232. Какъ онъ былъ пожалованъ Анненскимъ орденомъ. 233. Анекдотъ объ отставномъ маіорѣ. 234. О Верещагинѣ. 236—239. Не любилъ масоновъ. 239. Его сочиненіе *Плугъ и соха*. 239. 240. Его образованность. 240. Успѣхъ его брошюры *Мысли вслухъ*. 240. 241. Его комедія. 242. 243. Его афишки. 243. 244. Приписываемая ему книга. 245. Его веселость. 246. Его каламбуръ на счетъ гр. Тормасова и отвѣтъ послѣдняго. Тж. О московскомъ пожарѣ. 246. 247. Надписи къ его портрету. 247. 248. Его жизнь въ Парижѣ. 248. Его кончина. 249. Оставилъ послѣ себя Записки. Тж. Упомин. 97. 104. 250.

Румянцевъ, графъ Серг. Петр. 97.

Русскій Инвалидъ. 205.

Руссо, Ж. Ж. Его *письма о Ботаникѣ*. 100. 102. *Эмиль*. 100. 101.

*

Салаевъ, книгопродавецъ, 163. 164.

Саларевъ, Серг. Гавр. 159.

Салтыковъ, графъ Григ. Серг. Участвовалъ въ изданіи *Друга Просвѣщенія*. 83. (Его *Путешествіе въ Сарепту*, 100. 101).

Салтыковъ, графъ Ник. Ив. Его вліяніе на дѣла, во время отъѣздовъ и. Александра. 146. Дѣло наслѣдниковъ Судіенки. 146. 147.

Санґленъ, (де-) Яковъ Ив. Его вечерніе доклады и. Александру. 142.

Сарепта, колонія. Когда основана. 8. *Путешествіе въ Сарепту*, Салтыкова. 100. 101.

Свербеевъ, Дм. Ник. 238. 244. 245.

Свѣчинъ. 233. 234.

Сегюръ, графъ. Его *Историческая и Политическая картина Европы*. 102.

Семенова, актрисса. Ея отношенія къ Гнѣдичу. 207.
Сибилевъ. Свѣдѣнія о немъ. 111. 112.
Силинъ, Фролъ, крестьянинъ. Свѣдѣнія о немъ. 68—70.
Симбирскъ, городъ. Памятникъ Карамзину. 62. 63. Пріѣздъ Екатерины. 66. Жизнь Карамзина въ Симбирскѣ 67. Ополченіе 1812 года. 105. Упомин. 151. 243.
Смирдинъ, Ал-дръ Ѳед., книгопродавецъ-издатель. Неудовлетворительность его изданій. 23. 41. 43. 185. 200. 201. Упомин. 116. 198. 239. 241. 242.
Смирновъ, И. В. Участвовалъ въ изданіи *Журнала для милыхъ*. 79.
Смирновъ, С. П. 16!.
Снегиревъ, Ив. Мих. 103.
Собесѣдникъ, журналъ. 43. 82.
Современный Наблюдатель, журналъ. 33.
Солнцевъ, М. М. Его отношенія къ Дмитріеву, 150.
Сперанскій, Мих. Мих. Его послѣдній докладъ. 141. Сосланъ. Тж. Причина его ссылки. 142. Сатира на него. 202. Упомин.137.
Станевичъ. Одинъ изъ литературныхъ противниковъ Карамзина. 71.
Стопановскій, Ѳ. С. Лекторъ Латинск. языка. 179.
Строгановъ, баронъ Григ. Александров. Посланникъ въ Константинополѣ. 215.
Строгановъ, графъ Серг. Григ. 156. 157.
Строевъ, Пав. Мих. Его нападки на Хераскова. 33.
Струйскій, Ник. Ерем. Свѣдѣнія о немъ. 85—88.
Струйскій, Юрій Ник. 87.
Ступинъ, живописецъ. 81.
Стурдза, Ал-дръ Скарлат. 73. 81.
Суворовъ, Ал-дръ Вас. 82.
Судіенка, тайн. совѣтникъ. 146. 147.
Сумароковъ, Ал-дръ Петр. Его ссоры съ Ломоносовымъ. 6. Нѣкоторыя черты его характера. 6. 7. 19. 20. Его *Семира*. 7. Примѣръ его остротъ. Тж. Обучался въ Кадетск. Корпусѣ. 19. Выписка изъ его біографіи. 19. 20. Его жизнь въ Москвѣ. 20. 21. Упомин. 15. 16. 18. 47. 55. 85. 161.
Сушковъ, Ник. Вас 179.
Сызранъ, гор. 12. 49. 59. 127. 128.
Сынъ Отечества, журналъ. 202. 205. 262.
Сѣверинъ, Дм. Петров. 122.
Сѣверные цвѣты, альманахъ. 222.
Сѣтунка, рѣка. 162.

*

Талызино, село гр. Хвостова. 122.
Тальма, актеръ. 92.
Тамара, сенаторъ. 256.
Тассъ, италіанск. поэтъ. 196.
Тацитъ. Эпиграфъ изъ него. 41.
Тверь, гор. Пріѣздъ и. Александра. 62.
Телеграфъ, журналъ. 55. 111. 195.
Теплова. Ея элегія. 109.
Тончи, живописецъ. 120. Писалъ портретъ Державина. 248. Странный случай съ нимъ. 249.
Тормасовъ, графъ Ал-дръ Петр. Его отвѣтъ на каламбуръ гр. Ростопчина. 246.
Тредьяковскій, Вас. Кир. какъ онъ подносилъ свои оды и. Аннѣ Іоанновнѣ. 5. 6. Пять удачныхъ стиховъ его. 45. Упомин. 21. 24. 199. 204.
Трубеска, княжна Елисавета, Кроатка. Ея участіе въ *Журналѣ для милыхъ*. 79. Ея отъѣздъ въ Богемію. 80.

Труды общества любителей Россійской словесности. 169. 170. 173. 174. 205. 228.

Тургеневъ, Ал-дръ Ив. Его Арзамасское прозвище. 81. 82. Посланіе къ нему Жуковскаго. 182. 183. Напечаталъ *Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ.* 190. Участвовалъ въ изданіи *Собранія Образцовыхъ сочиненій.* 205. Упом. 67. 85.

Тургеневъ, Андрей Ив. Другъ Жуковскаго. 182. Его *элегія.* 183.

Тургеневъ, Ив. Петров. Совѣтуетъ Карамзину оставить Симбирскъ. 67. Упомянутъ въ посланіи Жуковскаго. 183.

Турнефоръ, ботаникъ. 100.

*

Уваровъ, графъ Сергѣй Семенов. Его Арзамасское прозвище. 82. Въ его домѣ были засѣданія Арзамасскаго Общества. 88. Его совѣтъ Гнѣдичу. 207.

Университетскій Благородный Пансіонъ. Его значеніе. 78. Лекціи Мерзлякова. 159. Жуковскій — воспитанникъ Пансіона 178—182. 184. Актъ 1811 года. 178. Обращалось особенное вниманіе на литературное образованіе воспитанниковъ 179—181. Начальникъ Пансіона Прокоповичъ-Антонскій. 179. 181. Нравственность воспитанниковъ. 180. Пансіонское общество словесности. 180. 181. Дмитріевъ присутствуетъ на Пансіонскомъ актѣ. 181. Помѣщеніе Пансіона. 183. Пансіонское преданіе о *Людмилѣ* Жуковскаго. 184. Упом. 18. 55. 209. 211. 236.

Университетъ Дерптскій. Профессоръ Воейковъ. 190. Праздникъ студентовъ, Тж.

Университетъ Московскій. Попечитель гр. А. К. Разумовскій. 137. Лекціи Мерзлякова. 159. 160. Попечитель Писаревъ. 172. Ректоръ Геймъ. 179. Упом. 78. 136. 158. 178. 207.

Утренняя Заря, журналъ. 181. 182.

Ученыя Вѣдомости, еженедѣльникъ. 115.

*

Филаретъ, митрополитъ Московскій. Отпѣвалъ Дмитріева. 156.

Филатовъ, Степ. Ѳедулов., флотскій капитанъ. Его подпись стихами. 105.

Филиппъ Ильичъ, плѣнный Башкирецъ. 15.

Философова, рожден. Карамзина, Марфа Мих. 66.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Иванов. Его посланіе *къ слугамъ. Бригадиръ.* 50.

Фрезиновскій, переводчикъ Исіода. 43.

Фролъ Силинъ. См. **Силинъ.**

*

Ханджери, князь. Грекъ. 215.

Хвостова, графиня Марья Ив., рожд. княжна Горчакова. Жена писателя. 82.

Хвостовъ, гр. Дм. И. Три удачные стиха его. 45. Насмѣшка надъ нимъ Воейкова. Тж. Его участіе въ *Собесѣдникѣ* и *Аонидахъ.* 82. Какъ онъ получилъ графство. Тж. Выдержки изъ его *притчей.* 82. 83. Анекдоты о немъ. 83. 84. 122. Шутки надъ нимъ Дмитріева и Карамзина. 122. Эпиграма на него Дмитріева. 123. 124. Пародія на него Батюшкова. 199. 200. Избранъ въ почетн. члены Петербургскаго общества любителей словесности. 213. Рѣчь

Дашкова. 213. 214. Упом. 21. 43. 87. 164.
Хемницеръ, Ив. Иванов. Кто имѣлъ на него вліяніе. 38. Его басни. 49. 115. 116.
Хераскова, Елисав. Вас., жена писателя. Писала стихи. 29. Анекдотъ о *Бахаріанѣ*. 30.
Херасковъ, Михаилъ Матвѣев. Пользовался большимъ уваженіемъ. 28. 30. 31. Характеристика его творчества. 28. 29. Его замѣчаніе по прочтеніи Лагарпова Лицея. 29. Странный случай съ нимъ въ дѣтствѣ. Тж. Его поэмы. 28—32. Анекдотъ о Бахаріанѣ. 30. Его литературные вечера Тж. В. Л. Пушкинъ читаетъ ему свои bouts rimés. 30. 31. 91. Его деревня *Очаково*. Тж. Разборъ его *Россіады*. 31—33. 161. Нападки на него Строева. 33. Упом. 47. 120. 162.

*

Царицынъ, городъ. 8.
Царское Село, любимая лѣтняя резиденція имп. Александра. 64.
Цыгане. 29.

*

Чекалино. См. **Ивановское**.
Чернышовъ, графъ Зах. Григор. Взятъ въ плѣнъ. 8. 9. Упомянутъ въ народной пѣснѣ. 9.
Чтенія Бесѣды любителей Россійскаго слова. 88.
Чулковъ, Мих. Дм. Его *Пѣсенникъ*. 9. Его шуточная поэма *Плачевное паденіе стихотворцевъ*. 28.

*

Шаликовъ, князь Иванъ, отецъ писателя. Свѣдѣнія о немъ. 95.
Шаликовъ, князь Петръ Ив. Намекъ на него въ *Новомъ Стернѣ*. 88.— Шутка надъ нимъ Карамзина. 93. Къ его біографіи 93—98. Стихи на него кн. Вяземскаго, 94. 95. Его жизнь въ Москвѣ. 95. 96. Написалъ *Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ*. 95. Издавалъ *Московскія Вѣдомости*. 95. 98. Шарада-акростихъ. 96. Изображенъ въ стихахъ Воейкова *Домъ сумашедшихъ*. 97. Надпись Дмитріева къ его портрету. Тж. Его литературная извѣстность. 98. Анекдотъ о немъ. 99. Его объясненіе съ гр. Ростопчинымъ. Тж. Упом. 109. 157.
Шатобріанъ. Переводы изъ него. 96. 102.
Шатровъ, Н. М. Замѣчаніе о немъ Жуковскаго. 226. Онъ былъ противникомъ Карамзина. 226. Его эпиграма. 227. Его *Подражаніе Псалму 32-му*. 227—229. Достоинство его Псалмовъ. 229.
Шаховской, кн. Ал-дръ Александр. Его комедіи: *Новый Стернъ*. 88. 243.—*Липецкія воды*. 88. 89. 243 —*Расхищенныя шубы*. 88. 89. Эпиграмы на него. 88. 243.
Шварцъ, масонъ. 58.
Шевыревъ, Степ. Петров. Его *Поѣздка въ Бѣлозерскій монастырь*. 196. Упом. 153. 156. 157.
Шихматовъ, князь Сергѣй Александр. (въ иночествѣ Аникита). Его *Пѣснь Сотворившему вся*. 222. —224. *Ночныя размышленія*. 225. Перечень другихъ его сочиненій. Тж. Уп. 226.
Шишковъ, Ал-дръ Семенов. Его *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*. 60. 70. 76 77. Его филологическія познанія. 71—73. 75. 76. *О краснорѣчіи Св. Писанія*. 71. 74. *Разговоры о словесности*. 75. Къ біографіи его. Тж. Его

полемика съ Дашко́вымъ. 80. 81. Упомянутъ въ посланіи В. Л. Пушкина. 92. Два стиха на него. 145. Упом. 79. 212. 224. 240. 241. 267.

Шлецеръ, Августъ-Людвигъ. Первый объяснилъ наши лѣтописи. 32.

Шмидтъ. Изготовлялъ въ Москвѣ воздухо-плавательный шаръ. 244. 245.

Шнаубертъ, докторъ. 154.

Шноръ, типографщикъ. 41.

Шольцъ, Положилъ на музыку прологъ М. А. Дмитріева. 178.

Штелинъ, Яковъ. Разсматривалъ первую оду Ломоносова. 32.

Штеръ, сенаторъ. Воронежскій губернаторъ. 140.

Шуваловъ, Ив. Ив. У него проживалъ Костровъ. 26. *Эпистола* къ нему Державина. 40.

Щепкинъ, актеръ. 175.

*

Эверсъ, Густавъ. Посланіе къ нему Жуковскаго. 190.

*

Юсуповъ, князь Ник. Борис. 112.

*

Языковъ, Д. Н. Перевелъ Шлецера 32.

Языковъ, Ник. Мих. 29. 30.

Яковлевъ, сенаторъ. 156.

*

Ѳадька, дворовый человѣкъ-грамотѣй. 17.

Ѳедоровъ, Б. М. издатель альманаха *Памятникъ отечественныхъ Музъ*. 100. 101.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строка	напечатано	слѣдуетъ
40	сверху 17	Палва	Павла
43	7	Капста	Капниста
—	25	П. М. Бакунинъ	П. В. Бакунинъ
53	23	равнодушно	радушно
66	10	двугими	другими
80	8	но писалъ	не писалъ
90	12	прежне	прежнее
103	26	Іонновича	Іоанновича
111	16	Половой	Полевой
128	24	скавывалъ	сказывалъ
182	1	затѣчанія	замѣчанія
—	4	*кладбпще*	*кладбище*

Это сочиненіе покойнаго Михаила Александровича Дмитріева появилось первоначально въ „Москвитянинѣ“ 1853 и 1854 годовъ, и вслѣдъ за тѣмъ вышло отдѣльною книгою. Позднѣе авторъ значительно дополнилъ его, имѣя намѣреніе издать въ свѣтъ вторично. Настоящее изданіе сдѣлано съ подлинной его рукописи, точно въ томъ видѣ какъ она была приготовлена авторомъ къ печати. *П. Б.*

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Пересылка за три фунта, по разстояніямъ.

